

Казанский (Приволжский) федеральный университет
Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ

А.В. Попов
Л.Л. Петрова
Г.О. Иванова
И.Н. Шургин

ТРОИЦКАЯ ЦЕРКОВЬ:

ИСТОРИЯ

ИССЛЕДОВАНИЯ

РЕСТАВРАЦИЯ

Казань
2018

От редакции

УДК [726:719](470.41-21Свияжск)(091)

ББК 85.113(2=411.2)

Т70

Рекомендовано к печати Ученым советом Института международных отношений К(П)ФУ,
Ученым советом Института археологии им. А.Х. Халикова АН РТ

Авторы: **А.В. Попов, А.А. Петрова, Г.О. Иванова, И.Н. Шургин**

Ответственный редактор:

А.И.Н., член-корр. АН РТ А.Г. Ситдиков

Редколлегия:

**А. И. Н. Р.М. Валеев, Т.П. Ларионова, С.Г. Персова, к. и. н. Р.Р. Хайрутдинов,
Ю.А. Егорушкин, И.Р. Кузьмина, Ф.М. Забирова**

Рецензенты:

А. арх. н. Х.Г. Надырова

А. И. Н. Ю.А. Зеленева

Попов А.В., Петрова А.А., Иванова Г.О., Шургин И.Н.

Т70 Троицкая церковь: История. Исследование. Реставрация / отв. ред. А.Г. Ситдиков. –

Казань: ООО «Главдизайн», 2018. – 252 с.

ISBN 978_5_9500679_4_5

В исследовании представлены материалы изучения средневековой деревянной Троицкой церкви Свияжска. В работе обобщены результаты предшествующих исследований и научно-реставрационных работ, изложены обширные данные новейшего архитектурного, инженерно-конструктивного и историко-культурного анализа одного из самых древних памятников деревянного зодчества Поволжья.

Издание рассчитано на специалистов в области реставрации, архитектуры, истории, а также на широкий круг исследователей, интересующихся прошлым России.

УДК [726:719](470.41-21Свияжск)(091)

ББК 85.113(2=411.2)

ISBN 978_5_9500679_4_5

© Авторский коллектив, 2018

© Казанский (Приволжский) федеральный университет, 2018

© Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ, 2018

© Оформление ООО «Главдизайн», 2018

© ООО «Мастер-Граф», 2018

Архитектурные памятники Свияжска, являющиеся определяющими атрибутами объекта Всемирного культурного и природного наследия ЮНЕСКО – Успенского собора и монастыря, обладают огромным, признанным мировым сообществом историческим, эстетическим и познавательным потенциалом. Несмотря на длительную историю изучения этого яркого исторического памятника, имеется много белых пятен в прошлом как самого города, так и отдельных исторических объектов на его территории.

К числу объектов, овеянных легендами и имеющих важное общероссийское и мировое историческое значение на территории Свияжска, бесспорно, относится деревянная Троицкая церковь. Она стала одним из неотъемлемых исторических образов, олицетворяющих в сознании многих людей восприятие Свияжска. Научный интерес к изучению этого памятника на каждом этапе исследовательских работ позволял делать шаги по его осмыслению. Поиски утраченных страниц из прошлого Троицкой церкви привели к появлению большого количества научных трудов, посвященных разным аспектам его длительной истории.

Интересна история начала нового этапа исследований Троицкой церкви. В 2014 г. нами была выдвинута идея проведения крупной конференции, посвященной историко-культурному и духовному наследию Свияжска, на которой предполагалось рассмотреть основные подходы к определению характерных черт выдающейся универсальной ценности острова-града Свияжска и расположенных в его пределах отдельных объектов культурного наследия, обладающих аутентичностью, целостностью и другими атрибутами, отвечающими требованиям Конвенции ЮНЕСКО «Об охране Всемирного культурного и природного наследия». Это была одна из первых конференций, семинаров и круглых столов, посвященных данной тематике.

При определении участников и научных тем докладов было очень важным выделить из всего многообразия культурного наследия Свияжска те объекты, которые могут претендовать на мировую значимость. И среди этих тем была проблема исследования историко-культурного генезиса Троицкой церкви. Обсуждение докладов показало существование множества белых пятен в истории Троицкой церкви. Появившиеся вопросы выходили далеко за рамки изучения деревянного зодчества Татарстана и Российской Федерации, они потребовали исследования роли, места и уникальности Троицкой церкви в мировом культурном пространстве. Встала насущная задача осуществления комплексных междисциплинарных исследований.

Данное издание представляет собой оригинальный авторский исследовательский подход в попытке раскрыть неизвестные страницы историко-архитектурного генезиса Троицкой церкви в Свияжске. Кажущаяся изначальная определенность выбранного направления изучения в рамках архитектурно-строительной истории не ограничивается только этим вопросом. Полученные выводы данного исследования выходят за рамки простого историко-архитектурного анализа объекта реставрации. Результаты проведенных изысканий ставят новые задачи и расширяют наше понимание об этом памятнике в широком историко-культурном контексте, затрагивая проблемы истоков строительных традиций, времени возведения, современного состояния данного объекта. Авторы работы ставят перед собой и более существенные вопросы о культурном и цивилизационном значении Троицкой церкви не только на общероссийском, но и на мировом уровне.

Уникальность цивилизационного пространства России, заключенная в ее исключительном географическом положении, многонациональности состава населения и оригинальности традиций ее народов, характеризуется особыми неповторимыми оттенками культуры и духовности. Этим она обязана своему расположению на просторах Европы и Азии, на перекрестке влияний Запада и Востока. В истории российской культуры существует несколько регионов с постоянным, глубоким и многообразным взаимодействием народов и традиций. Одной из таких территорий является Поволжье, которое на протяжении столетий соединяет в крепкий узел контактные зоны пересечения многих цивилизаций.

Основание Свияжска (Иван-города) в 1551 г. царем Иваном IV (Грозным) в качестве отправного пункта для завоевания Казанского ханства связано с масштабными историческими событиями в истории российской государственности середины XVI в. Свияжская крепость площадью около 60 га по размерам превосходила аналогичные сооружения Новгорода, Пскова и даже Московского Кремля того времени. Нахождение города на Волжском пути усиливало его роль в качестве крупного культурного, экономического, миссионерского и административного центра региона.

Свияжск и связанные с его ранней историей памятники архитектуры являются свидетельствами развития поселения в качестве форпоста для реализации амбициозной программы по завоеванию новых территорий и присоединению других государств, инициированной московскими правящими кругами в середине XVI в. Свияжск во второй половине XVI в. стал наравне с Казанью активным центром христианского миссионерства

в регионе с исламской и языческой культурой. Синтез культур, различных архитектурно-художественных направлений, взаимовлияние ценностей создали неповторимый образ.

Особый статус региона в мировом и российском культурном пространстве, его этническое и конфессиональное разнообразие, а также наличие трех объектов всемирного наследия ЮНЕСКО – Историко-архитектурного комплекса Казанского Кремля, Болгарского историко-археологического комплекса и Успенского собора, и монастыря острова-града Свияжска – позволяют осуществлять в Татарстане масштабные международные проекты по сохранению историко-культурного наследия.

Успешный опыт, полученный в республике за многие годы в этой сфере, в 2010 г. лег в основу реализации комплексного проекта «Культурное наследие: остров-град Свияжск и древний Болгар». Комплексный проект по возрождению исторического и культурного наследия получил большую поддержку Президента Российской Федерации В.В. Путина и Президента Республики Татарстан Р.Н. Минниханова. В целях его реализации специально в 2010 г. был создан Республиканский фонд возрождения памятников истории и культуры Республики Татарстан, деятельность которого направлена на изучение, сохранение и музеефикацию историко-архитектурных, археологических и ландшафтных памятников Болгара и Свияжска.

Реализация комплексного проекта «Культурное наследие – остров-град Свияжск и древний Болгар» осуществлялась в 2010–2018 гг. при активной поддержке правительства Российской Федерации и Республики Татарстан. В процессе научных исследований и работ по сохранению, приспособлению и подготовке к музейному показу удалось выработать систему и соответствующий алгоритм совместных действий федеральной, республиканской и муниципальной власти, ученых-археологов, архитекторов, реставраторов, строителей, музейных работников и специалистов в области охраны культурного наследия.

Результатом этой консолидации стало включение в 2014 г. Болгарского историко-археологического комплекса, а в 2017 г. – Успенского собора и монастыря острова-града Свияжска в список объектов Всемирного культурного и природного наследия ЮНЕСКО.

К началу реализации Комплексного проекта практически все архитектурные объекты острова-града Свияжска нуждались в проведении целого ряда мероприятий по их реставрации, консервации, ремонту, восстановлению и приспособлению для современного использования. На протяжении предшествующих десятилетий осуществлялось текущее обеспечение физической сохранности только некоторых из них. На большинстве объектов гражданской архитектуры никогда не проводились ремонтно-реставрационные работы.

«Культурное наследие – остров-град Свияжск и древний Болгар» стал первым в истории сохранения, реставрации и изучения Свияжска масштабным проектом, целью которого была не только реставрация, но и всестороннее научное изучение культурного наследия. Комплексные научные исследования объектов в Свияжске с участием ведущих специалистов позволили получить новые знания об их прошлом. Основой работ стала специально разработанная в 2014 г. «Программа комплексных научных исследований Успенского собора, Троицкой церкви и культурного наследия Свияжска». Данная программа предполагала осуществление всестороннего изучения двух уникальных объектов с применением современных технологий и методов по изучению памятников культурного наследия. Начало ее реализации стало основой получения новых научных знаний об их истории, особенностях архитектуры, инженерных и художественных решениях, примененных при их создании. Были подготовлены и специальные методические рекомендации по обеспечению их сохранения и мониторинга текущего состояния. Одним из результатов этой работы стала коллективная монография, посвященная историко-архитектурному, художественному, и археологическому изучению Успенского собора. Самостоятельным объектом исследований большого коллектива ученых стала и Троицкая церковь, результаты исследований которой представлены в данном издании.

Существование Троицкой церкви в Свияжске известно по письменным источникам второй половины XVI в. Считается, что она была построена под руководством дьяка И.Г. Выродкова в 1551 г. одновременно с крепостью Свияжска вместе с прочими деревянными строениями города, доставленными сюда плотами весной 1551 г. Упоминается Троицкая церковь в «Писцовой и межевой книге г. Свияжска и Свияжского уезда Никиты Васильевича Борисова и Дмитрия Андреева Кикина» 1565–1568 гг.

На сегодня она является самым старым сохранившимся деревянным зданием Свияжского ансамбля, уникальным памятником средневекового деревянного зодчества. Это единственная сохранившаяся средневековая деревянная постройка в Волго-Уральском регионе. Троицкая церковь является также значимым элементом, подчеркивающим уникальность объекта Всемирного культурного и природного наследия ЮНЕСКО Успенского собора и монастыря, которая документирует становление, преемственность и изменение религиозной архитектуры и иконописи Волго-Уралья со второй половины XVI в.

Изначально история церкви была связана с основанием Троице-Сергиева монастыря в середине XVI в., приписанного к подмосковной Троице-Сергиевой лавре. Троице-Сергиев мужской монастырь разме-

щался в южной части холма и занимал площадь 2,5 га. В 1764 г. монастырь был упразднен, монахи переведены в Лавру. В 1795 г. в пустующие строения бывшего Троице-Сергиева монастыря был переведен Свияжский Иоанно-Предтеченский женский монастырь. От Троице-Сергиева Иоанно-Предтеченскому монастырю остались две древнейшие церкви – деревянная Троицкая и каменная Сергиевская.

Деревянная Троицкая церковь сейчас расположена с северной стороны монастыря, вдоль ограды, рядом со Святыми воротами и образует вместе с белокаменным Сергиевским храмом и кирпичным собором Богородицы Всех Скорбящих Радость монастырскую площадь. Комплекс Иоанно-Предтеченского монастыря характеризует преемственность духовно-религиозной жизни, выполняет важную роль в формировании исторического ландшафта Свияжска. Строения монастыря создают выразительный облик ансамбля острова-града и являются активными элементами величественной юго-восточной панорамы объекта Всемирного культурного и природного наследия ЮНЕСКО.

В плане Троицкая церковь представляет собой объем (25 x 8,5 м), состоящий из двух прямоугольных срубов – трапезной и храма. К храму с востока примыкает пятигранный алтарь, а с севера, юга и запада он окружен галереями, реставрированной в 2012 г.

История формирования архитектурного облика церкви за много веков ее существования также имела несколько этапов, задокументированных в результатах предшествующих натурных исследований и хорошо представленных в данной работе. Новейшие комплексные исследования стали одним из важных этапов в ее изучении, начавшихся еще в середине XX в., и позволили выработать подходы к сохранению этого памятника.

Первые реставрационные работы 1950–1960-х гг. под руководством С.С. Айдарова были направлены на консервацию, включали в себя обмеры и противоаварийные мероприятия. Начатые в 1976 г. по заданию Министерства культуры Республики Татарстан объединением «Росреставрация» под руководством архитектора Б.П. Зайцева натурные исследования Троицкой церкви позволили сделать ряд предположений о первоначальных формах храма. Подготовленный в 1977 г. проект реставрации Троицкой церкви в г. Свияжске предлагал снять позднюю обшивку и воссоздать гульбища – открытые галереи. В 1978 г. он был утвержден Министерством культуры ТАССР, но не был реализован.

В дальнейшем все работы имели консервационную направленность и сводились к частичным ремонтам и биоцидной обработке. Значительный объем ремонтно-консервационных работ был выполнен в 2000–2003 гг. Татарским специальным научно-реставрационным управлением (архитектор-реставратор М.Ю. Сте-

панова). В 2007 г. в той же организации был разработан проект реставрации, ориентированный на облик церкви XIX в. (архитектор-реставратор Р.Р. Раимова).

Научные исследования с применением лазерного сканирования, проведенные в 2008 г. под руководством архитектора-реставратора Б.Д. Лурье, позволили подготовить новый проект консервации и реставрации. В процессе его осуществления в 2010–2011 гг. были проведены работы по замене покрытия кровель трапезной, храма и алтаря, нижних венцов срубов, переборке северной стены трапезной; заменены сгнившие конструктивные элементы и установлены протезы; реставрированы обшивка, гульбища, главка, западное крыльцо; расчищен и обмазан кирпичный цоколь, заменены оконные рамы, проведена огнебиозащита. В 2013 г. под руководством художника-реставратора ФГУП «МНРХУ» (г. Москва) В.Ф. Косушкина осуществлена реставрация иконостаса, в ходе которой была раскрыта редко встречающаяся золоченая резьба по левкасу, ранее неизвестная икона «Погребение преподобного Сергия», в целом получен большой пласт новых сведений о древнейшем в Поволжье памятнике декоративно-прикладного искусства и об интерьерах Троицкой церкви. Автор проекта Б.Д. Лурье, подчеркивая консервационную направленность проведенных работ, отмечал необходимость продолжения научных исследований объекта, указывая на многочисленные проблемные вопросы в истории храма и необходимость комплексного изучения архитектуры и конструкций здания и дальнейшей его полноценной научной реставрации.

Программа комплексных научных исследований Успенского собора, Троицкой церкви и культурного наследия Свияжска позволила привлечь специалистов разных научных направлений с широким применением естественно-научных методов. Они включали в себя ксилотомические, дендрохронологические, радиоуглеродные, микробиологические исследования, проведенные учеными Казанского федерального университета и представленные в приложениях к этой публикации. Архивные изыскания В.В. Зубарева, А.А. Калиной, В.В. Немтиновой выявили новые материалы по истории Троицкой церкви. Данные натурного обследования Троицкой церкви, проведенного в 2015 г. под руководством архитектора А.В. Попова, в сопоставлении с результатами историко-архивных и естественно-научных исследований, дали ему основания выстроить новую авторскую версию истории строительства, перестроек и реставрации памятника. На основе собранных материалов создана специальная геоинформационная управляемая поисковая база данных, вобравшая в себя результаты предшествующих и последних научных исследований этого уникального произведения деревянного зодчества. Тесное взаимодействие архитекторов-реставраторов, художников-реставраторов, историков, искусство-

ведов, специалистов естественных наук, программистов дало возможность выйти на новый научный уровень знаний о Троицкой церкви в Свяжске.

По данным последних исследований, представленных в авторском изложении в данной книге, конструкции церкви содержат в себе строительные материалы, датируемые 1640–1680 гг. В плотницких конструкциях частей здания церкви сохранились следы врубок, заделанных оконных проемов, внешних прирубов. Основные угловые соединения, различные врубки, конструкции пола, наблюдаемые в данном архитектурном сооружении, типичны для деревянного строительства XVI–XVII столетий. По мнению А.В. Попова, первоначальное здание церкви XVI в., построенное в эпоху Ивана IV, не сохранилось до наших дней. Вероятно, с течением времени теплый, отопляемый печами сруб ветшал и был впоследствии заменен на новый. Данный вывод автор подкрепляет многочисленными фактами и результатами визуального анализа особенностей технических приемов и конструкций. Важным результатом исследовательских работ стало создание проекта реставрации деревянной церкви с учетом новых полученных сведений, концептуальные положения которого представлены в данном издании.

Полученные материалы были привлечены при подготовке номинации по включению Успенского собора и монастыря Свяжска в список объектов Всемирного культурного наследия ЮНЕСКО. Новые факты по истории и данные архитектурно-реставрационного анализа Троицкой церкви дали дополнительные весомые аргументы в обоснование Всемирной универсальной ценности номинируемого объекта и характеристику его атрибутов как важных элементов его историко-культурного пространства.

Важно отметить, что решением Комитета по всемирному культурному и природному наследию ЮНЕСКО был утвержден план управления Успенского собора и монастыря острова-града Свяжска и его буферной зоны, неотъемлемой частью которого является осуществление научных и изыскательских работ по обеспечению полноты и достоверности раскрытия аутентичности, целостности его атрибутов. Принятые документы содержат конкретные требования и сроки исполнения, предъявляемые к стране-участнице для обеспечения сохранения его Всемирной универсальной ценности.

План управления предусматривает в том числе мероприятия по изучению и сохранению Троицкой церкви, как части буферной зоны объекта Всемирного культурного и природного наследия ЮНЕСКО. Данное издание направлено на исполнение требований по организации научных исследований объектов, вошедших в его буферную зону. Оно предваряет большой цикл работ по результатам научных изысканий, проводимых по изучению Успенского собора, монастыря и объектов, входящих в его буферную зону. Осуществление исследований обеспечивает сохранение Всемирной универсальной ценности памятника, ставшего мировым достоянием.

Реализация «Программы комплексных научных исследований Успенского собора, Троицкой церкви и культурного наследия Свяжска», ставшая возможной благодаря комплексному проекту «Культурное наследие Татарстана: древний город Болгар и остров-град Свяжск», позволила обогатить наши знания о Троицкой церкви в Свяжске. Благодаря подготовленному изданию многие интересующиеся историей России получают возможность узнать новые факты о прошлом одного из важных элементов историко-культурного феномена острова-града Свяжска.

Введение

Деревянная архитектура – это особое явление в истории культуры России, и в отличие от каменного зодчества образы и технологии деревянных сооружений не имеют аналогов в других странах. Этот мощный пласт культуры в силу целого ряда обстоятельств оказался наиболее уязвимым и практически уничтоженным к настоящему времени. На лице земли уже не остается деревень, городов, большую часть застройки которых еще в начале XX века составляли деревянные сооружения. Дерево горит, подвергается биологическим разрушениям, но решающими в исчезновении деревянной архитектуры оказались не эти факторы, а недооценка значения деревянного зодчества в многонациональном культурном наследии России. Поэтому в настоящее время изучение и сохранение каждого отдельного деревянного сооружения приобретает исключительное значение.

Следует отметить, что и международное законодательство длительное время не формулировало своего отношения к этому пласту культурного наследия. Только в 1999 году на 12-й сессии ИКОМОС была принята хартия «Принципы сохранения исторических деревянных построек». До настоящего времени этот документ не имеет не только признания, но даже официального перевода в стране, где деревянная архитектура главенствовала на протяжении тысячелетий.

На территории современной России осталось менее десятка деревянных памятников XV–XVI веков. В 1970–1980-е годы специалисты, занимавшиеся сохранением деревянного зодчества, считали, что через десять-пятнадцать лет мы потеряем большую часть имеющегося наследия. Озабоченность судьбой деревянного зодчества вылилась в разработку федеральных программ по сохранению, консервации, реставрации памятников. На их реализацию выделялись средства. Средства уходили, а памятники горели, гнили и падали. Принимались постановления о создании музеев-заповедников, отдельные памятники свозились в эти музеи, но

проблема не только не решалась, а усугублялась. Многие, и автор этих строк в том числе, были противниками музеев под открытым небом. Представлялось, что в деревнях, где существовала жизнь, культовые и гражданские постройки надо сохранять на местах. Но настали 1990-е годы, потом 2000-е, и деревни стали пустеть еще быстрее, чем в СССР. Деревянное наследие разрушается очень быстро. И сегодня вопрос стоит так: если мы сумеем сохранить один деревянный памятник, то это уже проявление героизма.

Читающий эти строки может возразить: у нас немало сохранных, отреставрированных деревянных сооружений. Но с сожалением приходится признать, что далеко не все отреставрированное остается памятником. Самым существенным оценочным критерием в отношении объектов культурного наследия является подлинность, которая важна не только для всего сооружения в целом, но и для отдельных элементов, его составляющих. При любом вмешательстве в структуру сооружения или его деталей существует общее требование, предъявляемое к реставрации, – максимальное сохранение подлинности. Признание значения подлинности налагает ограничения не только на замену обветшавших элементов, но и на вносимые в памятник при реставрации новые дополнения, которые не должны носить характер фальсификации [33, с. 55–56].

Поверхностные исследования, а затем непрофессионально выполненная реставрация часто приводят к утрате главной ценности сооружения – его подлинности. Эта утрата становится очевидной даже для людей, не искушенных в тонкостях реставрации, которые недоумевают по поводу того, что после проделанных работ памятник становится макетом или новоделом. Есть в такой реставрации и другие потери, не для всех очевидные, но от этого не менее значимые. Речь идет об утрате информации, которую несет в себе любое деревянное сооружение. Уничтоженные и не зафиксированные в ходе реставрации элементы и конструкции хра-

нили сведения о материале, способах и приемах его обработки, примененных при изготовлении инструментов, тонкостях и секретах мастера, выполнявшего эту работу. Приведем два примера. При обследовании церкви Дмитрия Солунского в Верхней Уфтюге Красноборского района Архангельской области, построенной в 1784 году, создавалось впечатление, что два окна в объеме кафоликона имеют совершенно одинаковое устройство. Но в ходе разборки выяснилось, что узловые соединения этих окон выполнены по-разному: косяки одного окна соединены шипами, а во втором шипов нет, но соединение в углах не менее прочно [36, с. 11–12]. Окна делали разные мастера, каждый из которых применил использованный неоднократно прием изготовления конструкции, перенятый от наставника, от плотника – отца или деда.

Другой пример – церковь Ильи Пророка 1755 года в селе Цыпино (Вологодская область, Кирилловский район). При реставрации церкви методом полной переборки удалось выявить и зафиксировать более двадцати приемов выполнения угловых соединений, что не было очевидным при общем визуальном исследовании [29, с. 28–35].

Главный секрет обаяния старой деревянной архитектуры таится в ее рукотворном ремесленном происхождении, благодаря чему даже храмы, создаваемые «по подобию», в действительности никогда не были одинаковыми.

В свете сказанного представляется очень важной публикация материалов по исследованию деревянной Троицкой церкви города Свияжска, история которой на протяжении нескольких столетий обросла мощным слоем легенд, преданий, домыслов.

Выражаем благодарность за помощь в сборе информации и архивных сведений В.В. Зубареву, Б.Д. Лурье (г. Москва), В.Ф. Косушкину (г. Москва), С.А. Фроловой (г. Казань), А.М. Калиной (г. Казань), В.В. Немтиновой (г. Казань).

Глава I.

История изучения и сохранения

1. Источники и историография

Приступая к обследованию Троицкой церкви Свияжска в 2015 году, авторы исследования исходили из бесспорности традиционного утверждения следующих фактов: сохранившаяся до настоящего времени церковь построена в 1551 году; конструкции Троицкой церкви были изготовлены под Угличем и перевезены в ходе царской кампании по сооружению Свияжской крепости на Круглой горе; изначально Троицкая церковь представляла собой клетский храм с шатровым завершением. На основании перечисленных обстоятельств Троицкая церковь расценивалась как один из древнейших деревянных храмов России, но, бесспорно, превосходящий предшественников размерами (рис. 2).

Считалось, что в России только три памятника деревянного зодчества старше свияжской Троицкой церкви. Первый – церковь Воскрешения Лазаря 1464 года из Муромского монастыря в Заонежье (в 1960-е годы перевезена в музей-заповедник «Кижский», Республика Карелия). Церковь невелика по размерам, отреставрирована А.В. Ополовниковым. Проведенные здесь работы нельзя назвать иначе как фантазией на тему средневековой деревянной архитектуры. От подлинных конструкций Лазаревской церкви сохранился только сруб. Второй памятник – Церковь Положения Риз Пресвятой Богородицы 1485 года из села Бородава. Церковь перемещена на территорию ансамбля Кирилло-Белозерского монастыря (г. Кириллов Вологодской области), отреставрирована Б.В. Гнедовским в 1957 году (рис. 4). Повторно церковь Ризоположения была обследована и отреставрирована в 2009–2010 годах по проекту А.В. Попова. В ходе работ она была полностью разобрана, а затем восстановлена с заменой утративших работоспособное состояние элементов конструкций и реставрационных вставок. В результате этой последней реставрации в ходе полной переборки удалось воссоздать по выявленным следам безгвоздевые конструкции кровель кафоликона, алтаря, трапезной, галереи-гульбища, открыть подлинный пол в кафоликоне. Третье из древнейших деревянных сооружений – церковь Святого Георгия 1493 года в селе Юксовичи (в настоящее время – д. Родионово Ленинградской области). Памят-

ник подлинно не исследован.

Непреложным фактом считается, что существующая Троицкая церковь была срублена в Угличских лесах и затем перевезена в Свияжск, в этой связи утвердилась ранняя датировка храма 1551 годом, характерная как для ранних документов, так и для различного рода публикаций вплоть до настоящего времени. Однако ни один из известных летописных источников не содержит прямых указаний ни на год, ни на место изготовления сруба данного храма. Самые ранние сведения о Троицкой церкви относятся к 1565–1567 годам, они приведены в «Писцовой и межевой книге», где церковь названа «<...> теплая церковь живоначалная Троица <...>» поставленье церкви и все церковное строенье Троицкаго Сергиева монастыря большова»¹ [42, с. 35]. В «Повести о поставлении Свияжска», появление которой приблизительно относится к этому же периоду, сказано, что Иван IV отправил царского дьяка Ивана Григорьева Выродкова «<...>, а с ним детей боярских, на Волгу в Углицкой уезд, в Ушатых вотчину, церковей и города рубити и в судах с воеводами на Низ везти <...>» [35, с. 163]. Для города-крепости на Круглой горе была срублена не одна, а несколько церквей. В следующем документе – «Послании учительном преосвященного Макария митрополита всея Руси во Свияжский град» от 21 мая 1552 года – сообщается о строительстве церквей, но посвящения их престолов не называются: «<...> благоволи Бог создану быти граду сему и яже в нем святым Божиим церквам в честь и в похвалу и в славу пресвятому и превеликому имени Его, иже в Троице славимому, и Того пренепорочныя Матери пречистыя Богородица и всех святых, и совершился град сей <...>» [35, с. 180]. Постройку сразу нескольких церквей в Свияжске подтверждает и «Казанский летописец», датируемый 1564–1565 годами: «<...> церковь соборную пречистыя богородицы, честного ея рожества древена и б инех, монастырь у града устроиша, в нем же храм преподобный Сергии чудотворец» [18, с. 87]. Здесь названа соборная церковь Рождества Богородицы и монастырский храм Святого Преподобного Сергия Радонежского Чудотворца, посвящения престолов прочих церквей не названы.

Процитированная выше «Повесть о поставлении Свияжска» дает наиболее полные сведения об организации и размахе строительства, но и она называет только посвящения двух престолов привезенных церквей. Более того, сообщает: «<...> Город же, который сверху привезен, наполовину тое горы стал, а другую половину воеводы и дети боярские своими людьми тотчас сделали, велико бо бяше место, и свершили город в четыре недели» [35, с. 164]. Таким образом, становится известно, что доставленных «из Углицкой вотчины» конструкций и материалов хватило только на половину «города». Недостающую часть

крепостных сооружений, жилые, хозяйственные и церковные постройки, которые должны были заполнить огражденное «городом» пространство, пришлось строить уже из местных материалов.

В имеющихся клировых ведомостях Иоанно-Предтеченского девичьего монастыря, перемещенного после пожара 1795 года на территорию упраздненного Троице-Сергиева Свяжского мужского монастыря, также отсутствует упоминание о том, что Троицкий храм рублен в Угличских вотчинах бояр Ушатых и привезен в будущий Свяжск. Так, в ведомости за 1818 год в графе «Церкви» записано: «В означенном девичьем монастыре две церкви 1-я Троицкая, которая деревянного здания строена в 1951-м году без пределов <...>» [6, л. 20 об.]. Составитель ведомости допустил опisku, указав дату строительства «1951 г.», вместо «1551 г.». Эта же описка скопирована в ведомости и за 1819 год [7, л. 17], но в клировых ведомостях за последующие годы ставится правильная дата, хотя сама формулировка кочует из одного документа в другой, при этом вносятся лишь небольшие уточнения. Так, к примеру, в 1823 году добавлено, что церковь «холодная» [8, л. 20]. Ни в одной из ведомостей первой четверти XIX века нет сведений о перевозке церкви и упоминания имени царя Ивана Грозного. Но с 1830-х годов церковные документы начинают связывать происхождение церкви с основанием Свяжска. «Ведомость о состоянии Свяжского Иоаннопредтеченского женского монастыря 2-го класса за 1879 год» сообщает следующее: «<...> Соборная во имя Живоначальныя Троицы холодная, деревянная из соснового леса без пределов и колокольни, привезена сюда вся срубленная по повелению царя Иоанна Васильевича Грозного и здесь только собранная в 1551 г.» [9, л. 12]. Теперь эта формулировка повторяется во всех монастырских документах в отношении Троицкой церкви вплоть до начала XX века, но из нее позднее исчезает слово «соборная». Таким образом, мы не имеем прямых документальных свидетельств «Угличского» происхождения Троицкой церкви и можем только допускать, что она могла быть в числе шести привезенных.

Когда же появились и были приняты достоверными сведения о перевозке и сборке церкви в первые дни постройки города на Крутой горе? Ответ на этот вопрос дают опубликованные во второй половине XIX века очерки по истории Иоанно-Предтеченского монастыря. Это были не самые ранние публикации, связанные с историей Свяжска. Вероятно, к числу первых должно быть отнесено упоминание Свяжска в статистическом описании России, составленном в 1726 году статским советником Иваном Кириловым и опубликованном в «Памятной книжке Казанской губернии за 1861 год» [17]. Кирилову была известна причастность Грозного к основанию Свяжска: «Го-

род Свяжск построен по указу царя Ивана Васильевича в прошлом 7059 (1551) году июня в 30 числе, до взятия Казанского царства за три года (?), но токмо того города городское строение от ветхости развалилось <...>» [17, с. 20].

Специфика публикации не позволяла автору входить в подробности достопримечательностей описываемых городов, поэтому мы не знаем, имел ли он какую-то информацию о Троицкой церкви. Не упоминается Троицкая церковь и в обозрении Казанской губернии, составленном инспектором казанской врачебной управы И.Ф. Лангелем и опубликованном впервые в 1813 году [24, № 4, с. 3–24; № 5, с. 3–25]. Его «обозрение» было издано отдельной книгой в 1829 году [25]. В числе первых серьезных публикаций должны быть названы труды священника М. Хронусова [45] и историка П.А. Юдина [48].

Несомненным достоинством исторического очерка М. Хронусова является обращение автора к разным источникам информации: это устные предания, архивные документы, предшествующие публикации. Будучи священником Иоанно-Предтеченского монастыря, он имел возможность работать с монастырским архивом, но хронологические рамки доступных ему документов были ограничены, так как архивы Троице-Сергиева монастыря после его упразднения в 1764 году были перевезены в Троице-Сергиеву лавру [45, 1870 г., № 20, с. 626; 1871 г., № 11, с. 338].

Главным информатором М. Хронусова был М.А. Люстрицкий – человек, вся жизнь которого была тесно связана с Иоанно-Предтеченским монастырем². Любопытно, что именно М.А. Люстрицкий впервые высказал предположение о том, что сохранившаяся в монастыре деревянная Троицкая церковь изначально имела другое посвящение. В архивных документах М. Хронусов обнаружил ответ М.А. Люстрицкого на запрос профессора Казанской духовной академии, датированный февралем 1852 года. Судя по цитате из «ответа», профессора интересовали даты постройки церковей Троице-Сергиева Свяжского монастыря. Ответ М.А. Люстрицкого очень интересен: «<...> когда сооружена была в прописанном монастыре каменная церковь при царе Борисе Феодоровиче, то деревянная церковь чрез освящение во имя св. живоначальныя Троицы <...> переименована в Троицкую» [45, 1871 г., № 11, с. 336]. Таким образом, М.А. Люстрицкий имел сведения о том, что первая Троицкая церковь не сохранилась и посвящение ее престола было перенесено на престол деревянной холодной Сергиевской церкви, когда был построен каменный храм с престолом в честь Святого Преподобного Сергия Радонежского Чудотворца.

М. Хронусов не согласился с этим утверждением, мотивируя свое несогласие тем, что М.А. Люстриц-

кий не привел никаких документальных свидетельств переименования. После публикации своего очерка М. Хронусов представил несколько переработанный текст на Четвертый археологический съезд, проходивший в Казани в 1877 году³ [13]. В целом он сохранил прежнее содержание и последовательность в изложении истории монастыря, но значительно расширил и усилил аргументацию в пользу древнего «Угличского» происхождения церкви. В обоснование своего несогласия с мнением Люстрицкого о переименовании Сергиевской церкви он пишет: «Если бы вместе с построением города Свяжска при сем монастыре была только основана одна деревянная церковь, тогда и монастырь именовался бы Сергиевским, а не Троицким <...>. А что подлинно Троицкая деревянная церковь, до наших дней существующая, есть самая древняя церковь, построенная в 1551 году, а не из Сергиевской бывшей деревянной церкви, по мнению о. протоиерея М. А. Люстрицкого в 1605 году чрез освящение переименованная в Троицкую, это вне всякого сомнения; потому что истина сия доказывается еще грамотою Макария митрополита всея России, 1561 года января 6-го дня. В конце этой грамоты ясно сказано, какие монастыри в половине 16-го века значились приписными к Троицкой Сергиевской лавре, и какие были церкви в этих монастырях, а потому в опровержение мнения о. протоиерея Люстрицкого помещается здесь начало и конец этой грамоты» [13, № 1382, л.л. 5 об. 6–8 об.]. Далее он приводит значительную часть грамоты и в конце особо выделяет следующий фрагмент: «<...> Монастырь в Свяжском городе чудотворец Сергий, да теплая церковь Троица живоначальная <...>» [13, № 1382, л. л. 1–10 об.].

Попытки обосновать свое убеждение в первенстве Троицкой, а не Сергиевской церкви он предпринимает не только в связи с необоснованным, по его мнению, утверждением М.А. Люстрицкого, но и в связи с отсутствием упоминания Троицкой церкви «в исторических фактах» [13, № 1382, л. 14]. Он предлагает следующее объяснение тому, что церковь не названа ни в одном из древних документов: «<...> созидалась не для собора, да на первых порах не имела она назначения быть монастырскою <...>» [13, № 1382, л. 14].

Усиленные доказательства «Угличского» происхождения Троицкой церкви, видимо, потребовались еще и потому, что в других, современных М. Хронусову изданиях, появилась иная точка зрения на этот предмет. В 1866 году в «Памятной книге Казанской губернии» в описании Свяжска о Троицкой церкви приведены следующие сведения: «В Иоанно-Предтеченском монастыре замечательна деревянная Троицкая церковь, о которой говорят, что она своей стройкой современна Грозному и выстроена из того самого леса, который срублен был на

горе при построении города» [32, с. 51]. Через три года эта информация была продублирована в издании Казанского губернского статистического комитета [43, с. 82]. М. Хронусов свои возражения против постройки церкви из местного леса основывает на том, что в окрестностях Свяжска нет и не было хвойного леса [45, 1871 г., № 11, с. 342]. Таким образом, мы видим, что в XIX столетии не было единого взгляда на происхождение Троицкой церкви.

Сам же М. Хронусов не сомневался в древнем происхождении Троицкой церкви и истории с ее перевозкой, поскольку нашел указ Казанской духовной консистории. В своем очерке он пишет: «<...> Такая древность сей церкви доказывается вековыми устными преданиями и вышеписанным указом Казанской духовной консистории от 4 августа 1795 года за № 2449, в котором между прочим сказано так: «<...> Его Преосвященство место сие (т. е. на котором находился до сгорания женский монастырь) к занятию паки под монастырь находит неудобным, а выгоднее находит быть ему того же города при Троицкой церкви, где был прежде приписный к Троицкой лавре монастырь, обращенный после штатов в приходскую Троицкую церковь, и где находится еще немалая часть прежней ограды с воротами, и две церкви к служению удобныя, из коих одна каменная теплая, а другая деревянная, та самая первая в тамошней стороне церковь, которая на судах при царе Иоанне Васильевиче привезена, обе в стороне города, над Свягою рекою». В качестве дополнительного доказательства этого утверждения он ссылается на клировые ведомости [45, 1871 г., № 11, с. 341–342].

В рукописи, посланной Археологическому съезду, М. Хронусов отвергает возможность датировки церкви 1742 годом. Попытка привязать датировку храма к этому времени, видимо, связана с надписью об освящении Троицкой церкви на хранившемся в храме кресте [45, 1871 г., № 11, с. 342]. Он утверждает, что освящение было связано с большим ремонтом, в том числе и в алтарной части храма, и поэтому архиепископ Казанский и Свяжский Арсений с полным правом мог сообщить Синоду о привозке Троицкой церкви в 1551 году «<...> на основании устного, переходящего из века в век и из рода в род, предания и церковных клировых ведомостей <...>» [13, № 1382, л.л. 31 об. 32].

Исторический очерк П.А. Юдина, вышедший в свет почти через тридцать лет после публикации М. Хронусова, до настоящего времени остается актуальным и наиболее аргументированным в отношении фактологии [48]. П.А. Юдин отметил, что о Троицкой церкви, в отличие от Рождественского собора и церкви Сергия, нет достоверных сведений и существует «<...> много противоречивых сказаний» [48, с. 8]. Он пытается установить источник ранней датировки

Троицкой церкви и, как М. Хронусов, находит его в том же указе Казанской духовной консистории [48, с. 8]. По-видимому, в цитируемом указе не был назван год строительства. Дату П.Л. Юдин нашел в более позднем Указе от 25 мая 1810 года, и она вызвала его недоумение, поскольку в нем храм датирован 1552 годом [48, с. 9, прим. 16]. Эту датировку он объясняет опиской составителей документа и подкрепляет свои доводы о сооружении Троицкой церкви в 1551 году рассуждениями о том, что город был заранее спланирован и полностью отстроен со всеми церквями именно в этом году и возводить новый храм в следующем году уже «не допускало место» [48, с. 9]. В качестве дополнительного аргумента не местного происхождения церкви П.Л. Юдин отмечает, что она выстроена из лиственницы – дерева, которое «не водилось» в Казанской земле [48, с. 9].

Оба исследователя подтверждают отсутствие ранних документальных источников по истории Троицкой церкви и констатируют появление сведений о ее постройке и перевозке в 1551 году лишь с 1795 года, когда был издан консисторский указ, в котором храм датирован на основе устных преданий. Таким образом, можно утверждать, что сочинения М. Хронусова и П.Л. Юдина более чем на столетие стали главными источниками информации о времени, месте строительства Троицкой церкви. Все последующие авторы публикаций о Троицкой церкви не подвергали эту информацию ни малейшему сомнению.

2. История ремонтных работ в XVIII–XIX веках

Для более полного представления строительной истории существующей Троицкой церкви очень важным представляется подробный обзор документально зафиксированных ремонтов, реконструкций, реставраций. Характер и хронология ремонтных работ на Троицкой церкви отражены почти во всех публикациях по истории девичьего Иоанно-Предтеченского монастыря, который после пожара, уничтожившего все его строения, был переведен на территорию упраздненного в 1764 году Троице-Сергиева монастыря. Имеющиеся документы охватывают ограниченный период – с 1742 года по начало XX века. С наибольшей полнотой приводятся сведения о ремонтах, проведенных после 1795 года.

После закрытия мужского Свяжского Троице-Сергиева монастыря и перевода штата в Троице-Сергиеву лавру его церкви стали приходскими. Церковные службы совершались преимущественно в каменной Сергиевской церкви. Холодная Троицкая церковь большую часть года оставалась закрытой,

службы здесь проходили лишь в летний период. При осмотре губернским архитектором в 1795 году обе церкви были признаны «во всем крепки» [45, 1870 г., № 23, с. 732]. Однако деревянный храм, мало использовавшийся в течение последних тридцати лет, все же нуждался в ремонте. В связи с этим указом духовной консистории было предписано протопопу Троицкой церкви Никите Федорову и казначею Свяжского Богородицкого монастыря иеромонаху Евфимию произвести ремонт монастырских строений для приспособления их под нужды перемещаемого сюда девичьего Иоанно-Предтеченского монастыря. Они должны были закупить строительные материалы, заключить подрядные договоры со строителями, контролировать разборку поврежденных во время пожара каменных строений Иоанно-Предтеченского монастыря. Кирпич и железо, полученные от разборки, предписывалось продать, а вырученные деньги употребить на ремонтные работы строений в бывшем Троице-Сергиевом монастыре. Архиепископ Казанский и Свяжский Амвросий при рассмотрении указа наложил свою резолюцию: «<...> кирпич употреблять на монастырское строение, яко то на фундаменты, печи и другое, и для поправления, какое будет требоваться для церкви того монастыря, а остальную дозволить и продавать, тож разуметь и о железе <...>» [45, 1870 г., № 23, с. 732].

В своих публикациях священник М. Хронусов дает наиболее полный перечень ремонтных работ с 1796 по 1861 год, и его сведениям, безусловно, можно доверять, поскольку он черпал их из документов монастырского архива. Так, уже на следующий год после указа о переводе погоревшего девичьего монастыря в бывший Троицкий с сохранением названия «Иоанно-Предтеченский» в книге «<...> данной 1795 года из Казанской духовной консистории, за скрепою секретаря оной Семена Петрова, в погоревший Свяжский Иоанновский девичий монастырь строителям, вместо одного другого, протопопу Никите Федорову и казначею Иеромонаху Евфимию, для записки имеемого к ним на строение того монастыря поступать денежного разного звания прихода и из онога расхода» значит, что 12 декабря 1796 года были покрыты паперти при деревянной Троицкой церкви [45, 1871 г., № 11, с. 343]. Из этого сообщения, найденного М. Хронусовым в приходо-расходной монастырской книге, невозможно понять, был ли это ремонт прохудившейся крыши или же полностью новое устройство кровли имевшейся паперти. Поскольку к моменту написания очерка паперти уже не существовало, то автор счел излишним сделать следующее уточнение: «<...> по отзыву старцев свияжских граждан, (паперти) были вроде галерей и окружали церковь с трех сторон» [45, 1871 г., № 11, с. 343].

В приходо-расходной книге М. Хронусов находит и запись об устройстве фундамента: «1797 года 4 июля был подведен под эту церковь (с трех сторон) каменный фундамент, коштом <...> господина Татаринкова» [45, 1871 г., № 11, с. 343]. Как следует из вышеприведенных документов, на фундамент был использован кирпич от разборки каменных построек в сгоревшем Иоанно-Предтеченском монастыре, а упомянутый господин Татаринков оплатил работу. Все последующие публикаторы и исследователи, в том числе Н. С. Датиева, Б.Д. Лурье, временем подкладки фундамента ошибочно называют 1882 год [34, с. 35; 7, с. 7; 27, с. 99]. Чем объяснить эту ошибку? Тем более что о характере предполагаемого ремонта, в том числе «на подцерковном обрушившемся фундаменте», имеется письмо Казанской духовной консистории в Казанское губернское правление от 15 апреля 1882 года [5, л.л. 48–48 об.]. В нем, в частности, сообщается о том, что настоятельница Иоанно-Предтеченского монастыря игуменья Досифея обратилась с прошением к епископу Сергию о проведении ремонтных работ на Троицкой церкви: «<...> Предполагаемые исправления должны состоять: в исправлении подцерковного каменного обрушившегося от времени фундамента с переменою нижняго венца сгнивших бревен и подпольных столбов и балок, а также в возобновлении трех крыльцев, у которых полы и лесницы тоже сгнили и требуют переделки» [5, л. 48]. На прошение Досифеи епископ наложил следующую резолюцию: «Прежде Архологического и архитектурного осмотра не начинать исправления ветхостей» [5, л. 48 об.]. Выполняя указание епископа, консистория была вынуждена обратиться в Губернское правление с просьбой произвести осмотр состояния церкви и определить, можно ли провести предлагаемые игуменье работы без изменения облика храма. Таким образом, можно констатировать, что в 1882 году проводился ремонт цоколя, названного фундаментом, а не подкладка фундаментов как таковых.

Известно, что к 1795 году от Свяжского Троице-Сергиева монастыря не оставалось других строений, кроме двух церквей и ограды с воротами. Поэтому большую часть средств монастырским властям приходилось вкладывать в строительство жилья для игуменьи и сестер, устройство монастырских служб. После 1797 года М. Хронусов упоминает только две незначительные поправки церкви: замену деревянного покрытия главы на железное в 1810 году и исправление в 1816 году церковного креста, поврежденного бурей [45, 1871 г., № 11, с. 343]. Таким образом, выполнение кирпичного цоколя и, возможно, выполнение фундамента в связи с этим, произведенные в 1797 году – самый крупный ремонт Троицкой церкви на

протяжении первых двух десятилетий существования женской обители на территории бывшего Свяжского Троице-Сергиева мужского монастыря.

Крупные ремонтные работы, изменившие облик Троицкого храма, состоялись при игуменье Евпраксии, которая управляла монастырем с 1818 по 1826 год. При ней, в 1819 году, была сделана новая тесовая кровля на всем Троицком храме. Перекрытие кровли исследователи Н.С. Датиева и Б.Д. Лурье датировали 1808 годом, но не указали источника этой датировки, в то время как М. Хронусов и П.Л. Юдин приводят дату и номер консисторского указа, разрешающего замену кровли [45, 1871 г., № 11, с. 343; 48, с. 28]. Одновременно были сломаны окружавшие храм галереи-паперти, и вместо них устроены открытые крыльца у входов с западной, северной и южной сторон [45, 1871 г., № 11, с. 343; 48, с. 28]. В 1821 году всю церковь обшили тесом. Работы оказались столь затратными, что игуменье пришлось наделать долгов на сумму около десяти тысяч рублей [34, с. 34]. В 1830 году консистория запретила проведение ремонтных работ в монастыре вплоть до погашения всех долгов. Таким образом, при игуменье Евпраксии храм приобретает тот облик, который во многом сохранялся до ремонтных работ 2011 года.

При новой игуменье Анфии произвели замену тесовой кровли церкви на металлическую. Н. С. Датиева и Б.Д. Лурье относят эти работы к 1832 году [2, с. 7; 27, с. 99]. Но в указанном году дано было лишь разрешение на предполагаемые работы, а сама замена состоялась только через четыре года – в 1836 году [45, 1871 г., № 11, с. 344; 48, с. 30]. Видимо, матушка Анфия не хотела повторять печальные уроки своей предшественницы и откладывала ремонт до тех пор, пока не собрала нужной суммы. Одновременно со сменой кровли над крыльцами были устроены фронтоны с колоннами, а сами крыльца зашиты тесом [45, 1871 г., № 11, с. 344; 48, с. 30]. По всей видимости, зашивка была выполнена только в нижней части крылец, так как П.Л. Юдин сообщает об установке в 1882 году стеклянных рам «на открытых папертях крыльцах» [48, с. 29]. Покрытая листовым железом крыша и тесовая обшивка храма многократно перекрашивались, но на протяжении XIX века сохранялось преимущественно сочетание зеленой кровли (ярь-медянка) и окрашенных или тонированных белилами стен.

В 1885 году при игуменье Досифее на гранях малого восьмерика были написаны изображения в рост Спасителя, Божьей Матери, Иоанна Предтечи, Святого Германа, Преподобного Сергия Радонежского Чудотворца, Святителя Николая Чудотворца, Архангела Михаила, Святой Великомученицы Юлии [48, с. 29; 34, с. 17]. Масляная живопись была выполнена по железной обшивке, которую сделали при ремонте главы еще в 1810 году.

Перемены касались не только внешнего облика храма, но и его интерьера. Сведений о внутренних переделках сохранилось немного, о некоторых изменениях мы можем строить только предположения. Самые ранние известные переделки относятся к 1742 году, когда после предполагаемой переборки храма, пристройки алтаря и возведения двух восьмериков в интерьере заменили престол и жертвенник, полы, сделала солею, таким образом, пол перед иконостасом и в алтаре стал на одну ступень выше. Солея была ограждена деревянной решеткой. Следствием этого грандиозного ремонта стало новое освящение храма, о котором известно благодаря надписи на деревянном кресте, хранившемся в алтаре храма: «Царь славы. 1742 года месяца ноемвриа въ 16 день освящен храм во имя пресвятыя живоначальная Троицы, на память святого апостола евангелиста Матвея, при державе Благочестивейшия и Самодержавныя Великия Государыни Нашей Императрицы Елисаветы Петровны всея России, и при Наследнике Ея внуке Петре II, Благоверном Государе и Великом Князе Петре Феодоровиче, при Святейшем Правительствующем Синоде и преосвященном епископе Луке казанском и свияжском, и при Троицком Священно-архимандрите Кирилле, освящен храм Свияжскаго Богородицкаго монастыря Священно-архимандритом Димитрием. При строителе монахе Мефодии» [45, 1871 г., № 11, с. 364–365].

В 1836 году игуменья Анфия распорядилась о проведении работ для придания интерьеру Троицкого храма более современного облика, для чего были стесаны и выстроганы внутренние поверхности бревчатых стен [45, 1871 г., № 11, с. 344; 48, с. 30].

В 1853 году, по прошествии немногим более сотни лет после предыдущего ремонта пола, вновь возникла необходимость в его замене. В результате была проведена работа по замене всей конструкции перекрытия, зафиксированная в документе: «<...> балки под полами и самые полы как черный, так и белый, устроены все из нового соснового леса <...>» [48, с. 30]. В результате проведенной работы появилось то перекрытие, которое существует в Троицкой церкви по сей день. По окончании работы пол выкрасили «желтой краской», и это, видимо, была первая его покраска, поскольку о покраске пола в 1742 году упоминания отсутствуют. Таким образом, по крайней мере, известно о ремонтах пола в храме в 1742 и 1853 годах. В 1882 году, ремонтируя цоколь, заменили деревянные столбы в подклете церкви кирпичными, а также вновь поменяли балки пола [48, с. 30].

Перечисляя ремонтные работы, проделанные на Троицкой церкви более чем за столетие, П.А. Юдин так оценивает их значение: «Благодаря различным поправкам, подкрашиваниям, наружный вид церкви в настоящее время сильно изменен против перво-

начального (рис. 1); зато внутренность храма в значительной степени сохранилась в первоначальном виде» [48, с. 30].

3. Исследования и ремонтно-реставрационные работы в XX – начале XXI века

С конца 1940-х годов Троицкая церковь не становилась объектом внимания реставраторов. Но проводимые работы нашли слабое отражение в сохранившихся архивных реставрационных документах⁴.

Достаточно полное исследование архитектуры Троицкой церкви было предпринято в 1976–1978 годах под руководством архитектора Б.П. Зайцева (Российское Республиканское специализированное научно-реставрационное объединение «Росреставрация»). Зайцев, как и его предшественники, не подвергал сомнению Угличское происхождение Троицкой церкви и ее датировку 1551 годом, но считал, что из Углича «<...> в Свияжск был доставлен небольшой безопасный храм, скорее напоминающий часовню, нежели монастырскую церковь. Вскоре после сборки, храм, ставший частью монастырского ансамбля, дополнили объемом трапезной» [8]. Б.П. Зайцев отдавал себе отчет в том, что без разборки храма пристроить новый объем немислимо, но он не делает попытки объяснить свое утверждение о новой пристройке.

Предположение Б.П. Зайцева о том, что первоначально церковь состояла из одного сруба, нельзя считать обоснованным. Размеры храма должны были позволить произвести сборку в течение одного-двух дней, поскольку в целом все строительство города заняло четыре недели. Вполне очевидно, что трапезная должна была быть прирублена к храму в скорейшем времени, но тогда требовалось полностью разобрать храм или же прирубить трапезную при первой сборке.

Для повседневной жизни монастыря трапезная была необходима, как и тепло в церкви. Мы знаем из самого раннего документального упоминания Троицкой церкви, что она была теплой [42, с. 35]. Гипотезу о разновременном происхождении церкви и трапезной Зайцев подкрепляет следующим наблюдением: «<...> При обследовании в храмовой и трапезной частях была обнаружена маркировка зарубками на внутренней стороне срубов, на потолочных балках и забирке потолочного теса «в елку». Несовпадение маркировки в храмовой части и трапезной говорит о том, что они рубились не в один прием <...>» [3, с. 5]⁵.

Появление ярусного завершения храма Б.П. Зайцев относил к концу XVII – началу XVIII века, считая,

что ему предшествовало шатровое завершение, дату устройства которого он не определяет [3].

Одновременно в том же проекте реставрации Н.С. Датијева в своей «Исторической справке...» исключает «шатровый» период в архитектурной истории храма. По ее мнению, «<...> уже в XVI веке Троицкая церковь была ярусным храмом типа – восьмерик на четверике, завершенным малым восьмериком и шлемообразной главкой. Данных о том, когда к церкви прирублена с восточной стороны пятигранная апсида и устроена с трех сторон галерея-гульбище (паперть, как ее называют в документах конца XVIII – начала XIX века), существовавшая до 1819 года, не имеется» [2]. Утверждение о «ярусности» храма, начиная с момента его возведения, Н.С. Датијева никак не аргументирует.

Сохранившийся архитектурный облик Троицкой церкви оценивался исследователями как «<...> конгломерат объемов типичный, именно в тех случаях, когда попытка модернизировать народную архитектуру, переводя ее в другой ранг, классически приводит к маловыразительному и натянутому облику <...>, лишенному какой-либо выразительности и подчиненному сугубо функциональной роли» [3].

Проектные предложения Б.П. Зайцева по реставрации Троицкой церкви состояли в частичной разборке цоколя; в восстановлении шести утраченных венцов сруба; удалении обшивки; разборке поздних террасы с запада и крылец с севера и юга; устройстве галереи по трем фасадам сооружения. Для обеспечения защиты обнаженного сруба от внешних воздействий была предложена химическая обработка древесины. Проект, утвержденный 7 января 1978 года, не был осуществлен [3].

Архитектор-реставратор основывался на выводах исследователей-предшественников. Он не сомневался ни в датировке храма 1551 годом, ни в изготовлении его конструкций в Угличе и последующей перевозке в Свияжск. В целом его представления архитектурной истории памятника совпадают с представлениями Б.П. Зайцева и сводятся к следующему: «После перевозки в Свияжск, в первую очередь, храм был увеличен. Прирубили пятигранную алтарную часть, удвоив, таким образом, площадь храма, устроили обходную галерею и возвели восьмерик на существовавшем четверике. Весьма вероятно, что эти работы были проведены сразу же при первой сборке <...>»⁶. Мнения Б.П. Зайцева и Б.Д. Лурье разошлись, пожа-

луй, только относительно времени появления трапезной. Б.Д. Лурье считал, что трапезная была срублена в Угличе, т. е. до перевозки срубов церкви в Свияжск.

В значительной степени проведенные в 2011 году работы на памятнике являлись отражением проектных решений 1978 года. Реставраторы осуществили «<...> устройство кровли трапезной, храма и алтаря; замену нижних венцов срубов, переборку северной стены трапезной; замену сгнивших конструктивных элементов и установку протезов; реставрацию первоначальной обшивки, гульбища, шатрового завершения с главкой с покрытием «лемехом», западного крыльца; расчистку и обмазку кирпичного цоколя; замену оконных рам, огне- и биозащиту, устройство отмостки, деревянного ограждения <...>» [26, с. 90–91].

В документах, разработанных Б.Д. Лурье, имеется предложение по реставрации шатрового завершения, а в процитированной выше статье отмечается осуществление реставрации «шатрового завершения с главкой». Но, как становится очевидным, архитектор имел в виду не воссоздание предполагавшегося предшественниками многогранного конусовидного шатра над кафоликоном, под которым понимают термин «шатровое завершение», а ремонт имеющейся восьмискатной кровли большого восьмерика. Сама тема шатрового завершения храма затрагивалась исследователем в связи с обследованием конструкций большого восьмерика. В результате он приходит к следующему выводу: «Никаких следов существования когда-либо конструкции повала, без которого невозможно устройство полицы шатра, не обнаружено <...>» [27, с. 97].

Представленный выше материал позволяет убедиться в том, что Троицкая церковь не обделена вниманием ученых. Она не раз становилась объектом изучения историками и архитекторами, специалистами в области реставрации, искусствоведами и учеными иных специальностей. Несмотря на все многочисленные попытки, на сегодняшний день нет полной объективной исследовательской картины памятника. Объяснение находим в недоступности для изучения многих конструкций; в утратах, произошедших в силу естественного старения и разрушения материала; а также изъятиях и заменах элементов конструкций без должной фиксации при ремонтных и ремонтно-реставрационных работах; в отсутствии надежных документальных источников информации.

Примечания

1. «<...> Монастырь живоначальныя Троицы и Сергия Чудотворца, а в монастыри две церкви – церковь Сергия Чудотворца, а теплая церковь живоначальныя Троица, а обе деревянные, а в церкви теплой деисус на лазори 13 образов, а в другой церкви Сергия Чудотворца деисус 14 икон, а поставленье церкви и все церковное строенье Троицкаго Сергиева монастыря большова, да на монастыре 16 келей, да у монастыря двои ворота, одни святые, а на них деисус 9 икон стоячей писан по обе стороны, да ворота конюшенные, да на монастыре погреб, да ледник, да две поварни в земле, да двор конюшенной, да подле монастыря место огорожено заместом (заметом), а на месте хоромы монастырские». См.: [42, с. 35].
2. <?> Люстрицкий Михаил Андреевич (1785–1866), протоиерей Иоанно-Предтеченского монастыря.
3. <?> Рукопись очерка М. Хронусова хранится в Рукописном фонде русского сектора отдела рукописей и редких книг научной библиотеки им. Н.И. Лобачевского Казанского федерального университета. См.: [12; № 1382].
4. <?> Дабы не упустить из виду этот период, мы даем справку, предоставленную ЗАО «Татарское специальное научно-реставрационное управление». См.: Приложение. Документы и материалы. 3.
5. <?> При проведении исследований церкви архитекторами-реставраторами в 2015–2017 годах данное наблюдение Б.П. Зайцева не нашло убедительного подтверждения.
6. <?> Пояснительная записка к натурным исследованиям и обработке материалов лазерного сканирования 2008 г. на объекте культурного наследия федерального значения «Троицкая церковь 1551 г.». Республика Татарстан, Зеленодольский район, остров Свяжск.

Список литературы:

I. Архивные материалы

1. Архив «Росреставрации». Арх. № 5113, шифр 223.
2. Закрытое акционерное общество «Татарское специальное научно-реставрационное учреждение». Ф. 310, оп. 1, ед. 7. Н.С. Датиева. Историческая справка по Троицкой церкви 1551 г. на острове Свяжск.
3. Закрытое акционерное общество «Татарское специальное научно-реставрационное учреждение». Ф. 1, оп. 8, ед. 7. Проект реставрации памятника архитектуры деревянного зодчества XVI века Троицкой церкви в городе Свяжске Татарской АССР. Москва – Казань. 1977.
4. Казенное архивное учреждение Вологодской области «Государственный архив Вологодской области». Ф. 833, оп. 1 д. 167, 167 А.
5. Национальный архив Республики Татарстан. Ф. 2, оп. 7, д. 852.
6. Национальный архив Республики Татарстан. Ф. 6, оп. 87, д. 99.
7. Национальный архив Республики Татарстан. Ф. 6, оп. 88, д. 84
8. Национальный архив Республики Татарстан. Ф. 6, оп. 92, д. 5.
9. Национальный архив Республики Татарстан. Ф. 310, оп. 87, д. 66.
10. Опись храмов, храмовых церковных зданий, храмового церковного имущества, движимого и недвижимого, передающегося (в) бессрочное и бесплатное пользование общине монашествующих и насельниц, основанного в 1795 году Свяжского Иоанно-Предтеченского женского монастыря, (находящегося в городе Свяжске по Троицкой ул.) Согласно положению Инструкции комиссариата юстиции по проведению в жизнь декрета от 23 января 1922 года об отделении церкви от государства.

11. Российский государственный архив древних актов. Ф. 237, оп. 1, д. 40, лл. 153–201. Опись Свяжского Троицкого монастыря 1701 года.
12. Российский государственный архив древних актов. Ф. 441, оп. 2, д. 466. Л. 1–2. Об ограблении церкви Троицы в Свяжске. 1766 г.
13. Рукописный фонд русского сектора отдела рукописей и редких книг научной библиотеки им. Н.И. Лобачевского Казанского федерального университета. Рукопись очерка М. Хронусова. № 1382.

II. Литература

14. Живописная Россия. Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении. Северная Россия. Т. 1. Часть 1. СПб., 1881.
15. Забалуева Т.Р. История архитектуры и строительной техники. М.: ЭКСМО, 2007.
16. Известия Императорского археологического общества. СПб.: Тип. Имп. Академии наук. 1864. Т. 4. Вып. 1.
17. Казанская губерния в 1726 году, по сочинению Кирилова: «Цветущее состояние Российскаго государства» и пр. / Памятная книжка Казанской губернии на 1861 г. Казань, 1861.
18. Казанская история / Подг. текста, вступ. ст., и примеч. Г.Н. Моисеевой. М.; Л., 1954. С. 84.
19. Корольков Н.Ф. Трифоно-Печенгский монастырь, основанный Преподобным Трифоном, просветителем лопарей, его разорение и возобновление. СПб., 1908.
20. Косушкин В.Ф. Иконостас Троицкой церкви / История реставрации объектов культурного наследия острова-града Свяжск. Казань, 2013. С. 107.
21. Красноречев Л.Е. Народное деревянное зодчество Новгородчины. Великий Новгород: Новгородский музей-заповедник, 2012.
22. Красноречев Л.Е. Народное деревянное зодчество Новгородчины. Витославицы. Великий Новгород / Новгородский государственный объединенный музей-заповедник, 2014.

23. Красовский М. Курс истории русской архитектуры. Часть 1. Деревянное зодчество. Издательство: Тов-во Р. Голике и А. Вильборг. Петроград, 1916.
24. Лангель И.Ф. Краткое медико-физическое и топографическое обозрение Казанской губернии и губернского города Казани / Сочин. г. надв. сов. и кав. Лангеля, Казанской врачебной управы инспектора. 1813. № 4. С. 3–24. № 5. С. 3–23.
25. Лангель И.Ф. Краткое медико-физическое и топографическое обозрение Казанской губернии и губернского города Казани. Казань, 1829.
26. Лурье Б.Д. Троицкая церковь // История реставрации объектов культурного наследия острова-града Свияжск. Казань, 2013. С. 87–91.
27. Лурье Б.Д. Троицкая церковь // История реставрации объектов культурного наследия острова-града Свияжск. Казань, 2013. С. 92–103.
28. Лицевой летописный свод XVI века: Научное факсимильное издание. Русская летописная история. В 23 томах. М.: Общество Любителей Древней Письменности. 2006–2012 г. Т. 20.
29. Мальцев А.П. Реставрация церкви пророка Ильи, что на Цыпинском погосте / Церковь пророка Ильи на Цыпинском погосте 1755. История. Реставрация. Люди. Вологда, 2009. С. 28–35.
30. Николаева. Троицкий Свияжский монастырь по Описи Троице-Сергиева монастыря 1641/1642 г. К вопросу об отношениях с приписными монастырями / Преподобный Сергей, «родом ростовец ...»: Материалы конференции. Ростов, 2014. С. 204–214.
31. Остроумов В.П., Чумаков В.В. Свияжск. История планировки и застройки. Казань, 2011.
32. Памятная книга Казанской губернии. Казань, 1866. Отдел 1У. Замечательныя селения по Волге в пределах Казанской губернии. С. 51.
33. Подъяпольский С.С., Бессонов Г.Б., Беляев Л.А., Постникова Т.М. Реставрация памятников архитектуры/ Под общей редакцией С.С. Подъяпольского. М.: Стройиздат, 1988.
34. Покровский И.М. Свияжский второклассный Иоанно-Предтеченский монастырь и его святыни. Казань, 1905.
35. ПСРА, т. XIII. Патриаршая или Никоновская летопись. М.: Наука, 1965.
36. Попов А. В., Шургин И.Н. О воссоздании русской плотничной технологии XVII–XVIII вв. при реставрации церкви Дмитрия Солунского в селе Верхняя Уфтьюга. М., 1993.
37. Попов А.В., Вахрамеева Т.И., Петрова Л.Л. Методические рекомендации. Приемы и способы реставрации памятников деревянного зодчества / Сборник материалов. Международная научно-практическая конференция по вопросам сохранения, использования и популяризации памятников древнерусского деревянного зодчества. Кострома, 03–06 сентября 2015 г. М., 2015.
38. Раимова Р.Р. Сергиевская церковь / История реставрации объектов культурного наследия острова-града Свияжска. Казань, 2013. С.157.
39. Саначин С. Старинные изображения Свияжска и события, с ними связанные. Казань. № 5, 2016.
40. Свод письменных источников по истории Свияжского края. Вып. 1. Источники по истории Свияжского края второй половины XVI в. Казань, 2011.
41. Свод памятников истории и культуры Республики Татарстан. Казань, 1999. Т.1.
42. Список с писцовой и межевой книги города Свияжска и уезда. Письма и межевания Никиты Васильевича Борисова и Дмитрия Андреевича Кикина (1565–1567 гг.). Казань, 1909.
43. Труды Казанского губернского статистического комитета, издаваемые под редакцией Члена и Секретаря Комитета Н.Н. Вячеславова. Выпуск 1-й. Казань, 1869.
44. Фехнер М. Великие Булгары. Казань. Свияжск. М., 1978.
45. Хронусов М. История Свияжского Иоанно-Предтеченского девичьего монастыря// Известия по Казанской епархии. 1870. № 19. с. 597–600; № 20. с. 524–635; №23. с. 729–735; 1871. № 11. с. 332–344; № 12. с. 359–365.

46. Шургин И.Н. Деревянные церкви первой половины XVII века без алтарного прируба / XVII век в истории и культуре Русского Севера. Материалы XII Каргапольской научной конференции. Каргополь, 2012. С. 85–93.
47. Энгельгардт А.П. Русский север: путевые записки. М., 2009.
48. Юдин П.Л. Свияжский Иоанно-Предтеченский девичь монастырь и его замечательныя святыни (Краткий исторический очерк). Казань, Типография губернского правления, 1897.
49. Яблоков, протоиерей. Город Свияжск, Казанской губернии и его святыни. Историко-археологический очерк, читанный на заседании членов церковно-археологического общества Казанской епархии. Казань, 1907.

III. Интернет-издания

50. Иванова Г.О., Попов А.В. Церковь Ризоположения из деревни Бородава. Реставрационные открытия// [Электронный ресурс] / Иванова Г.О., Попов А.В. – Режим доступа: http://www.rusarch.ru/ivanova_g.htm
51. Русские церкви. Успенская церковь. Ивановская область – Иваново город. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://russian-church.ru/viewpage.php?cat=wooden_architecture&page=11

Глава II.

Историко-архитектурные исследования

1. История строительства и реконструкций

Новый этап изучения Троицкой церкви связан с исследовательскими работами, начатыми в сентябре 2015 года под руководством А.В. Попова. Исследование памятника должно было заполнить образовавшиеся лакуны, развеять столетние мифы, разрешить различного рода сомнения и вопросы, касающиеся как строительной истории памятника, так и характера его отдельных конструкций. Особое внимание исследователей было направлено на изучение сложившихся технологических циклов, имевших место при строительстве Троицкого храма, что особенно актуально, так как без должного изучения технологии строительства, способов обработки материалов, без должного внимания к инструментарию, которым выполнялись работы по возведению сооружения после проведения реставрационных работ, памятник переходит в разряд безжизненных обезличенных мертвых симулякров.

Уже первый этап исследований вызвал недоумения, вопросы, сомнения, касающиеся датировки памятника, конструкций Троицкого храма, отдельных строительных приемов. Начнем с самого очевидного. Так, при ближайшем рассмотрении Троицкая церковь, датированная 1551 годом и названная в ранних документах «теплой», т. е. отапливаемой, оказалась «холодным» храмом. Об этом свидетельствуют приемы рубки ее основных частей – срубов кафоликона и трапезной, а также ряд иных особенностей. Известно, что срубы холодных строений рубили более плотно, тогда как в теплых постройках делали большие зазоры между бревнами, обрабатывали чаши и пазы скобелем, выполняли «поднутрение» – углубление пазов для того, чтобы образовалось больше места для межвенцового утеплителя. Наблюдение показало, что конструкции храма срублены плотно: бревна в чашах причерчены с большой точностью, без зазоров (рис. 8, 178); они плотно, без зазоров лежат в пологих широких пазах. Далее в срубе не обнаружено ни мха, ни льняных или конопляных очесов, которые обычно использовали в качестве утеплителя. На бревнах сруба отсутствуют характерные следы его конопатки деревянными или металлическими лопатками.

Напомним, в раннем документальном источнике, относящемся к 1565–1567 годам, церковь названа «теплой» [42, с. 35]. У нас нет оснований подвергать сомнению это сообщение, но, поскольку нет и сомнений в том, что исследуемый памятник архитектуры срублен «холодной» рубкой, он по определению не мог быть «теплым». Из всего сказанного возник самый главный вопрос: а та ли это Троицкая церковь, что построена в 1551 году?

Общеизвестно, что отапливаемые деревянные постройки сохраняются хуже, чем «холодные»¹. Могла ли «теплая» церковь простоять более четырехсот лет? Определенно, история русского деревянного зодчества не знает таких примеров. Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что в сохранившихся Описях 1641–1642 годов и 1701 года, храм не характеризуется как «теплый» [30, 46]. Напрашивается вывод о том, что мы имеем дело с памятником деревянного зодчества, не являющимся «теплой» Троицкой церковью 1551 года, за которую ее принимают вплоть до настоящего времени.

Вызывает сомнение интерпретация предшествующими исследователями маркировки срубов Троицкой церкви. Как известно, деревянные сооружения маркировали – «пятнали» в двух случаях: когда рубили сруб в другом месте и потом перевозили на постоянное или когда полностью разбирали сруб при крупном ремонте. Маркировку на срубах Троицкой церкви до сегодняшнего дня рассматривали как прямое доказательство подготовки их в Угличе для дальнейшей транспортировки на ладьях вместе с конструкциями иных строений для сборки и размещения непосредственно на Круглой горе. Поскольку имеем дело с иным сооружением, то, скорее всего, маркировка связана с полной переборкой сруба, при которой произведено кардинальное изменение храмового облика, о чем более подробно скажем в соответствующем разделе исследования.

Многие годы не было ясности в вопросе о материале, из которого срублена Троицкая церковь. Одни утверждали, что церковь выполнена из лиственницы [48, с. 9; 34, с. 17; 49, с. 39], другие, в том числе священник М. Хронусов, были убеждены, что она построена из соснового леса [45, № 1871 г., 11, с. 341]. Возможно, М. Хронусов не определял породу дерева в срубах сам, а воспользовался записями в клировой ведомости 1796 года, где сказано, что срубы церкви выполнены из сосны. Отдельные исследователи считали, что церковь построена из хвойного леса, срубленного на Круглой горе. Напомним, сооружений, срубленных по приказу Ивана IV в вотчине бояр Ушатых и привезенных на Круглую гору, не хватило, и многие строения были выполнены из древесины, полученной при расчистке площади для установки «города»-крепости [35, с. 164]. Частично вопрос

разрешился лишь в результате проведенного в 2016 году ксилотомического анализа древесины Троицкой церкви. Выяснилось, что при ее строительстве была использована сосна обыкновенная (*Pinus sylvestris*)², но место произрастания не было определено (Приложение 1). Вызывает вопросы и существование шатрового завершения храма в ранний строительный период в том понимании данного термина, которое есть у современных исследователей и специалистов.

Итак, первое, к чему пришли исследователи – Троицкая церковь, холодный храм Троице-Сергиева Свяжского мужского монастыря не является той первой церковью, что построена при основании Свяжской крепости.

Первый этап храмового строительства в Свяжске отмечен целым рядом упоминаний в исторических документах. Как известно, история покорения Казанского ханства неразрывно связана с именем Святого Преподобного Сергия Радонежского, перед чудотворным образом которого Иван IV молился, выступая в военный поход в 1552 году. За год до этого в Свяжской крепости на Круглой горе, возводимой по приказу царя, первыми были выстроены храмы, престол одного из них был посвящен Святому Преподобному Сергию Радонежскому Чудотворцу. Закладке этого храма и церкви Рождества Богородицы посвящена отдельная миниатюра в Лицевом летописном своде XVI века [28, т. 20, с. 444]. В миниатюре среди крепостных стен изображены два сруба: более крупный сруб имеет четыре венца, в его границах обозначено местопрестолие, другой – имеет три венца. В центре композиции на втором плане, за большим срубом, изображен поясной иконописный образ Преподобного Сергия Радонежского. Известно, что список с чудотворной иконы святого, находившейся в подмосковном Троице-Сергиевом монастыре, был установлен в иконостасе Сергиевского Свяжского храма. В миниатюре, вокруг начатых строений, изображены плотники с топорами, духовенство, воины в остроконечных шлемах (рис. 3). В тексте, сопровождающем миниатюру, читаем: «<...> и обложили город.

И церковь в городе заложили во имя Рождества Пречистыя и чудотворца Сергия. От образа же чудеса содеяша <...>» [28, т. 20, с. 444].

Освящение престола построенной в мае 1551 года Сергиевской церкви, документально подтверждено текстом антиминса, частично приведенного П.А. Юдиным в историческом очерке «Свяжский Иоанно-Предтеченский девичь монастырь и его замечательные святыни» [48]. Из него следует, что церковь освящена «<...> июня 4 дня при Царе Иоанне Васильевиче и при архимандрите Макарии, митрополите всея Руси, Нового-града³ соборной церкви Рождества Пресвятыя Богородицы протопопом Афо-

насием Антониевым с братиею» [48, с. 8]. В примечании внизу страницы, говорится о том, что антиминс долгое время находился в Иоанно-Предтеченском монастыре (напомним, размещавшемся с 1797 года на территории бывшего Троице-Сергиева монастыря) и был отослан «<...> из него 26 сентября 1842 года <...>» на хранение в ризницу кафедрального собора Казани [48, с. 8].

Церкви, главный престол которой освящен в честь Святого Преподобного Сергия Радонежского Чудотворца, отводилось главенствующее положение среди первых храмов новопостроенной крепости в связи с почитанием его как покровителя, небесного заступника русского воинства⁴. Заметим, что в походе на Казань в 1552 году войско Ивана IV сопровождали три полотняные походные церкви с причтом, одна из которых была посвящена Преподобному Сергию Радонежскому. Существенно также летописное упоминание о молении Ивана Грозного в Сергиевском храме Нова-града в августе 1552 года [34, с. 208–209].

Храм Святого Преподобного Сергия Радонежского Чудотворца стал ядром Свяжского Троице-Сергиева монастыря. Становление и развитие одной из первых монашеских обителей, возникших на вновь присоединенных к Московскому государству казанских территориях, происходило под эгидой подмосковного Троице-Сергиева монастыря. В статье Д.А. Мустафиной, предвещающей «Свод письменных источников по истории Свяжского края» [40], упоминается о том, что игумен Троице-Сергиева подмосковного монастыря Гурий получил в Свяжске место для устройства одноименной обители в период между 3 октября 1552 года и 17 марта 1554 года [40, с. 14]. Новооснованному монастырю были переданы во владение «<...> три пустоши, селища Киждеево и Городище, дикий лес, черный лес на Услоне и участок для неводной рыбной ловли» [40, с. 14]. Таким образом, следует, что монастырь к 3 октября 1552 года уже существовал.

Сергиевская церковь была холодной, т. е. неотапливаемой, но с основанием монастыря должна была появиться и теплая церковь для проведения служб в зимнее время и межсезонье. И этой теплой церковью была Троицкая церковь, входившая в ансамбль основанного Троице-Сергиева монастыря. Несомненным является факт ее сооружения до 1561 года, зафиксированный в грамоте архиепископа Макария, сторевшей «в приход» крымского хана [40, с. 14], по поводу которой монастырские (троицкие) власти хлопотали в челобитной о выдаче ее дубликата. Кроме того, напомним, что сведения о Троицкой церкви имеются в «Писцовой и межевой книге» 1565–1567 годов: «<...> теплая церковь живоначалная Троица <...>» поставленье церкви и все церковное строенье Троицкаго Сергиева монастыря большова» [42,

с. 35]⁵. Однако полной ясности в происхождении и времени строительства Троицкой церкви пока нет. Так, уже отмечалось, что ни один из известных документальных источников не содержит прямых указаний на Угличское происхождение Троицкой церкви и перевозку ее в Свяжск. И только в поздних документах появляются сообщения с привязкой строительства Троицкого храма к событиям 1551 года.

Безусловно, основатели Свяжского монастыря в посвящениях первых храмов символически воспроизводят облик метрополии, где Троицкий и Сергиевский храмы составляли ее основу, а в образе Преподобного Сергия Радонежского, как показано выше, воплощалась идея небесного патроната русского воинства, идея небесного благословения борьбы русского государства с посягавшими на его целостность ордями татаро-монгол.

Итак, ранние источники называют Троицкую церковь «монастырской», «деревянной», «теплой» [42, с. 35]. Что можно извлечь из того факта, что церковь была «монастырской», «теплой»? Поскольку Троице-Сергиев Свяжский монастырь был в прямом подчинении подмосковного Троице-Сергиева монастыря, то в нем действовал общежительный устав, который предусматривал общую трапезу для всех насельников. Таким образом, трапезная деревянного Троицкого храма должна была использоваться по своему прямому назначению. Троицкая церковь, вне всякого сомнения, имела отапливаемую трапезную палату. Таким образом, она предназначалась для общей трапезы монашеской корпорации и проведения службы в холодное время года. Скорее всего, первая Троицкая церковь не отличалась большими размерами и значительной высотой подклета, что позволяло обогреть ее объем.

Поскольку церковь была деревянным теплым храмом, то можно с достаточной степенью точности воспроизвести некоторые ее конструкции. Начнем со сруба. Срубные конструкции церкви должны были выполняться так называемой теплой рубкой, иначе церковь не отопить. Это означает, что бревна в чашу лежали с зазором, паз был широким, возможно с поднутрением. Такая рубка позволяла уложить межвенцовый утеплитель, в качестве которого употреблялись мох, конопляные и льняные очесы. Через год после осадки венцов срубные конструкции обычно конопятили, чем обеспечивалась максимальная монолитность сруба. Церковь, скорее всего, имела надподвальное перекрытие из балок-переводин и уложенных на них «подлапленных» для большей устойчивости плах, концы которых, скорее всего, укладывались в выбранные в соответствующих венцах сруба пазы. Такая конструкция пола была характерна для ранних деревянных построек, в том числе, к примеру, строений Татарской слободы Свяжска, в чем можно

убедиться в созданной в Свяжске экспозиции, посвященной археологическим находкам при раскопках Татарской слободы. Пол из зажатых в срубной конструкции тесаных плах составлял диск жесткости, придавая строению большую устойчивость. Конструкция чердачного перекрытия позволяла удерживать тепло в строении. И, скорее всего, церковь имела потолочное перекрытие с основой из «черепных» балок, накатника или плах, плотно причерченных друг к другу. Потолочное перекрытие в отапливаемых постройках утеплялось, в том числе предусматривались конопатка стыков, засыпка различными материалами, к примеру, прокаленной землей.

Архитектурный облик первого Свяжского Троицкого храма, характер его интерьеров, внутреннее обустройство могли быть близки к немногочисленным сохранившимся образцам ранних культовых построек. Начнем с того, что, скорее всего, первый Троицкий храм не имел алтарного прируба, и алтарь отделялся от того места, где находятся молящиеся, алтарной преградой, служившей для размещения иконостаса. Пример таких церквей дает уже упоминавшаяся выше церковь Положения Риз и Пояса Богородицы 1485 года из Бородавского погоста (находится на территории Кирилло-Белозерского монастыря, г. Кириллов, Вологодская область). Алтарь названной церкви обустроен в пределах четверика храма. Внутри него приблизительно одна треть объема отделена заборкой из вертикально установленных тесин, за которой был установлен престол, жертвенник, обустроен дьяконник. В архитектуре храма алтарь выделен понижением сруба и перекрытия, а также пониженной двухуровневой скатной кровлей (рис. 4).

Есть немало древних деревянных храмов с обустроенным внутри четверика алтарем. К примеру, церковь Бориса и Глеба, построенная в 1565 году святым Трифоном на реке Пазе, на границе России и Норвегии. Изображение этого храма, сгоревшего в 1944 году, воспроизведено в одном из томов «Живописной России» за 1881 год [14, с. 145], в путевых записках А.П. Энгельгардта [47, с. 91], в описании Трифоно-Печенгского монастыря, сделанном Н.Ф. Корольковым [19, с. 17]. В изображениях можно видеть, что присутствие алтаря обозначено только незначительным понижением высоты кровли над восточной частью храма. Описание церкви первой трети XVII века без выделенного алтаря в селе Юрино дано в статье И.Н. Шургина [45, с. 85–93]. Этот храм любопытен тем, что здесь алтарь вообще никак не выделен со стороны экстерьера.

Понимая силу и значение традиции в церковном зодчестве, можно с уверенностью утверждать, что существующая сейчас Троицкая церковь унаследовала часть особенностей ранней Троицкой церкви. Это, прежде всего, отсутствие алтарного прируба на

начальном этапе жизни церкви, в чем можно видеть одну из особенностей именно монастырских церквей при трапезных.

Перечисленные храмы, как и церкви Георгиевская в Юковичах, Лазаревская в Кижях, позволяют сделать предположение о возможном первоначальном завершении первой Троицкой церкви. Все они имеют или двускатные, или каскадные (те же два ската) кровли как над храмом, так и над трапезными при них. Одновременно существовали и церкви, где все объемы были перекрыты одной общей кровлей. В качестве примера приведем уже упомянутую выше Юринскую церковь. Над кафоликонами древних храмов устанавливали главки на невысоких барабанах, которые выносили или на рубленые небольшие четверики, или врубали прямо в гребень кровли. Среди ранних церквей встречались и вовсе безглавые.

Так, предположительно, Ризоположенская церковь на раннем этапе своего существования вообще не имела главы, и престол знаменовал только крест, установленный на коньке [13]. Несомненно, что отсутствие зрительно выделенного алтаря и двускатные кровли, перекрывающие клетки, – это характерные признаки ранних деревянных храмов, в число которых входила и первая Троицкая церковь Свяжского мужского монастыря.

Из всего вышесказанного следует, что первая Троицкая церковь была построена, возможно, между 1551–1561 годами. Совокупность рассмотренных обстоятельств позволяет реконструировать облик Троицкой церкви на самом раннем этапе ее существования. Скорее всего, это был небольшой храм, состоящий из ориентированных по оси восток – запад двух клеток, имевших общую стену между клетками трапезной и кафоликона.

В клетки кафоликона алтарной преградой отделялся алтарь. Над трапезной, скорее всего, была устроена двускатная или каскадная крыша, более высокий объем кафоликона имел также двускатную крышу. У западного входа трапезной должно было находиться крыльцо. Крыльцо могло быть устроено на невысоком рубленом рундуке, такая конструкция была очень широко распространена на протяжении длительного времени.

Первая Троицкая церковь, возможно, просуществовала до строительства каменного Сергиевского храма с трапезой, т. е. до 1604 года. После строительства теплого храма, главный престол которого был освящен в честь Преподобного Сергия Радонежского Чудотворца, нужда в отапливаемом храме с трапезной отпала. Кроме того, надо полагать, за прошедшие десятилетия сруб Троицкой церкви пришел в негодность, прежде всего, из-за конденсата, непременно образующегося по пазам отапливаемых строений, вследствие чего древесина поражалась гнилью. Кро-

ме того, на качестве срубных конструкций церкви могла сказаться спешка, с которой она возводилась, что, впрочем, касается всех сооружений раннего Свяжска. Так, при межевании, проводившемся через четырнадцать лет после строительства города и посада, уже отмечалось наличие развалившихся сооружений буквально в центре Нова-града: «<...> тут же на площади Государя Царя и Великого князя двор пуст неогорожен, <...> а на дворе хоромы добре ветхи, а иные хоромы развалилися <...>» [42, с. 36].

Известно, что в Свяжском мужском монастыре 7 октября 1604 года были освящены два храма – Сергиевский и Троицкий [38, с. 157]. В связи с этим, возможно, сообщение М.А. Люстрицкого о переосвящении престола холодной деревянной Сергиевской церкви, построенной в 1551 году, не лишено смысла. М. Хронусов указал на бездоказательность данного утверждения, но трудно предположить, что священник, прослуживший в Иоанно-Предтеченском монастыре пять десятков лет, без всяких на то оснований придумал эту историю на пустом месте. Не исключено, что М.А. Люстрицкий сообщал о переименовании как о бесспорном факте, на основании не только устных преданий, но и каких-то не дошедших до нас документов.

Таким образом, Троицкий престол в Свяжском мужском Троице-Сергиевом монастыре продолжал существовать, предположительно, в деревянном древнем холодном храме Преподобного Сергия Радонежского. По крайней мере, Опись 1641–1642 годов не называет Троицкий храм «теплым» [30]. По прошествии времени конструкции храма, построенного в 1551 году, пришли в негодность. И на его месте был заново выстроен деревянный Троицкий храм. Это произошло, судя по результатам дендрохронологического анализа, не ранее 70-х годов XVII века, так, по крайней мере, исследователи датировали бревна срубов существующей сейчас Троицкой церкви Иоанно-Предтеченского монастыря, с конца XVIII столетия занимавшего территорию и строения древнейшего Троице-Сергиева Свяжского мужского монастыря (Приложение 1).

Итак, реально существующая монастырская Троицкая церковь к сегодняшнему дню не имеет устоявшейся датировки. Можно лишь предполагать, что она была возведена в XVII веке (возможно в 1670-х годах, если дендрохронологическая датировка верна) и вплоть до 2010 года сохраняла тот облик, что был определен многочисленными ремонтами, переделками, перестройками XVIII, XIX столетий. Храм стоял на высоком кирпичном цоколе и состоял из ориентированных по оси восток – запад следующих объемов: пятигранного алтаря, почти квадратного в плане кафоликона, обширной трапезной, к западному фасаду примыкал притвор (терраса) стоечно-ба-

лочной конструкции, с севера и с юга к кафоликону были пристроены два зашитых крыльца, над кафоликоном возвышались один над другим два восьмигранных объема, малый – в металлической обшивке. Храм венчала обшитая металлом главка с кованым железным крестом. Двускатная стропильная крыша трапезной и притвора, а также восьмискатная крыша над кафоликоном и крыша над алтарем были покрыты железом. Все части храма были обшиты горизонтальной обшивочной доской. Кровли выкрашены в зеленый цвет, обшивка – в серовато-белый.

При ремонтных работах, проведенных в 2011 году, прежде всего, была демонтирована обшивка XX века, разобраны крыльца и притвор, изменена конструкция двускатной крыши трапезной, кровли над всеми объемами здания выполнены из ложенного теса, малый восьмерик обшит лемехом, снята металлическая главка с крестом и на их месте водружена луковичная глава, выполненная по новым журавцам, покрытая осиновым лемехом, с трех сторон устроено деревянное открытое гульбище с односклонным крыльцом, пристроенным с запада, открытые части храма обшиты горизонтальной обшивочной доской.

2. Архитектура и конструкции церкви

Процесс архитектурного исследования памятника дал возможность выявить ряд особенностей в конструкциях и строительных приемах, выявленных в ходе изысканий, проведенных в 2015–2016 годах.

Срубы кафоликona и трапезной

Два основных объема – кафоликон и трапезная Троицкой церкви – срублены из круглых бревен, протесанных со стороны интерьера. Два нижних венца и два верхних оставлены круглыми. Соединение бревен в венцах в углах срубов произведено «в чашу с остатком» (рис. 6, 132). Два рубленых разновеликих сруба, следующих один за другим по оси восток – запад, имеют общую стену, которая одновременно является восточной стеной трапезной и западной стеной храма. Бревна переруба протесаны с двух сторон. Срубовые конструкции трапезной и кафоликona относятся к первому строительному периоду, ориентировочно к 1670-м годам.

Первоначально храм занимал почти квадратную в плане рубленую восточную клеть размером 7,15 × 6,97 м (по наружным стенам), которая разделялась иконостасной преградой на алтарь и ту часть, которая предназначалась для молящихся. Об этом свидетельствуют следы от установки тябел иконостаса на северной и южной стене в интерьере кафоликona (рис.

127). Для храма, выстроенного в последней трети XVII века, это достаточно архаичное устройство кафоликona и алтаря, которое может найти свое объяснение в желании монастырских властей увековечить в архитектуре нового храма основные черты древней Троицкой церкви.

Примыкающая к кафоликону с востока трапезная в плане представляет собой квадратную клеть размером 8,39 × 8,37 м (по наружным стенам). Высоту ее стен (вместе с подклетом) изначально составляли двадцать венцов, сейчас, судя по имеющейся маркировке, осталось только тринадцать с половиной. Трапезная Троицкого храма немного шире церкви, и соединение обоеих четвериков осуществлено следующим образом: в подклете соединение выполнено «в чашу с остатком»; выше пола – первое бревно южной и северной стен церкви проходит насквозь восточную стену трапезной, т. е. соединение произведено также, как и в подклете, – «в чашу с остатком» (по наблюдению, «остаток» позднее был обрублен); начиная со второго венца над полом, соединение бревен произведено «в чашу в полдерева» (рис. 133); выше потолка трапезной северная и южная стены четверика кафоликona соединяются с западной стеной вновь «в чашу с остатком». Южная и северная стены трапезной соединяются с западной стеной, общей для кафоликona и трапезной, «в чашу с остатком» на всю высоту их пересечения (рис. 6, 28).

Во всех стенах срубов Троицкой церкви укладка бревен произведена с чередованием «комель – вершина». На концах некоторых бревен сохранились берестяные пояски или следы от них (рис. 7, 8, 106, 108). По наблюдению Б.Д. Лурье, плотная берестяная опояска предохранением от разрушений «остатка» бревна, примыкавшего к «чаше», который является наиболее уязвимой частью и где при ремонте срубов, связанном с полной переборкой, были неизбежны сколы. Скорее всего, опояска была выполнена во время разборки срубовых конструкций при полной перестройке, когда прирубался пятигранный алтарь, выполнялось новое завершение храма из двух чередующихся восьмериков и главы.

Северный прируб трапезной

В Свяжской Троицкой церкви к северной стене трапезной была прирублена дополнительная клеть. О существовании пристройки у трапезной свидетельствуют сохранившиеся врубки на наружной поверхности северной стены (рис. 9, 12, 14) и небольшой заложный дверной проем, соединявший трапезную с пристройкой (рис. 11). По сохранившимся следам и форме врубок пристройка реконструируется как рубленая из круглого леса, с протесанными внутри стенами. Соединение восточной и западной ее стен со стеной трапезной осуществлялось при помощи врубки «в полдерева» (рис. 133). О том, что при-

стройку рубили одновременно с трапезной, говорит и характер врубок в стене трапезной: рубили их сверху, а это возможно лишь при условии, что при этом не было вышележащего бревна в стене.

Размеры пристройки были невелики, один из параметров пристройки – длина по оси восток – запад определяется по расстоянию между врубками восточной и западной стен и составляет 4,35 м. Ширину пристройки определить невозможно, но явно ее площадь, в зависимости от плана, составляла не менее 12 и не более 16 кв. м.

О перекрытии, характере крыши и завершении данного объема также можно строить лишь предположения, так как никаких следов не осталось. Придел мог иметь односкатную крышу, склон которой был направлен с юга на север. Высота кровли трапезной не позволяла сделать двускатную крышу со скатами на восток и на запад, а скаты, ориентированные на юг и север, создали бы проблемную зону в месте примыкания южного ската к стене трапезной из-за неизбежного в таком случае переувлажнения. Но мы видим, что верхние бревна северной стены трапезной не повреждены гнилью, т. е. не подвергались постоянному намоканию.

Характер использования прирубленной клетки пока неясен. Возможно, что утраченная клеть служила келарской при трапезной Троицкого храма.

Не исключается также и иной характер использования пристройки. Можно предположить, что пристройка являлась приделом (маленькой церковью-капеллой), тем более что и в Описи 1701 года она значится как «предел» [11, л. 169].

Остается много неясного относительно архитектуры «предела». Так, по существующим аналогам можно предположить наличие восточного алтарного прируба у придела-капеллы, как это имеет место у ряда памятников, к примеру, церкви Покрова Богородицы в селе Муссы (в настоящее время село срослось с городом Сольцы, районным центром Новгородской области. – Прим. авт.) [20, с. 94–94]. Возможно, что придел и трапезная имели общую крышу, тем более что врубки, оставшиеся от слег в подкровельном пространстве над трапезной, «не укладываются» в традиционные системы подкровельных конструкций.

Известно, что придельные храмы («пределы»), отличавшиеся незначительными размерами, возникали, как правило, по каким-то значительным внутренним монастырским причинам. Это могла быть инициатива богатого покровителя, вкладчика, или личное желание кого-то из высших иерархов, или необходимость в прославлении местного канонизированного святого. Строительство и освящение придельного храма могло происходить в поддержку общей для церкви и государства инициативы. Возможно, однако, под словом «предел» имелось в виду чисто бытовое понимание приделанной, при-

строенной дополнительной структуры хозяйственного назначения.

Предположению о культовом назначении пристроенного объема не противоречат следы лавок, которые имелись вдоль восточной и западной его стен, врубки от которых имеются на стене трапезной (рис. 10, 11, 13). Наличие пристенных лавок в алтарях как храмов, так и приделов диктовалось необходимостью церковной службы. Но при внимательном изучении заложной двери обнаружился след еще одной лавки, которая шла вдоль северной стены трапезной внутри пристройки (рис. 10). Лавка шла вдоль теперешней внешней стороны северной стены трапезной от двери и, скорее всего, соединялась в углу с лавкой, имевшейся вдоль восточной стены «предела». Такое устройство лавки не могло не помешать возведению иконостаса придела. Кроме того, настораживает отсутствие в Описи 1701 года сведений об обустройстве «предела», где должно обязательно присутствовать перечисление убранства алтарной части, состав икон в его иконостасе. Кроме того, упомянутая Опись 1701 года называет Троицкий храм одноглавым [11, л. 169]. Как известно, освященные престолы придельных храмов отмечались если не главкой с крестом, то, по крайней мере, одним крестом. В Описи 1701 года сведений о главке или кресте нет.

Если перед нами культовое сооружение, тогда подпольное пространство придела должно было быть глухим, не допускающим проникновения ни человека, ни животного, так как в приделе устанавливался и освящался престол, а в землю под ним закладывался крест. Следовательно, из предположений о конструкции основания придела исключаются столбы, а также невозможно и ряжевое устройство.

Упомянутый выше дверной проем, соединяющий трапезную и пристройку, был очень небольшим, занимал в высоту шесть бревен сруба, что более соответствует хозяйственному, а не культовому характеру использования пристройки (рис. 9, 11, 14).

Разборка пристройки, скорее всего, связана с полной переборкой храма. Состояние древесины северной стены трапезной таково, что с полной уверенностью можно утверждать: бревна стены находились под прикрытием и не подвергались прямому воздействию инсоляции и атмосферных осадков. Часть северной стены, что входила в интерьер пристройки, была протесана (рис. 9, 14). После разборки строения и возведения паперти (или галереи-«гульбища») протесали оставшиеся «круглыми» части стены справа и слева (рис. 136), в результате чего врубки от бревен сруба пристройки стали очень неглубокими. Остатки чаш тем не менее не украшали стену, поэтому вдоль них прорубили штрабы, в которые вставили тесины, прикрывшие следы врубок (рис. 134). Тесины прибили коваными гвоздями, которые частично сохранились (рис. 14).

Маркировка срубов церкви

На различных конструкциях Троицкой церкви сохранилась маркировка: она нанесена на бревна срубов, балки чердачного перекрытия и тесины забирки потолка, уложенные «в косяк». Напомним, что маркировка выполнялась в случае, если сруб перевозили, предположим, из того места, где его рубили, на постоянное место. Также «пятнали» срубы и иные конструкции при ремонте сооружения, предусматривавшем его полную переборку. Маркировочные знаки, обнаруженные на данном памятнике, исследователи интерпретировали по-разному. Так, в силу устоявшегося мнения о выполнении срубов Троицкой церкви в волости бояр Ушатых маркировку рассматривали как прямое доказательство ее перевозки в Свяжск. Поскольку последний Троицкий храм срублен на месте, то маркировка была нанесена перед кардинальной перестройкой храма в конце 1730-х – начале 1740-х годов, чему есть немало доказательств, которые приведем ниже.

Марки, имеющиеся на срубовых конструкциях Троицкой церкви, различны. На бревне северной стены кафоликона наблюдается марка из косых длинных неровных зарубок (рис. 28, 29, 32); на бревнах его западной стены, выше потолка прирубленной трапезной – знак из косых крестов, выполненных из двух перекрещивающихся зарубок, нанесенных, возможно, топором (рис. 68); имеются марки и на бревнах южной стены кафоликона (рис. 30, 31), а также обнаружена маркировка на восточной стене в подкровельном пространстве алтаря (рис. 33); на бревнах южной стены трапезной нанесены прямые вертикальные короткие зарубки, выполненные, скорее всего, просеком (рис. 23 – 27); на бревнах ее западной стены – небольшие аккуратные V-образные зарубки, вероятно, выполненные долотом (рис. 18). По наблюдению, маркировка срубов трапезной нанесена «по стопам», состоявшим из десяти венцов, через десять бревен маркировка начинается с единицы. Таким образом, количество значков-«марок» на бревне обозначает его порядковый номер в стопе сруба.

Маркировка бревен по стопам четко прослеживается на стенах трапезной. Анализируя маркировку на южной ее стене, приходим к выводу, что, на первый взгляд, она не вполне соответствует принципу «стопности», так как на одном из подоконных бревен стоит восемь зарубок, а на вышележащем – пять. Но все становится понятно, если внимательно рассмотреть расположение зарубок на бревне, где были обнаружены остатки опоры подмостей (о подмостях см. ниже). Так, между шестой и седьмой зарубками имеется неоправданно большая пауза, но именно в этом месте пробито гнездо для опоры-«пальца» вспомогательной строительной конструкции, которое и уничтожило одну зарубку маркировки. Совершенно очевидно,

что это было не восьмое, а девятое бревно «стопы». На вышележащем бревне стоит только пять зарубок, но бревно является десятым в стопе. Здесь также часть марки уничтожена, но уже затеской на конце бревна, вышедшего «в свет» прорубленного оконного проема. Маркировку последующих трех бревен, которые должны были иметь порядковые номера третьей «стопы» и состоять из одной, двух и трех марок, также «съели» затески. В том, что наше предположение верно, убеждает маркировка бревен, расположенных выше оконного проема. На них стоит соответственно четыре и пять зарубок, т. е. все эти бревна действительно являются частью третьей от земли стопы (рис. 24). Таким образом, благодаря маркировке становится понятно, что двойное окно трапезной появилось при кардинальной перестройке церкви, когда пристроили пятигранный алтарный прируб и возвели восьмерики над срубом кафоликона.

До сих пор мы рассматривали маркировку бревен сруба начиная с девятого бревна первой стопы. А что же внизу? Ниже девятого бревна сохранились только два бревна с восемью и семью зарубками, т. е. от первой стопы мы имеем только четыре бревна. Остальные шесть бревен, как нам стало известно из вышеизложенного материала, были удалены из сруба трапезной при выполнении кирпичного цоколя в 1797 году (пять бревен) и при его ремонте в 1882 году (одно бревно).

Особенно любопытна маркировка западной стены трапезной. Марки, нанесенные здесь, имеют вид небольших аккуратных V-образных меток. Они расположены слева от входной двери, ближе к северо-западному углу, и нанесены не строго одна над другой, а с большим сдвигом вправо на нижних бревнах. Очевидно, маркировке «помешала» имевшаяся здесь на тот период врубленная в стену лавка (рис. 18). Выше, над второй штрабой, отмечающей уровень лавки, возможно, восстановленной после каких-то ремонтных работ на паперти, метки уже поставлены со сдвигом к углу по отношению к меткам, имеющимся на нижних бревнах. Кстати, рассмотренные марки разметки западной стены позволили понять, что паперть возле западной стены возникла задолго до полной перестройки храма.

Срубная конструкция трапезной имеет достаточно четкую, хорошо прослеживающуюся маркировку с южной и западной сторон сруба, обнаружены марки и на ее северной стене.

Восточная стена трапезной одновременно является западной стеной церкви. Маркировка в виде косых крестов сохранилась на бревнах в юго-восточной и северо-восточной частях стены со стороны трапезной, т. е. справа и слева от существовавшего дверного проема (рис. 16, 17) и окон-«прозоров», о которых скажем ниже. Марки продолжают и на бревнах, лежащих выше потолка трапезной в чердачном пространстве,

т. е. практически на внешней стене кафоликона (рис. 68). Данная разметка дала повод для размышлений по поводу строительной истории этих двух главных объемов Троицкой церкви. Пока не найдено объяснения, каким образом черепной венец трапезной имеет девять марок второй стопы сруба, а противоположным концом балки перекрытия врезаны в бревно в стене кафоликона с меткой из двух марок третьей стопы. Получается, что сруб кафоликона выше на три бревна. Как это могло произойти? Кстати, Б.П. Зайцев, который исследовал и готовил документацию для реставрации Троицкой церкви, также был озадачен трудностями интерпретации маркировки западной стены. В результате появился документ – «Пояснительная записка», в которой он объясняет отказ от отдельных позиций уже утвержденного 7 января 1978 года проекта реставрации: «Отказ от проектного решения по восстановлению сруба от валунного фундамента вызван не только соображениями практического характера, но и противоречивым количеством недостающих венцов самой храмовой части и трапезной – в три венца» [8].

Следует заметить, что марки на бревнах в интерьере трапезной отличаются от тех, что имеются на бревнах западной стены кафоликона над чердачным перекрытием трапезной. Разница, возможно, происходит оттого, что верхние марки выполнены на поверхности круглых бревен, в то время как в интерьере – на протесанной поверхности, кроме того, в XIX веке протесанные стены были «обновлены» скобелем.

Вернемся к маркировке южной стены кафоликона. Здесь вызывает любопытство одно из бревен с восемью марками на южном фасаде. Оно находится в закладке «красного» окна. Это бревно однозначно «вторичного использования». Марки нанесены, скорее всего, топором. Они имеют вид креста. По начертанию марки схожи с теми, что имеются на западной стене кафоликона, выше потолка трапезной. Оно могло происходить как из состава стен разобранного «предела», так и из отбракованных при переборке бревен западной стены кафоликона.

Следы вспомогательных строительных конструкций – подмостей или лесов на срубах

Южная стена трапезной чрезвычайно интересна тем, что сохранила немало свидетельств ремонтов и переделок, а главное, следы от вспомогательных строительных конструкций – строительных лесов, подмостей. Когда мы говорим о средневековых строительных лесах, то не следует представлять мощную конструкцию из стоек и дощатых настилов. Трудоемкость и дороговизна обработанных материалов не позволяли древним строителям широко использовать их для подсобных целей. Кроме того, следует помнить,

что обработка поверхности бревен для установки их в срубную конструкцию осуществлялась на земле, а затем бревна поднимались на сруб и укладывались на место. Поэтому средневековые приспособления для работы на высоте выглядели довольно скромно, и существовало множество их вариантов, которые зависели от высоты строящегося сооружения, особенностей планировки, поставленных задач, навыков и умений строителей, способов подъема бревен на сруб.

На южной стене, на первом бревне над полом, примерно посередине находится гнездо, вырубленное топором в форме двойного «ласточкиного хвоста» (двусторонний «сковородень») (рис. 39). Такое же гнездо есть на девятом бревне. Промежуточное гнездо должно было находиться на уровне пятого венца, но в этом месте позднее прорубили окно и среднее гнездо оказалось уничтоженным.

Как и для чего делали леса, а правильнее называть подмости, остатки элементов которых рассматриваются в данном случае? Как представляется, по мере того, как сруб рос в высоту, необходимы были приспособления для причерчивания выше- и нижележащих бревен друг к другу. Когда строители достигали определенной высоты, на которой уже невозможно было осуществлять причерчивание, стоя на земле, то между двумя выпусками бревен противоположных стен (в нашем случае между западной и восточной стенами) укладывалась тесина или плаха, концы которой опирались на более длинные выпуски бревен, связанных врубками в углах сруба. Чтобы при нагрузке не было провисания и опасности перелома тесин настила, под среднюю их часть устанавливали опору в виде стержня – «пальца», конец которого в форме двойного «ласточкиного хвоста» был заложен в сруб (рис. 38, 137, 138). Этот конец соответствовал форме вырубленного в соответствующем бревне гнезда, а сверху прижимался вышележащим бревном, т. е. ни при каких обстоятельствах средняя опора настила не могла вылететь из гнезда. Наружный конец «пальца» подпирали стойкой. По мере подъема вверх плахи или тесины настила снимались с нижнего уровня и устанавливались на более высоком, а «палец» оставался в гнезде. На трапезной расстояние между двумя уровнями настила, определяющиеся по остаткам «пальцев», составляет примерно сто двадцать сантиметров, что было достаточно для осуществления причерчивания при укладке очередного бревна. После завершения работ на высоте длинные выпуски бревен обрубали, также как и промежуточные опоры-«пальцы» (рис. 38).

Поскольку причерчивание бревен выполнялось при строительстве храма, то можно утверждать, что отмеченные следы строительных подмостей относятся ко времени его сооружения. Этот вывод подтвер-

ждают и гнезда для установки «пальцев», вырубленные по сырому дереву. Рубили гнезда со стены, топор находился под наклоном примерно в 15 градусов, как при теске, когда плотник стоит во весь рост и наносит удары, почти не наклоняясь. Доказательством изначального происхождения гнезд может служить и то обстоятельство, что сейчас в них отсутствуют концы «пальцев». Выше уже отмечалось, что удалить опоры после установки верхнего бревна невозможно без разборки сруба. Если сооружение возводили на постоянном месте, то выступающие опорные части «пальцев» обрубали заподлицо с поверхностью бревна, а конец, зажатый бревнами сруба, оставался на месте. Имеющиеся гнезда сейчас пусты, поскольку оставшиеся части опор просто выпали из гнезд при переборке срубов в другой ремонтно-строительный период (рис. 39), смеем предположить, что это произошло при первой полной переборке сруба в XVIII веке.

Вспомогательные строительные конструкции имели множество вариантов воплощения, которые диктовались их назначением. Так, возле двойных окон кафоликона и трапезной, возле южного окна алтаря, а также справа и слева от южного дверного проема кафоликона обнаружены достаточно глубокие прямоугольные гнезда с сохранившимися в некоторых из них остатками концов деревянных опор. Исследование показало, что в данном случае мы имеем дело с остатками строительных подмостей, организованных специально для проведения работ по подготовке оконных проемов и установке в них заполнений (рис. 139).

Рассмотрим данный материал подробнее, начав с южной стены трапезной. Здесь под двоянным окном, расположенным посередине между двумя волоковыми оконными проемами, в бревне были обнаружены два углубления прямоугольной формы, в которые устанавливались опоры-«пальцы», элементы конструкции строительных подмостей (рис. 92). Предположительно, процесс подготовки подмостей выглядел следующим образом: изнутри трапезной вырубали оконный проем, затем, воспользовавшись им, плотник долотом делал гнезда под опоры подмостей на внешней стороне сруба, вставлял в гнездо нужной длины кусок дерева, укреплял его с помощью вбитых клиньев. Концы опор, как и в лесах для причерчивания бревен сруба, закрепляли в стойках, стягивавшихся веревками, на опоры клали тесины (рис. 139). В результате получался своего рода балкон, на который выходил плотник, чтобы «забрить» проемы, сделать затески на концах бревен, подходящих к проему справа и слева, причертить косяки, выполнить соответствующие врубки, установить косяки или оконные колоды. После выполнения работ настил убрали, опоры срубали заподлицо, оставляя только фрагменты, закрепленные в гнездах.

По наблюдению, в новых строениях оконные проемы прорубали по мере их возведения, и порядок выполнения работ был несколько иным. К примеру, проем вырубали, стоя на внешних лесах. Данная конструкция подмостей потребовалась для выполнения новых оконных проемов при переборке храма, когда внешние леса не возводились. Таким образом, наличие следов дополнительных подмостей может свидетельствовать о появлении того или иного оконного проема в определенный ремонтно-строительный период. Следы этого вида вспомогательной конструкции можно наблюдать на южной стене сруба кафоликона, возле нового окна первого светового уровня, которое позже было преобразовано в южный дверной проем (рис. 93), а также у двойного окна в верхнем световом уровне на той же стене. Любопытно, что южное алтарное окно также было выполнено с установкой описанных нами вспомогательных конструкций, в то время как восточное и северо-восточное окна алтаря выполняли с применением лесов иного устройства, не оставивших видимых следов на срубе памятника.

Подклет и кирпичный цоколь Троицкой церкви

Из Описи Свяжского Троице-Сергиева монастыря 1701 года известно о том, что у Троицкого храма имелся подклет [1]. Существование подклета подтверждает и сохранившаяся маркировка бревен срубов, благодаря которой удалось установить, что высота его составляла не менее шести венцов. Таким образом, с полным основанием можно утверждать, что рубленный подклет существовал с момента строительства храма и до сооружения кирпичного цоколя в 1797 году [45, № 11, 1871, с. 332]. План подклета должен был соответствовать планировке самой церкви, и рубка его узловых соединений, скорее всего, была такой же, что и у находящихся выше частей срубов.

Каким же был подклет Троицкой церкви? Об устройстве подклетов вообще известно немного, так как эта тема отдельно никем из исследователей деревянного зодчества не затрагивалась. Некоторые представления об устройстве подклета могут дать дошедшие до нас, хотя и более поздние, но сделанные в архаической традиции храмы Севера России, например, церковь Дмитрия Солунского 1784–1786 годов в Верхней Уфтьюге [36], церковь Ильи Пророка 1755 года в Цыпино [29]. Оба храма стоят на высоких подклетах. Подклеты под алтарной частью храма отделены глухой стеной от подклетов кафоликона. Они являются недоступными из-за особой сакральности места. В Уфтьюгской церкви подклеты средохрамия и трапезной разделены стеной и не сообщаются между собой. Каждый из этих объемов имеет свой вход с улицы. В Цыпинской церкви восьмериковый подклет средохрамия сообщается через дверь в стене с подклетом

трапезной, поэтому существует только один дверной проем, ведущий с улицы в нижнюю часть строения.

Подклеты традиционно использовали в качестве хозяйственных помещений. Но, как правило, для хозяйственных целей приспособляли пространства под трапезной или притвором, поскольку притвор в символике храма играл роль грешной земли, где стояли оглашенные, а также прихожане, по тем или иным причинам не считавшие себя достойными войти в данный момент в храм. В архивных документах нередко упоминается о хозяйственном использовании именно этой части подцерковья. К примеру, в документе начала XIX века, который озаглавлен «Книга для записи церковного имущества» церкви Козьмы и Дамиана в Леждомском погосте Вологодской губернии имеется текст следующего содержания: «<...> Под притвором онбар казенной и в нем хранится мука на просфоры, и свечи» [4, л. 2 об.].

В подклетах хранили предметы, связанные с церковным обиходом, обветшавшую церковную утварь и, как видим, муку, свечи.

Очевидно, что хранение муки, свечей и прочего требовало определенных условий, а главное – сухости помещения. Поэтому в подклетах, помимо разного рода приспособлений для хранения (полки, лари, бочки и т. п.), настилали полы. Относительно устройства полового настила можно с большой долей уверенности утверждать, что в древних храмах он состоял из плах. Это был свободно лежащий настил по лагам или по балкам из плах, концы которых зажимались в вырубленных для этого пазах между венцами сруба. Сохранившиеся деревянные церкви, как правило, утратили нижние венцы срубов в результате ремонтов, проводившихся в конце XIX – начале XX века. Во время ремонта убрали и полы. После таких работ храм оставался с земляным полом, а информация о первоначальном обустройстве подклета нигде не фиксировалась.

Долгое время считалось, что в подклетах Цыпинской церкви Ильи Пророка, церкви Дмитрия Солунского из Верхней Уфтьюги были земляные полы. Но в результате проведенных исследований установлено, что первоначально в обоих храмах под средохрамием существовали деревянные полы, остатки которых сохранились в земле. Полы были выполнены из плах, и, на первый взгляд, их устройство не отличалось от полов верхнего этажа. Но функциональные особенности подклета и храмовой части диктовали свои требования к выполнению половых конструкций. Большая нагрузка на пол в храме вынуждала строителей устанавливать двойные балки во избежание «зыбкости» покрытия. Для полов подклетов парные балки не ставили. Одинарные балки в подклете врубались между первым и вторым венцом, чтобы максимально сохранить высоту подпольного пространства, которая значительно

сократилась бы при установке парных балок. Порог вырубался во втором бревне сруба, так чтобы половой настил находился чуть ниже входа в подклет. Делать входной проем выше второго бревна было нецелесообразно еще и потому, что при значительной толщине бревен окладного венца порог находился бы на большой высоте, что затрудняло вход в подклет. В тех случаях, когда порог делали выше второго бревна, ко входу приставляли крыльцо. При значительной площади подклета пролет между балками был большой, и, чтобы избежать «зыбкости» подклетного пола, под балки устанавливали подпоры в виде обрубов бревен. Имелся ли пол в подклете Троицкой церкви? На этот вопрос можно будет ответить после археологического обследования подцерковья.

Поскольку в восточной части сруба Троицкой церкви изначально размещался алтарь со святым престолом, то, скорее всего, все подцерковье было недоступным. А для хозяйственно-бытовых нужд могло быть использовано лишь пространство под трапезной – притвором. Что касается организации доступа в подклет, то входной проем мог находиться или с западной, или с южной стороны сооружения. Основанием для такого утверждения служит планировка территории: монастырь имел ограду, находившуюся в большой близости от северной стены церкви, что исключало устройство в ней входа в подклетную часть трапезной. Кроме того, по документам [1] и следам от конструкции на стене трапезной мы знаем о существовании «предела» с северной ее стороны. Все это исключало размещение входа в подклет с северной стороны.

В настоящее время деревянная Троицкая церковь стоит на высоком кирпичном цоколе, выполненном в 1797 и отремонтированном в 1882 году (рис. 140–141). Для того, чтобы поставить срубы церкви на цоколь, деревянный рубленный подклет разбирали «захватками». Принимая во внимание, что в среднем два венца составляли по высоте около 0,6 м (возможно, и выше, поскольку нижние, окладные венцы строений, в том числе и храмов, обычно выполнялись из бревен большего диаметра), следует признать, что церковь утратила не менее 1,8 м высоты. Судя по сведениям, полученным из монастырских документов, шестой венец срубовой конструкции удалили при ремонте цоколя в 1882 году [45, 46].

Надо полагать, кирпичный цоколь был устроен на фундаменте, который до сегодняшнего дня специально не исследовался. Можно лишь предполагать, что его выполнение относится к 1797 году. Ранее уже говорилось о необходимости археологического обследования в объеме подклета, что позволит установить характер фундамента, степень его работоспособности, а также разрешит вопросы, связанные с основанием сооружения.

Существующая кирпичная кладка цоколя несет следы двух строительных или, точнее, ремонтно-строительных периодов (рис. 42). Так, нижняя часть цоколя выполнена крестовой кладкой с аккуратными ровными швами. При этом в качестве связующего использован известковый раствор. Кладка верхних рядов цоколя и кладка в отдельных его «провалах» выполнена так называемой фламандской кладкой на известково-цементном растворе, с небрежно выполненной проливкой швов, с обильными подтеками раствора, засохшего на поверхности. Более качественно выполненная часть кладки цоколя должна быть отнесена к работам 1797 года, а вычинки и верхние ряды кладки явились результатом ремонта 1882 года.

За прошедшие после подводки цоколя годы культурный слой вокруг церкви значительно вырос, на что указывает разное количество рядов кладки, находящихся над поверхностью земли внутри и снаружи сооружения (рис. 43). В подполье над землей находится девятнадцать рядов кладки, с улицы местами видно менее десяти рядов, т. е. поверхность земли, окружающая церковь, оказалась значительно выше, чем внутри нее.

Напомним, что в 1797 году цоколь, который назван в монастырских документах «фундаментом», «был подведен с трех сторон церкви [45, 1871 г., № 11, с. 343]. Надо полагать, на момент ремонтных работ конца XVIII века нижние венцы пятигранного алтаря были в хорошем состоянии, и подводить фундамент, выкладывать цоколь, удалять венцы сруба алтаря не стали именно по этой причине, тем более что средства для проведения работ были весьма ограничены. И лишь при ремонтных работах 1882 года под алтарем возвели и фундамент, и цоколь, о чем можно предположить исходя из того, что кирпич, употребленный для этих работ, однороден по качеству, кладка выполнена с чередованием «тычковых» рядов с «ложковыми», как в вычинках и верхней части цоколя под кафоликоном и трапезной. Кроме того, выполненная работа не отличается аккуратностью: видны застывшие потеки цементного раствора на всей поверхности кладки. Характерные особенности кирпича, состав связующего, качество выполнения работ, рисунок кладки – все соответствует поздней кладке 1882 года и ремонтным вставкам того же времени, что можно наблюдать на цоколе под основной частью строения.

В поперечных стенках цоколя устроены проемы, которыми соединяется подпольное пространство всех частей сооружения. Под западную паперть сплошной цоколь был подведен только с северной и южной сторон, а с западной – установлены два квадратных в плане столба. Такие же столбы, служащие опорами для половых балок, выложены и в подпольном пространстве. В алтаре половая балка, установленная по направлению восток – запад, опирается

на один столб, ее концы заведены в кладку стен цоколя. Две балки под кафоликоном и три под трапезной уложены по направлению север – юг, под их концы в стенках устроены выносы кладки, что позволило значительно увеличить площадь опоры балок (рис. 41).

Для проветривания подполья в цоколе устроены продухи, в которые вставлены металлические решетки. Продухи расположены так, что движение воздуха осуществлялось по всему объему подпольного пространства. Единственный продух под алтарем сделан в восточной грани цоколя и находится на одной оси с проемами в поперечных стенах подцерковья, т. е. сквозняк свободно проходил по всей продольной оси подполья. Под средохрамом устроены три продуха: два в северной и один в южной стенах; под трапезной находятся четыре продуха в противоположных стенках, что позволяло потокам воздуха двигаться в разных направлениях. По-видимому, во время ремонтных работ советского периода один из продухов трапезной был полностью закрыт кирпичной кладкой, а продух в южной стене церкви заложен наполовину.

Первоначальное завершение Троицкого храма

Деревянная Троицкая холодная церковь на первом этапе своего существования состояла из двух смежных срубов разной высоты, поставленных по оси восток – запад и небольшого прируба с севера (рис. 156). В западном срубе располагалась трапезная (притвор), в восточном – кафоликон и алтарь, разделенные иконостасной преградой, прируб, возможно, имел хозяйственное назначение.

Четверик, где располагался собственно храм, был выше, но немного уже сруба трапезной и позже (приблизительно конец 1730-х – начало 1740-х годов) получил завершение в виде поставленных друг на друга восьмериков (рис. 158). В различных публикациях прочно утвердилось мнение о первоначальном завершении Троицкого храма в виде многогранного шатра. Во всех без исключения публикациях второй половины XIX – начала XXI века при описании храма обязательно упоминают его шатровое завершение [44, с. 225; 31, с. 24; 40, с. 216; 39, с. 66]. Существуют графические реконструкции церкви, где ее венчает высокий шатер с луковичной главкой и крестом. Одна из реконструкций, выполненная архитектором С. С. Айдаровым, опубликована в книге В.П. Остроумова и В.В. Чумакова [31, с. 23]. Кроме того, исследовавший храм архитектор-реставратор Б.П. Зайцев не подвергал сомнению информацию о шатровом его завершении на первом этапе существования [3].

Убеждение в шатровом завершении Троицкого храма утвердилось благодаря документальным источникам. Так, в Описи 1641–1642 годов подмосковного Троице-Сергиева монастыря, включающей в том

числе сведения о подведомственном Свяжском монастыре, в описании Троицкого храма определяется характер его завершения как «вверх шатром» [20, с. 107]. В Описи 1701 года, относящейся уже совершенно определенно к существующей Троицкой церкви, завершение ее также названо шатровым: «Церковь во имя Святые Троицы деревянная шатровая об одной главе, крыта тесом <...>» [11, с. 169].

Подтвердить существование шатрового завершения, казалось, может графический материал с изображением панорамных видов Свяжска. Но ни самая ранняя и наименее известная гравюра 1703 года, выполненная голландским живописцем Корнелиусом де Бруином [39, с. 64], ни другая, широко растиражированная гравюра «Вид города Свяжска при водополи к полудню» 1760-х годов, сделанная по рисунку М.И. Махаева, не проясняют ситуацию с завершением Троицкой церкви. Так, попытку идентифицировать изображенные постройки на последней гравюре предпринял С.П. Саначин: «<...> Никаких сомнений не вызывает трехчастная, с луковичной главкой церковь Сергия чудотворца Троице-Сергиева монастыря <...>. А вот высокий деревянный шатер – между ней и каланчой – может быть либо (в том же монастыре) церковь Живоначальной Троицы, до замены ее шатра барабаном с главкой, либо также деревянный шатровой колокольней Сергиевского храма <...>» [39, с. 66]. Таким образом, можно утверждать, ни Саначин, ни другие исследователи не смогли с точностью указать на изображение Троицкой церкви, которое бы убедило в наличии ее шатрового завершения.

Исследование конструкций Троицкой церкви на предмет выявления следов шатрового завершения, проведенное в 2016 году, не дало положительного результата. Объяснить расхождения результатов обследования и документальных свидетельств в нашем случае, как представляется, можно несовершенством и неоднозначностью терминологии деревянного строительства. Из практики известно, что шатром в прошлом часто называли конструкцию, далеко не адекватную тому определению шатра, которое существует сейчас. Покажем это на живых примерах.

В 2014 году архитекторы под руководством А.В. Попова занимались изучением сильно руинированной церкви Космы и Дамиана 1764 года из Леждомского погоста, находящегося в труднодоступном уголке Вологодской области (рис. 5). Документальные источники неоднократно называли церковь шатровой. К примеру, шатровым названо завершение в описании храма, сделанном священником в 1859 году, а также в Клировых ведомостях, сохранившихся почти за весь период его существования [4, л. 152]. Но имеются фотографии с изображением церкви, датированные первыми десятилетиями XX века, где у церкви нет шатра и в помине, а ясно прочитывается двускатная

клинчатая высокая крытая тесом крыша. Натурное исследование также не дало усомниться в форме храмового завершения. Следов какой-либо другой конструкции крыши, кроме самцово-слезной, не обнаружено. Таким образом, на протяжении более чем двух столетий высокая двускатная крыша храма Космы и Дамиана именовалась «шатровой».

Для убедительности приведем еще один пример. Имевшуюся двускатную крышу на деревянной церкви Успения в городе Иваново⁶ в 1851 году описывают следующим образом: «<...> крыша на ней не круглая, не епанечная, а шатровая» [51]. Последний пример показывает, что «круглая», т. е. многогранная конусовидная, крыша противопоставляется шатровой, под которой понимают высокую двускатную [23, с. 85]⁷. Таким образом, из наших примеров видно, что вплоть до начала XX века скатные высокие крыши в различного рода документах именовались шатровыми. Т. е. не всегда наши современные толкования терминов совпадают с тем, что имелось в виду в прошлом, и конструкции, которые именовались шатровыми, вовсе не были структурно схожи с теми, что имеются в виду под данным названием в настоящее время.

При изучении верхней части сруба Троицкой церкви осенью 2016 года были выполнены четыре зондажа в уровне верхнего обвязочного венца четверика храма. При обследовании выявлены следы опирания стропильных подкровельных конструкций, которые имели здесь место в ранний период существования сооружения. Судя по ним, крыша была двускатной, т. е. шатром. Ее гребень (конек) был ориентирован по оси восток – запад. На восточный и западный фасады выходили фронтоны, предположительно зашитые тесом. Над стеной сруба, под фронтоном, была организована узкая наклонная крышица, о существовании которой свидетельствуют пазы и остатки в них «кобылок» в восточном и западном бревнах верхнего обвязочного венца четверика. В «кобылки» врезались неширокие бруски-«прогоны», и далее на них с помощью гвоздей закреплялись короткие тесины, прикрывавшие зазор между фронтоном и стеной. Кровля под фронтоном, таким образом, исполняла двоякую функцию, с одной стороны, эта конструкция препятствовала попаданию осадков на бревна сруба и в подкровельное пространство, с другой – художественно организовывала переход от тесовой поверхности фронтона к бревенчатой срубовой стене.

Пока нет возможности определить высоту подьема крыши, поскольку врубки от установки стропильных ног недоступны для инструментального и экспериментального исследования.

Как представляется, мы достаточно убедительно показали, сколь неоднозначно толкование от-

дельных терминов, применяемых для определения завершений храмов. И все же попытаемся еще раз «примерить» многогранный шатер нашей Троицкой церкви. В какое же время гипотетически храм мог получить завершение в виде многогранного конуса, т. е. шатра в современном понимании? Как представлялось, основанием шатра мог бы стать восьмерик, появившийся у Троицкой церкви. Однако в конструкциях восьмерика нет и намека на существование шатра, тем более что малый восьмерик возведи одновременно с большим (ниже скажем об этом подробнее).

Для перестройки завершения в более позднее время нужны были веские основания, например, пожар. Но следов обгорания на конструкциях храма нет. Все крупные ремонты, начиная с 1742 года, зафиксированы документально, и они не коснулись основных его объемов. Так что завершение храма в виде двух восьмериков, появившееся при его перестройке, возможно, около 1740 года, насчитывает без малого три столетия. В целом храм с двумя восьмигранными ярусами на почти правильном кубическом основании четверика, с сохраненной конструкцией чердачного перекрытия клетского храма – «подволокой в косяк» демонстрирует один из вариантов переходного типа храма к широко распространенной в XVIII столетии конструкции ярусного культового сооружения.

Итак, в ходе изучения памятника не были обнаружены какие-либо следы конструкций конусовидного многогранного шатра в завершении храма. Скорее всего, первоначально храм имел двускатную тесовую гвоздевую кровлю, выполненную на основе висячих стропил. В качестве подтверждения широкого бытования стропильных крыш приведем изображения в альбомах путешественников – иностранцев, где показаны отдельные сооружения с тесовыми фронтонами, которые предполагают наличие стропильных подкровельных конструкций⁸. Особенно любопытны изображения строений Нижнего Новгорода из альбома Олеария⁹.

Исследователи не раз отмечали в деревянной архитектуре XVII столетия одновременное применение традиционных приемов и способов наряду с новыми конструктивными решениями [15, с. 522]. Общие тенденции, наметившиеся в отечественном деревянном зодчестве, нашли прямое отражение в Троицкой церкви, где, как представлялось, можно было наблюдать одновременное существование над отдельными частями сооружения крыш двух конструкций: традиционной рубленой, самцово-слежной и крыши на основе висячих стропил.

Новые объемы в составе Троицкой церкви

Троицкая церковь лишь единожды подверглась кардинальному изменению всей своей конструкции,

выразившейся в прирубке пятигранного алтарного объема, возведении большого и малого восьмериков, в демонтаже северной пристройки трапезной. Эти изменения в архитектуре храма были невозможны без полной разборки сооружения.

Новые объемы храма – алтарный прируб, большой и малый восьмерики – выполнены из древесины сосны, как, впрочем, и более древняя основа храма, состоящая из двух смежных клетей. Новые части сооружения срублены «в лапу» (рис. 138), в отличие от срубов трапезной и кафоликона, где угловые врубки выполнены «в чашу с остатком». Одинаковые приемы рубки восьмериков и алтарного прируба наводят на мысль об одновременном появлении алтаря и нового завершения храма. При исследовании 2015–2016 годов на срубе алтаря и восьмериков не была обнаружена маркировка, впрочем, не обнаружена она и исследователями-предшественниками Б. П. Зайцевым и Б. Д. Лурье [3, 26, 27], что может означать только одно: после появления данных конструкций в составе сооружения оно более ни разу не перебиралось.

Для включения алтаря в структуру храма строителям пришлось не только разобрать храм, но и вырубить большую часть его восточной стены. Пятистенный сруб алтаря выполнен рубкой «в лапу» и окантованы на два канта бревен (рис. 51). Соединение с четвериком выполнено также «в лапу» (рис. 135). Стены прируба со стороны интерьера обработаны скобелем. В северо-восточной, восточной и южной гранях алтаря прорублены оконные проемы.

При капитальной перестройке храма его почти квадратный в плане четверик стал основанием восьмигранного сруба. Установка восьмерика на четверик осуществлена с помощью переброшенных через его углы и прирубленных бревен обвязки (рис. 147, 148). Эти бревна стали основой северо-западной, юго-западной, юго-восточной и северо-восточной граней восьмерика. Чтобы сгладить перепад высот в полбревна, имевшийся в верхнем венце сруба четверика (по западной и восточной стенам сруба верхние бревна расположены выше, чем бревна по южной и северной стенам), первые бревна восьмерика прирублены с ориентацией комля на юг и север, а вершины соответственно на восток и запад. В целом восьмерик срублен из сосны угловой рубкой «в лапу с шипом» (рис. 44). Наружная сторона бревен протесана, внутренняя – оставлена круглой, лишь концы бревен с внутренней стороны имеют подтеску в углах для выполнения узла «в лапу» (рис. 45).

По наблюдению, при рубке восьмерика частично употреблен материал вторичного использования: на отдельных бревнах обнаружены пазы, различного рода врубки, затески, что явно указывает на их предыдущее существование в другой постройке (рис. 45). Северная, южная, западная и восточная грани восьмерика

набраны из семи бревен, в то время как северо-западная, юго-западная, юго-восточная и северо-восточная грани имеют на одно бревно больше. Благодаря тому, что восьмое бревно в вышеуказанных гранях значительно тоньше прочих, а угловые врубки выполнены только снизу, все бревна верхнего венца восьмерика находятся примерно в одном уровне, т. е. установлены по горизонту, что было необходимо для организации конструкции крыши восьмерика (рис. 146, 148).

В верхней части восьмерика установлены две пары круглых в сечении балок (рис. 44, 146). Верхняя пара, врубленная между первым и вторым (считая сверху) венцами восьмерика, соединяет восточную и западную его грани, нижняя пара, врубленная между вторым и третьим венцами, соединяет северную и южную грани. При этом более толстые комли верхней пары врублены в восточную грань, а комли нижней – в северную грань. Врубки глухие, выполнены «в охряпку» (рис. 44). В соединительном узле балки окантованы с четырех сторон (рис. 45).

При установке балок, в юго-восточном их пересечении образовался небольшой зазор, т. е. балки неплотно прилегали одна к другой. Зазор можно было игнорировать по причине его ничтожности, но во избежание предполагаемой неустойчивости конструкции балки были подклинены. Между ними был подложен кусок щепы толщиной примерно 1,5–2 см, простоявший в конструкции более трехсот лет.

На балки с помощью шипового соединения установлены четыре круглые в сечении стойки (рис. 48, 144). Под основание каждой из них выполнена горизонтальная подрубка в балках (рис. 48). В середине образованных плоскостей продолжены сквозные квадратные гнезда, размеры которых в нижней трети немного меньше, чем размеры шипов стоек, поэтому шипы, пронизывая балки насквозь, при установке даже щепили волокна при выходе снизу (рис. 145). Образовавшиеся по периметру выходного отверстия заколы аккуратно подрублены топором, торцы шипов подтесаны на две или четыре грани (рис. 49). В одном случае шип оказался короче глубины предназначенного для него гнезда, и для более надежного крепления стойки в его конец забиты два длинных клина (рис. 50, 142).

Анализируя конструкцию, мы видим, насколько она, с одной стороны, проста, с другой – выверена (рис. 146). Верхние балки поставлены так, что расстояние между ними уже, чем расстояние между нижними балками, врубленными максимально близко к углам восьмерика (рис. 48). Если бы стойки были поставлены строго на пересечении верхних и нижних балок, то гнезда под шипы стоек пришлось бы делать как в верхних, так и в нижних балках, что в целом ослабило бы конструкцию. В нашем случае стойки поставлены только на верхнюю пару балок, причем

максимально близко от пересечения их с нижней парой. Таким образом, нагрузка на изгиб в верхней балке незначительная, поскольку перераспределяется на нижний элемент конструкции (балку нижней пары). С инженерной точки зрения, конструкция выполнена безукоризненно, но при этом мастера не имели ни чертежей, ни расчетов. Опыт и интуиция позволяли плотникам чувствовать конструкцию в целом, понимать, как она работает, принимать единственно правильное решение.

Описанная выше конструкция из балок и стоек предназначена для установки малого восьмерика. Для этого длинные шипы, вырубленные в верхней части стоек, пропущены через гнезда в угловом соединении прирубленных друг к другу «в охряпку» четырех бревен обвязки малого восьмерика (рис. 46). Перепад высот в обвязке ликвидирован за счет врубленных дополнительных бревен, так называемых пробок. Далее срублен восьмигранный сруб из сосновых бревен «в лапу с шипом» (рис. 46).

Малый восьмерик повторяет конструкцию большого, в частности, по количеству бревен в гранях: в северной, южной, западной и восточной – по семь бревен; в юго-восточной, юго-западной, северо-восточной и северо-западной гранях – по восемь бревен. Но в отличие от большого восьмерика, бревна, из которых он срублен, окантованы на два канта (протесаны с внешней и внутренней сторон) (рис. 46, 47).

Четыре грани малого восьмерика скреплены врезными шпонками на всю их высоту (рис. 47). Это сделано для того, чтобы конструкция могла выдерживать высокие ветровые нагрузки, поскольку находится на значительной тринадцатиметровой высоте. Известно, что установка шпонок – достаточно сложный, трудоемкий процесс, который не всегда заканчивается благополучно, поскольку велика вероятность их разрушения от сильных ударов инструментов (топоров, «бабок», деревянных молотков). Как правило, мастера ищут и находят более рациональные и эффективные способы выполнения этой операции. В нашем случае при исследовании конструкции в нижней части шпонки были выявлены засечки с уступом. Это помогло реконструировать процесс установки шпонок, который выглядел следующим образом: готовился специальный деревянный клин, который ставился на уступ в нижней части шпонки, удары наносились одновременно и по торцу шпонки, и по установленному в уступ клину. Клин ставился на уступ под острым углом к вертикали, чтобы энергию удара максимально направить на добивание шпонки. Как мы видим, такой прием позволил достичь успеха, шпонки добиты до низа последнего бревна, установлены плотно и при этом не расколоты.

Таким образом, в завершении Троицкой церкви мы имеем дело с достаточно цельной конструкцией.

Результаты обследования привели к заключению, что возведение большого восьмерика и стоящего на нем малого восьмерика, который сейчас воспринимается как барабан главы, произведено одновременно. В одновременности возведения того и другого восьмерика в очередной раз убеждает схожее состояние сохранности древесины этих храмовых частей, которые, несмотря на почти трехсотлетний возраст, сохранили значительный запас прочности.

Перекрытия Троицкой церкви

Длительное время в деревянных сооружениях выполняли полы по балкам из причерченных друг к другу плах, концы которых зажимались бревнами сруба. Таким образом, строение приобретало особую прочность, устойчивость благодаря встроеному мощному «диску жесткости». Примеры таких полов многочисленны. К наиболее раннему периоду относится сохранившаяся конструкция пола кафоликона церкви Положения Риз и Пояса Богородицы 1485 года. Конструкция была выявлена при реставрационных работах 2009–2010 годов [37, с. 52, фото 4, 6]. Предположительно и в Троицкой церкви первоначально были полы в традиционном исполнении, тем более что одновременные с нею строения Татарской слободы, известные благодаря археологическим раскопкам, по большей части имеют именно полы из плах (рис. 176). Так или иначе, древнее надподвальное перекрытие Троицкой церкви утрачено. Документально известно о замене пола при ремонте церкви в 1742 году [45, 1871 г., № 11, с. 342], когда его конструкция была дополнена приподнятой на одну ступень солеей. В 1853 году полы в храме очередной раз ремонтировались. При этом все элементы перекрытия были выполнены из «нового соснового леса» [48, с. 30] (рис. 66, 179). В 1882–1883 годах при замене деревянных столбов в подклете кирпичными вновь заменили половые балки.

Чердачное перекрытие Троицкой церкви сохранилось со времени ее возведения. До конца, конечно, нам неизвестны все тонкости строительных технологий, способы организации производства строительных работ, весь набор инструментов плотничных мастеров, но в общих чертах все же можно реконструировать отдельные процессы. Так, далее мы попытаемся описать процесс подготовки элементов конструкций чердачных перекрытий Троицкой церкви, технологию их монтажа.

Потолочное перекрытие кафоликона Троицкого храма состоит из врубленных в черепные бревна сруба пяти балок, ориентированных по оси восток – запад и потолочного настила – «забирки в косяк» из тесин, заведенных в пазы, выполненные в боковых поверхностях балок (рис. 159). Тесины потолочного

покрытия соединены между собой «в четверть», выбранную топором и пазником. Для установки тесин в пазы в балках выполнены небольшие «входные гнезда», которые по окончании выстилки соответствующей части потолка закрывали небольшой вставкой, укрепленной коваными гвоздями.

Из имеющихся пяти потолочных балок три средних заменены в 2011 году (рис. 61) по причине утраты ими конструктивной прочности (рис. 62). Конструкция потолка трапезной Троицкого храма, в основе которой имеется шесть балок, установленных по оси восток – запад, сохранилась значительно лучше (рис. 64, 160). Грани балок, обращенные в интерьер, протесаны и, как в кафоликоне, обработаны скобелем. Потолок набран из тесин, уложенных «в косяк». Укладка теса происходила через «входное гнездо» – вырубку, по ширине значительно превышающую ширину тесин выстилки. В имеющуюся вырубку вставляли подготовленную тесину, сдвигали ее по пазам вправо или влево до соответствующей стены, затем вставляли следующую тесину. Постепенно заводили все элементы настила, при этом последними вставлялись тесины напротив гнезда-вырубки, и оно «закрывалось» описанным выше способом.

За счет понижения высоты настила, примыкающего к продольным стенам, где в соответствующем бревне выбран достаточно глубокий паз, потолки получили небольшую вспарушенность. Вспарушенные потолки можно наблюдать в ранних памятниках деревянного зодчества, к примеру, в церкви Положения Риз и Пояса Богородицы из Бородавского погоста 1485 года¹⁰.

Поверхность тесин потолков, обращенная к чердаку, имеет следы тески топором (рис. 34, 35). Со стороны интерьера тесины были остроганы рубанком, по всей вероятности, в XIX веке, когда по приказу игуменьи произвели отеску внутренних поверхностей храма для придания более respectable вида его интерьерам.

Конструкция потолочного перекрытия, состоящего из балок и тесовой выстилки, выполненной «в косяк», насчитывает не одно столетие своего существования. Прием, примененный для соединения тесин выстилки, который наблюдается в Троицком храме, дает возможность предположительной датировки рассматриваемой конструкции XVII столетием. Известно, что соединение «в четверть» пришло на смену более древнему приему соединения элементов, производившемуся «в паз».

Со стороны чердака как на тесины, так и на балки нанесена маркировка (рис. 34, 35). Знаки разметки по выполнению схожи с теми, что имеются на бревнах срубных конструкций. И, в соответствии с изложенным выше материалом, марки нанесены, скорее всего, перед кардинальной перестройкой храма.

Как правило, конструкции для чердачного перекрытия готовились одновременно с рубкой срубов сооружения. Бревна для балок потолка тесали с трех сторон, для этого наносили соответствующую разметку. В качестве разметочного инструмента, скорее всего, употреблялась закрепленная на своеобразной катушке тонкая прочная крученая и вываренная в масле бечева с грузиком-отвесом на свободном конце (современное название – «шнурка»). Бечеву натирали углем, закрепляли на торцах бревна, приподнимали, оттягивали за середину и «отстрекивали», при этом на светлой древесине оставался тонкий четкий, идеально прямой след. Наносили разметку с двух сторон, сверху и снизу той части бревна, которая предназначена для тески. Затем бревно укладывали и закрепляли в специальных деревянных конструкциях (теперь их называют «ваймы») и начинали тесать, ориентируясь по разметке. Бревно тесали с двух сторон: сверху и снизу. Аналогичным способом обрабатывали три стороны будущей балки. Четвертая сторона, обращенная в интерьер чердака, как правило, оставалась нетронутой.

Судя по следам топора на протесанных поверхностях балок, плотник стоял с одной стороны бревна, удары топором наносил с другой его стороны. Такая технология тески была возможна топором, насаженным на длинное топориче. Удар по бревну наносился в самом низу, когда кинетическая энергия была максимальной. В это время топориче находилось почти перпендикулярно протесываемой поверхности балки. Плотник смотрел на обрабатываемое бревно «через топор». Это давало возможность видеть, где заканчивается предыдущий удар и наносить последующий удар по обрабатываемой поверхности ровно перед предыдущей остановкой топора, срубая при этом засечку в дереве, оставшуюся от предыдущего удара. Данная технология выполнения тески позволяла получать волнистую уплотненную поверхность. Топор для тески имел дугообразное лезвие. Если соединить носок и пятку такого топора прямой линией, то расстояние между прямой и дугой лезвия в максимальной точке подъема составляло примерно 8–12 мм. Характер рабочей части инструмента и приемы тески им давали возможность получить волнообразную поверхность не только по длине протесанной поверхности, но и по ее ширине. Результат такого способа тески топором с полукруглым лезвийным краем – отсутствие засечек на бревне, как в горизонтальном, так и в вертикальном направлении. На протесанной поверхности не оставалось места, где вода могла задержаться и смочить поверхность, в дальнейшем провоцируя появление плесени и гнили. Она просто скатывалась с бревна как с гуся вода. Описанными приемами выполнена теска и тесин, и балок потолков сооружения. Надо полагать, с применением подоб-

ной тески, что наблюдается на конструкциях потолка, произведена подготовка бревен срубных конструкций трапезной и кафоликона (правда, в XIX веке обработанных скобелем). Примененная строителями Троицкого храма технология тески была широко распространена в Средневековье и просуществовала вплоть до XX столетия.

Изучение конструкций потолков кафоликона и трапезной позволило сделать некоторые выводы и о спектре инструментов, которые были у строителей церкви. Основными инструментами, следы которых обнаружены на рассматриваемых конструкциях, были: топор, пазник, тесло, скобель, просек. В число вспомогательных инструментов и приспособлений входили: разметочный инструмент (возможно, шнурка), колотушки различного размера и веса, приспособления для фиксации бревен при теске, кондаки и ваги для перемещения бревен; блоки-«векши» для подъема тяжелых элементов конструкций. Любопытно в этом отношении упоминание в Описи 1701 года инструментов, хранившихся в различных службах Свяжского Троице-Сергиева монастыря¹¹ [11, л. 180, 180 об., 181]. Так, среди предметов, имевшихся в погребке под трапезную палатой каменного Сергиевского храма, названы два топора, три пилы больших, «две теслы», пазник, просек, три бурава, долото, «две скобели», два бурава малых, «струг железной», три напарьи. Наличие топора отмечено Описью среди прочих предметов и в погребке с ледником [11, л. 180]. Часть инструментов, по-видимому, выполнялась в монастырской кузнице, где кузнецом в 1701 году был Матюшка Марков [11, л. 187]. Описью отмечено оборудование кузницы: «две наковальни», «три молота двоеручных», «двои мехи дутьи». В кузнице среди кузнечных инструментов хранился плотничный «дорожник» – рубанок с двумя рукоятками, с помощью которого готовили дорожные тесины для укладки в кровли сооружений. Кроме того, здесь имелись «лучек топорной», точила для правки лезвий инструментов, в том числе и топоров¹². В кузне ковали и гвозди, для чего имелись две гвоздильни [11, л. 182 об.], а в числе монастырских служек отмечен «гвоздарь Родька Якимов», живший со своей семьей отдельным двором возле монастыря [11, л. 187].

Перекрытие алтаря выполнено характерными для XVIII века приемами и способами (рис. 149). Устройство потолка осуществлено следующим образом: в южную и северную стены врублена балка-матица (рис. 65); по периметру стен выбраны штрабы, а затем в штрабе на западной стене и в штрабах северо-восточной, восточной и юго-восточной граней прируба на расстоянии, которое меньше ширины потолочной тесины на пять-шесть сантиметров, вырублены гнезда под нижний слой тесин потолочной выстилки. На матице также имеются вырубленные гнезда, соответ-

ствующие гнездам в штрабах стен. Таким образом, тесины нижнего ряда уложены в гнезда с промежутками-просветами. Нижняя поверхность тесин находится заподлицо с нижней гранью штрабы (рис. 65). «Просветы» между тесинами нижнего слоя покрыты верхним слоем тесин (рис. 58). Сверху уложенные тесины прижимает мощная балка, идущая ровно над мастицей. Ее концы врублены в северную и южную стены алтарного прируба (рис. 59). В отдельных местах можно наблюдать установленные клинья в случайно образовавшийся зазор между тесинами потолка и балкой. В стены над верхним слоем выстилки потолка забиты клинья, которые плотно прижали доски, исключая их подвижку относительно друг друга. Способ организации выстилки потолка, примененный в алтарном перекрытии, в прошлом назывался «в разбежку». При этом выстилка выполнялась из сырых тесин хвойных пород древесины. Данная конструкция потолка обладает рядом несомненных достоинств, главным из которых является большая прочность покрытия, не подверженного растрескиванию, рассыханию.

Конструкции крыши Троицкой церкви

В подкровельном пространстве трапезной Троицкой церкви на западной стене сруба храма имеются полукруглые врубки для установки элементов подкровельной конструкции (рис. 68). Следы позволяют сделать заключение о том, что первоначальная конструкция крыши трапезной имела самцово-слезное устройство. В бревна западной стены более высокого, чем сруб трапезной, кафоликона были врублены в пол-дерева мощные слезы, которые противоположным концом врубались в концы бревен рубленного треугольного фронтона – «самца», являвшегося продолжением западной стены трапезной. По двум образованным слезами скатам укладывались тесины в два слоя, которые зажимались сверху и снизу. Нижние концы тесин заводили плотно в паз бревна-потока, поддерживаемого мощными деревянными крючьями – «курицами», врубавшимися в обвязочные бревна сруба и слезы подкровельной конструкции. О наличии «куриц» свидетельствовали врубки для их пропуска, которые были зафиксированы в южном обвязочном бревне сруба трапезной. К большому сожалению, бревно, содержащее важную информацию, при ремонте 2011 года было заменено новым. Верхние концы тесин причерчивали к охлупню, который в свою очередь крепился длинными деревянными шпильками – стамиками или «сороками» к коневой слезе. Самцово-слезная конструкция крыши, выполненная по курицам и потокам, позволяла беспрепятственно менять тесовое покрытие, которое, в силу особенностей материала, могло стоять не более десяти-пятнадцати лет.

Первоначальная самцово-слезная подкровельная конструкция трапезной подверглась измене-

нию, о чем говорит характер и количество врубок, имеющихся на западной стене четверика храма. Без разборки срубов провести корректную замену всей самцово-слезной конструкции было невыполнимо. Предположительно, изменения были произведены при полной переборке храма в конце 1730-х – начале 1740-х годов. Новые врубки позволяют сделать вывод о том, что был несколько изменен наклон крыши. Сохранив самцово-слезную конструкцию, новая крыша была покрыта, предположительно, продороженным тесом, закрепленным коваными гвоздями.

Ремонт крыш, замена кровельного теса, в силу особенностей материала, были регулярными. Самцово-слезная конструкция крыши трапезной могла быть заменена стропильной при одном из ремонтов в XIX столетии. Такая замена могла быть произведена, к примеру, в 1819 году, когда меняли тесовое покрытие. [45, 1871 г., № 11, с. 343; 48, с. 28]. Не исключено, что это произошло и несколько позже. Так, известно, что игуменья монастыря Досифея в 1832 году хлопотала об очередном обновлении кровель храма. Правда, из-за финансовых неурядиц ремонт состоялся только в 1836 году, при этом тесовые кровли над всем храмом заменили кровлями из листового железа [45, 1871 г., № 11, с. 344; 48, с. 30]. Возможно, тогда и были установлены стропильные подкровельные конструкции над трапезной, а западный фронто́н был зашит досками и дополнен карнизом. По крайней мере, на обмерном чертеже 1977 года архитектором Б.П. Зайцевым зафиксировано верхнее бревно западной стены трапезной с четырьмя пазами для установки «кобылок» – вспомогательных брусков [1], которые служили для организации карнизного свеса. К торцам «кобылок» обычно прибывалась неширокая подпушка. После того, как западное крыльцо, появившееся наряду с южным и северным в 1819 году, было заменено террасой, над ней и трапезной появилась общая двускатная крыша стропильной конструкции, просуществовавшая вплоть до полного демонтажа при ремонтных работах 2011 года.

При полной переборке церкви приблизительно в конце 1730-х – начале 1740-х годов, когда над четвериком храма были поставлены два восьмерика, образовавшиеся открытые углы четверика перекрыли двускатными крышами, в основе которых короткие стропила из елового бревна (рис. 71). Нижним концом стропила врублены в углы обвязочного венца четверика, верхним – в соответствующие грани большого восьмерика. По стропильной конструкции была выполнена двухслойная тесовая кровля, которая не раз ремонтировалась. В 1836 году тесовую кровлю заменили листовым металлом. При этом ремонте несколько опустили стропила, формирующие крыши над углами четверика, вырубив для их концов новые гнезда. Обрешетка под обшивку металлом была вы-

полнена из досок, брусков со следами вторичного использования.

Большой восьмерик имеет восьмискатную крышу, в основе которой стропильная конструкция (рис. 145). Стропила, выполненные из круглых еловых бревен, нижним концом врублены в верхнюю обвязку большого восьмерика, а верхним – в малый восьмерик. На сегодняшний день узел соединения недоступен, и характер примененной здесь конструкции соединения не изучен. В мощных стропильных бревнах, формирующих основу подкровельной конструкции, вырублены четырехугольные гнезда и поставлены бруски, закрепленные коваными гвоздями. В классическом исполнении по стропилам устанавливали прогоны, которые выравнивали поверхность, а уже сверху ставили обрешетку и далее настилали кровлю. В нашем случае врубленные в стропила брусья выполняют двойную роль – и прогона, и обрешетки. Первоначально на обрешетку была уложена тесовая кровля в два слоя. О том, что кровля была двухслойной, можно судить по ширине штрабы – «выдре», имеющейся по линии примыкания тесового покрытия к малому восьмерику. Под свесом кровли большого восьмерика был выполнен подзор из тесин, для чего в бревна верхней обвязки большого восьмерика были врублены «кобылки». В 1821 году срубы храма обшили тесом, и, по-видимому, мешавшие «кобылки» частью были опилены, частью забиты внутрь по пазу.

Металлическая кровля церкви, претерпев не один ремонт, просуществовала вплоть до 2011 года, когда при ремонтных работах было воссоздано покрытие из «красного» ложенного (от слова «лог», «ложек». – Прим. авт.) теса по сохранившимся, частично отремонтированным подкровельным конструкциям. При этом в восьмискатное покрытие большого восьмерика, как и в кровли прочих объемов церкви, была введена страховочная кровля из листов ОСП, а в качестве гидроизоляционного материала применен рубероид.

Алтарь храма имеет пятискатную стропильную крышу (рис. 70). Существующие подкровельные конструкции алтаря сохранили свое устройство, как представляется, по крайней мере, с 1836 года, когда храм был полностью перекрыт листовым железом. В состав подкровельной конструкции входит вертикальная стойка из бревна диаметром 0,27 м, с вырубленной в верхнем конце проушиной (рис. 60). Стойка установлена на дублирующую балку чердачного перекрытия (рис. 61) не строго по центру, а с небольшим сдвигом к северу и закреплена с помощью шипового соединения. Коневая слеза, расположенная параллельно чердачному перекрытию, одним концом врублена в восточную стену четверика в уровне его обвязки, другим – установлена в проушину стойки (рис. 57). В четыре угла обвязки пятигранного сруба алтаря врублены стропила из толстых бревен (рис. 58). Их верхние

концы образуют пучок, в котором сходятся коневая слеза и столб (рис. 60). Между восточной стеной и ближней к ней парой стропил введены еще стропилины, сдвинутые ближе к стене (рис. 54). Северная и южная стены алтаря не параллельны друг другу. И для того, чтобы сделать кровлю над этой частью храма геометрически правильной, южное и северное бревна, входящие в верхнюю обвязку прируба, развернуты относительно общей плоскости стен и под прямым углом врублены в восточную стену храма.

По всей видимости, тесовая кровля над всеми частями храма изначально имела идентичное устройство, и в состав ее входила подпушка из резных или гладких нешироких тесин, прибитая к торцам врезанных в обвязочное бревно «кобылок». В восточном обвязочном бревне срубовой конструкции алтаря также имеется «кобылка». Однако этот элемент сдвинут по пазу со своего места (рис. 56).

Перед устройством металлической кровли в 1836 году конструкция из стойки, поддерживающей коневую слезу и шести стропилин, достаточная для организации тесового покрытия, была дополнена обрешетинами из бруса, выполненными из подручного материала вторичного использования (рис. 52, 53). Часть обрешетин была заменена явно новым материалом при ремонтах кровли. В 2011 году произведена замена коневой слезы; заменено также пришедшее в полную негодность верхнее бревно южной стены алтаря, входившее в обвязку.

Современная алтарная кровля состоит из ложенного теса, закрепленного гвоздями, и гидроизоляции из рубероида, и страховочной кровли из плиты ОСП. Кровля выполнена по описанной выше подкровельной конструкции. Сформированное пятискатное покрытие алтаря дополнено нащельниками по стыкам граней кровли, вдоль коневой слезы, где сходятся концы тесин кровли, поставлен охлупень (рис. 70).

Глава в завершении Троицкой церкви

К началу ремонтных работ 2011 года храм завершился главой, покрытой металлом и выкрашенной в яркий зеленый цвет (рис. 73, 74). Обшивка металлом была выполнена по журавцам, установленным с помощью шипов в гнезда (рис. 77), выбранные по самому краю кружала, укрепленного в верхней части малого восьмерика (рис. 78). В журавцы заподлицо с поверхностью их граней были врезаны элементы обрешетки из нешироких брусков (рис. 74, 75, 76). Из документальных источников известно, что покрытие главы церкви металлом выполнено в 1810 году. Можно было предположить, что при этом старую конструкцию главы просто «освободили» от лемехового покрытия и перекрыли металлом. Однако наблюдение показало, что журавцы не имеют гвоздевых отверстий от «палубы», необходимой при организации предшествовавшего

лемехового покрытия, т. е. конструкция из журавцов и обрешетки выполнена специально для данной главы с металлической обшивкой.

Глава была полностью демонтирована в ходе работ 2011 года. При этом удалены подлинные конструкции (рис. 79), простоявшие, по крайней мере, двести лет.

Особенное значение имело кружало, конструкция, позволяющая нам реконструировать завершение храма на период его полной перестройки с конца 30-х до начала 40-х годов XVIII века. Скорее всего, глава, выполненная при полной перестройке храма, имела свой барабан небольшого диаметра, а «не сидела» прямо на малом восьмерике храма. И первый от центра круг из гнезд, возможно, служил для установки слег, формировавших его (рис. 78). Так или иначе, старое кружало – весьма информативная конструкция, сохранившаяся от времени кардинальной перестройки, на основе которой возможна была реконструкция более раннего завершения Троицкого храма.

Подлинный железный кованый крест, который датирован временем устройства главы с металлическим покрытием, т. е. 1810 годом, хранится в настоящее время в Свяжском музее. Он был укреплен в стойке, что проходила сквозь малый восьмерик, конструкцию из стоек и балок под малый восьмерик, с помощью шипового соединения в балке. Известно, что в 1816 году крест был поврежден во время бури, в дальнейшем подвергся ремонту и вновь водружен на церковь в том же 1816 году.

Оконные и дверные проемы Троицкой церкви и их заполнение

Как и все конструкции Троицкого храма, окна и двери не оставались неизменными. Менялись их количество, расположение, конструкции. Проследим состав оконных и дверных проемов, устройство их заполнения в различные периоды жизни сооружения. И прежде всего обратимся к трапезной Троицкой церкви, где в настоящее время на южной стене имеются два волоковых окна и одно двойное пятикосячатое, в западной стене – главный дверной проем, а в северной стене – заложный проем, который связывал трапезную и пристроенный «предел».

Волоковые окна трапезной, безусловно, появились в момент ее строительства (рис. 84, 85). Их устройство, пропорции, детали не многим отличаются от волоковых окон, сохранившихся в древнейшем памятнике деревянного зодчества – церкви Ризоположения 1485 года из Бородавского погоста, и других ранних деревянных церквях России. Конструкция волокового окна проста: в двух смежных бревнах насквозь вырублено квадратное отверстие – в верхнем и нижнем бревне по половине бревна (рис. 85, 150, 151). Со стороны интерьера возле обоих оконных

проемов выбраны прямоугольные углубления примерно на половину диаметра бревна. Внизу иверху образовавшейся ниши выполнен паз шириной от трех до пяти сантиметров и глубиной около трех сантиметров. В этот паз поставлена тесовая задвижка, шириной больше сквозного отверстия, которая свободно двигается по пазу. Задвижка сдвинутая в соответствующую сторону до упора, закрывает или открывает проем. В задвижку вертикально врублена шпонка, которая выступает из ее плоскости на пять-семь сантиметров, она препятствует деформации задвижки и одновременно служит захватом. Сверху и снизу концы шпонки подрезаны так, что задвижка свободно двигается по пазу. В закрытом состоянии она фиксируется уложенным в нижний паз бруском. Над нишей волокового оконного проема выбран неглубокий широкий паз для установки ограничительного элемента-«замка» в виде неширокой тонкой тесины с подрезанными углом концами. Ограничительная планка, как правило, крепящаяся одним кованым гвоздем, препятствовала выпадению задвижки и позволяла вставить крошечную слюдяную оконницу в светлое время суток. Волоковые окна, выполненные в южной стене трапезной, пропускали интенсивный световой поток, хорошо освещавший интерьер. Можно предположить наличие еще одного волокового окна в первоначальный период жизни сооружения, которое находилось ровно посередине между первыми.

При перестройке Троицкой церкви в конце 1730-х – начале 1742 года произошли изменения и в составе оконных проемов трапезной. В ее южной стене, между имевшимися волоковыми окнами, было выполнено пятикосячатое двойное окно (рис. 92, 161). По наблюдению, сдвоенные окна в культовых сооружениях начали появляться с середины XVII столетия. Известен целый ряд деревянных храмов, построенных во второй половине XVII столетия, где имеются сдвоенные окна, к примеру, церковь Иоанна Златоуста 1665 года в селе Саунино, церковь Ильи Пророка 1696 года в городе Белозерске. Перечисление можно продолжить.

Подтверждение того, что сдвоенное окно трапезной появилось значительно позже, находим в маркировке бревен срубовой конструкции трапезной, которая была нанесена перед переборкой церкви. Естественно, что маркировку наносили на каждое бревно срубовой конструкции. Но возле имеющегося сдвоенного окна трапезной часть знаков в маркировке исчезла. К примеру, в маркировке девятого бревна уничтожен один знак при вырубке гнезда для опоры-«пальца» подмостей (рис. 26, 39). Одна марка десятого бревна стопы, а также марки первого, второго, третьего бревен следующей стопы исчезли при выполнении затесок на концах бревен, подходящих слева к оконному проему. По наблюдению, все новые

оконные проемы, появившиеся при переборке храма, сопровождаются небольшими почти квадратными гнездами от установки опор для подмостей, с которых обустроивался оконный проем.

Оконная колода двойного окна состоит из четырех косяков, связанных в углах «на ус» (рис. 161). Более узкий пятый косяк, врубленный в «вершник» и «нижник», делит колоду на две равные части. Врубki выполнены с двух сторон «на ус». По периметру образовавшихся двух проемов выбраны четверти для установки слюдяных оконниц и ставней. Последние устанавливались со стороны интерьера и крепились засовами, закладывавшимися в сохранившиеся кованые П-образные петли. В косяки вставлена решетка на кованых гвоздях, которую предварительно можно датировать временем устройства окна.

При обследовании храма в 2008 году в проемах волоковых окон трапезной были обнаружены вставки, ни цветом, ни сохранностью не отличавшиеся от бревен ее сруба¹³. Таким образом, волоковые окна, скорее всего, с появлением большого «двойного» колодного окна были полностью исключены из системы освещения трапезной.

В центре западной стены трапезной имеется входной проем (рис. 162). Заполнение дверного проема состоит из четырех косяков и дверного полотна (рис. 97). Первоначально вставленная в проем дверная колода имела несколько иное устройство, о чем свидетельствует врубка в бревне над дверью. Врубка значительно шире дверного проема, и ее рисунок воспроизводит форму косяка – «вершника», имеющего гребень, заушины. В ходе последних реставрационных работ вершник не был воссоздан (рис. 97), а на месте врубки установили наличник. На концах бревен, подходящих к дверному проему справа и слева, выполнены трехгранные затески, точно такие же, как у окон трапезной, дверей и части окон кафоликона (рис. 102). Скорее всего, тройные затески появились при ремонте дверей, а ранее на бревнах имелись одинарные затески, подобные той, что сохранилась у верхнего правого угла проема. Дверное полотно выполнено из пяти тесин, соединенных в четверть, обработанных скобелем, обрубленных по торцам топором. Со стороны интерьера тесины скреплены врезными шпонками (рис. 98). Дверное полотно снабжено внутренним замком с декоративной секирной личиной. Полотно с помощью металлических кованых навесов, имеющих вид «гусиных лапок», навешено на подставы, вбитые в косяки (рис. 99).

Как представляется, в датировке заполнения западного дверного проема может помочь донесение священника и дьякона Троицкой церкви об ограблении их храма в июне 1766 года [12]. Взойдя на паперть и подойдя к западным дверям, дьякон и священник «усмотрели» «<...> у входных церковных дверей

притвор и косяк во многих местах поврежденными, по видимости, от отперения тех дверей» [12, л. 1]. Грабители, пытаясь открыть дверь топором, повредили косяки и дверное полотно, но на существующих дверях повреждений не выявлено. По наблюдениям, нет никакой заметной разницы в обработке косяков и тесин дверного полотна, из чего было сделано заключение, что дверной блок не стали ремонтировать после попытки взлома, а заменили его целиком на новый, при этом изменили конструкцию косяка – «вершника», а также несколько увеличили, растесали дверной проем, при этом частично уничтожили маркировку, имевшуюся с правой стороны от косяков. Скорее всего, это новое заполнение, появившееся в 1766 году или чуть позже, сохранилось до наших дней.

В новых косяках, помимо дверного полотна, была установлена решетка, о чем свидетельствуют неглубокая выбранная по периметру колоды четверть и сохранившиеся три петли, приколоченные коваными гвоздями на наружной поверхности косяков. Решетка была распашной, состоявшей из двух створок, которые в закрытом состоянии удерживались сверху прибитой к вершнику деревянной вьюшкой. Надо полагать, решетка, кроме вьюшки, запиралась замком.

В трапезной, кроме описанной выше западной входной двери, имелся теперь заложный «коротышами» (короткими обрубками бревна) северный дверной проем (рис. 11, 118). Он появился в связи с пристройкой «предела», упомянутого Описью 1701 года [11, л. 153]. Скорее всего, этот прируб появился у северной стены при строительстве храма. Проем небольшой, он занимает только шесть бревен в высоту. Устройство его заполнения, судя по следам, было четырехкосячатым. Скорее всего, дверь открывалась внутрь трапезной. Возле этой двери и со стороны трапезной, и со стороны пристройки, имелись лавки, для установки которых у косяков выполнены вертикальные врубки-штрабы (рис. 10, 118, 120).

Как представляется, после строительства открытой галереи эта дверь продолжала функционировать. Такой вывод мы делаем исходя из текста уже упоминавшегося документа – донесения на имя императрицы Екатерины II, составленного в связи с ограблением Троицкой церкви. Обнаружив попытку взлома западной двери, собравшиеся во главе со священником «<...> для осмотра пошед около церкви по паперти по левой стороне и еще усмотрели у другой двери притвор и косяк от ломания в нескольких местах поломаны <...>» [12, л. 1].

С левой стороны, если идти по гульбищу-паперти, сейчас есть дверной проем, ведущий в кафоликон, где в косяках установлено металлическое полотно. Казалось бы, вот она, та дверь, которую пытались взломать грабители, и при ремонте деревянное полотно оковали железными листами. Но, как следует из текста

донесения, на той же левой стороне, т. е. в северной стене, они нашли окно с выломанным заполнением, через которое воры проникли внутрь храма. Где же тогда находилось это окно? Мы знаем, что гильбище имеет своей восточной границей штрабу от установки стойки галерей в непосредственной близости от северного окна кафоликона, т. е. галерея не простиралась вплоть до северо-восточного угла храма. И, скорее всего, именно на месте теперешней северной двери кафоликона было окно, пострадавшее от взломщиков. Так что в донесении церковного причта, скорее всего, имеется в виду «поломанная» грабителями северная дверь трапезной. Из чего следует, что закладка северного проема трапезной была произведена уже после описанных событий, т. е. после 1766 года.

Следующие один за другим объемы трапезной и кафоликона Троицкой церкви имеют общую стену, в которой сейчас огромный арочный проем (рис. 117). В прошлом в стене была дверь, возле которой, судя по Описи 1701 года, сосредотачивалось богатое убранство трапезной [11]. Над дверью, а также справа и слева от нее Описью перечислено одиннадцать икон в киотах, в серебряных и золоченых басменных окладах с драгоценными камнями, со сканными и чеканными венцами, с прикладом в виде крестов, цепочек, с подвесными пеленами из драгоценных тканей¹⁴.

Обычно дверные проемы между трапезной и кафоликоном не отличались большими размерами, что соответствовало церковно-канонической традиции и представлению «тесноты входа», ведущего в Рай. Среди храмов, по основным параметрам соразмерных Троицкому, схожих по объемно-планировочной структуре, немало таких, где дверной проем имел колодное заполнение, состоящее из пяти элементов, с установленными однополотенными или двухполотенными дверями, снабженными запорными устройствами – навесными или секирными внутренними замками. В соответствии с церковными правилами запертая дверь должна была охранять сакральное храмовое пространство, только в момент службы становившееся доступным. В отличие от кафоликонов трапезные и приходских, и монастырских храмов оставались открытыми большую часть времени. Каким по размерам, конструкциям и оформлению был дверной проем, ведущий в кафоликон Троицкого храма, сказать трудно, поскольку на одном из этапов жизни он был уничтожен.

Подтверждением существования стены между кафоликоном и трапезной могут служить следы конструкций четырех лавок, которые находились с двух ее сторон и размещались справа и слева от входного проема (рис. 121). Судя по всему, лавки возле внутренней стены, находившиеся со стороны кафоликона, несколько отличались по устройству от лавок, имевшихся со стороны трапезной. Обе лавки кафо-

ликона имели одинаковую длину. Лавки трапезной были несколько больше лавок, находящихся внутри храма. Концы лавок, расположенных в храме, были заведены в горизонтальные широкие штрабы, имеющиеся в южной и северной стенах кафоликона; концы лавок, расположенных со стороны трапезной, скорее всего, были врублены в лавки, шедшие вдоль южной и северной стен трапезной. Заметим, что при реставрационных работах 2011 года часть бревен в северной стене и перерубе в северо-восточном углу трапезной заменили, при этом в новых элементах срубных конструкций были повторены штрабы для опоры концов лавок, имевшиеся в оригинальных бревнах (рис. 121, 122). Противоположным концом, скорее всего, все лавки опирались на стойки, установленные возле косяков двери в вырубленные для этого вертикальные штрабы, как это имеет место у западного входа и заложеного северного дверного проема трапезной (рис. 112, 113, 120).

При обследовании бревен, подходящих к арке, были обнаружены неширокие глубокие прямоугольные пазы на нижней их поверхности (рис. 103). Это не что иное, как следы конструкции заполнения традиционных для деревянной культовой архитектуры оконных проемов, которые выполнялись в стене между трапезной и кафоликоном. М. В. Красовский называет эти проемы «просветами» [23, с. 317]. Как правило, окна-«просветы» размещались строго симметрично по сторонам от центрального входа. «<...> этим просветам придавалась обыкновенно удлиненная форма <...>» [23, с. 317]. «Просветы» могли быть очень узкими, прорубленными в половине двух смежных бревен, а порой высота «просветов» в отдельных храмах доходила до одного аршина [23, с. 317–321, рис. 398, 413]. «Просветы» играли значимую роль: они визуально связывали пространство храма и трапезной, позволяли находящимся в трапезной и видеть, и слышать, а значит, и участвовать в службе, происходившей в храме. Это было тем более актуально для храма не вполне христианизированной территории, куда на службу приходили инородцы, желавшие получить крещение¹⁵. Местом пребывания оглашенных, таким образом, становилась трапезная при храме.

В окна-«просветы» ставили колоды с коваными металлическими решетками, порой имевшими сложный рисунок, что делало их одним из значимых декоративных элементов в убранстве интерьеров. Кроме того, со стороны трапезной устанавливали слюдяные оконницы, а со стороны кафоликона – ставни. Из наблюдений известно, что слюдяные оконницы устанавливали, как правило, в отопляемых по-черному трапезных. Они должны были препятствовать проникновению дыма в храм.

Как известно, в Троицкой церкви не предусматривалось отопление: помещения храма и трапезной

срублены холодной рубкой, потолочные перекрытия очень тонкие, без утепления, а значит, в имевшиеся «просветы» не было необходимости ставить слюдяные оконницы. Остается один вариант заполнения «просветов» Троицкой церкви – кованые металлические решетки, и, возможно, со стороны кафоликона имелись ставни.

Несколько углубляет наше представление о том, как были оформлены «просветы» Троицкого храма, обнаруженная затеска на конце бревна в северо-западном углу кафоликона, которое выходило «в свет» справа (рис. 121). Известно, что с помощью затесок понижали уровень бревна сруба возле ставящейся в проем колоды. Заметим, ниже этого бревна поставлены новые бревна при реставрации 2011 года. По-видимому, не поняв сути затески, входившей в оформление окна-«просвета», реставраторы выполнили их во всех нижележащих бревнах, кроме одного, находящегося в уровне пола храма (рис. 121).

Из всего вышеизложенного следует, что изначально между кафоликоном и трапезной имелась стена, срубленная из протесанных с двух сторон бревен. В центре находился дверной проем, справа и слева от него имелись вытянутые по горизонтали окна-«просветы» с заполнением, возможно, состоящим из обвязки в виде колоды и укрепленной в ней решетки. Под окнами-«просветами» и со стороны трапезной, и со стороны кафоликона были установлены лавки.

Стену между кафоликоном и трапезной длиной восемь метров и высотой более четырех в центральной ее части вырубил почти полностью. Таким образом, дверной проем заменила огромная арка. С боков ее ограничили несоразмерно тонкими стойками (рис. 117, 122). Бревна, подходящие к арке в верхней ее части справа и слева, не связаны между собой колодой. Их концы по контуру арки и опоры-стойки прибиты с двух сторон узкими досками. Верхняя часть арки обрамлена досками с резным декором из повторяющихся S-видных мотивов (рис. 104).

Документальных свидетельств о выполнении арочного проема в смежной стене храма нет, но история его появления обрастает некоторыми подробностями. Так, еще предшествующие исследователи обратили внимание на глубокую врубку в северо-восточном углу трапезной, справедливо сочтя ее первой неудачной попыткой разубки арки (рис. 16) [27, с. 93]. Работа выполнялась вслепую, и разруб пришелся ровно в торец врубленного бревна северной стены храма. Из всего этого становится понятным, что выполнение арки не связано с ремонтом церкви, который был произведен в конце 1730 – начале 1742 года. В противном случае ход работы был бы иным. Врубка в северо-восточном углу трапезной позволяет с большой определенностью утверждать, что после полной переборки храма сте-

на между трапезной и кафоликоном, дверной проем, окна-«просветы», лавки были сохранены, а выполнение арочного проема произведено в более поздний ремонтно-строительный период.

Стена между кафоликоном и трапезной могла быть разрублена в ходе ремонта, проведенного в середине XIX века, когда были полностью заменены все элементы надподвального перекрытия – балки, «черный» пол, лаги, «чистый» пол [48, с. 30]. «Чистый» пол в Троицкой церкви с возвышенной на одну ступень солей, выступающим пятигранным амвоном, выполнили из широких сосновых шпунтованных длинных полуторавершкововой толщины досок, которые из пространства трапезной «вышли» далеко, почти на середину храма, и им уже не препятствовала стена между кафоликоном и трапезной, т. е. арочный проем мог быть выполнен в 1853 году.

В целом арка выглядит чужеродным элементом из-за неоправданно легковесного оформления и не имеющего законченного вида декора. Это впечатление усугубляется двумя большими прямоугольными проемами справа и слева от нее, которые выглядят абсолютно случайными. Это ощущение небезосновательно, поскольку проемы появились вследствие разрушения окон-«просветов». С разубкой арки и ликвидацией заполнений боковых «просветов» ниже их расположенные бревна стены и справа, и слева были опилены.

Если первоначально интерьер храма был закрыт стеной, где имелись дверь и два окна-«просвета» с коваными решетками, то сейчас он прямо с порога западного входа целиком открывается взору входящего (рис. 117). В целом арка с двумя несоразмерными прямоугольными боковыми проемами выступает огромным диссонансом в строгом храмовом пространстве, сохранившем без больших изменений архаичный интерьер: вспарушенные «подволоки в косяк», волоковые и косячатые окна, элементы обустройства – лавки, полки, клиросы.

Надо заметить, что боковые проемы возле входной арки «проявили» себя не сразу. Судя по фотографиям начала XX века, пустые, ничем не оформленные проемы были защищены вертикально поставленными досками, скрытыми за элементами культового убранства. Так, справа и слева возле арочного проема как со стороны церкви, так и со стороны трапезной были размещены пристенные киоты с иконами. Уже в советское время, по крайней мере, после 1922 года, которым датирована последняя церковная опись, перечислившая все убранство храма [10], интерьер лишился своего богатого и разнообразного культового наполнения. Он предстал в том виде, который стал привычным для наших современников, но в то же время не имеющем никакого обоснования в архитектурном контексте данного памятника.

Справедливости ради заметим, что и Б.П. Зайцев «усмотрел» следы окон-«просветов» и в эскизных чертежах представил реконструкцию промежуточной стены с небольшим дверным проемом и боковыми окнами [3, л. 6. Поперечный разрез IV–IV]. В его реконструкции в вытянутые по горизонтали «просветы» поставлены четырехкосячатые колоды, занимающие в высоту три бревна и доходящие до косяков небольшой однополотенной двери. Одним из важных проектных решений Б. П. Зайцева было восстановление целостности стены между кафоликоном и трапезной с воссозданием окон и дверного проема.

В срубовой конструкции кафоликona, в сравнении с трапезной, оконных проемов с соответствующим заполнением имеется значительно больше. Кроме того, есть следы от существовавших некогда окон, на определенном этапе исключенных из системы его освещения, а также оконные проемы, которые были только намечены к выполнению.

Изначально кафоликон Троицкой церкви был разделен конструкцией тяблового иконостаса, отделявшего алтарь. На южной стене, в уровне второго светового пояса, имелось «красное» окно, которое освещало часть храма, расположенную перед алтарной преградой. Следы этого окна сохранились над прорубленным гораздо позже южным дверным проемом (рис. 87). Окно относится к числу первоначальных, оно находилось строго по центру того объема, которое ему надлежало освещать. Оно имело трехкосячатую конструкцию. Сохранились затески на концах трех бревен, выходящих «в свет» справа, а также затеска в нижнем бревне, в котором был организован подоконник (рис. 88). Ширина оконного проема хорошо определяется благодаря вырубке в бревне над верхником оконной колоды. Окно было заложено, скорее всего, при полной переборке сооружения, при этом удалили простенок между оконным проемом и западной стеной и вставили бревна, одно из них явно вторичного использования, с маркировкой из девяти марок в виде креста, возможно, происходящего из разрубленной восточной стены.

В южной стене, ближе к юго-восточному углу церкви, сохранилось первоначальное волоковое окно, выполненное в четвертом и пятом венцах сруба, считая от уровня пола (рис. 82). Оно находится на одной высоте с двумя волоковыми окнами трапезной. Его конструкция полностью идентична волоковым окнам трапезной, рассмотренным ранее, правда, оно значительно уже окон трапезной. Это окно освещало пространство первоначального алтаря. Когда прирубали пятигранный алтарь, то иконостас переместили на восточную стену, при этом волоковое окно оказалось в опасной близости от дьяконской двери, что привело к его закладке.

Второе волоковое окно находилось почти посередине северной стены кафоликona. Со стороны экстерьера следов этого волокового окна не найти, но в интерьере его местоположение хорошо определяется благодаря наличию возле косяка северной двери небольшой фигурной вставки (рис. 86). Вставка прикрывает угол паза, выбранного для установки, обычной в конструкции подобных окон, верхней ограничительной планки-замка. Таким образом, мы имеем верхнюю и правую боковую границы окна. Оконный проем был вырублен в четвертом и пятом бревнах сруба, таким образом, окно находилось в одном уровне с прочими волоковыми окнами храма и трапезной. Возможно, по своим габаритам это окно было схоже с южным волоковым окном, поскольку выполнялись оба окна в один строительный период.

Описание оконных проемов и их заполнения, имевшихся в кафоликоне изначально, следует дополнить историей еще одного «несостоявшегося» окна, следы которого обнаружены на северной стене храма. Выше существующей северной двери кафоликona на бревне имеются затески и врубки (рис. 91). При внимательном рассмотрении стало понятно, что здесь пытались прорубить оконный проем. Однозначно это было сделано во время возведения храма. Затески и врубки позволяют реконструировать процесс выполнения проема в строящемся сооружении. Его прорубали с имевшихся внешних лесов, которые, как правило, устраивали на выпусках бревен сруба¹⁶. Уложив в сруб бревно, которому надлежало быть подоконным, в заранее определенном месте выполнили подоконную затеску, но не всю целиком, а только ее правую часть. И далее в выполненной затеске сделали врубку под правый косяк-стойку. Естественно, и вырубку под косяк, и плоскость подоконника можно было сделать лишь в том случае, если не поставлено бревно следующего венца. По наблюдению, вырубку под косяк делали не топором, а долотом или просеком. Далее плотник должен был продолжить оформление левого угла будущего трехкосячатого оконного проема, но на этом этапе процесс был остановлен, возможно, потому, что это окно оказалось бы вблизи от иконостасной преграды, что изначально не было учтено древними строителями.

Трех окон для кафоликona и алтаря было явно недостаточно, и можно предположить наличие окон в восточной стене. До Синодального периода число и место размещения окон в алтарях храмов не регламентировалось, а выполнялось по необходимости. Но, как правило, среди окон обязательно были косячатые. Так, к примеру, в «Рядной записи 1683 на построение деревянного собора архистратига Михаила близ устья Выми», предоставленной к публикации

инспектором Вологодской семинарии иеромонахом Григорием и опубликованной в «Известиях Императорского археологического общества», находим следующее указание относительно окон алтаря: «<...> а во олтари окно зделать, одно косячатое, а волоковых сколько понадобяца»¹⁷ [16, 72–74]. Косячатое окно, как правило, находилось по продольной оси восточной стены и освещало престол храма.

Сейчас восточная стена в нижней своей части вырублена почти на всю высоту прирубленного алтаря. Бревна выше прируба не имеют следов существования окна. Таким образом, остается предположить наличие окна в первом световом поясе восточной стены или незначительно выше его, как это имело место в раннем деревянном храмостроительстве. В качестве примера можно привести алтарное косячатое окно церкви Ризоположения 1485 года из села Бородава, где центральное окно находится в восточной стене, строго по оси, немного выше первого светового уровня. Алтарное окно Ризоположенской церкви имеет колодную конструкцию, оно невелико по размеру, но световой поток, проникая в храм, ярко освещает главную его часть – престол.

В процитированной выше «Рядной записи» говорится о том, что количество волоковых окон в алтаре можно сделать «сколько понадобяца». Как правило, их было не менее двух: южное волоковое окно должно было освещать дьяконник, где находилась ризница, северное волоковое окно выполняли в жертвеннике. В большинстве деревянных храмов алтари, как правило, освещались тремя окнами, что соответствовало трем основным частям алтаря с их символической и строго очерченной функцией. Исследовавший церковь Б.Д. Лурье также высказывал предположение о существовании дополнительных оконных проемов в отделенном иконостасом алтаре [27, с. 93].

Третье окно в алтарном пространстве Троицкого храма, без сомнения, находилось в северо-восточной части, там, где размещался жертвенник. Как известно, это было место, где шла подготовка дьякона к сослужению священнику, в процессе которой, кроме прочего, здесь возжигались кадилицы-кацеи с благовониями, кроме того, здесь на жаровне, установленной на специальное приспособление, в течение многих часов в предпасхальную неделю сушили «запасные дары» на весь год. Как правило, условия для разжигания церковных приборов и удаления лишнего дыма обеспечивало открывавшееся волоковое окно или специальная вытяжка, устроенная в потолке, в случае если потолок в алтарной части был низким. В рассматриваемом храме для удаления дыма, скорее всего, пользовались открывающимся волоковым окном. Так что наличие волокового окна в этой части храма было технической необходимостью.

Местом расположения второго волокового окна алтаря могла быть, вне всякого сомнения, северная стена, занятая сейчас косячатым окном. Под ним сохранились конструкции от крепившегося к стене деревянного основания для жаровни с углем, возможно, близкого по конструкции подобному приспособлению, сохранившемуся в алтаре храма до сегодняшнего дня (рис. 124). Косячатое северное окно, имеющееся здесь, приходится исключать из системы освещения древнего алтаря храма, поскольку есть все признаки его появления в поздний период, о чем скажем ниже. Кроме того, оно не было открывающимся, что не обеспечивало функционального назначения этой части храма, где находился жертвенник.

Таким образом, на первом этапе существования, объем четверика храма освещался, по крайней мере, пятью окнами: «красным» косячатым окном в уровне «второго света», размещавшимся на южной стене и находившимся четко посередине модельной части храма; волоковым окном – в первом световом уровне, сдвинутым к юго-восточному углу той же южной стены; северным волоковым окном в первом световом уровне, находившимся по середине стены; волоковым окном в том же уровне над имевшейся здесь деревянной конструкцией для жаровни с углями, следы монтажа которой сохранились на стене под более поздним косячатым окном; косячатым окном в восточной стене над престолом храма.

В целом два имевшихся в четверике перед иконостасом окна – косячатое, отличавшееся незначительными размерами, и волоковое – оставляли интерьер в глубоком полумраке. Незначительная часть света проникала сюда из трапезной благодаря окнами-«просветам». В то же время заиконостасное пространство было освещено более интенсивно. Контраст между полутемным пространством модельной части храма и алтарем был достаточно сильным. Символический «свет востока» прорывался через открытые дьяконские двери, двери в жертвенник и Царские врата. Кроме того, он проникал через пространство над иконостасом. Добавив к этому числу два волоковых окна трапезной палаты, в результате получим семь оконных проемов различной конструкции, которые, как представляется, составляли систему освещения в первый период существования Троицкой церкви.

Оконные и дверные проемы Троицкой церкви и их изменение в XVIII веке

В XVIII веке при полной переборке срубов храма, изменения его завершения и произведенной пристройке «круглого» пятигранного алтарного прируба все изначально существовавшие окна в кафоликоне

были исключены из системы освещения. На южной стене заложили оба первоначальных окна: «красное» косячатое окно второго светового уровня и волоковое окно. Предполагаемое восточное алтарное косячатое окно исчезло при разрубке стены храма, в связи с пристройкой пятигранного прируба. Скорее всего, было заложено волоковое окно, находившееся на северной стене ближе к северо-восточному углу, в непосредственной близости от иконостаса, перенесенного на восточную стену храма.

Не вызывает сомнений выполнение трех новых окон в южной стене, произведенное одновременно с закладкой проемов первоначальных окон. Два из них прорубили в первом световом уровне, третье окно с пятикосячатой колодой – в самом вершуге четверика, практически в третьем световом уровне, посредине стены. Первое косячатое окно разместили ближе к юго-западному углу. Данное окно прослужило недолго, поскольку позже было разрушено в дверной проем (рис. 93) в следующий ремонтно-строительный период. Следы окна полностью «съедены» им. Но о том, что на месте двери было окно, свидетельствуют следы устройства подмостей. Внизу под бывшим окном, справа и слева от его проема, имеются два гнезда с остатками обрубленных опор-«пальцев», которые входили в систему конструкции подмостей (рис. 93). Обращают на себя внимание и тройные затески на концах бревен, подходящих к проему. При растеске его и установке дверного блока, тройные затески выполнили и на концах тех бревен, что вышли «в свет» ниже бывшего оконного проема.

Второе окно в южной стене прорубили в значительной близости к заложеному южному волоковому окну (рис. 90). Забравая оконный проем, плотники рисковали разрушить тонкую перемычку между старым волоковым окном и вновь прорубаемым проемом. В интерьере храма видно, что граница оконного проема проходит на уровне штрабы первого иконостаса (рис. 90). Таким образом, окно не могло здесь появиться ранее перестройки храма и перемещения иконостаса на разрушенную восточную его стену. Но в данном случае мы не видим гнезд с остатками «пальцев» от конструкции подмостей. Скорее всего, «плотные мастера» воспользовались близостью выпусков бревен юго-восточного угла храма для опирания концов настила, проходящего по выпускам под соседним юго-западным оконным проемом.

В новое южное окно была поставлена железная решетка. Она состоит из пяти круглых в сечении кованых прутков – двух вертикальных и трех горизонтальных. Горизонтальные прутки пропущены через разубы в вертикальных элементах решетки. Сейчас решетка поставлена в косяки посередине. Однако существуют следы в виде врезок внутри четверти,

выбранной под слюдяную оконницу с внешней стороны колоды от более раннего варианта ее установки. Нет такого следа лишь на «нижнике», поскольку он появился в конструкции заполнения в связи с разрушением старого «нижника» или подоконного бревна.

Напомним, следы конструкций подмостей являются неперенными спутниками оконных проемов, прорубленных в стенах Троицкого храма во время его кардинальной перестройки в XVIII веке, в том числе и возле двойного окна кафоликона. Окно находится в самом вершуге южной стены храма, и по своему устройству оно полностью идентично рассмотренному ранее двойному окну трапезной.

Еще раз обратимся к имеющимся затескам на концах бревен, подходящих справа и слева к рассмотренным оконным проемам. Они выполнены, что называется, в «три следа». Боковые затески более узкие, короткие, в то время как центральные – широкие и высокие. Подобные затески мы видим возле всех оконных проемов, появившихся в момент перестройки храма. Исключение составляют новые алтарные оконные проемы, выполненные не в «круглых» бревнах, а в протесанных с двух сторон, где затески были уже не актуальны.

В связи с перестройкой храма произошли изменения в составе окон северной стены. Скорее всего, монастырские власти не остановились в своей попытке сделать интерьер храма более светлым. И при перестройке храма был прорублен оконный проем на месте существовавшего северного волокового окна. По крайней мере, документально известно о том, что в храме в 1766 году было еще одно косячатое окно в северной его стене. В документе на имя Императрицы Екатерины II существует даже описание состава заполнения этого оконного проема, в нем «<...> была вставлена оконница и прибита железная решетка, а сверх того и ставень был вставлен и поперешным деревянным запором засунут и все оное от того окошка явилось отломано <...>» [12, л. 1]. Из приведенного текста понятно, что слюдяная оконница, решетка, ставень были выломаны во время ограбления храма.

Где же находилось описанное окно? «Поместить» его мы можем лишь на то место, где сейчас находится северный дверной проем, а ранее имелось волоковое окно. Заметим, что у существующего сейчас северного дверного проема имеются характерные тройные затески (рис. 101). Безусловно, первоначально они были выполнены только в пределах оконного проема, а при растеске окна в дверной проем мастера повторили их и у бревен, вышедших «в свет» ниже первоначального проема, как это имеет место и у южного дверного проема. Устройство двери вместо окна произведено, скорее всего, при ремонтных работах после ограбления храма в 1766 году, когда не рискнули

возобновлять оконный проем, оказавшийся непрочной преградой для грабителей. Кроме того, закрытая паперть мешала наблюдению за этой частью храма со стороны.

В алтарном прирубе при его сооружении были выполнены три оконных проема. Оконный проем в южной грани имеет трехкосячатую конструкцию заполнения (рис. 40). Под окном сохранились фрагменты от конструкции строительных настилов, аналогичные тем, что выше описаны у большинства оконных проемов, появившихся при перестройке храма в XVIII веке и служивших для организации работ по разрубке проемов, установке оконного заполнения. Два других окна имеют четырехкосячатые колоды (рис. 51). Предположительно, первоначально все окна имели одинаковую конструкцию заполнения на основе из трех косяков (рис. 148). Четвертый косяк – «нижник» – появился, возможно, значительно позже, в связи с разрушением подоконных бревен. В косяках по периметру выбраны четверти, в которые устанавливались ставни (изнутри) и слюдяные оконницы (снаружи) (рис. 149). Позднее, надо полагать, в связи с большими ремонтными работами при перемещении на территорию бывшего Троице-Сергиева мужского монастыря Иоанно-Предтеченской девичьей обители, в окнах слюдяные оконницы были заменены остекленными рамами. Во всех новых окнах Троицкой церкви установлены кованые решетки, но они значительно разнятся между собой по конструкции.

Таким образом, сразу после перестройки храма и произошедших архитектурных изменений в кафоликоне, предположительно, имелось три косячатых окна в первом световом уровне (одно северное окно, два южных окна), а также двойное колодное окно, прорубленное в верхнем световом уровне. Алтарный прируб освещали три окна. В трапезной появилось одно двойное окно посередине южной стены, скорее всего, оба волоковых окна были заложены. Таким образом, после кардинальной перестройки храма в нем имелось восемь косячатых окон, что изменило уровень освещенности интерьеров в лучшую сторону.

Во второй половине XVIII столетия произошли некоторые изменения как в составе дверных проемов, так и в их заполнении. Возможно, после 1766 года прорубили два новых дверных проема, связавших храм с построенной новой галереей. В результате кафоликон храма приобрел тот вид, который полностью соответствовал канону (храмовая часть обрела три входа – с запада, юга и севера). Южный дверной проем прорубили на месте окна, появившегося здесь при перестройке в XVIII веке (рис. 93). В нем установили четырехкосячатую колоду с дверным полотном на петлях в виде «гусяных лапок» (рис. 95, 96). Колода укреплена клиньями в верхних углах. Причем квадратное гнездо для клина в правом углу вырубле-

но в самой колоде, а гнездо в левом углу выполнено в верхнем бревне (рис. 93). С внешней стороны колоды выбрана четверть для установки металлической решетки, от которой имеется часть петель и следы от установки недостающих. Над дверью сохранилась конструкция, которая выполнена для установки здесь иконы [10] (рис. 94).

Предположительно, северная дверь также заменила окно. Она была выполнена не ранее 1766 года, скорее всего, при ремонтных работах, которые вынужден был провести приход Троицкого храма в связи с попыткой взлома западной и северной дверей трапезной и полным разрушением северного косячатого окна кафоликона. Дверные косяки с обеих сторон имеют выбранные четверти для установки дверных полотен (рис. 101). Более мелкая наружная четверть предназначалась для дополнительной однополотенной двери, от установки которой на правом косяке сохранились глубоко вбитые кованые подставы, а на левом – крюк для закладывавшейся щеколды. Дверь открывалась наружу. Вторая дверь открывалась внутрь. Существующее сейчас в проеме дверное полотно оковано листами металла на заклепках (рис. 100). Скорее всего, оно более позднего происхождения. Возможно, его установка связана с желанием обезопасить храм от проникновения с северной стороны, не просматривавшейся из монастырского двора. С внешней стороны на верхнем косяке имеется наличник, приколоченный коваными гвоздями, установленный при реставрации 2011 года. В бревне над дверью имеется прямоугольное углубление – киот под размещавшуюся здесь икону с изображением Троицы (рис. 101) [10].

В Троицком храме, возможно, еще раз во второй половине XVIII века была изменена система освещения. Как следует из вышеизложенного материала, косячатые окна в южной и северной стенах кафоликона, находящиеся ближе к перерубу, были разрушены и превращены в дверные проемы. И в результате в системе освещения кафоликона остались лишь два окна в южной стене (одно из них двойное в третьем световом уровне, другое – одинарное косячатое, возле заложеного юго-восточного волокового). Оставшихся окон было явно недостаточно для освещения интерьера.

Скорее всего, при ремонте, вызванном разрушениями, произведенными грабителями, в северо-восточном углу на месте заложеного волокового окна, находившегося первоначально в той части четверика, которая до полной перестройки являлась алтарем, было выполнено северное косячатое окно, сохранившееся поныне. Заполнение нового оконного проема состоит из трех мощных тесаных брусев-косяков. В качестве «нижника» использовано бревно венца сруба, в котором выполнены соответствующие гнез-

да для боковых стоек-косяков и вытесана плоскость подоконника (рис. 89). Снаружи, по периметру косяков и в нижнем бревне, имеется выбранная неглубокая четверть для установки слюдяной оконницы. Со стороны интерьера также имеется четверть, выбранная в косяках и подоконном бревне для установки ставня, крепившегося засовом, который закладывался в сохранившиеся кованые металлические П-образные скобы. Со стороны интерьера над вершником имеется обрубленный осадочный клин. Как известно, при установке оконных заполнений необходимым техническим условием выполнения работы была несколько меньшая высота устанавливаемой конструкции, чем разрушенный проем. Для стабилизации конструкции в зазор над вершником устанавливали клин, позволявший удерживать конструкцию, что было обычным приемом. В оставшийся зазор между вершником и срубом справа и слева от зажатого осадочного клина вставили хорошо пригнанные два куска дерева. Со стороны экстерьера усадочный зазор закрыли наличником.

При обследовании северного косячатого окна было обращено внимание на установленную внутри косяков металлическую клепаную решетку простого рисунка, выполненную из трех плоских кованых полос с репейками-розетками в пересечении. Существующий сейчас вариант ее установки – более поздний. Первоначально она размещалась с внешней стороны окна. В четверти, выбранной в косяках для установки слюдяной оконницы, сохранились следы в виде врезов с гвоздевыми отверстиями от крепившихся здесь концов прутьев решетки. Причем след от установки решетки есть и в нижнем подоконном бревне.

Со стороны экстерьера, на концах бревен, слева и справа подходящих к оконному проему, имеются затески. Слева они выполнены одной плоскостью. А с правой стороны затески очень короткие, с неровной поверхностью. Создается впечатление, что их выполнению мешала стойка гильбища, штраба от установки которой хорошо прочитывается на памятнике. То же самое касается и длинной затески в подоконном бревне. При ее выполнении остался несрубленным «гребень», который почти вплотную подходит к стойке галереи. Таким образом, окно здесь явно появилось гораздо позже, чем была построена галерея. Все вышесказанное позволяет датировать данный оконный проем временем устройства северного дверного проема, т. е. временем ремонта, произошедшего после 1766 года. Отсутствие следов вспомогательной конструкции – подмостей у рассмотренного северного окна лишний раз свидетельствует о том, что выполнение проема и установка оконного заполнения производились не при перестройке церкви в конце 1730-х – начале 1742 года, а в другой ремонтно-строительный период. Для подхода к нему использовали, скорее всего, какие-то наземные конструкции.

Оконные проемы в XIX – начале XXI века

В первой четверти XIX века в храме был проведен целый ряд ремонтных работ, повлиявших на систему его освещения. Так, в 1821 году произвели обшивку срубов тесом, и в дальнейшем в храме и трапезной «рабочими» остались семь оконных проемов. Во все оконные проемы были установлены рамы столярной работы с остеклением. Как известно, стекло пропускает более интенсивный поток света, чем слюда. Таким образом, освещенность интерьеров храма и трапезной значительно возросла. В дальнейшем, вплоть до ремонтных работ 2011 года, количество окон оставалось неизменным (если не брать во внимание окон крылец, террасы).

При ремонтных работах 2011 года были выполнены новые рамы для окон Троицкого храма, раскрыты два волоковых окна трапезной. Сейчас в церкви имеется девять действующих окон: три косячатых окна в алтарном прирубке; три окна – в кафоликоне (два – на южной стене, одно – на северной); три окна – в трапезной (два волоковых и одно сдвоенное пятикосячатое окно).

В целом структура освещения Троицкой церкви отвечает пяти ремонтно-строительным периодам. Она выглядит следующим образом:

- в первый период интерьеры храма и трапезной, возможно, освещались пятью-шестью волоковыми и двумя косячатыми окнами, среди них – волоковое окно, находившееся ближе к северо-восточному углу храма, а также возможное третье волоковое окно трапезной и гипотетически возможное косячатое окно алтаря;

- при полной переборке срубов храма, изменении его завершения и произведенной пристройке алтаря большая часть изначально существовавших окон была заложена, таким образом, исключена из системы освещения; одновременно были прорублены новые оконные проемы; после серьезных архитектурных изменений храм и трапезная освещались восьмью окнами, если наше предположение о закладке в этот период всех оставшихся волоковых окон верно;

- во второй половине XVIII столетия были прорублены новые дверные проемы в северной и южной стенах храма на месте косячатых окон; появился один новый оконный проем с трехкосячатым заполнением на месте северного волокового окна; в результате в системе освещения храма и трапезной осталось семь окон;

- в XIX столетии, после обшивки срубов, в церкви сохранились те же семь оконных проемов;

- после проведенных в 2011 году ремонтных работ число окон в Троицком храме увеличилось до девяти за счет открытых волоковых окон трапезной; к сегодняшнему дню в храме имеется: три окна в ал-

тарном прирубке; три – в кафоликоне (два – на южной стене, одно – на северной); три окна в трапезной (два волоковых окна и одно двойное);

- крыльцо с лестницей, паперть, галерея-гульбище.

Изначально Троицкая церковь имела только один вход, который располагался в западной стене трапезной. Поскольку церковь стояла на высоком рубленом подклете, естественно, для того чтобы в нее попасть, необходимо было иметь крыльцо с лестницей. Следы их конструкций зафиксированы на западном фасаде трапезной. К числу следов, оставленных этой конструкцией, прежде всего относится гнездо в верхнем бревне стены трапезной (выше идет нарубленный из нового дерева «самец»-фронтон). Гнездо находится ровно посередине в девятом бревне второй (считая снизу) стопы (по маркировке XVIII века) (рис. 105). Оно предназначалось для установки коньковой слезы и охлупня, «огнетавшего» кровельные тесины и закрывавшего их верхние концы. Гнездо отличается значительными размерами. Справа, на выпуске бревна южной стены трапезной, в уровне «вершника» западного дверного проема, имеется врубка, выполненная с уклоном, предназначавшаяся для пропуска крыши, устроенной над лестничным маршем (рис. 106, 107). О том, что над лестницей имелась крыша, свидетельствует и отличие в цвете бревен фасада. Та часть стены, которая находилась под кровлей лестницы, немного темнее, поскольку меньше подвергалась воздействию влаги и солнца. Граница цвета расположена по косой, что соответствует линии примыкания существовавшей крыши.

Вход на лестницу осуществлялся с южной стороны, с обстроенного сооружениями внутреннего монастырского двора. В русской деревянной архитектуре чисто функциональное назначение конструкций крыльца и лестницы никогда не оставалось без поддержки точно найденных пластических форм и деталей, декоративных элементов. Таким образом, крыльцо с лестничным маршем становилось выразительной по архитектуре и интересной по конструкции частью строения. Можно предположить, следуя иконографии крылец в деревянном зодчестве, наличие небольшого архитектурно выделенного входного объема, стоявшего на земле и примыкавшего к лестничному маршу (рис. 109, реконструкция).

На западном фасаде трапезной, кроме следов первоначального крыльца с одномаршевой лестницей, имеются следы примыкания конструкций паперти, о которой существует документальное свидетельство в монастырской Описи 1701 года [11, л. 153]. К числу следов, оставленных конструкциями паперти, можно отнести гнезда в восьмом и девятом бревнах второй стопы сруба (по маркировке XVIII века) (рис. 69). Они находятся справа и слева от гнезда для коньковой слезы крыши крыльца. Эти гнезда, скорее всего,

выполнены для слез крыши паперти (рис. 81 реконструкция). Заметим, что рассмотренная выше врубка от коньковой слезы в нижней своей части разрублена, увеличена вниз и находится ровно в уровне двух гнезд для предполагаемых слез крыши паперти (рис. 69). Таким образом, на западном фасаде мы имеем гнезда от трех слез, составлявших основу конструкции крыши паперти, которая была односкатной, со скатом, направленным с востока на запад. Крайние слезы крыши, скорее всего, опирались на угловые стойки. Следы их установки обнаружены на западном фасаде, в углах, образованных выпусками бревен северной и южной стен трапезной. Для установки вертикальных стоек паперти отдельные бревна западной стены и бревна выпусков близко к углам аккуратно подтесаны (рис. 7).

К числу следов, оставленных конструкциями из состава обустройства паперти, относятся симметричные вертикальные врубки у косяков западного входа (рис. 97, 112, 113). Врубки выполнены в двух бревнах над полом. Они служили для установки вертикальных опор пристенных лавок. Ближе к северо-западному и юго-западному углам на западной стене есть двойные горизонтальные врубки (рис. 18). Обычно такие неглубокие штрабы делали в параллельных стенах под концы тесин лавок. Поскольку паперть имела каркасную конструкцию, то, скорее всего, тесины северной и южной лавки одним концом заводились в имеющиеся на западной стене штрабы, а вторым концом опирались на вертикальные опоры, поставленные у каркасной стены паперти, параллельной западному фасаду трапезной. Тесины лавок, которые прилегли к стене трапезной, опирались на стойки у входа и противоположным концом могли опираться на доску перпендикулярной лавки. Таким образом, справа и слева на западной паперти имелись лавки Г-образной конструкции.

Мы достаточно примитивно описали устройство наших лавок. Возможно, их конструкция была более совершенной. Так, сопряжение двух тесин Г-образных лавок выполнялось, к примеру, также, как это имеет место в лавках трапезной рассматриваемого памятника; сами лавки могли иметь подзоры-прибоины, подобные тем, что сохранились в трапезной (рис. 119, 154). Лавки, устроенные вдоль западной стены трапезной, прилегли к ней вплотную, о чем свидетельствуют потертости на бревнах от прогибов под нагрузкой. Наличие потертостей свидетельствует об отсутствии дополнительных опор у этих достаточно коротких лавок. Более длинные северная и южная лавки могли иметь фигурные промежуточные опоры.

Паперть с ее обустройством заменила крыльцо с лестницей, о чем можно судить по нанесенной перед его разборкой маркировке. По наблюдению, процессу маркировки помешала имевшаяся на паперти конструк-

ция из двух лавок в северной части паперти. И марки на трех бревнах первой стопы сруба обходят эту конструкцию справа, а начиная с десятого бревна марки уже поставлены ближе к северо-западному углу (рис. 18).

До полной переборки храма паперть, скорее всего, ремонтировалась. В результате она была восстановлена в прежних конструкциях. Однако при этом несколько изменилась высота пола паперти. В связи с этим, устанавливая лавки, разрубили вверх пазы для стоек возле косяков западного входного проема (рис. 112, 113), а также выполнили новые штрабы в десятом бревне для концов северной и южной лавок (рис. 18). Надо заметить, при вырубке северной штрабы, не задели имевшуюся на бревне маркировку. Штрабы, отмечающие первый уровень северо-западной и юго-западной Г-образных лавок, выполнены на одной высоте, также как штрабы для лавок второго уровня. Таким образом, после восстановления паперти ее обустройство не изменилось. Судя по следам имеющихся конструкций, вход на паперть был устроен с западной стороны, куда вела внешняя лестница, которая могла быть или закрытой, или открытой.

По всей видимости, паперть была закрытой, иначе вряд ли здесь можно было разместить иконописные изображения, поименованные Описью 1701 года¹⁸ [11, л. 178 об.]. Для их установки на западной наружной стене трапезной, по сторонам от дверного проема, выбраны прямоугольные углубления – ниши. Справа имеется большая по размеру ниша, для которой древесину выбрали в пяти бревнах, причем в нижнем вырубил неглубокую узкую «полочку» для опирания торца киота иконы (рис. 111). Судя по Описи, здесь размещалось «Распятие Господне», написанное на полотне и заключенное в киот столярной работы [11, л. 178 об.]. Слева от западного входа имеется ниша меньшего размера, выполненная в трех бревнах (рис. 110). В ней размещался образ Спаса Нерукотворенного. Ниши неглубокие, их вырубали поперек волокон в сухом дереве, о чем свидетельствует характерное обмятие древесины. Стенки ниш выбирали теслом, большие плоскости подчищали скобелем, о чем говорят следы на дереве, оставленные инструментами. Добавим, что над дверью Описью отмечен деисус в киоте (икона с изображением Спасителя, Богородицы и Иоанна Предтечи) [11, л. 178 об.].

Крыльцо с одномаршевой лестницей, западная паперть, построенная, а затем подвергшаяся ремонту, служили храму до полной перестройки. А в ходе полной переборки церкви в конце 1730-х – начале 1742 года, была выстроена новая паперть. Она, скорее всего, была соединена со срубом балками перекрытия. По крайней мере, в удаленных при ремонте 2011 года из конструкции срубов нижних бревнах имелись квадратные гнезда под элементы перекрытия, к сожа-

лению, не обследованные по причине их утилизации после завершения ремонтных работ.

О паперти есть упоминание в письменном обращении клира Троицкой церкви к Императрице Екатерине II в 1766 году по поводу ограбления церкви [12]. Священник и дьякон, подойдя к западной двери церкви, увидели косяки и притвор изрубленными. Далее они «<...> пошед около церкви по паперти по левой стороне <...>», где обнаружили разрушенную дверь и разрушенное окно [12, л. 1]. Таким образом, обследовавшие церковь после ограбления шли по паперти иной конструкции, чем первоначальная, поскольку имевшаяся ранее паперть, насколько нам известно, примыкала к строению только с западной стороны. Таким образом, в 1766 году документально засвидетельствовано наличие паперти, которая обходила храм, по крайней мере, с западной и северной сторон. Скорее всего, паперть была закрытой.

По всей видимости, позднее паперть претерпела некоторые изменения, так как в более позднем описании она названа галереей, обходящей храм с трех сторон [45, 1871 г., № 11, с. 343].

При ремонте, проведенном после ограбления, появились новые дверные проемы у кафоликона. Особо отметим южную дверь, возле которой было пристроено закрытое крыльцо, скорее всего, связанное с южным крылом галереи-«гульбища». Обосновывая свое предположение, обратим внимание на фотографию южного фасада, сделанную во время обследования церкви перед ремонтными работами 2011 года и опубликованную Б. Д. Лурье [26, с. 91]. На снимке виден «отпечаток» конструкции крыльца под двускатной крышей. Бревна сруба храма, находившиеся в объеме крыльца, гораздо темнее, чем остальное дерево сруба. Поскольку нет врубок в стене для крепления пристроенного крыльца, то, скорее всего, оно имело каркасную конструкцию.

Разборка галереи-«гульбища» была произведена в 1819 году [45, 1871 г., № 11, с. 343; 48, с. 28]. Можно предположить, что зашитое крыльцо возле южной двери просуществовало вплоть до этого времени. В том же 1819 году возле всех дверных проемов церкви были возведены новые полукаменные открытые крыльца, позже появились двускатные крыши, поддерживаемые круглыми столбами. Заметим, что через два года после строительства новых крылец срубы церкви были обшиты тесом, так что крыльцо новой конструкции¹⁹ не могло оставить «отпечаток» на срубке. В более поздний период западное крыльцо было заменено террасой стоечно-балочной конструкции, а южное и северное крыльца – просуществовавшими, с изменениями в их конструкции и были разобраны при ремонтных работах в 2011 году.

Сейчас на месте крылец вновь построена открытая галерея (рис. 115, 116, 130, 131). Основанием для

ее возведения стали сохранившиеся гнезда для балок, следы примыкания восточной стены северного и южного крыла галереи к северной и южной стенам четверика храма, следы от конструкции лавки, имевшейся в северном крыле (рис. 114). Но современную галерею едва ли можно считать исторической реконструкцией. При ее сооружении большинство конструкций выполнено не по историческим технологиям.

Так, к примеру, соединение галереи с трапезной и храмом произведено с помощью болтов (рис. 27). Для организации кровли галереи не задействованы имеющиеся гнезда для ее слег. Не соблюден исторический масштаб – галерея установлена на выросшем вокруг храма культурном слое, а под ее обвязку поставлены кирпичные столбы (рис. 116).

Элементы обустройства интерьера

В существующем алтаре сохранилась очень интересная и архаичная по своему устройству деталь – деревянное приспособление для жаровни с углем (рис. 125). По-видимому, оно скопировано со старого аналогичного устройства, следы которого остались на северной стене старого алтаря, теперь оказавшегося в объеме храма (рис. 125). Известно, что подобными устройствами снабжались все деревянные храмы, поскольку существовала необходимость в разжигании угля для кадилниц, приготовлении «святых даров» перед Пасхой. Конструкции пристенных оснований для жаровен были различными, в алтаре Троицкого храма сохранился один из вариантов, который состоит из пустотелого стояка, верхней доски с воронкообразным отверстием и достаточно большой врезной полочки слева. Как правило, они стационарно устанавливались под волоковыми открывающимися окнами, обеспечивавшими приток свежего воздуха и удаление дыма.

Убранство алтаря дополняют лавки, предназначенные для священнослужителей, имеющие традиционное устройство, полки с резными прибоинами (рис. 123), предназначавшиеся для расстановки икон, престол, жертвенник. Последние не раз фигурируют в монастырских документах и с тщательностью описываются: «1. Престол из соснового дерева с дубовой доской вышины 1 ар(шин) 6½ в(ершков), длины 1½ ар(шин), ширины 1 ар(шин) 3½ вер(шка), срачица полотняная. <...> 2. Жертвенник из соснового дерева с дубовой доской выш(иной) 1 ар(шин) 5 вер(шков), длиной 1 ар(шин) 3½ вер(шка), шир(иной) 1 ар(шин) 2 вер(шка)» [10].

В храме справа и слева возле солеи имеются два клироса для размещения церковного хора, тцецов (рис. 117). Сохранившиеся основные элементы убранства культового интерьера, скорее всего, относятся к 1742 году, когда монастырские власти вынуждены были пе-

рестроить интерьер в соответствии с синодальными требованиями к его виду. При кардинальной перестройке церкви были выполнены новые полы с солей, пятигранным амвоном (рис. 67), заменены престол и жертвенник. Возможно, к этому времени относятся и клиросы. Конструкции клиросов состоят из обвязки, выполненной из брусев и стоек, соединенных «в шип», забирка стенок выполнена «в косяк». Клиросы были окрашены в яркий красновато-оранжевый цвет, с нанесенной по фону контурной росписью из стилизованных растительных форм. По стилистике клиросы близки сохранившимся клиросам иных деревянных русских культовых сооружений XVIII столетия. К клиросам пристроены ограждающие солею балюстрады, состоящие из обвязки и точеных балясин.

3. Этапы строительно-ремонтных и реставрационных работ

Троицкая церковь в 1670-е годы

Обследование и изучение Троицкой церкви, проведенное в 2015–2016 годах архитекторами, показало, что на памятнике хорошо просматриваются многочисленные следы, позволяющие восстановить его строительную и ремонтную историю, начиная со времени возведения и до 2010-х годов включительно (рис. 156, 157).

Существующая Троицкая церковь, возможно, была построена в XVII столетии, а именно тогда, когда древний деревянный храм Сергия Радонежского, преосвященный в 1604 году в честь Троицы, пришел в полную негодность и потребовалась его замена новым строением. В дополнение к аргументации, приведенной выше, следует напомнить о результатах проведенных в 2015 году дендрохронологических исследований, которые показали, что в конструкциях существующего храма нет древесины ранее 1670-х годов. Очень нелегко, но придется расставаться с укоренившейся веками традицией датировки Троицкой Свяжской церкви XVI столетием.

Что касается объемно-пространственного решения новопостроенного храма, то он, возможно, был ориентирован на монастырские храмы Троице-Сергиева Свяжского монастыря времен Ивана Грозного. Заметим, что Свяжск находится в непосредственной близости от Услонских гор, где в изобилии имелся строительный камень. И уже в 1555 году в Нове-граде на Круглой горе приглашенные псковские мастера возводят в камне Богородице-Рождественский собор, заменяя им ту самую первую Рождественскую церковь, привезенную и собранную в мае 1551 года

вместе с Сергиевским храмом. Через сто двадцать лет подмосковный Троице-Сергиев монастырь тем не менее тратит значительные средства на приобретение и транспортировку необходимых строительных материалов для возведения деревянного храма в Свяжском монастыре. Скорее всего, это вызвано желанием историческую преемственность, сохранить память о той ранней церкви, что связана с основанием и города, и монастыря. Кроме того, с церковью связано воспоминание о покорении Казанского ханства при царе Иоанне IV, раздвинувшем границы русского государства далеко на юго-восток. Возможно, храм поставили на том же месте, воспроизвели его структуру, состоявшую из трапезной и кафоликона, в объем которого входил алтарь. С севера к трапезной был прирублен «предел», назначение которого остается неясным.

Поскольку церковь выстроена на подклете, то вход в храм находился на значительной высоте. И возле западного фасада первоначально имелось крыльцо с лестницей, следы конструкции которой хорошо «прочитываются». Над высоким крыльцом и лестницей существовала крыша, ее более длинный правый склон, шедший наискось по западному фасаду, был «пропущен» через вырубку в «остатке» бревна юго-западного угла сруба трапезной (рис. 166).

Позже крыльцо заменили закрытой папертью, причем это произошло задолго до кардинальной перестройки храма, на что указывает маркировка, сохранившаяся на западной стене трапезной. Анализ маркировки позволил понять, что она наносилась перед разборкой храма и марки «обходят» имеющиеся штрабы от существовавшей на паперти северной Г-образной лавки (по сути, марки «обходили» на тот момент лавку). Кроме того, по всей видимости, паперть подверглась ремонту также задолго до полной переборки сооружения. После ремонта паперть была восстановлена, сохранив свое устройство. Но поскольку пол паперти оказался на новом уровне, то и штрабы для концов северной и южной лавок пришлось поднять несколько выше. При этом штрабы уменьшены по ширине, выполнены с большим тщанием и аккуратностью.

В целом Троицкая церковь представляла собой традиционную для XVII столетия культовую постройку с двумя срубами, перекрытыми двускатными крышами, пристройкой с северной стороны трапезной, возможно, хозяйственного назначения, высокой закрытой папертью возле западного фасада. В храме имелись три волоковых окна и, возможно, два косячатых, в трапезной – два-три волоковых окна. Украшением аскетичного строгого малоосвещенного интерьера храма был иконостас, отделявший алтарь, многочисленные иконы в киотах на стенах кафоликона, трапезной, о чем можно судить по Описи 1701 года [11, лл. 169–179 об.]

Троицкая церковь в конце 1730-х – 1742 годах

Предположительно, в конце 1730-х – начале 1742 года в архитектуре храма произошли значительные изменения, и для того, чтобы их осуществить, церковь пришлось разобрать. Перед разборкой конструкции строения промаркировали и затем по нанесенной маркировке разобрали. При переборке не был восстановлен прируб у северной стены трапезной, церковь увеличили за счет нового пятигранного алтаря, срубленного «в лапу» из протесанных на две грани бревен. Следующие один за другим объемы алтаря, кафоликона, трапезной выстроились «кораблем» по оси восток – запад (рис. 158, 168, 157, 171, 160). Подобный прием компановки культовых сооружений был освящен традицией и не предвещал каких-то больших изменений в его образе. Скорее всего, одновременно была выстроена закрытая паперть, обходящая сооружение, по крайней мере, с западной и северной сторон. Изменение храмовой архитектуры произошло в связи со значительным увеличением высоты строения, для чего над четвериком кафоликона были поставлены один на другом большой и малый восьмерики. Обычно возводимые восьмерики ярусных храмов снабжались большим количеством оконных проемов, однако нарубленные чередующиеся восьмерики Троицкой церкви остались глухими, без окон.

Как правило, столь серьезно перестраивая храм, предусматривали новый уровень его потолков, при которых их организовывали, по крайней мере, в верхней части первого восьмигранного яруса. При тщательном исследовании на этот предмет большого и малого восьмериков не было выявлено следов конструкций перекрытия. Таким образом, возведение новых объемов над кафоликоном не предполагало увеличения храмового пространства в высоту. При перестройке храма, увеличении его в длину и в высоту у заказчиков – монастырских властей и в первую очередь у Строителя, назначавшегося Троице-Сергиевой лаврой, изначально не было расчета придать интерьеру храма новый образ, наполнить полутемный кафоликон воздухом и светом в духе ставшей весьма популярной барочной архитектуры. В храме сохранилось потолочное перекрытие, в основе которого пять черепных балок и выстилка из тесин, уложенных «в косяк». В трапезной в основе чердачного перекрытия – шесть балок и выстилка потолка выполнена, как в кафолико-не, – «в косяк».

Достаточно серьезная модернизация архитектуры Троицкой церкви, выразившаяся в возведении объемного алтаря, чередующихся двух восьмериков над кафоликоном, поставила простую клетскую постройку в ряд репрезентативных культовых сооружений XVIII

века (рис. 160, 161, 162, 163). Внешне храм изменился значительно, но возведенные глухие восьмерики остались чистым архитектурным дополнением, не повлиявшим на характер интерьера храма. Изменения в интерьерах связаны, прежде всего, с переносом тябловой конструкции алтарной преграды на восточную стену храма. В результате кафоликон стал более масштабным, просторным, оставаясь тем не менее в русле древнерусской традиции. Световой режим в интерьерах изменился за счет прорубленных в северном и южном фасадах четырех косячатых оконных проемов, а также выполнения трех окон в алтаре.

Изменения в архитектуре Троицкой церкви в 1760-х–1790 годах

После закрытия Троице-Сергиева монастыря в 1764 году, его строения были переданы православной общине. В 1766 году Троицкая церковь подверглась разграблению, при этом был нанесен серьезный вред строению, после чего его пришлось ремонтировать. При ремонте заложили северный дверной проем трапезной, в северной и южной стенах храма были организованы два новых дверных проема на месте существовавших со времени полной перестройки косячатых окон, выполнено дополнительное косячатое окно в северной стене храма, пристроено закрытое крыльцо возле южного дверного проема.

В результате перестройки Троицкая церковь приобрела тот вид, который в основных чертах сохранился вплоть до 1797 года, когда храм стал частью Иоанно-Предтеченского девичьего монастыря. В связи с этим церковь отремонтировали, рубленный подклет заменили кирпичным цоколем, в 1796 году перекрыли крыши галереи, обходящей к этому времени церковь с трех сторон.

В целом храм с двумя восьмигранными ярусами на почти правильном кубическом основании четверика, с сохраненной конструкцией чердачного перекрытия клетского храма – «подволокой в косяк» являет перед нами один из вариантов переходного типа храма к широко распространенной в XVIII–XIX столетиях конструкции ярусного культового сооружения. Считалось, что аналогов ему можно найти много, однако в русском культовом деревянном зодчестве лучше всего сохранились сооружения, изначально планировавшиеся и строившиеся как ярусные. В данном случае мы имеем дело с ярусным храмом, перестроенным из клетского и как результат обладающим целым рядом архитектурно-конструктивных особенностей, не встречающихся в чистом виде в богатом архитектурном наследии. Так, в книге М. Красовского опубликованы изображения только двух храмов, имеющих внешнюю близость со свяжским Троицким. Наиболее близкой по своим формам Троицкой церкви мож-

но считать Воскресенскую церковь конца XVII века из села Каменское Калужской губернии [23, с. 295, рис. 376, 377]. Началом XVIII века датируется другой храм с восьмериком на четверике из деревни Вершина Вологодской губернии, также имеющий конструктивную общность с Троицким [23, с. 295].

В общем и целом Троицкая церковь заняла место в одном ряду со стилевыми барочными храмами, архитектура которых стала необычайно популярной в русском культовом зодчестве.

В конце XVIII века, при переводе Иоанно-Предтеченской девичьей обители на территорию упраздненного Троице-Сергиева мужского монастыря под срубы Троицкой церкви был подведен кирпичный цоколь. При этом были удалены пять нижних венцов срубов. Основные объемы церкви были оставлены без изменений. Лишь перекрыты кровли окружавшей ее с трех сторон галереи.

Троицкая церковь в XIX – начале XX века

К началу ремонтных работ 2011 года Троицкая церковь представляла собой достаточно масштабное вытянутое по оси восток – запад деревянное сооружение длиной 26,0 м шириной 17,0 м, на кирпичном цоколе (рис. 1, 2). Высота Троицкой церкви с крестом составляла почти 16 м. Объем церкви состоял из следующих четырех частей: пятигранного алтаря с размерами в плане 5,0 × 6,6 м, под пятикатной металлической кровлей; кубического высокого кафоликона размером в плане 7,9 × 7,9 м; над объемом кафоликона поднимался большой восьмерик, размером в осях 7,55 × 7,55 м и высотой 2,1 м под крытой металлом восьмикатной крышей; над большим восьмериком имелся малый восьмерик в металлической обшивке, выполненной по граням, его размеры – 1,4 × 1,4 м при высоте 1,4 м; малый восьмерик венчала главка в виде небольшой вытянутой вверх луковичы с установленным кованым крестом с тремя крепежными цепями; за кафоликоном следовал более низкий объем трапезной с размерами в плане 8,8 × 9,0 м; к западной стене трапезной примыкала терраса-притвор каркасной конструкции.

Архитектура Троицкой церкви была полно рассмотрена выше. Притвор, крыльца храма не были изучены по причине их полной ликвидации при ремонтных работах 2011 года, но они играли существенную роль в облике Троицкой церкви последние два столетия, потому есть необходимость кратко охарактеризовать эти достаточно поздние конструкции (рис. 2).

Притвор с западной стороны трапезной появился в XIX столетии, заменив собою крыльцо, построенное в 1819 году. Изначально он имел вид открытой террасы с основой из шести деревянных круглых столбов диаметром 0,23 м. Ее размеры в плане – 6,7 × 9,0 м.

Позже между столбами было устроено остекление. Терраса-притвор и трапезная были покрыты общей двускатной крышей с металлической кровлей, выполненной по стропильной конструкции. На западном фасаде притвора имелся входной проем с двухполотенными филанчатыми дверями. Внутрь вела лестница в семь ступеней шириной 2,9 м.

Крестообразный план Троицкой церкви появился в результате сооружения в 1819 году возле кафоликона северного и южного крылец, которые на протяжении почти двух сотен лет постоянно ремонтировались, видоизменялись, пока не были полностью уничтожены. И северное, и южное крыльцо имели кирпичное основание, между круглыми в сечении столбами-стойками была выполнена заборка из досок, поставлены остекленные рамы. У северного и южного крыльца были выполнены входные проемы с установленными в них филанчатыми дверями. Крыльца имели двускатные крыши. Внутри северного крыльца была устроена лестница в восемь ступеней во всю ширину внутреннего пространства, внутри южного крыльца лестница имела шесть ступеней. Размеры крылец в плане – 4,6 × 2,8 м. Южное крыльцо во второй половине XX века подверглось ремонту с заменой почти всех конструкций.

Все наружные стены Троицкой церкви были обшиты досками шириной около 0,17 м, по установленным вплотную к срубам маякам. Как известно, впервые обшивка была произведена в 1821 году, позже она неоднократно ремонтировалась. Снаружи здания на трапезной и четверике первого яруса в местах угловых врубок были выполнены широкие лопатки. По обшивке здание было целиком выкрашено в серовато-белый цвет, глава, металлическая обшивка малого восьмерика, все металлические кровли имели сильно выцветшую зеленую окраску.

Троицкая церковь, современное состояние

За свою жизнь Троицкий храм подвергался многократным ремонтам и переделкам. Как мы видим, наиболее значительные перемены облика произошли во второй трети XVIII – первой половине XIX века, когда сооружение полностью перебрали, изменили форму храмового завершения, растесали восточную стену кафоликона, пристроили пятигранный алтарь, заложили старые и прорубили новые окна. Понятно, что в процессе вмешательств сооружение теряло

какую-то часть первоначальных конструкций и материалов. Наиболее уязвимые части деревянного сооружения: окладные венцы, кровля, выпуски бревен, подоконные венцы, полы, оконные заполнения – претерпели не один ремонт, не одну замену.

Менялись (не в лучшую сторону) и прочностные характеристики конструкций храма. Так, к примеру, круглые углы в интерьерах стесаны, выпуски бревен обрублены, западная и восточная стены кафоликона выпилены, в нижнем юго-восточном углу трапезной практически утрачено соединение срубов трапезной и церкви. На обмерных чертежах видно, что стены сооружения «расползаются», отклонения зафиксированы на продольных и поперечных разрезах памятника. Кроме конструктивных дефектов, появившихся из-за ремонтов и непрофессиональных вмешательств, искажают облик памятника и плотничьи работы, далекие от технологий обработки дерева, характерных для периода возведения храма. Большие опасения вызывает значительное количество сильно пораженной и ослабленной древесины, оставленной в структуре памятника в ходе последних ремонтных работ.

Значительные изменения претерпело завершение храма. При проведении ремонтных работ в 2011 году было принято решение, кардинально изменить малый восьмерик. По сути, его превратили в барабан под главкой. Для этого демонтировали обшивку из металла²⁰; по наружной поверхности восьмерика сделали обрешетку; на обрешетку прибили городчатый осиновый лемех. Таким образом, восьмерик потерял свою форму, диаметр его значительно увеличился за счет толщины обрешетки и лемеха.

Лежавшее на верхнем торце восьмерика кружало, в которое врезались пяты журавцов главы, оказалось меньше нового диаметра теперь уже барабана главы, поэтому старое кружало, удалили и на его место поставили новое, большего диаметра. О существовании старого кружала с гнездами для журавцов свидетельствуют фотографии, сделанные в ходе обследования и демонтажа конструкций в 2008–2011 годах. Из практики известно, что подкровельные конструкции сохранялись в строениях столетиями, в то время как кровельные материалы на сооружениях меняли довольно часто. Часть удаленных конструкций может быть датирована временем кардинальной перестройки храма, когда храм получил новое завершение из двух восьмериков и главу на крошечном глухом барабане-шее, возможно, с установленным кованым металлическим крестом²¹.

Примечания

1. Все сохранившиеся до сегодняшнего дня ранние деревянные храмы, в т. ч. и упомянутые выше ц. Лазаря Муромского, 1464 г., ц. Ризоположения 1485 г., Ц. Георгия Победоносца 1490 г., были неотопливаемыми.
2. Результаты ксилотомического исследования.
3. Известно, что на первых порах современный Свяжск именовали «Ново-Град», «Иван-Град».
4. Преподобный Сергей Радонежский Чудотворец, основатель Троице-Сергиева монастыря под Москвой, по легенде, благословивший русское воинство в лице Дмитрия Донского на битву с татаро-монголами в 1380 году.
5. «Монастырь живоначальных Троицы и Сергия Чудотворца, а в монастыри две церкви – церковь Сергия Чудотворца, а теплая церковь живоначальных Троица, а обе деревянные, а в церкви теплой деисус на лазори 13 образов, а в другой церкви Сергия Чудотворца деисус 14 икон, а поставленье церкви и все церковное строенье Троицкаго Сергиева монастыря большова, да на монастыре 16 келей, да у монастыря двои ворота, одни святые, а на них деисус 9 икон стоячей писан по обе стороны, да ворота конюшенные, да на монастыре погреб, да ледник, да две поварни в земле, да двор конюшенной, да подле монастыря место огорожено заместом (заметом), а на месте хоромы монастырские». См.: [42, с. 35].
6. Церковь сгорела 18 ноября 2015 года.
7. «<...> четырехскатная крыша над квадратным в плане срубом, имевшая высоту, равную стороне квадрата плана, называлась колпаком; если же высота крыш такой формы равнялась стороне квадрата основания, увеличенной в полтора или два раза, то такие крыши назывались шатрами. Однако шатрами же назывались также высокие пирамидальные крыши, имевшие в плане форму многоугольников, преимущественно шестиугольников или восьмиугольников. Примечание: Многогранные шатры назывались круглыми». См.: [23, с. 85].
8. Изображения стропильных крыш в альбомах путешественников.
9. Олеарий, Нижний Новгород.
10. Вспарушенный потолок, к примеру, имеется в Ризоположенской церкви 1485 года из Бородавского погоста, перемещенной на территорию Кирилло-Белозерского монастыря (Вологодская обл., г. Кириллов). См.: [37, с. 52, фото 4, 6; 50; http://www.rusarch.ru/ivanova_g.htm].
11. [11, лл. 180, 180 об., 181] «<...> Под трапезною каменною теплою погреб. <...> Семь пешен. Два топора. Два заступа. Три пилы больших. <...> Лом. Две кирки. Две теслы. Пазник. Просек. Три бурава. Долото. <...> Две скобели. Два бурава малых. Струг железной. <...> Да вновь прибыло три напарьи».
12. См.: [11, л. 182 об., 183]. «<...> Кузница, а в ней две наковальны, три молота двоеручных, два молота подручных, молоток косной, четверы клеши больших и малых, оскорда, две гвоздильны, третья шиповая, терпуг, четыре пилы, что обтирают железо, пила, что ростирают черенье, двои мехи дутьи, тиски, что у стула, кандалы, сверло малое, кочерга, точило, подход, веретено железное, лучек топорной, насека, что куют, точило, три бродка да бродок подпяточной, дорожник, подставка, точило с крюком». См.: [11, л. 182 об., 183].
13. Б.Д. Лурье, проводивший исследование храма, также считал, что закладка выполнена «<...> еще во времена «первой перестройки». См.: [27, с. 93].
14. См.: [11, лл. 177–178 об.]. «<...> В трапезе над церковными дверми образ Спаса нерукотвореннаго со ангелы, оклад и венец серебряные золочены басемные. Посторонь образ Николая чудотворца в Житии, оклад и венцы серебряные золочены басемные. По другую сторону образ Уверение Святаго Апостола Фомы, оклад железо белое золочено. Надверми ж образ Архистратига Михайла с приписными Святыми, писан на золоте, во облаце Спасов образ. На правой стороне образ Воскресения Христова, в киоте, на киоте пять крестов, киот и кресты обложены железом белым, у Святых семь венцов серебряных позолочены резные, у киота /177об./ на придворе писаны праздники на золоте. Образ Святыя Троицы, оклад серебряной позолочен басемной, венцы серебряные позолочены сканные, в венце камышек.

Образ Предста Царица, оклад и венцы серебряные позолочены басемные. Образ Феодора Стратилата с приписными Святыми, оклад и венцы железо белое золочены. Образ Тихона чудотворца, писан на красках, в киоте, во облаце Спасов образ, у Спаса и у чудотворца Тихона венцы гладкие серебряные, вклад того ж монастыря слуги Ганки Дубакина. У того ж образа пелена дороги красные, на пелене крест и слова шиты серебром, опушка киндяк желтой. На левой стороне образ Пресвятыя Богородицы Страстные с приписными Святыми, /178/ писан на красках, у Богородицы венец с каруною. У Превечного Младенца венец бескоруны, медные золочены. Да прикладу серги серебряные орлики, чепочка серебряная, вклад пушкаря Ивана Шарапова, чепочка с сергами да подьячего Ивана Бурьдина убрус полотняной белой, пелена изарбав травчетой полосатой, опушка дороги струйчетые, крест нашит китайка белая. Образ чудотворца Николая да Сергия, обложен железом белым золочены, во облаце Отечество. Перед Спасовым образом паликадило медное о шти шандалех, яблоко медное, кисть шелковая. В церкви паликадило о девети шандалех, яблоко деревянное позолочено, кисть шелковая красная. В трапезе ж над Строительским местом /178об./ образ Пресвятыя Богородицы Смоленския, оклад и венцы серебряные позолочены, венцы сканные <...>. См.: [47, лл. 177–178 об.].

15. Известно, что существовало множество запретов для нехристиан, к примеру, они не могли заниматься торговлей.

16. Подробнее о лесах и их конструкциях смотрите выше.
17. «Рядная запись 1683 г. на построение собора архистратига Михаила близ устья Выми». См.: [16, с. 72–74].
18. «В паперте над трапезными дверьми Деисус, писан на красках, в киоте, киот писан на красках. На правой стороне распятие Господне, писано на полотне. На левой образ Спаса нерукотворенного, венец писан на золоте». См.: [11, л. 178 об.].
19. подлинное крыльцо XIX века оставалось только с северной стороны, южное меняли в 1980-е годы. – от ред.
20. металлическая кровля менялась в советское время. – от ред.
21. В Описи 1614 года Успенского монастыря перечислены деревянные культовые храмы, но с установленными на лемеховых главах металлическими крестами. По опыту известно, что деревянный крест стоит в конструкции не более 12–15 лет, после чего требуется его замена. При том развитии кузнечного дела, что имело место в древнем Свияжске, возможно, храмы изначально снабжались главным атрибутом православия – крестом, выполненным из более долговечного материала.

Список литературы:

I. Архивные материалы

1. Архив «Росреставрации». Арх. № 5113, шифр 223.
2. Закрытое акционерное общество «Татарское специальное научно-реставрационное учреждение». Ф. 310, оп. 1, ед. 7. Н.С. Датиева. Историческая справка по Троицкой церкви 1551 г. на острове Свияжск.
3. Закрытое акционерное общество «Татарское специальное научно-реставрационное учреждение». Ф. 1, оп. 8, ед. 7. Проект реставрации памятника архитектуры деревянного зодчества XVI века Троицкой церкви в городе Свияжске Татарской АССР. Москва – Казань. 1977.
4. Казенное архивное учреждение Вологодской области «Государственный архив Вологодской области» Ф. 833, оп. 1 д. 167, 167 А.
5. Национальный архив Республики Татарстан. Ф. 2, оп. 7, д. 852.
6. Национальный архив Республики Татарстан. Ф. 6, оп. 87, д. 99.
7. Национальный архив Республики Татарстан. Ф. 6, оп. 88, д. 84.
8. Национальный архив Республики Татарстан. Ф. 6, оп. 92, д. 5.
9. Национальный архив Республики Татарстан. Ф. 310, оп. 87, д. 66.
10. Опись храмов, храмовых церковных зданий, храмового церковного имущества, движимого и недвижимого, передающегося (в) бессрочное и бесплатное пользование общине монашествующих и насельниц, основанного в 1795 году Свияжского Иоанно-Предтеченского женского монастыря, (находящегося в городе Свияжске по Троицкой ул.) Согласно положению Инструкции комиссариата юстиции по проведению в жизнь декрета от 23 января 1922 года об отделении церкви от государства.

11. Российский государственный архив древних актов. Ф. 237, оп. 1, д. 40, лл. 153–201. Опись Свияжского Троицкого монастыря 1701 года.
12. Российский государственный архив древних актов. Ф. 441, оп. 2, д. 466. Л. 1–2. Об ограблении церкви Троицы в Свияжске. 1766 г.
13. Рукописный фонд русского сектора отдела рукописей и редких книг научной библиотеки им. Н. И. Лобачевского Казанского федерального университета. Рукопись очерка М. Хронусова. № 1382.

II. Литература

14. Живописная Россия. Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении. Северная Россия. Т. 1. Часть 1. СПб., 1881.
15. Забалуева Т.Р. История архитектуры и строительной техники. М.: ЭКСМО, 2007.
16. Известия Императорского археологического общества. СПб.: Тип. Имп. Академии наук. 1864. Т. 4. Вып. 1.
17. Казанская губерния в 1726 году, по сочинению Кирилова: «Цветущее состояние Российскаго государства» и пр. / Памятная книжка Казанской губернии на 1861 г. Казань, 1861.
18. Казанская история / Подг. текста, вступ. ст. и примеч. Г.Н. Моисеевой. М.; Л., 1954. С. 84.
19. Корольков Н.Ф. Трифоно-Печенгский монастырь, основанный Преподобным Трифоном, просветителем лопарей, его разорение и возобновление. СПб., 1908.
20. Косушкин В.Ф. Иконостас Троицкой церкви / История реставрации объектов культурного наследия острова-града Свияжск. Казань, 2013. С. 107.
21. Красноречев Л.Е. Народное деревянное зодчество Новгородчины. Великий Новгород: Новгородский музей-заповедник, 2012.
22. Красноречев Л.Е. Народное деревянное зодчество Новгородчины. Витославицы. Великий Новгород / Новгородский государственный объединенный музей-заповедник, 2014.

23. Красовский М. Курс истории русской архитектуры. Часть 1. Деревянное зодчество. Петроград: Тов-во Р. Голике и А. Вильборг, 1916.
24. Лангель И.Ф. Краткое медико-физическое и топографическое обозрение Казанской губернии и губернского города Казани / Сочин. г. надв. сов. и кав. Лангеля, Казанской врачебной управы инспектора. 1813. № 4. С. 3–24. № 5. С. 3–23.
25. Лангель И.Ф. Краткое медико-физическое и топографическое обозрение Казанской губернии и губернского города Казани. Казань, 1829.
26. Лурье Б.Д. Троицкая церковь // История реставрации объектов культурного наследия острова-града Свияжск. Казань, 2013. С. 87–91.
27. Лурье Б.Д. Троицкая церковь // История реставрации объектов культурного наследия острова-града Свияжск. Казань, 2013. С. 92–103.
28. Лицевой летописный свод XVI века: Научное факсимильное издание. Русская летописная история. В 23 томах. М: Общество Любителей Древней Письменности. 2006–2012 г. Т. 20.
29. Мальцев А.П. Реставрация церкви пророка Ильи, что на Цыпинском погосте / Церковь пророка Ильи на Цыпинском погосте 1755. История. Реставрация. Люди. Вологда, 2009. С. 28–35.
30. Николаева. Троицкий Свияжский монастырь по Описи Троице-Сергиева монастыря 1641/1642 г. К вопросу об отношениях с приписными монастырями / Преподобный Сергей, «родом ростовец ...»: Материалы конференции. Ростов, 2014. С. 204–214.
31. Остроумов В.П., Чумаков В.В. Свияжск. История планировки и застройки. Казань, 2011.
32. Памятная книга Казанской губернии. Казань, 1866. Отдел IV. Замечательныя селения по Волге в пределах Казанской губернии. С. 51.
33. Подъяпольский С.С., Бессонов Г.Б., Беляев Л.А., Постникова Т.М. Реставрация памятников архитектуры/под общей редакцией С.С. Подъяпольского. М.: Стройиздат, 1988.
34. Покровский И.М. Свияжский второклассный Иоанно-Предтеченский монастырь и его святыни. Казань, 1905.
35. ПСРЛ, т. XIII. Патриаршая или Никоновская летопись. Издательство «Наука». М., 1965.
36. Попов А.В., Шургин И.Н. О воссоздании русской плотничной технологии XVII–XVIII вв. при реставрации церкви Дмитрия Солунского в селе Верхняя Уфтьюга. М., 1993.
37. Попов А.В., Вахрамеева Т.И., Петрова Л.Л. Методические рекомендации. Приемы и способы реставрации памятников деревянного зодчества / Сборник материалов. Международная научно-практическая конференция по вопросам сохранения, использования и популяризации памятников древнерусского деревянного зодчества. Кострома, 03–06 сентября 2015 г. М., 2015.
38. Раимова Р.Р. Сергиевская церковь / История реставрации объектов культурного наследия острова-града Свияжска. Казань, 2013. С.157.
39. Саначин С. Старинные изображения Свияжска и события, с ними связанные// Казань. № 5, 2016.
40. Свод письменных источников по истории Свияжского края. Вып. 1. Источники по истории Свияжского края второй половины XVI в. Казань, 2011.
41. Свод памятников истории и культуры Республики Татарстан. Казань, 1999, Т. 1.
42. Список с писцовой и межевой книги города Свияжска и уезда. Письма и межевания Никиты Васильевича Борисова и Дмитрия Андреевича Кикина (1565–1567 гг.). Казань, 1909.
43. Труды Казанского губернского статистического комитета, издаваемые под редакцией Члена и Секретаря Комитета Н.Н. Вячеславова. Выпуск 1-й. Казань, 1869.
44. Фехнер М. Великие Булгары. Казань. Свияжск. М., 1978.
45. Хронусов М. История Свияжского Иоанно-Предтеченского девичьего монастыря. «Известия по Казанской епархии». 1870//

№ 19, с. 597–600; № 20, с. 524–635; №23, с. 729–735; 1871, № 11, с. 332–344; № 12, с. 359–365.

46. И.Н. Шургин Деревянные церкви первой половины XVII века без алтарного прируба / XVII век в истории и культуре Русского Севера. Материалы XII Каргапольской научной конференции. Каргополь, 2012. С. 85–93.
47. А.П. Энгельгардт Русский север: путевые записки. М., 2009.
48. П.Л. Юдин Свияжский Иоанно-Предтеченский девичь монастырь и его замечательныя святыни (Краткий исторический очерк). Казань, Типография губернского правления, 1897.
49. Яблоков, протоиерей. Город Свияжск, Казанской губернии и его святыни. Историко-археологический очерк, читанный на заседании членов церковно-археологического общества Казанской епархии. Казань, 1907.

III. Интернет-издания

50. Г.О. Иванова, А.В. Попов Церковь Ризоположения из деревни Бородава. Реставрационные открытия// [Электронный ресурс] / Г.О. Иванова, А.В. Попов – Режим доступа: http://www.rusarch.ru/ivanova_g.htm
51. Русские церкви. Успенская церковь. Ивановская область – Иваново город. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://russian-church.ru/viewpage.php?cat=wooden_architecture&page=11

Глава III.

Троицкая церковь в контексте развития деревянной культовой архитектуры второй половины XV – XVII века

подавляющее большинство деревянных храмов, срубленных в XVII столетии и ранее, дошли до наших дней с переделками последней четверти XIX – начала XX века. Состав архитектурно-строительных изменений этого времени хорошо известен, они повторяются почти на всех памятниках. Это обшивка сруба снаружи досками, переделка завершений, увеличение оконных и дверных проемов (нередко устройство новых и заделка старых), отделка стен в интерьере (обшивка досками, штукатурка, оклейка обоями), устройство ложных сводов и т. п., а также масляная покраска храма снаружи и внутри.

Когда началось целенаправленное изучение русского деревянного зодчества в 1870-х годах, первые исследователи оказались непосредственными свидетелями грубых переделок древних церквей на Русском Севере, и они были уверены, что если избавиться от последних «поновлений», то храмам вернется первоначальный, древний вид. Теоретические предпосылки подобным представлениям дали высказывания И.Е. Забелина. Он полагал, что строительные приемы и формы русского деревянного зодчества «<...> неизменно существуют целые века <...> видоизменяются в частности, но никак не в основных частях» [27, с. 67]. Это суждение авторитетного историка было основано на представлении исторической науки второй половины XIX века о том, что «общие начала жизни» народа оставались неизменными с домонгольского времени до конца XVIII века.

Большую часть двадцатого столетия многие ученые придерживались точки зрения И.Е. Забелина на деревянную архитектуру. Такая позиция позволяла им привлекать известные храмы XVII–XVIII веков и избы XIX века для иллюстрирования рассуждений о древнем строительном искусстве, а также в качестве образцов для реконструкции построек более раннего, даже домонгольского времени.

В 1910-х годах М.В. Красовский детализировал суждение И.Е. Забелина об историческом развитии деревянного зодчества: «<...> наше плотничное искусство представляло собою самобытную, изолированную область, куда посторонние влияния проникали в очень малой степени; другими словами, принципы этого искусства передавались по наслед-

ству из рода в род, причем выработанные с течением времени типы зданий в основе не менялись, а лишь варьировались, совершенствовались и украшались иногда новыми деталями» [49, с. 14]. «Недаром же в старинных актах (договорах о постройках) часто встречаются выражения: «по подобию», «как водится», т. е. сделать ту или иную часть здания по образцу существующих» [49, с. 14, сноска 1].

Ф.Ф. Горностаев и И.Э. Грабарь сопоставляли древние храмы с избами XIX века и находили тождественность между ними в строительных приемах и украшениях [21, с. 338]. Оба исследователя не принимали в расчет факт существования двух строительных направлений в деревянной архитектуре. Одно из них представляют собственно народные постройки – каждый северный крестьянин владел топором и мог сам себе срубить и дом, и обетную часовню. Второе направление объединяет произведения, по существу, профессиональной деятельности – только опытные мастера могли «спроектировать» в голове сложные храмы, красота архитектуры которых привлекает и поражает внимание людей и в XXI веке.

В середине прошлого столетия забелинский подход к изучению деревянной архитектуры наиболее ярко проявляется в статье П.Н. Максимова и Н.Н. Воронина, опубликованной в «Истории русского искусства». Ученые писали: «Из-за относительной устойчивости крестьянского быта деревянное зодчество развивалось очень медленно, раз найденные приемы и архитектурные решения повторялись в течение долгого времени. В отличие от каменного зодчества, деревянное долго оставалось вне непосредственного надзора церкви и государства, и в нем удерживались излюбленные строительные приемы и типы зданий <...>» [57, с. 245]. «Многие конструктивные приемы, разработанные поколениями зодчих-плотников, были доведены до такого совершенства, что не нуждались в изменениях в течение столетий. Традиционность технологических и композиционных приемов русской деревянной архитектуры позволяет относить многие черты позднейших, сохранившихся до нашего времени построек к глубокой древности» [57, с. 248].

Во второй половине XX века ученые в своих исследованиях все же пришли к выводу: деревянная архитектура – и бытовая, и церковная – значительно изменялась со временем. Так, Ю.П. Спегальский сумел выявить развитые архитектурные формы деревянных жилищ Пскова домонгольской эпохи, совершенно непохожих на дома XVII столетия [77]. Убедительные суждения об изменении архитектурно-художественной образности деревянных храмов в течение XVII–XIX веков принадлежат А.В. Ополовникову [65, с. 7–10].

Но наиболее обоснованно о динамичности развития русской деревянной архитектуры высказался

А.А. Шенников, использовавший собранные им самим данные о крестьянских постройках: «<...> до сих пор гипотезы о древности типов крестьянских усадеб и построек основывались на предположении о некоей исключительной консервативности всякого крестьянского зодчества вообще, в том числе и русского. <...> Теперь мы видим, что <...> русское крестьянское зодчество не было столь косным и застойным, каким его принято считать. В XVI и XVII вв. формы этого зодчества изменялись столь же непрерывно и быстро, как и впоследствии. Нет оснований сомневаться, что подобное же развитие происходило и до XVI в.» [86, с. 101]. Подводя итог своим многолетним исследованиям, А.А. Шенников пишет в монографии: «<...> формы русских, карельских и других крестьянских усадеб и построек XIX – начала XX вв. в лесной зоне Европейской России оказываются не столь древними, как их считают с легкой руки И.Е. Забелина; <...> **выяснение действительно древних форм крестьянского зодчества – это задача, которая не решается одними лишь натурными обследованиями сохранившихся построек, но требует кропотливого, многотрудного исследования письменных и археологических материалов** [выделено авт. – И. Ш.]» [85, с. 184].

Сведения о русском деревянном зодчестве, вошедшие в научный обиход в последние десятилетия, вновь возбудили интерес исследователей к сохранившимся или документально известным древнейшим постройкам – клетским церквям. Храмы этого типа, возникнув много столетий назад, продолжали бытовать до начала XX века. Начиная именно с них знакомство с деревянной церковной архитектурой, мы зримо проходим путь ее тысячелетнего развития на земле современной России.

Древнейшие из сохранившихся деревянных построек – церкви конца XV века: Воскрешения Лазаря (1464 год) из Муромского монастыря в Заонежье¹ [76, с. 10–15] и Положения риз Богоматери (1485 год) из деревни Бородава близ Ферапонтова монастыря на Вологодчине² [75, с. 8] (рис. 182).

Церковь Лазаря считается простейшим вариантом клетского типа храмов [64, с. 106–111]. Ее сруб состоит из невысокого основного четверика-клетки и меньшего по объему прямоугольного алтарного прируба. С запада к срубам примыкает тесовая паперть, по габаритам чуть шире основного четверика. Каждая из частей постройки имеет невысокую двускатную кровлю без куриц и потоков. Освещается храм маленькими волоковыми окнами, расположенными в один ярус. Трехкосячатое заполнение единственного «красного» окна в южной стене церкви, вероятно, было сделано позднее путем расширения прежнего проема, с четырьмя косяками [67, с. 115–122]. Клеть венчает глава с крестом, шея которой установлена

на гребне кровли. Не исключено, что первоначально церковь осеяла только крест: неизвестны храмы с главами луковичной формы, достоверно датируемые ранее XVI века [55, 57–68]. Без алтаря объемная композиция церкви Воскрешения Лазаря близка клетским часовням, которые во множестве рубили в деревнях сами крестьяне вплоть до начала XX столетия³.

Архитектурно более развитая и выразительная церковь Положения риз Богоматери. Она состоит из двух клеток. Восточная клетка включает очень маленькое помещение для молящихся прихожан и отделенный от него преградой из досок алтарь. Доски преграды поставлены вертикально. Западная клетка служила трапезной. Она немного шире первой клетки, южная и северная стены которой втыкаются в восточную стену трапезной. Привлекает внимание завершение храма. Над собственно церковью и частью алтаря сруб восточной клетки продолжается вверх, его южная и северная стены заканчиваются повалами. Над возвышающейся частью сруба устроена кровля на два ската с полицами в основании. Над алтарным выступом клетки маленькая двускатная крыша как бы отрывается от широких полиц, делая покрытие двухъярусным. Доски покрытия восточной клетки крепятся без куриц и потоков, как и на церкви Воскрешения Лазаря. Освящается восточная клетка церкви Положения риз Богоматери маленькими окнами: с четырехкосячатым заполнением, в южной стене расположенными в два яруса, и волоковыми.

Один из ранних этапов развития клетских храмов представляет также церковь Георгия (не раньше 1515 года, частично перестроена после 1745 года [62, с. 38–51]) в селе Юковичи Подпорожского района Ленинградской области (рис. 187). Ее сруб образует стройный двусветный четверик с двумя одинаковыми прямоугольными прирубами, алтарем с востока и притвором с запада. С южной и северной сторон как четверик, так и прирубы имеют развитые повалы. Храм покрыт на два ската без куриц и потоков, с уступами скатов в основании крыши, образованными повторением повалов: над четвериком два уступа, а над каждым из прирубов – по одному. Шея единственной главы врезана непосредственно в гребень кровли четверика. Церковь была существенно перестроена после 1745 года. Для увеличения внутренних помещений она обнесена сравнительно обширным низким срубом. Срубы притвора и четверика, за исключением восточной стены последнего, снизу разобраны. Под западную стену притвора подведен переруб нового сруба, а под западные отрезки стен четверика подставлены два толстых столба с декоративной подтеской в виде двух дынок, перетянутых жгутами. Восточную стену четверика позднейший сруб продолжает в южном и северном направлениях. Наружная обшивка храма относится

к 1877 году [45, с. 97–99]. Древняя часть храма освещалась «красными» четырехкосячатыми окнами (в четверике они сохранились только в уровне второго света) и волоковыми.

Среди памятников начала XVI века, находившихся на территории, подведомственной новгородской церковной власти, известны еще два клетских храма. Это Георгиевская церковь (1522 год), стоявшая в селе Шеменичи Подпорожского района Ленинградской области (село расположено в нескольких десятках километров от Юксовичей), и Никольская церковь (1523 год) Ребовского погоста Тихвинского уезда Новгородской губернии (теперь Ленинградская область).

Церковь в Шеменичах была уже в значительной степени перестроена ко времени ее первой публикации в 1910-х годах [33, с. 68–73]. К 1522 году относились только высокие, прямоугольные в плане срубы церкви и алтаря с развитыми павалами, покрытые на два ската без куриц и потоков. В гребень кровли четверика врезалась шея главы. В стенах сохранялись небольшие косячатые окна, асимметрично расположенные в два света в собственно церкви, в ее нижнем ярусе и в алтаре в сочетании с волоковыми. Широкая трапезная появилась в 1612 году. Колокольня была приставлена к западной стене трапезной, по всей вероятности, в XVIII веке, но в 1850-х годах ее перестроили. В 1865 году все здание получило горизонтальную обшивку досками, а главы на церкви и колокольне – покрытие жестью. Пропорциональные соотношения между четвериком церкви и алтарным прирубом как в плане, так и в объеме близко соответствуют церкви Георгия в селе Юксовичи.

В конце XIX века полнее всех сохраняла свой первоначальный вид, по-видимому, церковь Ребовского погоста. Как можно судить по ее графическим изображениям в разных проекциях, опубликованным в 1884 году [72, с. 44–47], она по плану и по общей объемной композиции была наиболее близка юксовичскому храму. Средняя часть церкви представляла собой высокий четверик с большими павалами под двускатной кровлей, с двумя одинаковыми прямоугольными прирубами с запада и востока. Прирубы были ниже четверика на высоту его кровли. Они имели прямое покрытие на два ската с «самцовыми» (бревенчатыми) фронтонами. Как и у церкви в Юксовичах, покрытие храма в Ребовском погосте крепилось к слегам без куриц и потоков. По свидетельству публикатора памятника В.А. Прохорова, покрытие было сделано не из пиленых досок, а из настоящего теса, получавшегося при раскалывании по длине цельных бревен. Между верхним слоем покрытия и нижним была проложена береста для гидроизоляции. Четверик завершался луковичной формы главой, шея которой

врезалась непосредственно в конек кровли. Глава и шея были покрыты «городчатым» лемехом. Освещалась церковь всего тремя маленькими окнами четырехкосячатой конструкции, судя по чертежу-рисунок В.А. Прохорова.

В четверике такие окна существовали «только по одному на каждой стене (на северной и южной), и одно такое же в алтаре на горнем месте» [72, с. 46]. Волоковых проемов на чертежах-рисунках В.А. Прохорова не показано, также как и окон второго света (верхних). Весь сруб здания «ушел» в землю, вероятно, не меньше, чем на три венца.

Рассмотренные церкви клетского типа содержат общие признаки древности. Это маленькие, не только волоковые, но и косячатые, асимметрично прорубленные окна. Их заполнение состоит из четырех косяков. В XVII веке конструкция заполнения оконных и дверных проемов становится трехчастной – трехкосячатой, а сами проемы увеличиваются.

Но особенно убедительными доказательствами древности обладают детали внутреннего устройства рассматриваемых церквей. В частности, обращает на себя внимание архаичность перекрытий. В алтаре и притворе церкви Лазаря потолков нет совсем – интерьер открыт до самой кровли. В помещении для молящихся прихожан церкви Ризположения устроен двускатный потолок, причем в поперечном направлении к продольной оси здания (рис. 183). В Георгиевской церкви в Юксовичах алтарь перекрыт двускатным потолком по продольной оси (рис. 187-1). В XVII веке и позднее двускатные потолки в сохранившихся храмах уже не встречаются, за исключением трапезных.

Существовали подобные или иные архаичные конструкции в двух других храмах, точно не известно. До наших дней эти храмы не сохранились. Церковь в Шеменичах погибла во время Великой Отечественной войны, а церковь Ребовского погоста разобрана «по ветхости», вероятно, еще в конце XIX века. Поэтому говорить о столь же высокой степени близости внутреннего устройства и этих церквей можно лишь предположительно.

В поисках объяснения причин устройства двускатной конструкции потолков-перекрытий автор настоящей главы обнаружил один интересный архивный документ 1773 года, в котором содержится перечень неисправностей церквей в одном из благочиний Белозерского уезда. Обращало на себя внимание подробное описание интерьера «церкви Флора и Лавра, что на Кудде», срубленной в 1679 году: «Построена по древнему обыкновению клинчатая, и как в ней, так и в алтаре **подволоки не имеется, а вместо подволоки со стен под самой верх ведено по длинным стенам повалом**⁴ <...> стены, как в олтари, так и в церкви и в трапезе не обиты, с южную сторону паперть, с западную крыльцо отвалилось, а с зимнюю у

выходных дверей и крыльцо почти едва [слово вписано позднее. – И. Ш.] не значится <...> Олтарь в длину 2-ву сажень и дву аршин с половиною и поперег одна сажень и один аршин с половиною <...> во оном олтаре два окна волоковых малых <...> Оная церковь **в длину две сажени один аршин поперег три сажени один аршин с четвертью <...> окошк в церкви не имеется**, а свет бывает от южных, западных и северных дверей <...> Трапеза в длину одна сажень и один аршин с половиною поперег тож, в ней святых образов не имеется <...>. При той церкви колокольни не имеется, а повешены колокола на крыльце у церкви, которых имеется два <...>» [3, л. 219–220 об.].

Процитированный текст дает достаточно оснований для заключения о том, что даже во второй половине XVII века строились клетские храмы с открытым в интерьер завершением центральной части здания – собственно церкви. На основе этого заключения, с нашей точки зрения, объясняется происхождение двускатных потолков в церкви Положения риз Богородицы из Бородавы и Георгия в Юксовичах: двускатные потолки представляют промежуточный этап эволюции церковных интерьеров – переход от интерьеров, открытых до самой кровли, к интерьерам с плоскими перекрытиями.

Обобщая данные по строительной истории трех памятников в селах Юксовичи, Шеменичи и Ребово, можно получить представление об их первоначальных общих признаках. Эти постройки роднит общая плановая и объемная композиция: высокий, двусветный четверик с двумя одинаковыми прямоугольными прирубами, алтарем с востока и притвором с запада, с максимально развитыми павалами. Одинаковым был тип покрытия: четверик и каждый из прирубов имели отдельные двускатные кровли без куриц и потоков. Барабан единственной главы устанавливался непосредственно на гребень кровли четверика. Церкви освещались небольшими четырехкосячатыми окнами, в большинстве случаев расположенными асимметрично, в сочетании с волоковыми проемами в нижнем ярусе. У всех этих храмов первоначально была очень малая площадь внутренних помещений, вследствие чего их расширили (кроме церкви Ребовского погоста) еще в XVII–XVIII веках. На основании выявленных общих признаков можно заключить, что эти три церкви, по-видимому, составляют отдельную типологическую группу.

Церковь Георгия в селе Юксовичи в архитектурном отношении, без сомнения, самая выдающаяся постройка не только своей типологической группы, но и среди всех известных ныне ранних храмов клетского типа. В наши дни эта церковь остается главной хранительницей одного из древнейших приемов достижения архитектурной выразительности, значимости клетских храмов. Уступчатость основания кровли

придавала динамичность ее двускатному в целом завершению.

Этот же архитектурно-конструктивный прием в несколько измененном виде был использован еще в двух, известных ныне церквях конца XVI века. По одному уступу имели кровли: прямоугольного алтаря церкви Успения Богородицы (1595 год) из села Курицко Новгородского района Новгородской области (одной из древнейших построек типа восьмерик на четверике), перевезенной Л.Е. Красноречьевым в музей Витославицы [47, с. 76–89], а также четверика и алтаря маленькой клетской церкви Рождества Богородицы (1599 год) в деревне Лиственка Бокситогорского района Ленинградской области [46, с. 235–247] (рис. 188).

Различия в приемах устройства уступов кровли этих двух памятников могут служить вехами того пути, по которому шло изменение композиции завершения клетских храмов в XVI–XVII веках. Кровля алтаря курицкой церкви представляет как бы промежуточный вариант конструкции между двускатной кровлей с полицами (как у церкви Положения риз Богородицы из деревни Бородавы) и двускатной с уступами (как у церкви Георгия в селе Юксовичи). У храма же Рождества Богородицы в Лиственке появилась тенденция перемещения уступов-повторений павалов сруба от основания кровли к ее середине. Сами павалы стали конструктивно менее развитыми, т. е. меньше отклоняющимися от вертикальной оси. Вследствие этого завершение здания утратило динамичность, свойственную Георгиевской церкви в Юксовичах.

Последним этапом на пути изменения композиции верха клетских храмов, вероятно, можно считать церкви, подобные Никольской (1597 год) в селе Ковда Кандалакшского района Мурманской области [90, 18–28] (рис. 184 – 186, 188). Этот памятник состоит из нескольких разновременных частей. В конце XVI века были построены малый по площади двусветный четверик собственно церкви и прямоугольный алтарный прируб. Приставленная к четверику широкая и сравнительно обширная трапезная, вероятно, относится к XVIII веку, а западный притвор – к XIX веку. Двусветный четверик покрыт на два ската в два яруса с отвесным бревенчатым уступом в средней части кровли. Алтарь первоначально имел двускатное покрытие с полицами в основании. Освещались церковь и алтарь маленькими окнами косячатой конструкции в сочетании с волоковыми в нижнем ярусе. В отличие от более древних клетских церквей заполнение оконных проемов составляли уже не четыре косяка, а только три: нижнего косяка не было.

По планово-объемной композиции ковдский храм весьма близок церквям в Юксовичах, Шеменичах и Ребове. Как и они, Никольская церковь об-

ладает совсем небольшим по площади, но высоким четвериком и значительно меньшим по объему, чем четверик, прямоугольным алтарем. Она покрыта двускатной (в целом) крышей без куриц и потоков. Ее интерьер освещают маленькие окна. Как и в случае с церковью Георгия в Шеменичах, неизвестно первоначальное устройство ковдского памятника с запада: был ли у него притвор, аналогичный этой части храмов в Юковичах и Ребове, или подобно церкви в Лиственке непосредственно к четверику примыкала паперть?

Но независимо от ответа на этот вопрос очевидно, что церковь Николая в Ковде в реальности осталась единственным памятником клетского типа, архитектурная выразительность которого основана на использовании принципа ярусности всего завершения, а не только на уступчатости основания кровли, как в церкви Георгия в Юковичах.

Вместе с тем известно, что очень похожий прием в композиции завершения клетских храмов был распространен в пределах Новгородской епархии весь XVII век. Так, строились храмы, которые вслед за церковью Успения Богоматери из села Курицко и церковью Рождества Богоматери в деревне Лиственке демонстрируют один из этапов перехода к ярусности в середине завершения. Это Никольская церковь (XVII век) из села Тухоли Крестецкого района Новгородской области (перевезена Л.Е. Красноречевым в музей «Витославицы») [47, с. 90–98] или Владимирская (XVII век) в городе Старая Русса тоже Новгородской области (утрачена в 1930-е годы) [48, с. 106–107].

Но существовали также храмы, завершения которых композиционно были либо полностью аналогичны ковдскому, либо с еще большим развитием ярусности. Их изображения сохранили до наших дней рисунки в известном «Альбоме Мейерберга». Они сделаны рукой художника из состава посольства этого австрийского дипломата, побывавшего в России при царе Алексее Михайловиче. Так, на листе, где показаны Печоры, слева от монастыря, посреди селения видна деревянная клетская церковь с двухъярусной двускатной кровлей-завершением [6, л. 3, рис. 4]. И, хотя ярусность кровли у этой церкви намного заметнее, чем у ковдской, в обоих зданиях композиционно-конструктивный прием, по-видимому, применен один и тот же. Еще большей степенью ярусности завершения обладал клетский в основании храм в селе Крестцы [6, л. 9, рис. 27] – его кровля была трехъярусной. Таким образом, оказывается, что композиция завершения Никольской церкви в Ковде напоминает о существовании в прошлом клетских храмов с ярусным двускатным верхом, достаточно широко распространенных на Новгородчине и даже за ее пределами, но не сохранившихся до наших дней.

Вышеприведенный материал показывает, что конструктивный прием – уступчатость в основании кровли, со временем перешедшая в ярусность двускатного завершения, является одним из древнейших конструктивных приемов создания архитектурно-художественной выразительности клетских храмов. Типологический ряд, образуемый храмами с уступчато-ярусной крышей, протянулся из Новгородчины далеко на север, в Ковду.

Мастера-плотники еще долго продолжали использовать этот конструктивный прием: в XVII веке – при строительстве клетских храмов в селениях близких к Новгороду земель; в XVIII веке – при устройстве часовен в отдаленном Заонежье⁵.

Церковь в честь Положения риз Богоматери из деревни Бородава обладает еще одной архитектурной особенностью – архаичной планово-объемной композицией. По этой причине она и еще два известных памятника – Никольская церковь (1602 год) бывшей Муезерской Троицкой пустыни Соловецкого монастыря [90, рис. 3.1. а] и Благовещенская (Петропавловская) церковь (1577, 1605, 1778 годы) в селе Челмужи [65, рис. 30, 34–36] – давно привлекли внимание исследователей деревянной архитектуры. Причина внимания – отсутствие у этих памятников отдельного алтарного прируба-абсиды. Алтарь в этих храмах размещается в единой клетке с собственно церковью.

Перечисленные памятники имеют разную объемную композицию. Главная часть бородавской церкви – клетка с двускатным завершением, над муезерской и челмужской церквами возвышаются шатры. Нетрудно заметить, что эта небольшая группа архитектурных памятников относится к древнейшим деревянным храмам из числа сохранившихся. Результат недавних исследований церкви Положения риз Богоматери из деревни Бородава дал основание считать отсутствие алтарного прируба архаичным признаком церковного здания [91, с. 99–110]. В отношении Никольской церкви Муезерской пустыни автором настоящей главы было выяснено, что расположение алтаря в одной клетке с собственно церковью и его неполное выделение из объема строения связаны с функциональными особенностями храма. Это была церковь при монастырской трапезной – столовой монахов в обители с общежительным уставом. Объемная композиция муезерского храма соответствует этапу развития трапезных церквей, на котором процесс постепенного выделения алтаря из объема церкви был еще далек от завершения. По аналогии с каменными прототипами следует полагать, что первоначально алтарь вообще никак не проявлялся в объемной композиции и деревянных монастырских трапезных храмов [90,

с. 36–37]. Благовещенская церковь в Челмужах после перестроек XVII–XVIII веков [17], значительно изменивших ее облик, все же не утратила свою первоначальную особенность – расположение алтаря в одной клетке с помещением для молящихся.

Среди сохранившихся деревянных храмов здания без алтарных прирубов-абсид казались исключением из общих правил планово-объемного построения церквей. При этом до недавнего времени без научного внимания оставалась деревянная церковь в селе Юрино Балахнинского района Нижегородской области, срубленная в первой трети XVII века [11, 208–210]. Она была выявлена еще Л.В. Далем, который опубликовал свой чертеж этой церкви в 1875 году (рис. 192) [25, л. 30 а, 30 б]. На чертеже представлены план и южный фасад храма. Изображенная постройка состоит из двух клеток, каждая из которых почти квадратная в плане. Восточная клетка внутри разделена тесовой перегородкой на две неравные части: в меньшем помещении находился алтарь, а в большем во время службы стояли молящиеся прихожане. С запада к церковно-алтарной клетке прирублена большей площади клетка трапезной. Перед входом в нее с запада крыльца нет, вероятно, ко времени обследования церкви Л.В. Далем оно полностью разрушилось, как и одиннадцать нижних венцов сруба подклети, показанных на чертеже условно, пунктиром. Сам архитектор отмечает в тексте, к которому относится чертеж: «<...> пол ее [юринской церкви. – И. Ш.], бывший, как еще помнят старики, на подклети, лежит теперь прямо на земле» [25, с. 78]. Каждая из клеток покрыта на два ската. Над кровлей восточной клетки в середине возвышается небольшой четверик, также покрытый на два ската. Его кровлю венчает глава луковичной формы на тонкой шее и деревянный крест. Для прохода из трапезной в собственно церковь в общей стене показан широкий проем. По чертежу Л.В. Даля, в храме было четыре окна. Три проема находились с южной стороны: единственное окно, причем волоковое, освещало алтарь, и по одному четырехкосячатою («красному») приходилось на собственно церковь и трапезную. Еще одно окно, по всей вероятности, волокового устройства было прорублено в западной стене трапезной, с северной стороны от входа. В алтарной преграде на чертеже показаны три проема, соответствующие царским вратам, северной и южной дверям иконостаса.

На Казанскую церковь в селе Юрино, по чертежу Л.В. Даля, внешне очень похожи часовни, стоявшие в скитах старообрядцев-выговцев. Отличие есть только в конструктивной форме основания под главой: в Юрино это четверик, в выговских скитах – бочка [49, с. 183, р. 221; 60, с. 8, 66, 71].

Три снимка сохранили вид Казанской церкви в 1910-х годах. Они были выявлены в альбоме

А.В. Богородского – чиновника, совмещавшего «<...> службу по полицейскому ведомству <...> с изучением древностей» в Балахнинском уезде⁶ [23, с. 443]. На одной из фотографий этого альбома, сделанной с юго-запада (рис. 193), видны изменения в архитектуре церкви по сравнению с чертежом Л.В. Даля (рис. 192). В частности, не стало четверика под главой – шея главы врезается непосредственно в гребень кровли. С запада перед входом пристроено крыльцо под двускатным навесом на столбах, с перилами по бокам. Две другие фотографии дают некоторые сведения о внутреннем устройстве юринской церкви. Вход в храм снаружи обрамляли три косяка – вершник (без заплечиков) и две боковины. Они были очень широкие – толще, чем примыкавшие к ним бревна сруба трапезной. Дверь запиралась накладным внутренним замком, скважину которого снаружи окружала большая кованая накладка в форме секиры. Для прохода из трапезной в собственно церковь в стене был широкий проем с дугообразным верхом. Его большие размеры, форма завершения и отсутствие обрамления обосновывают предположение о том, что этот проем появился после переделки первоначальной двери, которая, вероятно, была косячатой конструкции, как вход снаружи. Помещение, включавшее собственно церковь и алтарь, было невысоким, с плоским потолком-перекрытием из плах. Двухъярусный иконостас тябловой конструкции закрывал тесовую алтарную преграду. Два клироса с тесовыми стенками «в косяк» стояли у боковых стен не перед иконостасом, как в большинстве известных храмов, а у задней стены, при входе в церковь из трапезной. Такое расположение клиросов известно только в нескольких памятниках XVI – первой половины XVII века. Например, в церкви 1530-х годов во имя Рождества Богородицы из села Передки [10, с. 346].

В начале 1990-х годов Казанская церковь в Юрине была исследована нижегородским архитектором Ю.Г. Самойловым. Под его же руководством в 1997 году выполнен проект реставрации, осуществленный в следующем, 1998 году [74, с. 53–57] (рис. 194). Реставрационные работы дали новые сведения об архитектурно-строительной истории памятника. Обнаружились следы от утраченных конструкций: древнего крыльца – на западной стене, а также изображенного Л.В. Далем четверика под главой – на кровельных слегах. Оказалось, что в интерьере бревна стен стесаны «до половины» их диаметра и перевязаны под «прямыми углами». По всей вероятности, этот факт свидетельствует о том, что стены стесывались не сразу при строительстве храма, а позднее. Первоначально же бревна в помещениях оставались «пузатыми», как снаружи – бревна были круглыми в поперечном сечении. Так выглядели стены во многих храмах даже во второй половине XVII века и, конечно, в предшествующее время⁷ [91, с. 101].

Фотография церкви в честь Казанской иконы Богоматери в селе Юрино после реставрации опубликована в недавно изданной монографии о русском деревянном зодчестве, составленной и отредактированной А.Б. Бодэ [13, с. 43].

Такие факты, как большой географический разброс сохранившихся храмов без алтарных прирубов-абсид и ранние даты их постройки, наводят на мысль о том, что в первой половине XVII века и раньше подобных церквей было больше и они были широко распространены, но не сохранились. Это суждение так и осталось бы предположительным, если бы не материалы о деревянных церквях, содержащиеся в писцовых книгах, в частности, Тамбовского уезда Верхоценской волости 1674–1678 годов, которые были опубликованы в конце XIX века [68]. В них есть детальное описание довольно большого числа церквей, дающее возможность в общих чертах представить их облик. Целесообразно детально процитировать ряд описаний, относящихся к теме настоящей статьи.

«Село Перкино на реке Цне. А в нем церковь Успения Пресвятыя Богородицы деревянна **клецки, с трапезою, на подклетах**⁸, а в церкви подволоки забираны досками в косяк, около церкви и трапезы паперти забираны досками ж, на паперти три лестницы, перед лестницами рундуки, крыты шатрами, на шатрах яблоки, опаиваны белым железом. Церковь и трапеза и паперти все крыты тесом. На церкви верх шатровой, глава обита чешуею, крест и яблоко опаивано белым железом <...>».

Кулеватовского десятку село Серкино на реке Цне. А в нем церковь чудотворца Николая деревянная клецки, алтарь прирублен четверугольной, на подклетах; около церкви паперти, забираны досками, на паперти два всхода, один крыт тесом. Церковь и алтарь крыты тесом. На церкви клетка четверугольная, на ней крест и яблоко опаивано белым железом <...>».

Село Русское на речке на Отыясе. А в нем церковь чудотворца Николая деревянная клецки, алтарь прирублен, с двух сторон паперти забираны досками; церковь и алтарь крыты дранью; на церкви клетка четверугольная, на ней крест опаиван белым железом <...>. А церковь построена во 175 году. Колокольня на одном столбе, крыта тесом, на ней крест и яблоко, опаивано белым железом; на колокольне два колокола. А церковь и все вне церковное строение священника Аврама с приходскими людьми <...>».

Кершенского десятку село Борки на озере Селском. А в нем церковь святого пророка Илии, рублена в красном лесу [т. е. из сосны, а не из лиственных деревьев – И. Ш.]; перед трапезою паперть забира на досками; в церкви подволока косящета; церковь и трапеза крыты дранью; на церкви крест деревянной <...>. А церковь и всякое церковное строение священника Протасия, дьячка Лукияна Попова с приходскими людьми <...>».

Село Сержала на речке на Сержале. А в нем церковь святого пророка Илии, деревянна, клецки, рублена в красном лесу, с трапезою, около церкви паперти, забираны досками; церковь и паперти крыты тесом, трапеза крыта дранью; на церкви глава обита чешуею; крест и яблоко опаивано белым железом <...>. А церковь построена во 160 году. Колокольня четверугольная, на ней два колокола <...>».

Село, что преже сего была деревня, Черкино, и в том селе построена церковь вновь во 182 году святого пророка Илии деревянна клецки с трапезою, рублена в красном лесу; церковь и трапеза крыты дранью; на церкви глава обита чешуею; крест и яблоко опаивано белым железом <...> все церковное строение крестьянина Мирошки Афанасьева да брата его Пронки <...>».

Питерского десятку село Ивенье, на реке на Цне и на речке Ивенке, а в нем церковь Вознесения Христова <...>. Деревянна клецки, с трапезою, перед трапезою паперть с двусторон, церковь и трапеза и паперть крыты тесом, на церкви крест и яблоко опаивано белым железом ... Колокольня рубленая в четыре стены, вверху забира на досками, а колокольня крыта шатром, глава обита чешуею, крест и яблоко опаивано белым железом <...>».

Село Питерское на реке на Цне. А в нем церковь Пресвятыя Богородицы Казанские деревяна клецки с трапезою, теплая, церковь и трапеза на взмосте, около трапезы с двух сторон паперти, церковь и трапеза и паперти крыты тесом, на церкви глава обита чешуею, на ней крест и яблоко опаиваны белым железом <...>».

В том же селе Питерском другая церковь великого чудотворца Николая деревяна, клецки на подклетах, алтарь прирублен, церковь и алтарь и паперти крыты тесом, на церкви клетка, на ней крест деревян <...>. Колокольня рублена в четыре стены, крыта шатром, наверху крест деревян <...>. А церкви обе со всею утварью строение священника Ивана Григорьева с приходжаны.

Питерского десятку село Крюково на реке на Цне и на речке Питерке <...>. А в нем церковь великого чудотворца Николая, да придел прирублен со стороны святые мученицы Параскевы. Церковь деревянная, клецки, с трапезою, трапеза теплая, церковь и придел и трапеза крыты тесом, крест железной, на придельной церкви крест деревян <...>. Колокольня на одном столбе <...>».

Моршенского десятку село Сокольники на реке на Цне да на Попове озере. А в нем церковь святого пророка Ильи деревяна клецки, с трапезою на подклетах. Около церкви и трапезы сделаны паперти, забираны досками. Церковь и трапеза и паперть крыты тесом. На паперти три лестницы, над лестницами рундуки, на рундуках шатры. На церкви глава обита чешуею, крест и яблоко опаиваны белым железом. На

трапезе колокольня, крыта шатром же, глава обита чешуею, крест и яблоко опаиваны белым железом. <...>. В церкви же и в алтаре три окна красные, в них три окончины слюдяны <...>. А церковь <...> строение священника с приходскими людьми <...>».

Село Морша на реке на Цне. А в нем церковь великого чудотворца Николая с трапезою, на подклетах теплых, около церкви и трапезы паперти забираны досками, на паперти три лестницы, перед лестницами рундуки, крыты шатрами, церковь и трапеза и паперти крыты тесом, на церкви глава чешуею обита, крест железной <...>. Колокольня рублена в четыре стены, крыта шатром, на ней крест железной <...> все строение приходских людей <...>».

Корельского десятку село Устье на реке на Цне. А в нем церковь во имя великого чудотворца Николая, рубленая в красном лесу, с трапезою, верх шатровой, глава обита чешуею, крест и яблоко опаиваны белым железом. Церковь и трапеза крыты тесом. Волтаре и в церкви подволоки [алтарь в едином срубе с собственно церковью. – И. Ш.] забираны досками <...>. Церковь <...> и всякое строение священника Федора с приходскими людьми. Строена церковь вновь в 185 году.

Село Карели на реке на Цне. А в нем церковь Воскресение Христа <...> деревяна, клецки, с трапезою, около церкви с двух сторон паперть забира на досками. Церковь крыта тесом. На церкви крест и яблоко опаиваны белым железом. Трапеза и паперти крыты дранью <...>. А церковь строение приходских людей <...>».

Алужского десятку село Мутасьево на реке на Цне и речке Пичавке и на озере Пичавском. А в нем церковь Воздвижения честного и животворящего креста Господня деревяна клецки с трапезою, на подклетах, рублена в красном лесу, около церкви паперть с двух сторон, забира на досками. Церковь и трапеза и паперти рыты тесом. На церкви верх шатровой, глава обита чешуею, крест и яблоко опаиваны белым железом <...>».

Алужского десятку село Борки на реке на Цне и на озере на Обманове. А в нем церковь Воскресения Христа Бога нашего деревянная клецки, с трапезою, на подклетах, рублена в красном лесу, около церкви и трапезы паперти забираны досками, на паперти один всход, а церковь и трапеза и паперти крыты тесом, на церкви клетка шестерик, глава обита чешуею, крест и яблоко опаиваны белым железом <...>. Колокольня на одном столбе, крыта тесом, на ней крест деревянной. На колокольне два колокола <...>. А церковь строение мирское, построена во 162 году <...>».

Новоселского десятку село Серповое на реке Серпу. А в нем церковь Обновление храма Воскресение Христа Бога нашего, деревянная, клецки, с трапезою, на подклетах, рублена в красном лесу; перед трапезою

паперть, забира на досками, церковь и трапеза, и паперть, и на паперть всход крыты тесом; кровля ветха; на церкви крест деревянной <...>. Колокольня на одном столбе, крыта тесом, яблоко опаивано белым железом, крест железной <...>».

Пенковского десятку село Пенки, Романово тож, на реке Серпу. А в нем церковь обновление храма Воскресение Христа Бога нашего рублена, с трапезою, на подклетах, перед трапезою паперть; церковь и трапеза и паперть и на паперть всход крыты тесом; на церкви верх шатровой, глава обита чешуею, крест и яблоко опаивано железом <...>. А церковь построена во 162 году. У церкви колокольня на одном столбе, крыта тесом, яблоко опаивано белым железом, на яблоке крест железной <...>».

Село Давыдово на реке на Серпу. А в нем церковь во имя Рождества Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа деревянная клецки, алтарь прирублен, около церкви с трех сторон паперти забираны досками, церковь и алтарь и паперти крыты тесом; на паперти всход один, крыт тесом; на церкви клетка четверугольная, на ней яблоко деревянное, крест железной <...>. Колокольня на четырех столбах дубовых, крыта тесом, ветха, крест железной <...>» [68, с. 4–74].

«В Тамбовском уезде в Верхоценской волости монастырь чудотворца Николая, Мамонтова пустыня, что на Глубоком озере, приписан к Савину монастырю. А в монастыре церковь во имя чудотворца Николая. Алтарь прирублен круглой в пять стен. Церковь с трапезою. Да с правой стороны у церкви прирублена церковь же во имя святого и праведного Алексея человека Божия. Церкви и олтари и трапезы крыты тесом. На церквях главы обиваны чешуею. Кресты и яблоки опаиваны белым железом <...>. На святых воротах колокольня, рублена в четыре стены, крыта шатром, глава обита чешуею, крест деревянной <...>. Монастырь огорожен взмет <...>» [59, с. 97–100].

В связи с упоминанием в писцовых книгах Тамбовского уезда шатровой безабсидной церкви особый интерес вызывает один из рисунков Антониуса Хутеериса, опубликованный и прокомментированный в наши дни А.А. Шенниковым [87, с. 138, рис. 8]. На рисунке изображен «погост Романов», точнее две его центральные постройки (рис. 195). А. Хутеерис так объясняет их назначение: «В этом месте стояли церковь и башня с ратушей и канцелярией» [87, с. 141]. А.А. Шенников предположил, что изображенная в книге А. Хутеериса «башня» – на самом деле колокольня, к которой примыкает мирская изба. Иной точки зрения придерживается Ю.Г. Малков. По его мнению, здание с «башней» на рисунке – тоже церковь [58, с. 349–351]. При этом Ю.Г. Малков оставляет без комментария отсутствие у башни алтарного прируба.

Действительно, на высоком четверике «башни» сооружен шатровый восьмерик, который много уже основания. Переход от нижнего объема к верхнему объему перекрывает ряд двускатных конструкций. Эти конструкции напоминают покрытие перехода от четверика к восьмерике Петропавловской церкви (1620 год) на Лычном острове (Карелия) или от восьмерика к восьмерике Никольской церкви (1696 год) села Согинцы (Ленинградская область) [65, рис. 55, 97, 99, 105]. Если согласиться с таким объяснением назначения двускатных конструкций, изображенных на «башне» в книге А. Хутеериса, то станет очевидно, что на рисунке показана церковь без прирубленного алтаря-абсиды, но с трапезной и тесовой папертью. Хорошо известно, что трапезные приходских церквей во многих случаях играли роль мирской избы. Например, в селе Ковда (нынешняя Мурманская область) в 1681 году отдельно стояла «земская изба <...> за трапезы место» [5, с. 336].

Описание одной из церквей в писцовой книге Верхоценской волости, по нашему мнению, усиливает основательность точки зрения Ю.Г. Малкова. «Село Алкужи на реке на Цне и на речке Пичавке. А в нем церковь Воскресения Христа Бога нашего деревянная, **клепки, с трапезою, на подклетах**, рублена в красном лесу; около церкви и трапезы паперти забраны досками; а церкви и трапеза и паперти крыты тесом; **на церкви верх шатровой на осмерике**; глава обита чешуею; крест и яблоко опаивано белым железом <...> Колокольня на одном столбе, на ней два колокола <...>. А церковь строение мирское <...>» [68, с. 58–59].

В этом тексте идет речь о шатровой церкви типа восьмерик на четверике без алтарного прируба, но с трапезной и папертью, правда, более обширной – она примыкала не только к трапезной, как в погосте Романов, но и к церкви.

Анализ сведений о деревянных церквях из писцовых книг Верхоценской волости Тамбовского уезда приводит к следующим выводам. В Верхоценской волости приходских храмов без алтарных прирубов было значительно больше, чем с прирубами: из двадцати церквей, внесенных в книги писцами, только четыре имели прирубы-абсиды, т. е. только 20 % от общего числа. Все прирубленные алтари были прямоугольными. Только у церкви, которая находилась в монастыре, алтарь был «круглой в пять стен». Общий вывод: прирубленные алтари в приходских храмах – как холодных, так и теплых, разной объемной композиции – широко распространились только во второй половине XVII века.

Наряду с клетскими церквями древнейшим типом деревянных храмов считаются церкви в виде восьмигранного сруба, идущего от самой земли и пе-

редходящего сверху в усеченную пирамиду – т. е. восьмерик с шатром. К такому заключению пришли первые исследователи русского деревянного зодчества [21, с. 359–361; 46, с. 177].

Из летописей известно, что простейшие клетские церкви строились еще в Киевской Руси [19, с. 113, 114]. Но на вопрос о времени появления первых шатровых восьмериков окончательного ответа у историков архитектуры до сих пор нет. Гипотеза некоторых ученых о существовании восьмигранных шатровых столбов уже в XI–XII веках неубедительна. Она основана на изображении построек на миниатюрах рукописей. Эти изображения схематично-условны, в них трудно найти соответствие архитектуре известных деревянных церквей [57, с. 264]. Реальной старейшей постройкой рассматриваемого типа может считаться храм во имя Рождества Иоанна Предтечи, существовавший в Ледском приходе Шенкурского уезда Архангельской губернии⁹. По сведениям письменного источника конца XIX века – приходской летописи, эта церковь была срублена «<...> между 1426–1456 г., при жизни преп. Варлаама Важского чудотворца. По ветхости была разобрана и в 1876 г. заменена новою» [32, с. 202, рис. 131]. Представление о внешнем виде древней церкви Ледского прихода дает рисунок, выполненный перед ее разборкой (рис. 196). На нем храм изображен с северо-востока. Его центральная часть представляет собой высокий восьмигранный сруб (восьмерик) от земли с большим повалом сверху каждой грани. Восьмерик несет стройный восьмигранный шатер, который венчает барабан (или шея) с главой луковичной формы и восьмиконечным крестом. С двух противоположных сторон, восточной и западной, восьмерик имеет на всю ширину соответствующих стен одинаковые прямоугольные прирубы для алтаря и притвора. Южная и северная стены этих прирубов обладают большими повалами, как у восьмерика. Прирубы завершаются бочками с высоким килем. Промежутки между повалами стен восьмерика и основанием шатра покрыты тесовыми полицами. Также покрыты промежутки между повалами стен прирубов и основаниями бочек. Глава, шатер и бочки обиты лемехом. С запада у храма была сравнительно низкая, но широкая бревенчатая паперть. Ее сруб стоял на земле, охватывая притвор и восьмерик до его северной стены. Продолжалась ли паперть на южную сторону, на рисунке не видно. Паперть покрывалась тесом на один скат. Первоначально интерьер храма освещали косячатые (иначе «красные») окна. Каждый оконный проем, почти квадратной формы, внутри обрамлялся толстыми брусками, соединенными концами «в косяк» (иначе «в ус»). В эту косячатую конструкцию вставлялась оконница, т. е. рама со слюдой (со временем слюду заменило стекло). На рисунке такое заполнение изображено в оконном проеме вос-

точной стены алтаря и в проеме второго света, высоко от пола в северной стене восьмерика. Окна большего размера и других пропорций (вероятно, позднейшие или растесанные) показаны в северной стене алтаря и восьмерика. Иные подробности об устройстве церкви в Ледском приходе нам не известны.

Из числа сохранившихся храмов, срубленных восьмериком от земли с шатром, самый старый – храм, стоящий в селе Лявля¹⁰ (рис. 197). По свидетельству письменных архивных источников, первоначально это была главная церковь Успенского Лявлинского монастыря, основанного крестьянами соседней Княжостровской волости [22, с. 147–154], по всей вероятности, в конце XIV столетия. Строительство уцелевшего до наших дней храма началось в 1581 году. В 1584 году состоялось его освящение «в честь праздника Успения Богородицы» [22, с. 150–151].

После 1633 года повелением царя Михаила Федоровича маленький Успенский Лявлинский монастырь был приписан к большому Антониеву-Сийскому монастырю и стал именоваться «пустынью». В этот период Успенская церковь входила в архитектурный ансамбль из трех деревянных построек. «Книги отводные Лявлинской пустыни» 1659 года сообщают: «На монастыре храм Успения Пресвятые Богородицы шатровой с папертью <...>. Да другой храм Николы Чудотворца с трапезой шатровой новой <...>. Да на монастыре же колокольня рубленая тесовая, а на ней пять колоколов медных, а под ней два амбара <...>» [1, л. 2, 7 об., 9. Цит. по: 22, с. 151–152]. По мнению А.И. Давыдова, изучавшего документы Лявлинского монастыря, строителями церковного ансамбля были плотники-крестьяне Княжостровской волости [22, с. 151–152, ссылка на докум. 90].

При секуляризации церковных владений в 1764 году Успенский Лявлинский монастырь был окончательно упразднен. Вместо него в 1765 году появился Лявлинский сельский церковный приход, выделившийся из Княжостровского прихода [37, с. 117]. В 1804 году единственная оставшаяся от монастыря Успенская церковь была закрыта и главным в приходе стал новый каменный Успенский храм. Однако в 1845 году древняя монастырская церковь была отремонтирована и вновь освящена, но уже во имя Николая Чудотворца [22, с. 118].

Никольская (бывшая Успенская) церковь в селе Лявля, подобно церкви Ледского погоста, представляет собой шатровый восьмерик с двумя прямоугольными прирубами, завершенными бочками с высоким килем. Хотя у церкви в Лявле теперь нет паперти, на открытых стенах восьмерика и притвора видны четкие следы первоначальной каркасной конструкции «висячей» галереи, которая играла роль паперти, но не сохранилась до наших дней. Опорой ей служили консоли из нескольких бревен, врубленные насквозь

в стены восьмерика и притвора сразу при строительстве церкви. Галерея-паперть охватывала сруб здания с трех сторон. О ее первоначальном существовании сообщает и вышеприведенная цитата из «Отводных книг» Лявлинской пустыни 1659 года. Она была сломана, вероятно, при ремонте храма в 1845 году. Тогда же сруб снаружи и внутри закрыла обшивка, с запада было пристроено крытое крыльцо-тамбур из «брусьев («рыбин») и обшито тесом» [37, с. 117].

Первым из исследователей обратил внимание на Никольскую церковь в Лявле В.В. Суслов. При посещении села в 1883 году академик архитектуры сделал схематический обмер памятника [37, с. 118, рис. 9]¹². В 1965 году В.А. Крохин составил проект реставрации лявлинской церкви, основанный на его собственных исследованиях и обмерах [52, с. 34; 50, с. 96]. В ходе производства работ по этому проекту к 1972 году вся обшивка со сруба была снята; вместо железа воссоздано покрытие лемехом шатра, шеи, главы, а также бочек прирубов. При этом обветшавшая первоначальная бревенчатая глава была разобрана и заменена копией, а подлинная конструкция собрана в интерьере восьмерика, на полу в качестве историко-архитектурного экспоната (рис. 198).

Все исследователи, начиная с В.В. Суслова, отмечали, как редкую архаичную особенность, единую бревенчатую конструкцию всех частей Никольской церкви в Лявле, включая не только шатер, но даже «толстую» шею и большую главу луковичной формы. Восьмерик, алтарь и притвор срублены слитно, а их завершения – «в режь», причем и шея, и глава – из восьмигранных венцов, как шатер. Уникален также контур бочек алтаря и притвора: в пучине они необычно широкие – шире венчаемых ими прирубов. В храмах XVII века и позднее такие «раздутые» бочки не встречаются. Первоначально Никольская церковь освещалась небольшими «красными» окнами – проемы заполняла конструкция из трех косяков. В XIX веке проемы были растесаны, но одно первоначальное окно сохранилось под обшивкой (рис. 199). Благодаря отмеченным архитектурно-конструктивным особенностям Никольская церковь производит впечатление массивного, с крупными формами и лаконичным силуэтом сооружения.

Никаких архитектурно-конструктивных деталей, обычно существующих в церковных интерьерах, в памятнике не сохранилось. Нет иконостаса, киотов, клиросов, пристенных скамей. Не известно попыток их реконструкции, хотя бы графической, по оставшимся следам. Но все же и внутри Никольской церкви в Лявле можно увидеть явные признаки ее древности, на которые исследователи почему-то до сих пор не обращали внимания. Так, с XVI века бревна стен во всех помещениях остались нестесанными, «пузаты-

ми», тогда как в большинстве уцелевших храмов других типов и времени рубки бревна стен в интерьерах стесаны или сразу при постройке здания, или позднее. Кроме того, церковь в Лявляе сохранила свидетельство существования еще одной первоначальной особенности ее внутреннего устройства. Оказывается, при сооружении храма его восьмигранный сруб остался без потолка-перекрытия, и в интерьере собственно церкви шатер был виден до самого верха!

Существующий ныне горизонтальный потолок-перекрытие из коротких досок, уложенных «в елку» между несколькими балками, явно не первоначальный (рис. 200). Балки потолка опираются не на бревна сруба, между которыми они обычно врубались при строительстве, – в срубе нет следов такой конструкции. Опорой потолочным балкам служат особые брусья, большинство которых поддерживается кронштейнами, прибитыми большими коваными гвоздями к стенам восьмерика. Только со стороны прирубов – алтаря и притвора, в которых потолки ниже, чем в центральном срубе, балки перекрытия восьмерика опираются на верхние брусья каркаса тесовой стенки-«заборки». Эта стенка закрывает внутреннее пространство («чердак») бочек над алтарем и притвором в интерьере восьмерика¹³.

О возможности существования открытого шатра в интерьере Никольской церкви в Лявляе в известных работах о деревянном зодчестве никто из исследователей не высказывается. Только в популярной публикации конца 1970-х годов Б.В. Гнедовского и Э.Д. Добровольской можно найти суждение по этому вопросу: «Плотность рубки шатрового сруба и чистота отделки его внутренних поверхностей породили гипотезу о первоначально открытом интерьере храма [Никольской церкви в Лявляе. – И. Ш.] от пола до верха шатра. Так ли это? Пока что этому убедительных доказательств не найдено. Сейчас в церкви устроены сравнительно низкие плоские потолки из плах, опирающихся на массивные балки, в старину носившие название «матицы». Это тоже очень старый прием перекрытия внутренних пространств деревянных храмов» [20, с. 142–143].

Необходимо отметить неточности, допущенные авторами процитированного суждения. Во-первых, как отмечено выше в данной статье, шатер срублен не плотно, а «в режь» (рис. 201). Во-вторых, ныне существующий в восьмерике плоский потолок «в елку» (по словам Б.В. Гнедовского и Э.Д. Добровольской, «из плах, опирающихся на массивные балки-матицы» [20, с. 143]) не первоначальный, а устроенный, вероятно, при ремонте церкви в 1845 году. Таким образом, столь важная древняя особенность внутреннего устройства деревянной лявляинской церкви до сих пор, по существу, оставалась не замеченной исследователями.

Кроме Никольской церкви в Лявляе, известен еще ряд храмов XVII столетия типа восьмерик от земли с шатром, которые стояли в селениях по берегам Северной Двины и ее притоков выше по течению, чем село Лявля, расположенное в Нижнем Подвинье близ устья Северной Двины. Один из таких храмов находился в пределах Среднего Подвинья, остальные – Верхнего Подвинья¹⁴. Из их числа наиболее известны две церкви: Ильинская на Выйском погосте (рис. 202) и Никольская в селе Панилово (рис. 204). До наших дней обе не уцелели.

Все известные архивные и библиографические источники датируют Ильинский храм 1600 годом на основании «надписи над южным входом в церковь» [39, с. 27]. Текст этой надписи в 1922 году опубликовал в своей статье И.И. Томский¹⁵: «Лета 7108 году августа в 31 день поставлен бысть сей храм церковь во имя святого пророка Илии при государе царе великом князе Борисе Феодоровиче всея Руси и при царевиче Феодоре и при святейшем Московском патриархе Иеве» [83, с. 11]. В публикации И.И. Томский указал на другое место расположения надписи: «Вверху церкви снаружи под шатром идет надпись, вырезанная на доске» [83, с. 11]. П.Д. Барановский, обследовавший памятник в 1921 году, тоже утверждал, что надпись с датой находилась под полицами шатра. Известно всего несколько примеров существования надписей на деревянных храмах [88, с. 107–108]. Их тексты нанесены на доски, которые как подзор опоясывали сруб под полицами кровли. В этих текстах сообщается дата освящения, а не окончания собственно строительства храма. Следовательно, Ильинская церковь Выйского погоста могла быть срублена несколько раньше 1600 года – в конце 1590-х годов.

На сохранившихся фотоизображениях видно, что выйский памятник внешне отличался от Никольской церкви в Лявляе пропорциональным соотношением основных объемных частей и конструкцией галереи-паперти. Восьмерик Выйского храма поднимался над прирубами выше, чем у лявляинской церкви, его шатер, а также бочки алтаря и притвора тоже были выше и стройнее.

Галерея-паперть, охватывавшая восьмерик до его юго-восточной и северо-восточной граней, была срубного, а не каркасного устройства. Однако бревна в ее углах связывались «в лапу», а не «в обло», как восьмерик, алтарь и притвор. Этот конструктивный прием свидетельствовал о том, что галерея-паперть появилась не одновременно со всеми остальными частями памятника, а позднее их. Данное заключение подкрепляет Метрика Академии художеств 1887 года: «С южной, западной и северной сторон устроена в 1851 году рубленая паперть с одним окном и двумя входами с южной и западной сторон» [39, с. 27]. От-

меченный факт не исключает возможность существования у Ильинской церкви первоначально каркасной галереи-паперти, как у Никольской церкви в Лявляе.

Вместе с тем Выйский храм тоже обладал древними архитектурно-конструктивными свойствами, как и церковь в Лявляе. Он представлял собой цельный сруб от земли до креста, бревна которого внутри всех помещений не были стесаны (рис. 202). Интерьер освещали окна, расположенные также, как в лявляинской Никольской церкви. «Красные» окна имели трехли, может быть, четырехкосячатое заполнение проемов – по фотографии уточнить трудно.

Внутри восьмерика еще И.И. Томский особо отметил «<...> деревянные резные клиросы времени построения храма <...>» [83, с. 12] (рис. 203). Они стояли не перед иконостасом, как обычно, а с противоположной стороны, у северо-западной и юго-западной граней восьмерика, по сторонам от входа из притвора¹⁶. Такое очень редко встречающееся расположение клиросов выявлено Л.Е. Красноречьевым всего в нескольких памятниках XVI – первой половины XVII века на Новгородчине. Например, в церкви 1530-х годов во имя Рождества Богородицы из села Передки (рис. 205) [10, с. 346].

Наконец, по результатам своего обследования Ильинской церкви Выйского погоста летом 1921 года П.Д. Барановский счел возможным утверждать, что в интерьере восьмигранного помещения памятника (рис. 203) первоначально не было потолка-перекрытия. Об этом своем открытии известный архитектор-реставратор сообщил в докладе, прочитанном в Московском архитектурном обществе в 1922 году [4, с. 192]. С мнением П.Д. Барановского полностью согласились П.Н. Максимов и Н.Н. Воронин: «Обследование церкви, произведенное в 1921 году архитектором П.Д. Барановским, подтвердило предположение, что шатер внутри мог быть открытым до верха. Была обнаружена тщательная подтеска заподлицо с бревнами восьмерика торцов бревен, образующих бочки и находящихся в настоящее время выше потолка церкви» [57, с. 268–269]. Но Ильинской церкви давно нет, и проверить обоснованность точки зрения П.Д. Барановского в реальности невозможно. Однако, несмотря на это обстоятельство, объединенные сведения об особенностях двух памятников, Никольской и Ильинской церквей, значительно обогащают существовавшие до сих пор представления об архитектуре храмов раннего периода развития рассматриваемого типа.

Почти во всех публикациях о русском деревянном зодчестве также, как Ильинская церковь на Выйском погосте, датируется 1600 годом Никольская церковь в селе Панилово (рис. 204). Это единственный храм рассматриваемого типа, известный в Среднем Подвинье. О Никольской церкви научный мир узнал благодаря ее реставрации с разборкой, которая произ-

водилась под надзором архитектора А.А. Каретникова в 1907–1908 годах в связи с переносом храма на другое место, дальше от берега Северной Двины [38, с. 154].

Судя по фотографиям, сделанным в ходе реставрации (рис. 206), паниловская церковь, как и храмы в Лявляе и на Выйском погосте, представляла собой срубную конструкцию от земли до самого креста, включая главу (рис. 207), с нестесанными стенами внутри. Главное отличие паниловской церкви от двух вышерассмотренных памятников в том, что ее бревенчатая паперть была меньше, чем у них. Паниловская паперть охватывала притвор и упиралась в торцы соответствующих стен восьмерика, не огибая его. На фотографиях также хорошо видно, что паперть и восьмерик – это два отдельных сруба. Паперть при- ставлена к восьмерику по их южной и северной осям. Данный факт наводит на мысль о том, что бревенчатая паперть Никольской церкви в Панилово построена позднее, чем восьмерик с прирубами, подобно тому, как это произошло с папертью Ильинской церкви на Выйском погосте. Была или нет первоначально каркасная галерея у Никольского храма, как первоначально у других подобных памятников, неизвестно.

Интерьер Никольского храма освещался лучше, чем храмов в Лявляе и на Выйском погосте, благодаря большему числу проемов и увеличению их размеров. В частности, «красное» окно второго света существовало в юго-западной грани восьмерика. Два окна были прорублены в южной стене паперти, ближе к ее юго-западному углу. Окна паперти имели такие же размеры, конструкцию и находились на том же уровне, что и нижнее окно восьмерика (рис. 208). Над верхнимок всех окон, видимых на снимках, врезаны сливные доски-козырьки, прикрывающие усадочную щель оконного проема от дождя и снега.

Нельзя не отметить декоративную обработку заполнения верхнего окна восьмерика, а также южного и восточного окон алтаря. Единственная выходящая в проем сторона их верхников была симметрично подтесана по волнообразной кривой с высоким гребнем в середине.

Здесь уместно вспомнить, что подтеска подобного контура украшает верхние косяки окон Никольской церкви, стоящей в селе Зачачье (рис. 209), того же Холмогорского района Архангельской области, что и село Панилово. Этот памятник первоначально был построен в 1687 году в виде восьмерика от земли с двумя симметричными прирубами, завершенными бочками. Но его восьмерик венчает не обычный шатер пирамидальной формы, а «шатер кубастой», по выражению письменного источника 1801 года [30, с. 126]. «Кубастым шатром» здесь назван покрытый лемехом сруб криволинейного профиля, напоминающий восьмигранную луковицу с сильно вытянутой вершиной. В XIX веке Никольский храм в Зачачье был

снаружи горизонтально обшит досками и окрашен. Вероятно, в том же столетии он приобрел бревенчатую паперть, такую же, как у Никольской церкви в Панилове [21, с. 405].

Существующая ныне в селе Зачачье Никольская церковь, по существу, построена заново в результате реставрации в 1909–1915 годах [70, с. 3]. Однако рисунок подтески ее оконных вершников – копия подлинного, в чем убеждает фотоснимок памятника до реставрации [21, с. 405, фото].

Возвращаясь к Никольской церкви в Панилове, следует уточнить ее датировку. Такие архитектурно-конструктивные особенности памятника, как увеличение количества и размеров окон, по сравнению с аналогичными храмами XVI – начала XVII века, а также декоративная обработка оконных косяков, свойственная храмам второй половины XVII века, заставляют сомневаться в правильности его ранней датировки. Представляется более убедительной другая дата постройки храма, а именно та, которая указывалась в церковных документах до его переборки в 1907–1908 годах: «В Паниловском приходе Никольская церковь, построена в 1660» году¹⁷ [7].

Нет прямых сведений о первоначальном внутреннем устройстве паниловского храма. Правда, в одном из кратких описаний памятника до реставрации сообщается о том, что в его интерьере «Своды на 4 столбах. По стенам алтаря, церкви и трапезы [притвора. – И. Ш.] лавки» [38, с. 154]. Процитированная фраза о сводах на столбах, вероятнее всего, относится к позднему перекрытию восьмерика, имитировавшему соответствующую конструкцию в каменных храмах. Но неизвестно, что закрывали деревянные «своды»: перекрытие из досок по балкам (как поздний потолок Никольской церкви в Лявле) или открытый до верха шатер? По всей вероятности, получить ответ на этот вопрос никогда не удастся, потому что после переборки «от старого здания [Паниловского храма] остались жертвенник, часть оконных и дверных косяков и полотен, оконные переплеты со слюдой, венцы шатра, шейка и главка» [8, с. 730–736]. Следовательно, восьмерик большей частью был срублен из новых бревен.

С разной степенью подробности известно еще о пяти храмах типа шатровый восьмерик от земли с двумя прирубками, которые наряду с Ильинской церковью Выйского погоста были срублены в Верхнем Подвинье. Из них первый по хронологии храм в честь Покрова Богородицы в селе Соале на Пинеге¹⁸. В полуразрушенном состоянии он дошел до наших дней (рис. 210). Издание XIX века сообщает об этой церкви: построена она по храмозданной грамоте от 21 февраля 1605 года; в 1786 году ее «крест сожжен молнией, по какому случаю перестроена и освящена 5 августа 1790 года» [50, с. 219–222]. Покровский храм

в Соале никогда не исследовался (рис. 210). Возможно, поэтому в одной из нынешних публикаций он ошибочно датируется 1790 годом [9, с. 373] на основании сведения о его повторном освящении в это время.

Некоторые подробности об архитектуре Покровской церкви можно узнать из других библиографических источников конца XIX – начала XX века: «Окна новые, но есть верхний свет из двух старых малых окон. Вокруг церкви галерея, в которой имеются лавки для сидения. <...> Церковь обшита тесом. Она была перестроена в 1786 г. Колокольня перестроена в 1879 г.» [38, с. 133].

На фотографиях начала XX века хорошо видна обширная галерея-паперть (рис. 211–212). С севера она почти достигала алтарного прируба, а с юга примыкала к стоявшей рядом колокольне. По всей вероятности, такой вид галерея-паперть приобрела после перестройки колокольни и обшивки всего церковного комплекса. Не исключено, что первоначально паперть имела каркасную конструкцию и опиралась на консоли-выпуски бревен сруба. К этим сведениям о церкви остается добавить следующее: в интерьере бревна стен не стесаны, и, судя по ранней датировке, шатер, шея и глава были бревенчатыми до переделки их в 1786–1790 годах. Таким образом, нет сомнений в том, что Покровская церковь в Соале первоначально полностью соответствовала типологической структуре вышерассмотренных памятников.

Успенская церковь в Нижней Уфтьюге¹⁹ (рис. 213) намного известнее памятника в Соальском приходе, несмотря на то, что была разобрана по ветхости в конце XIX века [39, с. 31–32]. Ее успел исследовать, обмерить и опубликовать чертежи с комментариями В.В. Суслон [80, л. 15] (рис. 213). Академик архитектуры датировал Успенскую церковь первой половиной XVII века. Основанием для такой датировки ему послужили сведения из писцовой книги Устюга Великого 1623–1626 годов и первоначальные архитектурно-конструктивные детали памятника [80, л. 15].

В своей публикации В.В. Суслон первым делом особо отметил необычную форму световых отверстий Успенского храма. По его словам, «<...> церковь освещалась небольшими круглыми окнами <...>» [80, текст]. На чертеже академика определению «круглыми» соответствует архаичное четырехкосячатое заполнение проема верхнего света в северо-западной грани восьмерика. У каждого косяка сторона, обращенная в проем, одинаково подтесана по плавной дугообразной кривой. В собранном виде в проеме эта конструкция придает световому отверстию почти круглую форму.

Исследователь обратил внимание и на то, что «<...> в северо-западной и юго-западной гранях сруба были продолговатые отверстия с решетками; они служили, при большом стечении народа, стоявшего

частью в галерее, для наблюдения за богослужением <...>»²⁰ [80, текст]. На плане также видно, что вдоль всех стен галереи врублены лавки, предназначенные для отдыха прихожан.

В комментариях к своему чертежу В.В. Суслон впервые подробно объяснил устройство каркасной галереи-паперти, которая сохранялась в Успенской церкви. Она опиралась в нескольких местах на вертикальные ряды бревен, специально для этой цели выпущенных из сруба в виде консолей. (Как показано в данной главе, к концу XIX века почти у всех более древних памятников рассматриваемого типа каркасные галереи на консолях были или просто разобраны, или заменены срубными.) Правда, на плане видно, что и у Успенской церкви галерея-паперть, вероятно, была частично переделана. С севера она достигала северо-восточной грани восьмерика, повторяя его конфигурацию. С противоположной же стороны она шла прямо до южной стены восьмерика, где, немного загоразживая ее, неконструктивно обрывалась.

Для темы настоящей статьи важны высказывания В.В. Суслон об интерьере Успенского храма. По наблюдению академика архитектуры, внутри церковь «<...> имела сравнительно небольшую высоту по отношению к ее внешнему объему. Потолок состоял из горизонтально положенных балок, забранных досками «в косяк» <...>». Если потолок, обмеренный В.В. Суслонным, был первоначальным, то, возможно, что именно в тот период времени, когда строилась нижнеуфтьюгская церковь, появляются потолки-перекрытия в интерьерах шатровых храмов, срубленных восьмериком от земли. Несмотря на то, что ни в чертежах, ни в тексте комментариев к ним В.В. Суслон ничего не сообщает о конструкции шатра, можно не сомневаться, что шатер был бревенчатым. Рубленые завершения присущи храмам восьмериком от земли до конца XVII столетия, как видно по другим памятникам.

Опубликованные В.В. Суслонным материалы приводят к заключению: Успенская церковь в Нижней Уфтьюге была ярким образцом типа храмов – шатровых восьмериков от земли.

Церковь в селе Белая Слуда – следующий после церкви в Нижней Уфтьюге по времени строительства известный памятник – шатровый восьмерик от земли с двумя прирубками и галереей-папертью (рис. 214). Церковь привлекала внимание большинства исследователей деревянной архитектуры от В.В. Суслон (рис. 215, 217) [80, вып. V] до А.В. Ополовникова [65, с. 192–196, 201–205] (рис. 214, 216, 218), ставшего последним исследователем, обмерившим храм, прежде чем тот сгорел в начале 1960-х годов. Церковь была поставлена «на отдельном погосте» в 1642 году и освящена в честь иконы Богоматери Владимирской и пророка Ильи, с приделом святых Флора и Лавра [65, с. 21–23]. Придел

размещался с западной стороны, вторым ярусом над притвором и галереей-папертью.

В.В. Суслон впервые отметил ряд архитектурно-конструктивных свойств белослудского храма, которых не было у памятников этого же типа, прежде рассмотренных в настоящей статье. Целесообразно подробно процитировать исследователя: «По указанию местных жителей, галерея в древности продолжалась до восточного сруба [алтарного прируба. – И.Ш.] <...> следы присоединения галереи к срубам [восьмерика] сохранились в виде вырубки гнезд в бревнах» [81, вып. VII, прилож к VII вып.]. У всех других известных памятников (за исключением, может быть, церкви в Соале) галереи не достигали алтарного прируба, но заканчивались перед северо-восточной и юго-восточной стеной восьмерика.

По утверждению академика архитектуры, «Восьмиугольное помещение самой церкви перекрыто внутри потолком с повышением к середине в виде отлогого фронтона <...>» [81, приложение, текст]. Ни в одном из храмов, датируемых в пределах XVII столетия, в помещении собственно церкви двускатных потолков нет. А.В. Ополовников при обмере церкви в 1952 году никаких следов подобной конструкции перекрытия также не обнаружил: «Потолок в самой церкви оказался не двускатным с коньком в середине, а плоским. Первоначальный потолок был уложен «в косяк», что подтверждается соответствующими гнездами в его продольных балках» [66, с. 195]. Следовательно, утверждение о существовании двускатного потолка в помещении для молящихся прихожан белослудской церкви, которое много лет принималось исследователями на веру, оказывается ошибочным, не имеющим основания.

Также В.В. Суслон детально описал архаичную конструкцию дверей: «Дверные рамы состоят из толстых брусков с закруглениями у внутренних углов отверстий и дверных впадинок. Полотна дверей дощатые одностворчатые вращаются посредством круглых выпускных пятников в верхних и нижних концах дверных щитов. Для пятников сделаны гнезда в порогах и в верхних брусках колод» [81, приложение, текст]. После гибели Владимирской церкви дверь подобной конструкции сохраняется только в старейшем памятнике клетского типа – церкви Воскрешения Лазаря (1464 год) Муромского монастыря, перевезенной в музей «Кижи» [65, с. 137, рис. 172, 173].

В.В. Суслон также отметил, что восточный прируб «<...> разделяется перегородкой на два алтаря, соответствующих двум престолом церкви <...>» [81, приложение, текст]. Судя по плану, эта перегородка была каркасно-дощатая. Перед иконостасом же возвышалась «солея с двумя клиросами». Эти сведения дают возможность узнать, во-первых, о том, что во Владимирской церкви был использован древний прием располо-

жения двух престолов, по сути двух церквей, в одном алтарном срубе, без их видимого разделения, как снаружи – только один прируб, так и внутри – общий иконостас. К концу XVII века размещение престола придельного храма в одном объеме с главным престолом строго запрещалось церковными властями. Во-вторых, во Владимирской церкви перед иконостасом возвышается солея с двумя клиросами. В памятниках, прежде рассмотренных в статье, пол в алтаре и в помещении для молящихся прихожан оставался на одном уровне.

В комментарии к своим чертежам В.В. Суслов включил и рассказ о втором приделе, представлявшем редкий пример размещения приделов в деревянных храмах: «Западный прируб разделяется на два этажа; первый составляет как бы притвор церкви, второй – особый придел во имя св. Флора и Лавра. Лестница в придел устроена в северной части галереи. Она ведет в паперть, расположенную над западной частью галереи, и состоит из стоек, забранных досками в косяк. Кругом внутренних стен устроена скамья. Из паперти входят в помещение для молящихся. Восточная часть прируба отделена под алтарь» [81, приложение, текст]. Ныне подобно устроенный придел можно увидеть только в реконструкции В.А. Крохина у Вознесенской церкви (1668 год) из села Кушереки, ныне стоящей в музее «Малые Корелы» под Архангельском [54, с. 59–70].

Завершает комментарии к чертежам подробное описание основной паперти храма Владимирской иконы Богородицы: «Западная и северная стороны церковной галереи состоят из стоек, забранных досками «прямью». В некоторых местах устроены маленькие окна, с торецгольным очертанием вверху. Из нутра окна закрываются деревянными прямоугольными щитами, вращающимися на круглых выпусках в верхних и нижних концах щитов. Южная часть галереи открытая, стойки здесь обделаны в виде колонок, между которыми вверху вделаны доски с вырезами по нижним ребрам, а внизу – досчатые перила с поручнем. Вся галерея обоснована на двух венцах толстых прогонов, поддерживаемых круглыми столбами. Угловые столбы около лестницы обработаны в виде колонок» [81, приложение, текст]. До наших дней галерея подобной конструкции сохранилась, и то частично, только в церкви во имя Иоанна Богослова под Ростовом Великим [65, с. 248–249].

В ряд особенностей памятника остается добавить еще одну деталь, не встречавшуюся в прежде рассмотренных храмах, но указанную В.В. Суловым: бочки обоих прирубов симметрично увенчивались восьмиконечными крестами на луковичных главах с высокими шеями. Кроме индивидуальных особенностей, В.В. Сулов отметил во Владимирской церкви архитектурно-конструктивные детали, известные по рассмотренным выше памятникам. Это рубленая кон-

струкция шатра и узкие окна, выходящие на галерею, в северо-западной и юго-западной стенах восьмерика.

Сведения о памятнике, выявленные его первым исследователем, существенно дополнил А.В. Ополонников. Так, он указал, что «<...> не было зафиксировано в первых обмерах церкви характерное завершение ее шатра, плавно переходящее в рубленую восьмигранную шею. Такая же система рубки не только главы, но и шеи существует в Лявле» [65, с. 92]. Также ученый-реставратор отметил необычную форму бочек – в поперечном сечении круглую, с высоким килем. Обоим исследователям Владимирской церкви поразили ее исполинские размеры – 45 м от земли до креста!

Из числа храмов рассматриваемого типа в Верхнем Подвинье наименее известна Преображенская церковь Малопинезского прихода, которая датировалась 1669 годом [18, с. 278]. Не так давно опубликовано описание церкви, составленное в 1854 году Малопинезского прихода благочинным священником Иоанном Мысовым. Этот документ приведен в одном из местных краеведческих изданий [44, 60–64], и большинству исследователей деревянной архитектуры он остается неизвестным. Поэтому его необходимо фрагментарно процитировать: «<...> храм Преображения Господня, <...> может считаться во всех отношениях старинного деревянного церковного строения представителем и образцом всех прочих этого округа деревянных храмов. <...> здание основано на деревянном же простом фундаменте или вовсе оно не имеет, по крайней мере, особенного. <...> От фундамента и до шатра здание это рублено из круглых, неотесанных, имеющих во все равные концы, бревен осьмивершковой толщины [35,5 см. – И. Ш.], которые нарочно были приготовлены для сего и, как говорит предание, тянуты были сквозь железное кольцо для уравнения комлей с вершинами.

Все здание с крестом простирается в высоту 24 сажени [больше 50 м! – И. Ш.]. От основания до полов паперти и самой церкви три сажени, где только одни пустые подвалы или кладовые, от пола до потолка три с половиной сажени, стропилы и развал под крышею с зубцами занимают две с половиной сажени пространства. Высота потесального [бревенчатого, обработанного теслом? – И. Ш.] шатра 8 сажень, шейка 1 сажень, глава и крест по три сажени. <...> Церковь, кроме алтаря, обнесена висящею забранною из досок папертью, стена которой для увеличения света почти вся состоит из простых, без рам, окон, от ненавистных погод затворяющихся ставнями, висящими на пятах.

Алтарь и крыльцо, ведущее с западной стороны в паперть, украшаются круглыми в виде огромных мячиков-бочек куполами. Шатер, глава и купола на алтаре и крыльце покрыты зубчатым тесом, который представляет вид чешуи.

Внутренность храма представляет древнюю простоту. Алтарь о четырех углах, отделяется от церкви

только сверху несколькими бревнами и иконостасом. Высота и долгота его простирается до 6, а ширина до пяти с половиною аршин. Стены в оном, как и в церкви, нетесаны <...>.

Здесь три окна, одно простое, с задвижкой, в две четверти высоты и три четверти ширины, оно на восточной стороне у жертвенника, и два косячатые, одно над горним местом, в четыре аршина от пола, а другое на южной в два аршина от пола, оба величиной в высоту 1 аршин, а в ширину три четверти. По стенам на деревянных спицах положены полки, на которых стоят иконы <...>. Потолки здесь, ровно и в церкви, забраны в продольные брусья вкось коротенькими досками.

Церковь осьмиугольная: в ней 2 окна косячна, на северной и южной стороне в 5 аршинах от пола, величиною оба в 1 аршин высоты и 3 четверти широты от пола, одно прожато уже в 1824 году, а третье, если считать окном, находится на юго-западной стороне в двух с четвертью аршинах от пола, величиною в высоту три вершка, а в ширину 2 аршина. Внутренность церкви в длину и ширину 14 аршин.

С западной стороны находится сопредельное отделение, которое двумя концами стен примыкает к самой церкви и ничем не преграждено от оной, оно составлено вовсе без света, ниже самой церкви, подобно окну по алтарю, заимствует только темный свет от малых окон церкви <...> Двери в оном храме трои: сзади большие одинарные, толстые на высоком пороге, вторые и третьи с големной иноверной росписью, которые здесь называются в отношении к западным большим – малыми.

Иконостас в оном храме занимает половину стен, он состоит из трех ставов или рядов икон <...>.

Клиросы в оном храме стоят отдельно от стен, прямо боковых дверей, расстоянием от одного до трех, а от иконостаса в четырех аршинах, довольно высокие и пространные на особенном помосте забранные досками в четвероугольных с головками столбах простой работы, позади оных возвышаются простые деревянные стояла со святыми иконами» [44, с. 60–63].

Со страниц этого пространного описания Преображенской церкви предстает облик еще одного храма-исполина, срубленного из отборных толстых бревен, высотой соперничавшего с храмами Выйского погоста и Белой Слуды. По-видимому, первому из них Преображенская церковь была особенно близка: в обоих памятниках существовали по-старинному расположенные большие клиросы.

Представленные выше сведения об архитектуре церковью в Сояле, Нижней Уфтуге, Белой Слуде, на Малопинезском погосте убедительно доказывают, что эти четыре памятника очень похожи на ранние храмы восьмериком от земли. Полное типологическое сходство этих четырех памятников с храмами в Лявле, на Выйском погосте, в Панилове несомненно.

Построенная несколько позднее, в 1672 году, Георгиевская церковь в Вершине на Тойме (рис. 218) обладает такой же плано-объемной композицией, включая каркасную галерею на консолях-выпусках сруба и нетесанные бревна стен в интерьере. Вместе с тем она имеет некоторые конструктивные отличия. Повал восьмерика срублен не слитно, а с просветами [51, с. 67]. Изменились и пропорции храма. По сравнению с типологически родственными храмами предшествующего времени Георгиевская церковь ниже и выглядит «легче», стройнее.

Вторая группа памятников расположена на землях бывшего Каргопольского уезда или прилегавших к нему. Это церкви в Задней Дуброве, Красной Ляге, Астафьеве (Свидском). Самой старой из них является церковь во имя Ильи-пророка, срубленная в 1622 году на погосте Задняя Дуброва [16, с. 67–74]. Для темы настоящей главы этот памятник особенно интересен (рис. 220). Графическая реконструкция первоначального вида Ильинского храма, выполненная Т.И. Вахромеевой (рис. 222), выявила яркую особенность, отличающую его от всех других строений рассматриваемого типа. Обладая большинством типологических признаков этих памятников: рубленным шатром (и, наверное, шей и главой, но они не сохранились), прямоугольным алтарным прирубом, крытым бочкой с полицами, маленькими трехкосячатыми окнами (рис. 221), нетесанными бревнами стен в интерьере – восьмерик Ильинского храма вместе с тем не имел западного прируба-притвора. Трехсторонняя галерея-паперть на срубном основании примыкала там непосредственно к восьмерику, охватывая его до юго-восточной и северо-восточной граней.

Эта редкая особенность памятника наводит на предположение о том, что Ильинская церковь в Задней Дуброве, возможно, напоминает об исходном этапе развития рассматриваемого архитектурного типа деревянных храмов, когда их шатровый восьмерик не имел прирубов для алтаря и притвора. Основанием для данного предположения служат несколько фактов. Во-первых, существование еще в домонгольское время каменных и деревянных храмов-ротонд, не имевших в плане выступов (прирубов). Остатки таких построек выявлены археологами [35], но нет ясности, как было устроено их завершение. Во-вторых, сохранившиеся каменные шатровые храмы восьмериком от земли первой половины XVI столетия, у которых первоначально не было ни алтарных абсид, ни притворов, а внутри шатер оставался без перекрытия. Именно такой была построена Воскресенская церковь (после 1531 года, по М.А. Ильину) в Городне под Москвой [35, с. 43–55; 12, с. 325–345]. В-третьих, как выше показал автор настоящей главы, в первой половине XVII века были достаточно широко распространены безабсидные церкви клетского типа, как, например, сохранившаяся Казан-

ская церковь (первая треть XVII века) в селе Юрине Балахнинского района Нижегородской области.

Сретенско-Михайловская церковь в Красной Ляге (рис. 223), срубленная в 1655 году [14], до переделки конца XIX века типологически почти не отличалась от вышерассмотренных храмов Подвинья. Иными были только пропорции – восьмерик и шатер имели относительно большую высоту, чем у других аналогичных памятников (рис. 224). Кроме того, алтарную бочку венчал крест на главе с высокой шейей.

Третий памятник Каргопольского региона – Никольская церковь в селе Астафьево (Свидское) – в наибольшей степени отличается от храмов рассматриваемого типа (рис. 225, 226). Он не имеет четкой датировки.

А.В. Ополовников, единственный исследователь Никольской церкви, предполагал, что она срублена в середине XVII века [65, с. 64–67; рис. 68–75]. Храм не сохранился. Судя по опубликованным материалам А.В. Ополовникова, ко времени исследования церковь не имела ни западного притвора, ни галереи-паперти. Вероятно, вследствие того, что сруб был закрыт обшивкой, архитектор-реставратор не смог выяснить, были эти части у здания первоначально или нет. Вместе с тем не вызывает сомнения факт, отмеченный А.В. Ополовниковым. С северной стороны Никольский храм (холодный) примыкал к другой церкви (теплой), разобранный в XIX веке. Именно в сторону этой, давно исчезнувшей церкви был обращен единственный резной портал Никольского храма (рис. 227). Ни в одном из рассмотренных в данной статье храмов такой детали с развитым декоративным оформлением не было. Вторая особенность астафьевского памятника – завершение алтарной бочки. Алтарь увенчивал миниатюрный шатровый храм типа восьмерик на четверике.

Еще одной особенностью трех последних храмов следует считать устройство внутри их восьмериков пирамидальных каркасных потолков-перекрытий – «небес». Первоначально ни в одном из храмов рассматриваемого типа потолков-перекрытий такой конструкции не было, но если в памятниках Подвинья «небеса» и позднее не появились, то на Каргопольщине они заняли свое место. Как перекрывались там первоначально восьмерики, и были или нет открытые в интерьер шатры, пока неизвестно.

Еще одна группа храмов, типологически близких тем, которые рассматриваются в настоящей главе, существовала в Посвирье²¹. Обстоятельную статью о них недавно опубликовали совместно А.Г. Носкова, И.А. Котынцева, А.Н. Ермолина [61, с. 116–135]. Ряд архитектурных особенностей этих памятников отличает их от каргопольских и двинских церквей (рис. 228). В частности, восьмерик у храмов Посвирья двухъярусный. Уступ перехода от нижнего яруса

к верхнему накрывают не полицы, а пояс маленьких двускатных кровель. Прирубы алтаря и притвора завершаются не бочками с полицами, а двускатными кровлями разного устройства: над алтарем – двухъярусные («каскадом»), над притвором – одноярусные ниже алтарных. Кроме того, нет галереи-паперти. В тех храмах, об интерьерах которых обнаружены сведения, восьмерик перекрыт горизонтальным потолком, который поддерживают резные столбы. Вместе с тем шатры посвирских храмов сохраняли бревенчатую конструкцию до конца XVII века, а в интерьерах стены не были стесаны. По мнению автора настоящей главы, для выяснения причин архитектурных различий между шатровыми церквями восьмериком от земли с двумя прирубами, которые рубились в Подвинье и Каргополье, от тех, что сооружались в Посвирье до конца XVII столетия, требуются специальное исследование и отдельная публикация.

Результаты хронологически последовательного рассмотрения ряда памятников XVI–XVII веков (в основном Подвинья и Каргопольщины) одного архитектурного типа – шатровый восьмерик от земли с двумя прирубами – дают основание для следующих выводов. Это один из древнейших типов деревянных храмов, наряду с клетскими церквями. Подобные памятники обладали очень устойчивыми типологическими признаками и были распространены почти по всему Русскому Северу, за исключением селений нижней Онеги.

Старейшая из известных церквей рассмотренного типа была срублена в XV веке в Шенкурском уезде. Это территория, расположенная между Каргопольем и верхним Подвиньем. Шенкурский уезд также близок и землям Великого Устюга, в котором, уместно вспомнить, в 1492 году мастера-плотники заложили шатровую церковь «<...> кругу по старине о 20-ти стенах <...>» [73, с. 97–98].

Рассмотренные выше каргопольские церкви в целом были построены позднее двинских. Однако именно самый старый среди них храм сохранил архитектурные особенности, которые напоминают о возможном первоисточнике типа.

На Каргопольщине в церквях, срубленных в середине XVII века и позднее, появляются детали с богатой резьбой (портал церкви в Астафьево (Свидском)). Примерно с этого же времени восьмерики некоторых каргопольских памятников перекрываются пирамидальной каркасной конструкцией – «небесами».

В целом обе группы рассмотренных памятников позволяют сделать общий вывод об эволюции типа: от целиком бревенчатых сооружений с открытым в интерьере шатром, почти без декора, к постройкам с облегченной (каркасной) конструкцией завершения восьмерика (шатра, шеи, главы), с пирамидальным потолком-перекрытием – «небом» в восьмерике, с резьбой на косяках дверей, окон и другими конструктивными деталями.

К старейшим архитектурным типам деревянных храмов, наряду с двумя наиболее известными, клетским и восьмериком от самой земли (рассмотренными выше), принадлежит и третий тип, объединяющий церкви с крещатым планом. На время появления подобных сооружений указывает давно известный рассказ Устюжской летописи об истории строительства городского собора в Устюге Великом.

В 1290 году «<...> князь Дмитрие Борисович [ростовский] посла на Устюг владыку Тарасия свящати **церковь великую** Успение святые Богородицы <...>» [73, с. 71]. В 1396 году «<...> на Устюзе **церкви погоре великая соборная**» [73, с. 80]. И на следующий год «<...> Григорей архиепископ Ростовский на Устюзе постави **церковь велику древяну соборную** Успение пречистыя Богородица» [73, с. 80]. Через два года этот храм сожгли новгородцы, разграбившие Устюг. В следующем, 1399 году «<...> владыка Иван и новгородцы послаша мастеров церковных <...> и поставиша **церковь** на Устюзе **древяну велику единого лета соборную** Успения пречистыя Богородица» [73, с. 80–81]. Под 1490 годом летописец сообщает: «<...> погоре на Устюзе посад <...> и церкви соборная Успения святые Богородица, и три церкви <...>». В следующем году «<...> велел князь великий архиепископу Ростовскому Тихону поставити на Устюзе соборную церковь такову же, какова была, и грамоту попом дал ко владыце в Ростов. <...> И послал владыка мастера Алексия вологжанина ... после Покрова 2 недели спустя. И он **церков заложил не по старине кресчатугу**²², и срубил до шти рядов, да и в Ростов поехал. **А устюжаном тот оклад стал не люб**, и хотели бити челом великому князю, и владыка Тихон не велел бити челом, а яся церковь поставити по старине». Согласно своему обещанию, в 1492 году епископ Ростовский Тихон вновь послал «<...> мастера церковнаго Алексия вологжанина да 60 человек и рублеников. Припровадили архиепископли християне <...> лес и береста и заложили **круглу по старине о 20-ти стенах <...>»** [73, с. 97–98].

Судя по вышеприведенному тексту Устюжской летописи, на Ростовской земле Московского княжества крещатый тип деревянных храмов был уже хорошо известен в конце XV века. Однако ни одной подобной деревянной постройки того времени не сохранилось. Древнейшим существующим памятником крещатого типа считается Успенская церковь Александро-Куштского монастыря²³ [26, с. 31–37], которая в плане подобна той, что упомянута в Устюжской летописи (рис. 228).

В первых фундаментальных исследованиях по русской деревянной архитектуре Успенская церковь Александро-Куштского монастыря была представлена как

древнейший сохранившийся образец шатровых храмов на крещатом основании: «<...> все ее четыре прируба сходятся в углах вместе и образуют в плане чистый равносторонний крест. Есть данные, указывающие на то, что эта церковь может не только служить образцом древнейшего крещатого храма, но является, быть может, и вообще одной из древнейших сохранившихся шатровых церквей, ибо построение ее с большим вероятием можно отнести к половине 16-го века»²⁴ [21, 380–381; 79, с. 36] (рис. 229–231). В публикациях недавнего времени эта датировка сохраняется с уточнением: «после пожара 1519 года» [15, с. 125; 26, с. 32]. Ф.Ф. Горностаев и И.Э. Грабарь, авторы цитированного выше текста, на основе общих планово-объемных признаков объединили Успенскую церковь в одну типологическую группу с храмами Николая Чудотворца в Шуге Кемского уезда²⁵ и Рождества Богородицы в селе Верховье Тотемского уезда²⁶ (рис. 232). Аналогичный храм, по мнению этих исследователей, изображен на одном из рисунков в Альбоме Мейерберга: «в Коломне – селе, расположенном в 21 версте от Вышнего Волочка при озере Коломно»²⁷ [21, с. 386] (рис. 233).

В коллективном труде начала 1940-х годов С.Я. Забелло, В.Н. Иванов, П.Н. Максимов дополнили эту типологическую группу еще одним памятником – Климентовской церковью в селе Уна²⁸ (рис. 234), но вместе с тем отметили отличия в объемной композиции храма села Верховья от трех других церквей [28, с. 93, 95–97].

Позднее в научный обиход вошла еще одна крещатая церковь – во имя Рождества Богородицы из села Передки²⁹ (рис. 190, 205). Она была исследована Л.Е. Красноречьевым и под его руководством перевезена и отреставрирована в Музее «Витославицы» под Великим Новгородом в 1971 году [10, с. 346–349; 71; с. 40–75]. Дата строительства церкви, по Л.Е. Красноречьеву, – 1530-е годы (с переделками в конце XVII и в XIX веке) [71, с. 44].

Из шести крещатых церквей, известных ныне, сохранились только две: из села Передки и Александро-Куштского монастыря. Л.Е. Красноречьев, исследователь и реставратор церкви, писал о ней: «Самая древняя и изумительная» [71]. Целый ряд архитектурно-конструктивных особенностей памятника подтверждает эти слова опытного архитектора-реставратора. В срубе бревна припазованы архаичным способом: паз выбран не внизу верхнего бревна, а сверху нижнего. Внутри церкви бревна стен остались нестесанными, «пузатыми». В восточной (алтарь) и западной части крещатого сруба нет потолка-перекрытия – в интерьере видно устройство слеговой кровли. Количество волоковых окон значительно больше, чем в других храмах. Конструкция этих окон очень редкая: они могут закрываться не только глухим щитком-задвигкой, но и кожухом с окончиной. Кожух, как и щиток, выдвигается из ниши, но с другой стороны

оконного проема. Перед алтарем нет возвышения пола – солеи. Наконец, клиросы для певчих расположены не как обычно, у восточной стены перед солеей, а у западной стены по сторонам от входа [10, с. 346] (рис. 190).

Успенская церковь из Александро-Куштского монастыря в начале 1960-х годов была перевезена на территорию Спасо-Прилуцкого монастыря под Вологдой, где отреставрирована по проекту Б.В. Гнедовского [26, с. 31–37]. В процессе разборки перед перевозкой она, к сожалению, не была столь же тщательно исследована, как храм из села Передки. После перевозки в Спасо-Прилуцкий монастырь и восстановления в срубе Успенской церкви осталось буквально несколько древних бревен, в частности, с одним волоковым окном в восточной стене алтаря. Были или нет у этого памятника какие-либо древние архитектурно-конструктивные свойства, теперь неизвестно.

Опубликованные материалы о шести известных крещатых церквях дают основание, в частности, для двух заключений. Во-первых, они могут считаться типологически одинаковыми только по одному признаку: сруб всех шести храмов в плане образует простой крест с прямоугольным средокрестием, с запада сруб охватывает «висячая» галерея-паперть. Еще один архитектурно-конструктивный признак присущ только трем из шести храмов: Успенскому из Александро-Куштского монастыря, Троицкому в Уне и Никольскому в Шуерецком. В их объемной композиции восьмерик с шатром, возвышающийся над крещатым срубом, шире ветвей креста. За счет этого конструктивного приема нагрузка от шатрового восьмерика приходится не на внутренние углы сруба, а передается на его основную часть.

В церкви из села Передки восьмерик под шатром опирается на четверик одной с ним ширины, который как бы вырастает из средокрестия, будучи одного с ним размера в плане. В церкви села Верховье шатровый восьмерик уже средокрестия и связан с ним, так сказать, обратным, направленным к средокрестию «повалом». Какая конструкция была у перехода от крещатого сруба к восьмерику у церкви под Вышним Волочком, по рисунку из Альбома Мейерберга точно установить нельзя. Возможно, она соответствовала конструкции, существующей в храме из села Передки – это селение расположено сравнительно близко от Вышнего Волочка.

В остальном объемная композиция каждого из шести храмов обладает существенными отличительными признаками. Только у церкви в Уне каждая из ветвей крещатого сруба построена в два яруса, и паперть охватывает не только западную ветвь креста, но северную и южную до их восточных стен. По-разному завершались ветви крещатого сруба: у церквей в Александро-Куштском монастыре и Уне – бочкой, причем в Уне бочка соответственно сруб была двухъярусной и на втором ярусе венчалась главой. У церквей: из села Передки,

под Вышним Волочком, Никольской села Шуерецкого – ветви сруба покрыты на два ската, причем у Никольской церкви с переломом в нижней части скатов, как в кровлях с полицами. У церкви в Верховье аналогичные части сруба имели трехскатное покрытие с декоративными шатриками над местом схода гребней.

Второе заключение связано с вопросом о датировке группы крещатых храмов. Ни у одного из них точно неизвестно время постройки, но при этом нижняя датировка у всех приходится на XVI век. Так, церковь в Уне, по клировым записям, была срублена, в 1501 году, а по мнению В.В. Сулова, исследовавшего ее в 1880-х годах, – в XVII веке³⁰ [82]. Время строительства церкви в Шуерецком Метрика Академии художеств, составленная в 1887 году, относилась к 1593 году, а надпись на тябле иконостаса сообщала об освящении храма в 1753 году [29, с. 255–163]. Церковь в Верховье местное предание датировало концом XV – началом XVI века, В.В. Сулов же считал, что она, как и церковь в Уне, построена в XVII веке [28, с. 90, 95–97]. Когда был срублен храм под Вышним Волочком, изображенный в Альбоме Мейерберга, неизвестно.

Есть противоречия и в датировке Успенской церкви Александро-Куштского монастыря. Не так давно Э.Д. Добровольская опубликовала материалы Б.В. Гнедовского об исследованиях памятника перед перевозкой и реставрацией в Спасо-Прилуцком монастыре под Вологдой в 1960-х годах. Из этих материалов стало известно об интереснейшей находке, случившейся при обмерах церкви. «Под кровлей шатра, на повале восьмерика сохранились 5 широких пролелкашанных досок с остатками надписи: «<<...> при благоверном царе Михаиле Федоровиче всея Руси и при святейшем патриархе Иосифе Московском и при епископе Варлааме Вологодском и Великопермском тое же обители при черном священнике Данииле и черном же священнике Митрофане <<...>» [26, с. 35].

Среди сохранившихся деревянных церквей нам известны только три, у которых по верху восьмерика под полицами шатра прибиты доски с надписями. Первая – это Никольская трапезная церковь, построенная в 1602 году в Муезерской пустыни Соловецкого монастыря на севере Карелии [90, с. 29–37, рис. 3.1 б]. У нее в тексте надписи, в частности, указана дата освящения храма. Но в муезерской церкви доска с надписью не древняя. Вероятно, это копия первоначальной доски с таким же текстом, сделанная при ремонте храма в 1897–1901 годах и прибитая поверх обшивки.

Еще одну надпись обнаружил П.Д. Барановский под полицами шатра Ильинской церкви Выйского погоста, при обследовании в 1921 году³¹ [28]. Этот храм датируется 1600 годом.

Третья церковь – во имя Великомученика Георгия – была построена в 1685 году в Среднепогостском приходе Сольвычегодского уезда Вологодской

губернии [88, с. 98–116]. У нее сохранились первоначальные доски с надписью, но краска стерлась, и легко читается только начало текста с датой «апрель 1688 года». Если церковь была срублена в 1685 году, то, по всей вероятности, через два с половиной года в апреле состоялось ее освящение, о чем и сообщается в надписи.

По аналогии с этими двумя памятниками в утраченном тексте надписи на восьмерике Успенского храма из Александро-Куштского монастыря, вероятно, тоже указывалась дата его освящения.

Нельзя согласиться с мнением Э.Д. Добровольской, которая полагает, что «<<...> надпись позволяет датировать время ее установки между 1633 и 1637 гг. <<...>» [26, с. 35]. В надписи заключены сведения, по которым она должна датироваться более поздним временем. Во-первых, святейший Иосиф Московский был избран на патриаршество только 20 марта 1642 года [56, с. 326]. Во-вторых, во время царствования Михаила Федоровича Вологодскую и Великопермскую епархию возглавлял преосвященный Варлаам II. Он имел сан архиепископа (а не епископа, как в надписи) и управлял епархией с 1627 по 1645 год [40, с. 185; 79, с. 853; 43, с. 123]. Следовательно, только в пределах времени с конца марта 1642 по 1645 год и могло произойти освящение Успенской церкви.

Обобщенно собранные сведения об известных храмах XVI века с крещатым планом сводятся к следующему. У всех основной сруб имеет одинаковый план в виде равностороннего креста с прямоугольным средокрестием, а завершается по-разному. Все эти храмы переосвящались в XVII веке (только церковь в Шуерецком – в XVIII веке), по всей вероятности, после перестройки. Получается, что XVI веком можно датировать только крещатые срубы этих церквей, а известные завершения они получили на сто пятьдесят лет позднее. Этот вывод всецело относится и к церкви Успения Богородицы из Александро-Куштского монастыря, и, вероятно, к церкви Рождества Богородицы из села Передки.

В качестве заключения целесообразно обратить внимание на следующий факт. Первые исследователи деревянной архитектуры (Ф.Ф. Горностаев и И.Э. Грабарь, М.В. Красовский) причисляли к крещатому типу не только церкви с прямоугольным средокрестием в плане, но и те, у которых средокрестие было восьмиугольным [21, с. 46]. Эта точка зрения обуславливалась их представлением о процессе формирования деревянных церквей. По мнению этих исследователей, простые постройки клетского типа дали начало крещатым церквям с прямоугольным средокрестием, а восьмерики от земли – храмам, у которых средокрестие восьмиугольное. Следовательно, обе разновидности крещатых храмов образо-

вались одновременно и в древности. Однако церковью с восьмиугольным средокрестием известно больше, чем с прямоугольным. Датируются они XVII и XVIII веками. Церкви же с планом в виде прямоугольного креста в XVIII веке уже не строились. Эти обстоятельства дают основание полагать, что в Устюжской летописи речь идет о храме с планом в форме равноконечного прямоугольного креста.

Приведенные примеры показывают, с одной стороны, как далек первоначальный древний облик памятников – деревянных храмов от их вида в первой половине XIX века, т. е. до известных переделок, включавших и обшивку сруба. С другой же стороны, становится ясно, сколь ценную информацию содержит, вернее, скрывают древние деревянные церкви и как легко эту информацию не прочитать, не узнать и даже вовсе потерять в результате непрофессиональной реставрации. Эту информацию может извлечь из памятника только высокопрофессиональный реставратор-исследователь.

Лишь благодаря настоящей реставрации возможно получать те драгоценные сведения о первоначальном архитектурном облике древних храмов – архитектурных памятников. Эти сведения позволят составить также истинное представление об изменении отдельных памятников во времени и восстановить характер и динамику изменений деревянной архитектуры в целом. В противном случае мы, люди XXI века, так и останемся в темноте невежества – не сумев собрать, навсегда потеряем крупицы этих драгоценных знаний.

Пример церкви из деревни Бородавы показывает, что далеко не всегда можно воссоздать первоначальный облик памятника, используя только сведения о переделках XIX – начала XX века. Приступая к реставрации очередного древнейшего деревянного храма, необходимо отдавать себе отчет в том, что этот храм должен быть тщательно исследован на современном уровне. Недопустимо вновь пропустить информацию, прежде не замеченную и не прочитанную по объективной причине – недостаточности знаний об архитектурно-строительных особенностях деревянных строений в конкретный исторический период. Это наше суждение подтверждает пример недавней реставрации церкви из деревни Бородава А.В. Поповым. Опытный реставратор сумел выявить и воссоздать конструкцию кровли, неизвестную прежде на деревянных храмах [92] (рис. 182-1).

Церковь из деревни Бородавы показывает: чем дальше вглубь веков отстоит дата строительства храма, тем больше его нынешний вид отличается от древней архитектуры. Часто только реставрация с использованием переборки дает потенциальную возможность в процессе производства работ получить

максимальную информацию о строительной истории памятника за все время его существования. В этом отношении показателен реставрационный опыт А.В. Попова: при вдумчивом отношении к делу по следам утраченных архитектурных деталей и конструкций ему удалось узнать не только историю, но и технологию строительства церкви Дмитрия Солунского в селе Верхняя Уфтюга [69]. Только такой подход гарантирует положительный результат реставрации.

В настоящее время, когда большинство деревянных храмов требует неотложной и глубокой реставрации, включающей переборку, уникальным памятникам, построенным ранее XIX века, должно уделяться особое высокопрофессиональное внимание.

Троицкая Свяжская церковь

Вышеприведенные сведения об основных типах деревянных церквей, строившихся в XVI–XVII веках, дают возможность сопоставить с ними материалы, собранные о Троицкой церкви в Свяжске. Совершенно очевидно, что Троицкая церковь в ее первоначальном виде в наибольшей степени соответствовала клетским церквам, об архитектуре которых известно из Писцовых книг Верхоценской волости Тамбовского уезда (процитированных выше). Самая поздняя из церквей, описанных в этих книгах, была построена в 1678 году, но большинство – в первой половине XVII столетия. Территориально они намного ближе Свяжску по сравнению с храмами северорусских уездов.

К общим архитектурным признакам Троицкой церкви в Свяжске (в ее первоначальном состоянии) и большинства верхоценских церквей в первую очередь относится сходство плановой композиции, представляющей сочетание двух конструктивно связанных прямоугольных срубов-клетей, одна из которых вмещала собственно церковь с алтарем, а вторая – трапезную. Во-вторых, также, как большинство храмов Верхоценской волости, Троицкая церковь не имела алтарной абсиды в виде восточного прируба. Ее алтарь размещался в одной клетке с собственно церковью и отгораживался от помещения для молящихся прихожан сплошной стеной иконостаса тябловой конструкции. До сих пор гнезда для крепления балок-тябл, на которых в ряд стояли иконы, сохранились на северной стене внутри церкви. Алтарь в форме пятигранного прируба (иначе «круглый»), существующий ныне у Троицкого храма Свяжска, по всей вероятности, не мог быть срублен ранее второй половины XVII века. В пользу такого предположения свидетельствуют сведения о верхоценских храмах, у которых алтарных прирубов было

мало даже к концу 1670-х годов, а «круглые» абсиды имели только монастырские церкви.

Судя по высоте существующего подпольного пространства, Троицкая церковь не была поземной. Представление о том, как могло использоваться основание деревянного клетского храма, дают писцовые книги Верхоценской волости [68]. Из них известно, что больше чем у половины храмов, включенных в описи, собственно церкви, алтари и трапезные рубились «на подклетах», а в одном случае – «на взмосте». В срубке «на взмосте» подпольное помещение никак не использовалось и, вероятнее всего, оставалось без входа снаружи, в отличие от подклета, который, как правило, служил для хозяйственных нужд как склад, амбар-хранилище и имел внутри пол и другие конструкции, например, закрома. Неслучайно поэтому существовала одна верхоценская «церковь <...> с трапезою, на подклетах теплых» [68]. В свяжской Троицкой церкви подпольное помещение, как и все остальные части здания, всегда оставалось холодным: в пазах сруба нет следов утеплителя.

Почти неизменной частью церквей Верхоценской волости была паперть: она не отмечена писцами только у трех приходских и у обоих монастырских храмов. Все паперти имели каркасную конструкцию: между столбами «забираны досками». Но располагались они неодинаково. Паперти были устроены «около церкви и трапезы» с трех или двух (с западной и одной из боковых) сторон. Еще один вариант расположения паперти – только «перед трапезою» с запада. Существующая ныне паперть Троицкой церкви построена намного позднее самого сруба. Была ли первоначально у этого храма паперть и какого устройства – следует уточнить по натурным данным.

Несмотря на то, что, по определению писцов, большинство приходских церквей Верхоценской волости относились к общей типологической группе – были «древянна, клецки», завершались они по-разному, причем не всегда имели главу. В одних случаях над церковью возвышался только крест: ни главы, ни какого-либо иного основания под ним не было. В ряде случаев писцы указывают: «на церкви клетка четверугольная, на ней крест опаиван белым железом». Из описания ясно, что у этих церквей главы нет, но под крестом поставлен сруб, вероятно, небольших размеров, который непосредственно венчается крестом. Наконец, есть один пример, когда церковь «<...> древянна клецки, с трапезою, на подклетах <...>. На церкви верх шатровой» [68]. Принимая во внимание эти сведения, необходимо провести тщательное исследование, чтобы выяснить, как могла завершаться Троицкая церковь в Свяжске.

Примечания

1. Церковь перевезена в Музей-заповедник «Кижский», датируется по результатам дендрохронологических исследований.
2. Церковь перевезена на территорию Кирило-Белозерского историко-архитектурного и художественного музея-заповедника, датируется по результатам дендрохронологических исследований.
3. Шургин И.Н. Кенозерские часовни // Живая старина. М., 1999. № 2. С. 18–21; Филиппов О.С., Павич И.А. Кенозерские часовни. Особенности архитектурных решений и некоторые проблемы реставрации // Деревянное зодчество. Новые исследования и открытия. М.; СПб., 2010. С. 227–248.
4. Здесь и далее выделено нами. – И. Ш.
5. Например, часовня Михаила Архангела из деревни Леликозеро (перевезена в Кижский музей), часовня Варвары в деревне Селецкое Медвежьегорского района Республики Карелии, часовня (с 1864 г. – церковь) Ильи Пророка в деревне Суйсарь Петрозаводского района Республики Карелии и др.
6. Автор настоящей главы благодарит А.В. Давыдова за любезно предоставленные копии фотоснимков из альбома А.В. Богородского.
7. Например, церкви: Флоролаврская (1679 г.) «что на Кулде»; Ризположения (1485 г.) из деревни Бородава (по наблюдениям А.В. Попова); Богородицерождественская (1530-х гг.) из села Передки и др.
8. Здесь и далее выделено нами. – И. Ш.
9. Ныне – Шенкурский район Архангельской области.
10. Приморский район Архангельской области. Церковь стоит на своем первоначальном месте, рядом с музеем-заповедником «Малые Корелы» под Архангельском.
11. В поморских судах «РЫБИНА ... один из брусев, которыми огибаются опруги [шпангоуты] вдоль». [24, с. 117].
12. Опубликованы два чертежа В.В. Сулова: план и северный фасад Никольской церкви.
13. Какого времени потолки-перекрытия в прирубках, без тщательного целенаправленного исследования определить затруднительно. Вполне возможно, что они были сделаны сразу при строительстве храма, в то время как шатер оставался открытым.
14. В прошлом Верхнее Подвинье – это Сольвычегодский уезд Вологодской губернии, ныне – Верхнетоемский и Красноборский районы Архангельской области.
15. И.И. Томский в 1921 году был заведующим сольвычегодского Отдела охраны старины, затем первым директором местного музея. Принимал участие в экспедиции П.Д. Барановского на Малую Пинежку и Выю в августе 1921 года. Об этой экспедиции см.: [63, с. 170].
16. Вполне возможно, что в Никольском храме села Лявли клиросы тоже находились при входе в собственно церковь, но они не сохранились, а следы от их конструкции никто не искал.
17. На эту публикацию автору статьи любезно указал В.А. Бокарев.
18. Пинежский район Архангельской области.
19. Сольвычегодского уезда Вологодской губернии. Ныне это деревня Нижняя Красноборского района Архангельской области.
20. В Верхнем Подвинье такие окна встречаются в большинстве храмов разных типов XVII–XVIII веков. Они выходили как на галереи-паперти, так и в трапезные.
21. Ныне это территория Подпорожского района Ленинградской области.
22. Здесь и далее выделено нами. – И. Ш.
23. Усть-Кубенский район Вологодской области. Об исследовании и реставрации Успенской церкви см.: [26, с. 31–37].
24. Источником для датировки послужили сведения из публикации см.: [79, с. 36].

25. Ныне село Шуерецкое Беломорского района Республики Карелии.
26. Ныне Тарногский район Вологодской области.
27. Вышний Волочок – город, районный центр Тверской области.
28. Приморский район Архангельской области.
29. Боровичский район Новгородской области.
30. В.В. Суслов ссылается на писцовую книгу по городу Холмогоры за 1623–1624 годы, в которой Успенская церковь значится «древяна вверх», а не крещатая.
31. Выйский погост находится в Верхнетоемском районе Архангельской области. Ныне Верхнетоемский район Архангельской области. Об архитектуре и истории Георгиевской церкви Среднепогостского прихода см.: [88, с. 98–116].

Заключение

Троицкая церковь – один из немногих памятников деревянного зодчества, который находится сейчас в относительной физической безопасности. После проведенных ремонтно-консервационных работ под руководством Б. Лурье здесь не протекают крыши, не гуляет ветер, не прогибаются полы под ногами многочисленных посетителей. Но состояние отдельных конструкций памятника, привнесенные в него новые материалы и несвойственные изначально данному храму конструкции, общий облик его в новом декоре – все приводит к мысли о незаконченности процесса реставрации, настоятельной необходимости проведения научно-реставрационных работ, способных вернуть храму былое величие и запоминающийся выразительный образ.

Исследования, проведенные архитекторами реставрационного центра под руководством А.В. Попова, позволили уточнить многие вехи жизни памятника. Да, по наблюдениям, это не тот первый храм, что был построен на Круглой горе в 1551 году перед взятием Казани войсками Ивана IV, но это вовсе не означает того, что от этого храм стал менее значимым, менее привлекательным, менее интересным. Во-первых, потому, что в силу особого статуса в Свяжске сохранился освященный престол с посвящением Святой Троице не просто в одном из храмов острова-града, а в деревянном храме, унаследовавшем, пусть не в полной мере, образ и подобие того исторически значимого храма, что встал на пути русского воинства в 1551 году. Таким образом, связь с событиями многовековой давности здесь, несомненно, присутствует.

Деревянное русское зодчество обладает несомненным достоинством – оно способно внятными языком ретранслировать тот багаж знаний строительной культуры, что по крупицам собирался и копился народом. Современное грамотное «прочтение» памятника, расшифровка его форм, конструкций, деталей, даже следов конструкций позволяют понять, как, каким образом возник данный памятник. Какими соображениями руководствовались древние строители – «плотные мастера», выполняя, к примеру, встроенные в конструкции сруба полы, потолки. Как работала творческая мысль при возведении самцово-слежных крыш. Таким образом, нам становится

понятным способ возведения деревянных срубов, характер угловых рубок, применявшиеся при этом конструктивные приемы выполнения перекрытий, заполнения оконных и дверных проемов, способы выполнения элементов убранства. Внятная форма, отработанные приемы технологических циклов – все влечет за собой ясный, кристально чистый, выразительный, конструктивно оправданный облик храма. Немаловажна роль материала, который употреблялся для возведения церкви. Конечно, прежде всего это сосна, дерево, которое веками может стоять в конструкциях, как пример – церковь Положения Риз и Пояса из Бородавского погоста, построенная в 1485 году. Сруб храма, его основные конструкции, выполненные из сосны, существуют более трех столетий и вселяют надежду, что при должном уходе эту веку культуры народа увидят будущие поколения, способные оценить, а возможно, сделать вечными, национальные исторические ценности.

Таким образом, реставрация должна вернуть памятнику не только прочность конструкций, выполненных из «родных» материалов, но, что очень важно, художественно-выразительный облик, которым, несомненно, обладала Троицкая церковь. Речь не идет о физическом насильственном уничтожении всех ранее прослеженных наслоений. Наоборот. Нельзя было при проведении ремонтно-консервационных работ уничтожать главу и тот намоленный поколениями христиан крест, что стоял в конструкции памятника к моменту его ликвидации уже двести лет. Этот элемент храма был «моложе» его основных конструкций всего на сто сорок лет. Почему глава-новодел оказалась лучше, чем элемент храма, сжившийся с ним, придававший храму законченный облик? Ответа нет. И таких вопросов множество. Они будут возникать по мере жизни храма в уготованных ему рамках. В скором времени проявит себя несовершенство кровельных покрытий, могут возникнуть и другие угрозы – к примеру, разрушение конструкций биопоражениями. Так или иначе, памятник требует новых вмешательств, но главное, не упустить время, не затянуть с проведением реставрации, об этом неоднократно писал и говорил Б.Д. Лурье, который в самом конце жизни занимался его изучением и руководил работами на памятнике.

Список литературы

I. Архивные материалы

1. Архив Ленинградского Отдела Института истории, ф. 5, оп. 2, д. 15.
2. Государственный архив Астраханской области, ф. 1408, оп. 2, д. 2.
3. Государственный архив Вологодской области, 496, оп. I, д. 2955.

II. Литература

4. Агафонов С.Л. К вопросу об открытых внутри шатрах в русском деревянном зодчестве // Архитектурное наследие. М., 1952. № 2.
5. Акты археографической экспедиции. СПб., 1836. Т. 4.
6. Альбом Мейерберга. Виды и бытовые картины России XVII века. СПб., 1903.
7. Архангельские епархиальные ведомости. Архангельск, 1889. № 1.
8. Архангельские епархиальные ведомости. 1908. № 22.
9. Архитектура и ландшафты России. Красная книга. Предостережение. М., 2003.
10. Архитектурное наследие Великого Новгорода и Новгородской области. СПб., 2008.
11. Балахнинский район. Иллюстрированный каталог памятников истории и культуры. Нижний Новгород, 2011.
12. Баталов А.Л. Церковь Воскресения в селе Городня и развитие типа шатрового храма // Московская Русь. Проблемы археологии и истории архитектуры. К 60-летию Леонида Андреевича Беляева. М., 2008.
13. Бодэ А.Б. Русское деревянное зодчество. Произведения народных мастеров и вековые традиции. М., 2012.

14. Бодэ А.Б. Сретено-Михайловская церковь в Красной Ляге. [Б. м.], 2012.
15. Бочаров Г., Выголов В. Вологда. Кириллов. Феррапонтово. Белозерск. М., 1974.
16. Вахрамеева Т.И. Реконструкция Ильинской церкви в деревне Задняя Дуброва // Проблемы исследования, реставрации и использования архитектурного наследия Карелии и сопредельных областей. Межвузовский сборник. Петрозаводск, 1985.
17. [Вахрамеева Т.И., Кургузова Е.Е.] Богоявленская церковь села Челмужи. [Петрозаводск, 1985].
18. Вологодские епархиальные ведомости. 1866. № 24. Прибавления.
19. Воронин Н.Н. Зодчество Киевской Руси // История русского искусства. М., 1953. Т. 1.
20. Гнедовский Б.В., Добровольская Э.Д. Вокруг Архангельска. М., 1978.
21. Горностаев Ф.Ф., Грабарь И.Э. Деревянное зодчество русского севера // Грабарь И. История русского искусства. М., [1910]. Т. I.
22. Давыдов А. Древнейшая из шатровых // Памятники архангельского Севера. Архангельск, 1991.
23. Давыдов А.И. Судьба деревянных храмов Балахнинского уезда Нижегородской губернии // Народное зодчество. Межвузовский сборник. Петрозаводск, 2007.
24. Даль Владимир. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1981. Т. 4.
25. Даль Л.В. Древние деревянные церкви в России // Зодчий. СПб., 1875. № 6.
26. [Добровольская Э.Д. (автор-составитель)] Памятники народного деревянного зодчества России в творчестве Бориса Гнедовского. М., 2000.
27. Забелин И.Е. Русское искусство. Черты самобытности в древнерусском зодчестве. М., 1900.

28. Забелло С.Я., Иванов В.Н., Максимов П.Н. Русское деревянное зодчество. М., 1942.
29. Заручевская Е.Б. Плотник Василий Корсаков и его храмы // Деревянное зодчество. Новые исследования и открытия. М., 2010.
30. Заручевская Е.Б. Церковь Николая Чудотворца в селе Зачачье Архангельской области (новые материалы об архитектуре храма) // Традиционная культура Русского Севера: истоки и современность: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 45-летию музея «Малые Корелы» (Архангельск, 8–11 июля 2009 года). Архангельск, 2010.
31. Зодчий. СПб., 1875. № 6.
32. Известия Императорской археологической комиссии. СПб., 1911. Вып. 41.
33. Известия Императорской археологической комиссии. СПб., 1914. Вып. 52.
34. Ильин М.А. Русское шатровое зодчество. М., 1980.
35. Иоаннисян О.М. Деревянные храмы домонгольской Руси // Успенская церковь в Кондопоге: Сборник статей по материалам конференции. Кондопога – СПб., 1994–1996.
36. ИИАК. СПб., 1911. Вып. 11.
37. ИИАК. СПб., 1911. Вып. 39.
38. ИИАК. Пг., 1911. Вып. 41.
39. ИИАК. Пг., 1916. Вып. 61.
40. История Российской иерархии, собранная Новгородской семинарии префектом, философии учителем соборным иеромонахом Амвросием. М., 1807. Ч. 1.
41. История русского искусства. М., [1910]. Т. I.
42. История русского искусства. М., 1955. Т. 3.
43. Камкин А.В. Православная церковь на Севере России: Очерки истории до 1917 года. Вологда, 1992.
44. Кокорина Д.А. Малая Пинежка (очерки краеведа). Котлас, [б. г.].
45. Коляда М.И. По Свири // Андреева Л. А., Коляда М. И., Кондратьева Е. В. По Ленинградской области. Л., 1978.
46. Коляда М.И. Реставрация церкви Рождества Богородицы в деревне Лиственка // Народное зодчество. Межвузовский сборник. Петрозаводск, 1998.
47. Красноречьев Л.Е. Народное деревянное зодчество Новгородчины. Витославицы. Великий Новгород, 2014.
48. Красноречьев Л.Е. Народное деревянное зодчество Новгородчины. Великий Новгород, 2012.
49. Красовский М. Курс истории русской архитектуры. Часть 1. Деревянное зодчество. Пг., 1916.
50. Краткое историческое описание приходов и церквей Архангельской епархии. Архангельск, 1895. Вып. 2.
51. Крохин В.А. Возведение шатровых покрытий в деревянном зодчестве Русского Севера // Архитектурное наследие и реставрация. М., 1986.
52. Крохин В.А. Высотные памятники архитектуры в Архангельском музее деревянного зодчества // Материалы международной научно-практической конференции «Музеи под открытым небом в современных условиях». Архангельск, 1995.
53. Владимир Анатольевич Крохин // Малые Корелы. Сборник. Архангельск, 2013. Вып. 1.
54. Крохин В.А. Реставрация Вознесенской церкви и колокольни в селе Кушерека Архангельской области // Архитектурное наследие и реставрация. М., 1988.
55. Лидов А.М. Иерусалимский кубуклий. О происхождении луковичных глав // Иконография архитектуры. М., 1990.
56. Макарий (Булгаков). История русской церкви. М., 1996. Кн. 6.

57. Максимов П.Н., Воронин Н.Н. Деревянное зодчество XIII–XVI веков // История русского искусства. М., 1955. Т. 3.
58. Малков Ю.Г. Новгородская земля в рисунках Антониса Хутеериса (1615 год) // Древний Новгород. История. Искусство. Археология. Новые исследования. М., 1983.
59. Мамонтова пустынь. Документы, относящиеся к истории пустыни, собранные членом Архивной комиссии П. И. Пискаревым. Тамбов, 1887.
60. Неизвестная Россия. К 300-летию Выговской старообрядческой пустыни. Каталог выставки. М., 1994.
61. Носкова А.Г., Котынцева И.А., Ермолина А.Н. «Круглые от пошвы» храмы Онежско-Ладожского Межозерья XVII в. // Деревянное зодчество. Новые материалы и открытия. М. – СПб., 2015. Вып. IV; Носкова А.Г. Георгиевская церковь в Юковичах и Воскресенская в Важинах: неизвестные страницы истории известных памятников // Деревянное зодчество. Новые материалы и открытия. М. – СПб., 2018. Вып. VI.
62. Оксенюк Анатолий. Экспедиции П. Д. Барановского на Русский Север в 1920–1930-е годы // Русское деревянное. Взгляд из XXI века. Архитектура XIV–XIX веков. М., 2015.
63. Ополовников А.В. Лазаревская церковь Муромского монастыря // Архитектурное наследие. М., 1969. № 18.
64. Ополовников А.В. Русское деревянное зодчество. М., 1986.
65. Ополовников А.В. Сокровища Русского Севера. М., 1989.
66. Орфинский В.П. Древнейший деревянный клетский храм России – церковь воскресения Лазаря из Муромского монастыря // Народное зодчество. Межвузовский сборник. Петрозаводск, 1999.
67. Писцовая книга старых сел Верхоценской волости Тамбовского уезда // Известия Тамбовской Архивной комиссии. Тамбов, 1888.
68. Попов А., Шургин И. О воссоздании русской плотничной технологии XVII–XVIII вв. при реставрации церкви Дмитрия Солунского в селе Верхняя Уфтюга. М., 1993.
69. Попов В.И. Освящение преосвященным Нафанаилом воссозданного древнего храма во имя св. и чудотворца Николая в Зачаческом приходе Холмогорского уезда // Архангельск, 1915. (Из Арх[ангельских] Епарх[иальных] вед[омостей]. 1915 г.).
70. Попов Виктор. «Самая древняя и изумительная...» // Витославицы. Альманах. Великий Новгород, 2014. Вып. 3.
71. Прохоров В.А. О древнем деревянном храме в Ребовском погосте Тихвинского уезда, Новгородской губернии // Известия Императорского русского археологического общества. СПб., 1884.
72. ПСРА. Устюжские и Вологодские летописи XVI–XVIII вв. Л., 1982. Т. 37.
73. Самойлов Ю.Г. Казанская церковь XVII в. в с. Юрино Нижегородской области (исследование и реставрация) // Ученые записки Волго-Вятского отделения Международной славянской академии наук, образования, искусств и культуры. Нижний Новгород, 1999.
74. Сергеева Н., Шургин И. Дендрохронологические исследования в практике реставрационных работ Всесоюзного объединения «Союзреставрация» (1979–1986) // ГБЛ. Культура и искусство в СССР. Серия: Реставрация памятников истории и культуры. Экспресс-информация. М., 1987. Вып. 7.
75. Сергеева Н., Шургин И., Черных Н., Урьева А. Дендрохронологические исследования дерева церкви воскресения Лазаря из бывшего Муромского монастыря // ГБЛ. Культура и искусство в СССР. Серия: Реставрация памятников истории и культуры. Экспресс-информация. М., 1987. Вып. 7.
76. Спегальский Ю.П. Жилище северо-западной Руси IX–XIII вв. Л., 1972.
77. Суворов Н. Исторические сведения об иерархах Древне-пермской и Вологодской епархии // ВЕВ. 1865. № 22. Часть неоф.
78. Суворов Н.И. Описание Спасо-Каменного, что на Кубенском озере, монастыря. Вологда, 1893.

79. Суслов В.В. Памятники древнего русского зодчества. СПб., 1899. Вып. V.
80. Суслов В.В. Памятники древнего русского зодчества СПб., 1901. Вып. VII. Приложение к седьмому выпуску. «Церковь Владимирской Божией Матери на Белослудском погосте...».
81. Суслов В.В. Памятники древнего русского зодчества. СПб., 1901. Вып. 1–7 [Репринт. М., 2013]. Вып. 1.
82. Томский И.И. Малая Пинежка и Выя. (Топографо-исторический очерк). Сольвычегодск, 1922. (Оттиск из журнала «За работу».)
83. Хутеериса // Современный художественный музей. Л., 1980.
84. Шенников А.А. Длинный дом и крытый двор. СПб., 1992.
85. Шенников А.А. Крестьянские усадьбы XVI–XVII веков (Верхнее Поволжье, северо-западная и северная части Европейской России) // АН. М., 1963. № 15.
86. Шенников А.А. Русское деревянное зодчество начала XVII века по книге А. Хутеериса // Современный художественный музей. Л., 1980.
87. Шургин И.Н. Две малоизвестные деревянные церкви XVII–XVIII веков бывшего Сольвычегодского уезда Вологодской губернии // Архитектурное наследие. М., 2010. № 52.
88. Шургин И.Н. Деревянные церкви первой половины XVII века без алтарного прируба // XVII век в истории и культуре Русского Севера. Материалы XII Каргопольской научной конференции. Каргополь, 2012.
89. Шургин И.Н. Исчезающее наследие. М., 2006.
90. Шургин И.Н. Новые данные об устройстве деревянных церквей на Русском Севере // Традиционная культура Русского Севера: истоки и современность: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 45-летию музея «Малые Корелы» (Архангельск, 8–11 июля 2009 года). Архангельск, 2010.

III. Интернет-издания

91. Попов А.В., Иванова Г.О. Отчет о проделанных реставрационных работах на памятнике архитектуры 1485 года «Церковь Ризположения из деревни Бородава» // [Электронный ресурс] / Попов А.В., Иванова Г.О. / – Режим доступа: www.rcapo.ru/arh/index.php?page=kirk&lang=ru

Приложение 1

ИССЛЕДОВАНИЯ
ДРЕВЕСИНЫ
ТРОИЦКОЙ ЦЕРКВИ

1. Материал и место отбора образцов древесины

Образцы древесины (радиальные керны) отбирались перпендикулярно продольной оси ствола с помощью немецкого бура PFUNDT-Schneidwerkzeugtechnik и аккумуляторного шуруповерта.

С каждого бревна из разных мест церкви отбиралось один или два керна. Предпочтение отдавалось тем местам, где присутствуют внешние годовичные кольца и выше их сохранность (Рис. 1–10).

Описание места отбора образцов древесины содержится в Таблице 1.

Высверленные керны помещались в специальные контейнеры, не позволяющие им ломаться или перемешиваться, и подписывались. Отверстия в бревнах запечатывались парафином.

Каждый образец древесины кодировался, код записывался на поверхности образца или контейнера. Первые три символа представляют собой сочетание букв латинского алфавита, которые обозначают код объекта (TR-Троицкая и пр.). Следующие два цифровых символа (от 01 до 99) обозначают номер модельного дерева, а последний цифровой символ (от 1 до 9) обозначает номер радиуса.

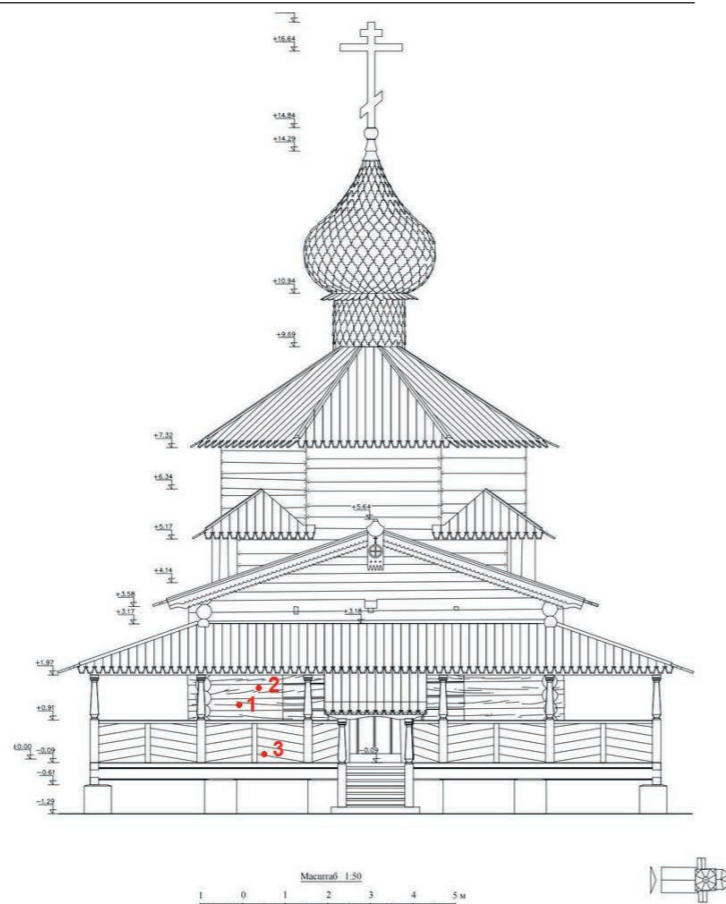

Рис. 1. Схема расположения мест отбора образцов древесины, западный фасад

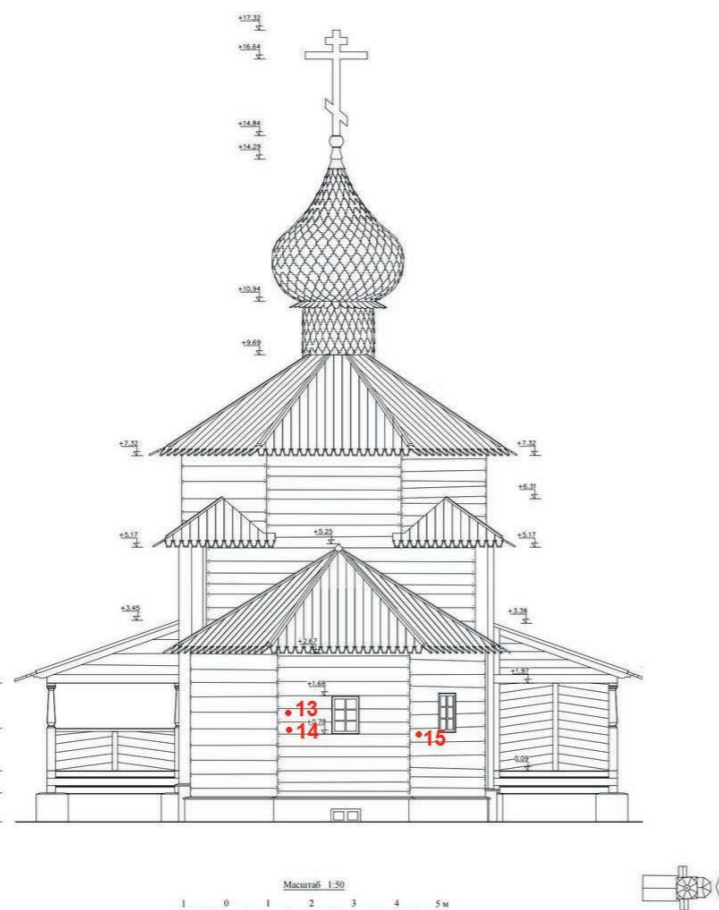

Рис. 2. Схема расположения мест отбора образцов древесины, восточный фасад

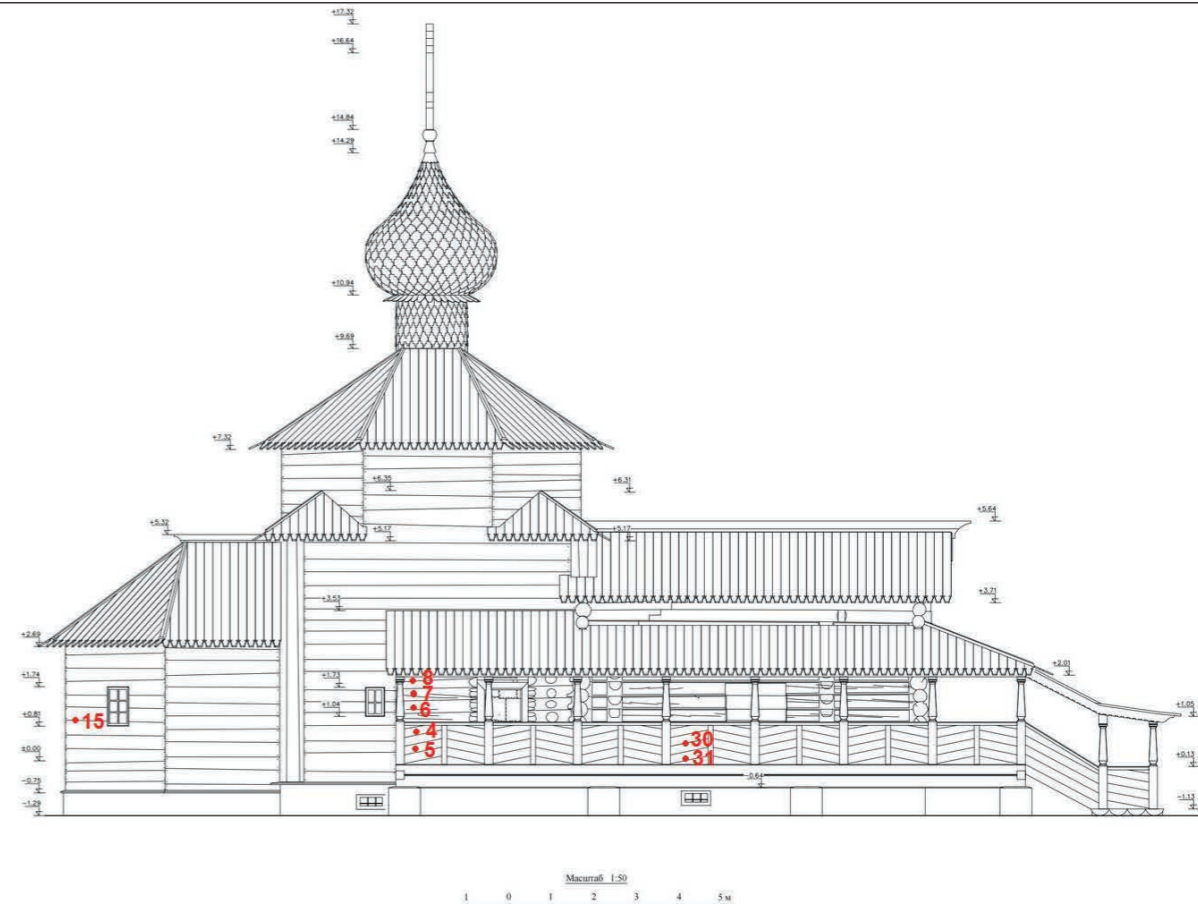

Рис. 3. Схема расположения мест отбора образцов древесины, северный фасад

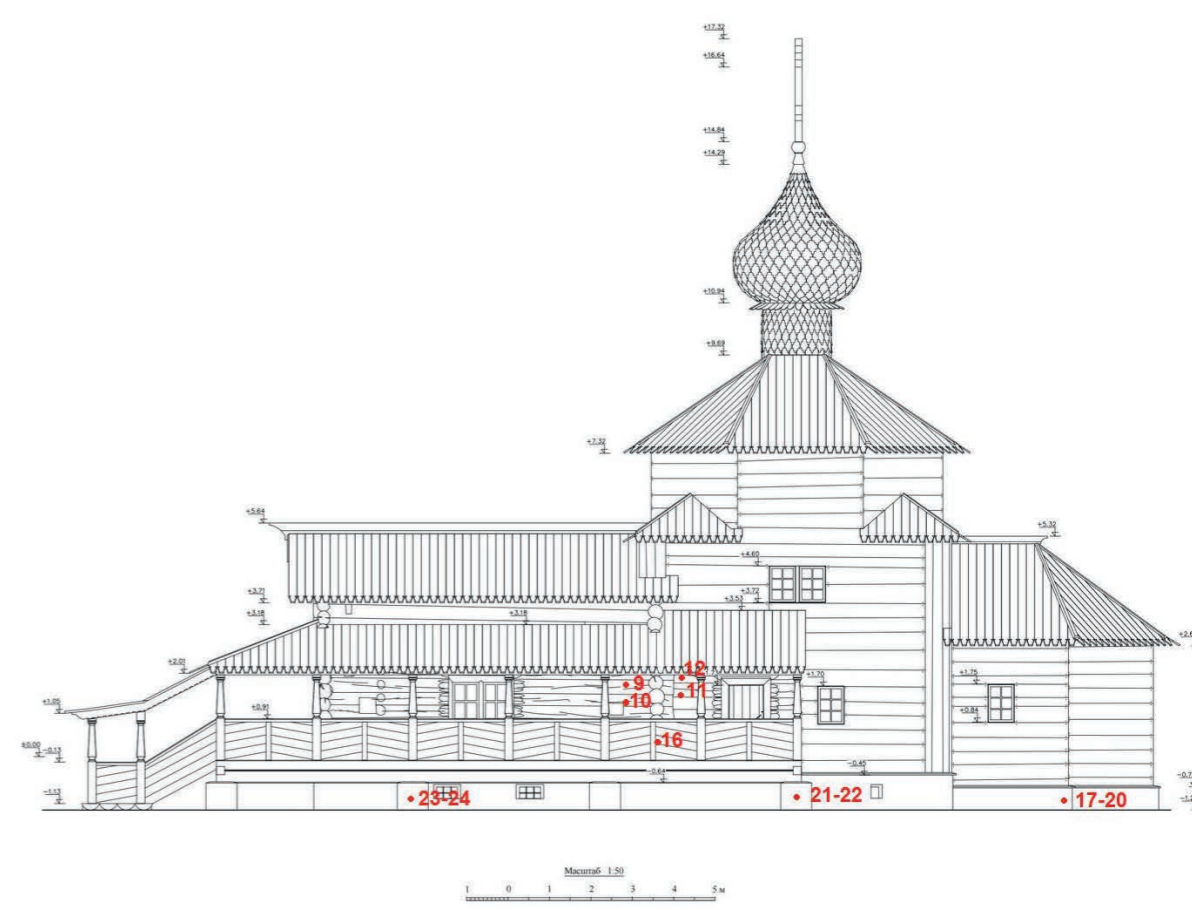

Рис. 4. Схема расположения мест отбора образцов древесины, южный фасад

Рис. 5. Западный фасад трапезной части церкви, TR01–03 (фото 2015 года)

Рис. 7. Южный фасад храмовой части церкви, TR11, TR12 (фото 2015 года)

Рис. 6. Северный фасад храмовой части церкви, TR04-08 (фото 2015 года)

Рис. 8. Восточный фасад алтарной части церкви, TR13, TR14 (фото 2015 года)

Рис. 9. Северный фасад алтарной части церкви, TR15 (фото 2015 года)

Рис. 10. Южный фасад трапезной части церкви, TR16 (фото 2015 года)

Таблица 1

Строительные бревна, балки и половые доски Троицкой церкви

№ образца	Часть храма	Фасад	Номер венца	Элемент здания	Анализ*
TR01	Трапезная	Западный	5	Бревно	Д, К
TR02	Трапезная	Западный	6	Бревно	К
TR03	Трапезная	Западный	2	Бревно	Д, К
TR04	Храмовая	Северный	4	Бревно	Д, К, Р
TR05	Храмовая	Северный	3	Бревно	Д,
TR06	Храмовая	Северный	6	Бревно	Р
TR07	Храмовая	Северный	7	Бревно	
TR08	Храмовая	Северный	9	Бревно	Д
TR09	Трапезная	Южный	6	Бревно	Д
TR10	Трапезная	Южный	5	Бревно	К, Р
TR11	Храмовая	Южный	7	Бревно	Р
TR12	Храмовая	Южный	8	Бревно	Д
TR13	Алтарная	Восточный	2	Бревно	К, Р
TR14	Алтарная	Восточный	3	Бревно	Д
TR15	Алтарная	Северный	2	Бревно	Д
TR16	Трапезная	Южный	2	Бревно	К, Р
TR17	Алтарная	Подклет	–	Балка	Д
TR18	Алтарная	Подклет	–	Балка	
TR19	Алтарная	Подклет	–	Балка	
TR20	Алтарная	Подклет	–	Балка	
TR21	Храмовая	Подклет	–	Балка	Д, К, Р
TR22	Храмовая	Подклет	–	Балка	Д
TR23	Трапезная	Подклет	–	Балка	Д
TR24	Трапезная	Подклет	–	Балка	Д
TR26	Алтарная	Подклет	–	Доска	Р
TR30	Трапезная	Северный	2	Бревно	К
TR31	Трапезная	Северный	1	Бревно	К, Р

* Примечание: Д – дендрохронологический,
К – ксилотомический,
Р – радиоуглеродный анализ.

Методика

Дендрохронологический анализ

Дальнейшая работа с образцами древесины проводится в лабораторных условиях. Керна наклеивались на специальную деревянную основу (рейка прямоугольной формы), а затем их поверхность тщательно зачищалась остро режущим инструментом или шлифовалась на ленточном шлифовальном станке

Prota BP-100. Для увеличения контрастности колец в зачищенную поверхность керна втирался мелко размолотый порошок мела. Качество зачистки гарантирует обнаружение чрезвычайно узких колец, часто имеющих всего один или два ряда клеточек (рис. 1).

Рис. 1. Внешний вид зашлифованного керна, взятого с бревна TR №03.

Ширина годовых колец измерялась на полуавтоматической установке LINTAB (Rinntech, Германия) с точностью 0,01 мм. По данным измерений строились графики абсолютного радиального прироста для каждого радиуса, которые мы использовали для датировки. Качество датировки оценивалось в программе COFESHA (Holmes, 1995). Для перекрестного датирования мы использовали статистические характеристики, рассчитываемые в программе Rinntech TsarWinTM (Rinn, 2011): Gkl – коэффициент синхронности, CDI – индекс перекрестного датирования, Gsl, t-value – достоверность и др.

Календарная датировка была получена с помощью перекрестного датирования плавающей хронологии, включающей все образцы, относительно шкала полученных нами в 2014 году по церкви Рождества Христова п. Русское Бурнашево Верхнеуслонского района Республики Татарстан и раскопа Татарская Слободка острова-града Свияжска.

Для определения места происхождения древесины был использован банк данных хронологий лаборатории дендрохронологии Института географии РАН и Института археологии (Москва).

Ксилотомический анализ

Для ксилотомического анализа были отобраны образцы древесины с разных бревен храмовой и трапезной части Троицкой церкви.

Для идентификации древесины были сделаны микропрепараты по методике Ф. Швайнгрубера, Х. Гартнер (2013). Определение вида по справочнику авторов В. Бенькова, Ф. Швайнгрубера (2004). Анатомические параметры изучались на тонких (до 20 мкм)

поперечных и радиальных срезах древесины, полученных с помощью микротомы GSL-1. Срезы были окрашены красителями астра-голубого (2%-ный раствор) и сафранина (1%-ный раствор) для контрастного разграничения нелигнифицированных и лигнифицированных тканей соответственно (Schweingruber et al., 2006). Окрашенные и промытые срезы помещали в каплю глицерина на предметное стекло. Окантовка препаратов была завершающей стадией подготовки окрашенных срезов древесины. Анатомическое строение полученных образцов изучалось при помощи системы анализа изображений Image analysis system (Carl Zeiss, Jena, Германия) и программного пакета AxioVision 4.8.

Радиоуглеродный анализ

Для радиоуглеродного анализа были отобраны по два образца внешних и внутренних колец (по три годовых слоя в образце) и измерено расстояние между кольцами для проведения статистической процедуры согласования.

Отобранные образцы были датированы методом ускорительной масс-спектрометрии (УМС или AMS) в радиоуглеродной лаборатории Швейцарской Высшей технической школы Цюриха (ETH Zurich, Швейцария). Образцы древесины были очищены от органических примесей последовательными процедурами с применением HCl и NaOH (ABA 60), в дальнейшем был получен графит, в котором на ускорителе было измерено содержание ¹⁴C изотопа (Hajdas, 2008; Stuiver, Polach, 1977).

Калибровка радиоуглеродных дат проводилась в программе OxCal v4.2.4 (Bronk Ramsey, 1995; Bronk

Ramsey, Lee, 2013) на основе калибровочной кривой IntCal 13 (Reimer et al., 2013). Процедура согласования вариаций радиоуглеродных дат wiggle-matching проводилась в той же программе OxCal v4.2.4. с использованием функции «D_Sequence» (Bronk Ramsey et al., 2001; Bronk Ramsey, 2009). Для статистической обработки полученных серий дат использовались в той же программе OxCal v4.2.4. функции «Combine», «R_Combine» (Bronk Ramsey, Lee, 2013).

Процедура wiggle-matching (метод согласования вариаций, или метод стыковки флуктуаций) использует уже известную разницу (шаг) в последовательности древесных колец и позволяет значительно сузить интервалы вероятностей получаемых калибровочных дат на основе байесовской статистики (Bronk

Ramsey et al., 2001). В России данная методика ранее применялась при радиоуглеродной датировке памятников I-го тыс. до н. э. – I тыс. н. э. на основе плавающих дендрохронологических датировок (сосна, лиственница) (Slusarenko et al., 2001; Kuzmin et al., 2004; Зайцева и др., 2007; Панин и др., 2014). Таким же методом датированы отдельные конструкции первых фортификационных сооружений Новгородского Детинца XI в. (Олейников, Долгих, 2015). На основе использования абсолютных дендрохронологических шкал по сосне и процедуры согласования вариаций сравнительно датированы дендрохронологическим и радиоуглеродным методами иконные доски XV–XVII вв. (Воронин и др., 2014; 2016; Voronin et al., 2015; Matskovsky et al. 2016).

Результаты

Ксилотомический анализ

Ксилотомический анализ 10 образцов, взятых из разных мест деревянной церкви, показал, что исследованная древесина относится к виду *Pinus sylvestris*

L., т. е. сосна обыкновенная (рис. 2, 3). Наличие вида из рода *Larix* не подтвердилось.

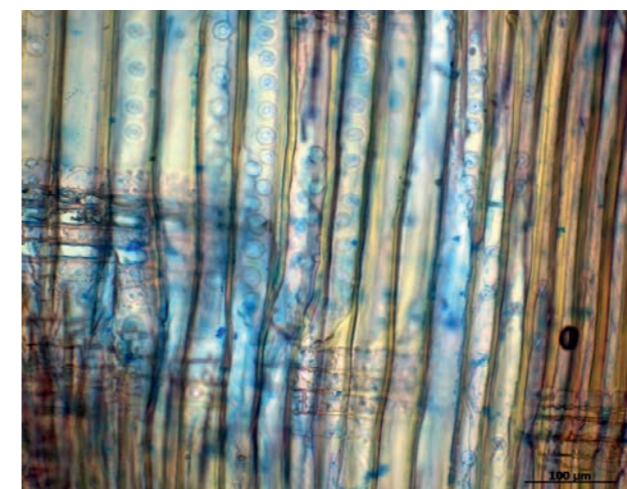

Рис. 2. Радиальный срез древесины, образец TR №2

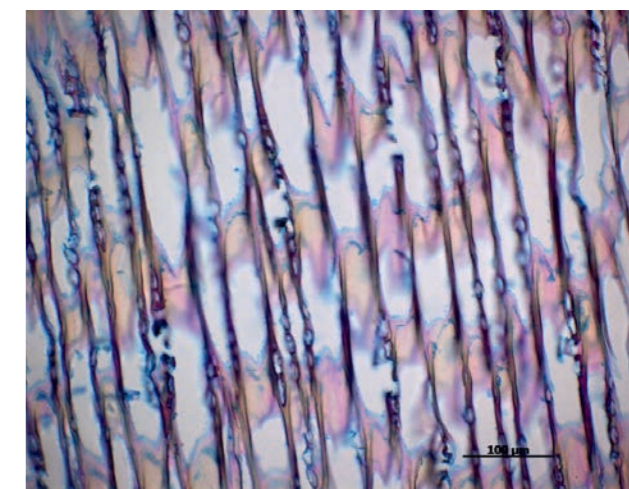

Рис. 3. Тангенциальный срез древесины, образец TR №2

Дендрохронологический анализ

В результате дендрохронологического анализа было построено 29 обобщенных древесно-кольцевых хронологий различной длины (рис. 3).

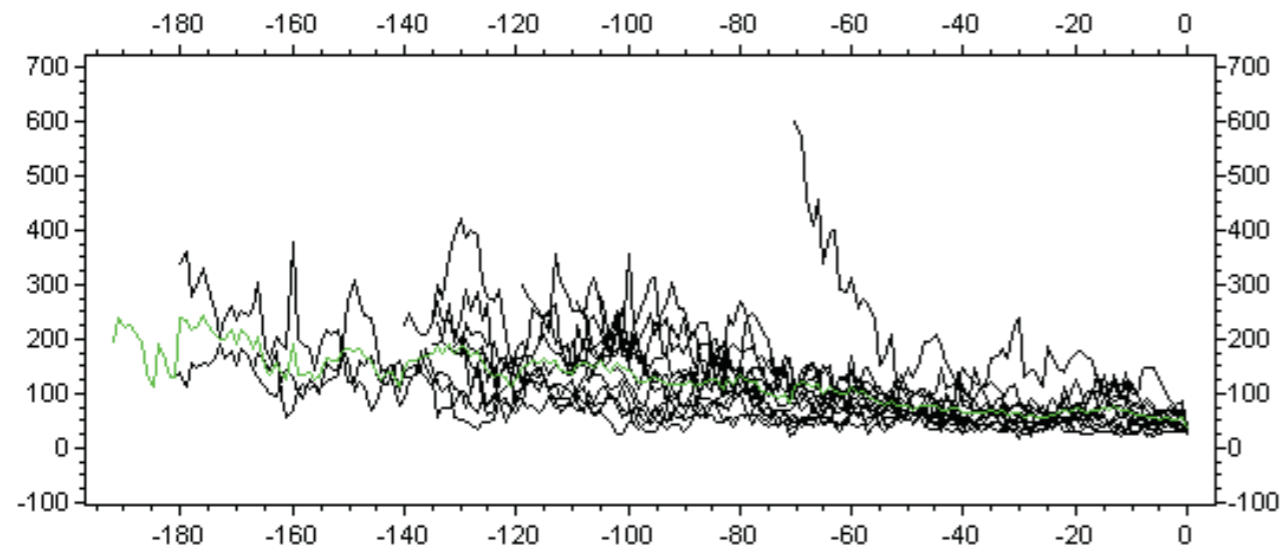

Рис. 3. Плавающие древесно-кольцевые хронологии, построенные по бревнам Троицкой церкви

Возраст деревьев, срубленных для постройки храма, в среднем составил 134 года, максимальный – 193 года (подклет).

Для проверки предположения об однородности

комплекса строительной древесины, полученные хронологии были сопоставлены между собой. У восьми деревьев была обнаружена высокая согласованность между собой (Табл. 2).

Таблица 2

№ образцов	Glk	Gsl	CDI	Разница, лет
TR01/03	63	**	23	-2
TR04/08	65	***	30	-3
TR04/14	61	***	33	-5
TR05/09	69	***	33	-3
TR14/22	64	***	29	-6
TR22/24	62	**	30	12

Примечание: ** – средняя, *** – высокая синхронность

Выявлена высокая связь у бревен северной и южной стены храмовой части. Интересным является то, что древесина алтарной части связана с храмовой и подвалом. По остальным образцам достоверной связи не обнаружено. На основе полученных результатов можно предположить, что церковь строилась как из привезенной, так и из местной древесины.

Для поиска связей с хронологиями, построенными по местной древесине, были взяты ряды (банк дан-

ных хронологий Dendrochron лаборатории продукционной экологии КФУ), построенные по объектам, расположенным в Верхнеуслонском районе Республики Татарстан: хронология BUR церковь Рождества Христова (1761 г.); хронология SVG раскоп Татарская Слобода (середина и конец XVI в.).

Высокие данные корреляции и синхронности указывают на то, что Троицкая церковь была построена раньше, чем церковь Рождества Христова на 93–120 лет (Табл. 3).

Таблица 3

№ образца	Значения корреляции и синхронности			Календарная дата внешнего кольца
	Glk	Gsl	CDI	
TR05	67	***	20	1641–1643
TR08	59	*	14	1651–1655
TR14	57	*	16	1661–1662
TR15	66	**	20	1648–1649
TR15	66	**	20	1667–1668

Полученное расхождение дат может указывать на то, что храм строился и перестраивался в разное время.

Сопоставление с хронологии SVG показало, что Троицкая церковь была построена в среднем на 100 лет позже, чем деревянные дома Татарской Слободки (раскоп от 2012 г., Свияжск). Эти данные подтверждаются по трем образцам. При этом были получены более высокие связи, чем с хронологией BUR. Обнаруженные связи могут указывать на местное происхождение древесины, из которой была построена наша церковь.

Также была проведена перекрестная датировка хронологий Троицкой церкви TR08, TR01, имеющих наилучшее качество сохранности колец, с хронологиями по церквям из других регионов России (Кирилло-Белозерский монастырь (Вологодская обл.), церковь на Ишне (Ярославская обл.), церковь Николая Чудотворца (Костромская обл.), церковь в Пияле (Архангельская обл.), Собор Богородицы (Костромская обл.). В результате анализа были полу-

чены низкие значения корреляции и синхронности, что свидетельствует о недостоверной датировке, t-value меньше 4. Следовательно, строительная древесина – местного происхождения. Для получения окончательного вывода о месте (местах) происхождения древесины храмового комплекса Троицкой церкви необходимо получить хронологии по деревянным памятникам Углича (Ярославская обл.).

На основе полученных результатов, можно предположить, что деревья в основном местного происхождения и были срублены в период с 1640 по 1670 г.

Радиоуглеродный анализ

При отсутствии абсолютных дендрохронологических датировок радиоуглеродное датирование дает единственную возможность получения дат для внешних древесных колец, максимально приближенных к абсолютной шкале времени. Полученные результаты радиоуглеродного анализа древесины представлены в Табл. 4.

Таблица 4
Результаты радиоуглеродного датирования древесины Троицкой церкви

Образец	Кольца	Разница (шаг)	Лабораторный индекс	14C возраст, лет назад	Калиброванный возраст, AD; 2σ (95,4 %)
TR04	внешние	134	ETH-60586	154±24	1666–1706, 1720–1784, 1796–1819
TR04	внутренние		ETH-62965	376±24	
TR06	внешние	110	ETH-60564	239±26	1647–1666, 1784–1795
TR06	внутренние		ETH-62966	342±23	
TR10	внешние	101	ETH-60566	250±26	1642–1665, 1785–1794
TR10	внутренние		ETH-62967	335±24	
TR11	внешние	113	ETH-60565	244±26	1646–1666, 1784–1795
TR11	внутренние		ETH-62968	329±24	
TR13	внешние	45	ETH-60562	180±19	1668–1681, 1738–1752, 1762–1782
TR13	внутренние		ETH-62973	389±24	
TR16	внешние	115	ETH-60561	251±25	1642–1665, 1785–1793
TR16	внутренние		ETH-62969	305±24	
TR20	внешние	57	ETH-60567	146±26	1668–1708, 1718–1782, 1796–1888
TR20	внутренние		ETH-62972	219±24	
TR31	внешние	112	ETH-62970	195±24	1655–1684, 1735–1806
TR31	внутренние		ETH-62971	340±24	

Полученные калибровочные данные имеют широкие интервалы от 100 до 300 лет (2σ , вероятность 95,4 %) (рис. 4). Данные проблемы калибровки радиоуглеродных дат характерны для мест «изгибов» и «плато» радиоуглеродной калибровочной кривой.

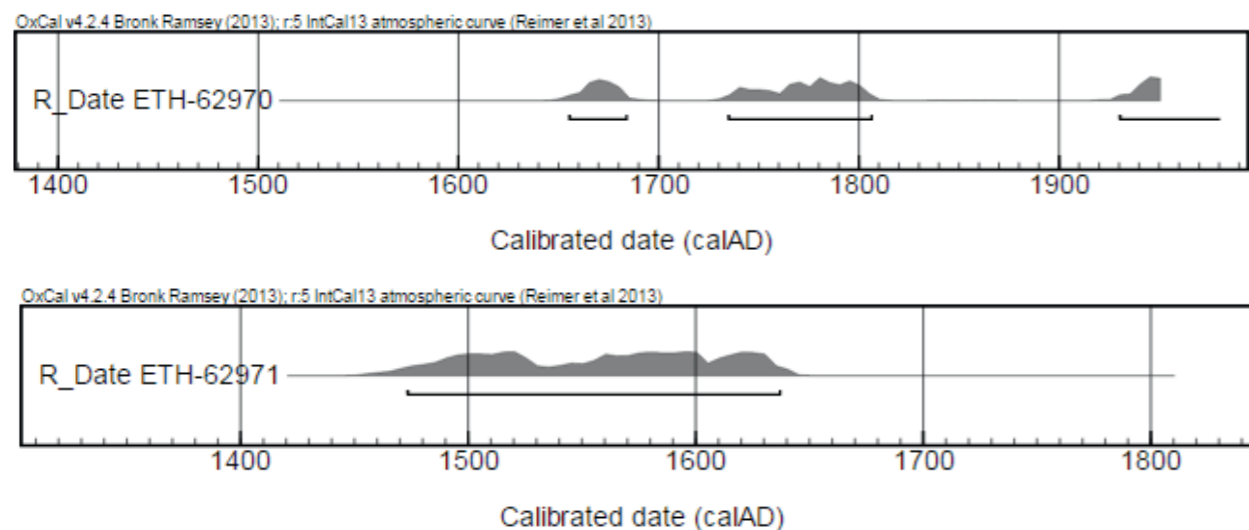

Рис. 4. Распределение калиброванных радиоуглеродных дат на примере образца TR №31. Слева для дат обозначены лабораторные индексы и некалиброванные интервалы. Черными скобками показаны калибровочные интервалы для дат (с расстоянием – 2σ , вероятность 95,4 %).

Поэтому для получения узких калиброванных интервалов был применен статистический метод согласования вариаций радиоуглеродных дат (wiggle-matching). Процедура wiggle-matching использует уже известную разницу (шаг) в последовательности древесных колец и позволяет значительно сузить ин-

тервалы вероятностей получаемых калибровочных дат на основе байесовской статистики (Bronk Ramsey et al., 2001).

После проведения процедуры согласования были получены более узкие калиброванные интервалы для внешних колец исследуемых бревен (Табл. 5).

Таблица 5

Результаты радиоуглеродной датировки внешних колец бревен статистическим методом согласования

№	Образец	Дата
1	TR04	1666–1706
2	TR06	1647–1666
3	TR10	1642–1665
4	TR11	1646–1666
5	TR13	1668–1681
6	TR16	1642–1665
7	TR20	1668–1708
8	TR31	1663–1680

Таким образом, радиоуглеродный возраст внешних колец бревен Троицкой церкви (TR) приходится в основном на период 1642–1708AD (вероятность

95,4 %), что подтверждается и дендрохронологическими данными.

ПРЕДЛОЖЕНИЕ ПО РЕСТАВРАЦИИ ПАМЯТНИКА ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗНАЧЕНИЯ – ТРОИЦКОЙ ЦЕРКВИ ГОРОДА СВЯЖСКА

Архитекторы Реставрационного центра в 2015–2016 годах проводили изучение, натурное обследование деревянной Троицкой церкви в Свяжске. Архитектурный комплекс монастыря, в котором находится Троицкая церковь, Постановлением Совета Министров РСФСР от 30.10.1960 № 1327 и Указом Президента РСФСР № 176 от 20.02.1995 взят на государственную охрану как памятник федерального значения.

Троицкая церковь по соотношению и взаиморасположению архитектурных масс относится к типу ярусных церквей. В настоящее время она состоит из кубического объема кафоликона, прирубленного к нему с востока пятигранного алтаря, с запада находится трапезная под двускатной крышей, немного превосходящая по площади кафоликон, но несколько ниже его, с севера, запада и юга строение обходит открытая галерея. С западной стороны к галерее примыкает односкатное крыльцо. Высокий объем кафоликона увенчан восьмериком и завершен луковичной главкой, крытой лемехом, которая утверждена на обшитом лемехом барабане (рис. 130).

Особенностью сваяжской Троицкой церкви является ее многослойность: сочетание традиционного по архитектуре, пропорциям, конструкциям более древнего ядра и объемов, конструкций, элементов, привнесенных при кардинальной перестройке, ремонтах в различные периоды жизни сооружения. Являясь объектом культурного наследия федерального значения, храм имеет, в соответствии с законодательством, утвержденный «предмет охраны», и в число охраняемых законом конструкций входят как древние части данного памятника, так и то, что было привнесено при перестройках в XVIII–XIX веках. В ходе изучения архитектуры церкви выявлен целый ряд элементов и конструкций, которые важно ввести в ранг «предмет охраны».

Охране подлежит ядро первоначального храма XVII века – два сруба (две клетки) трапезной и кафоликона. Эти срубы выполнены из круглых сосновых бревен «в чашу с остатком» (рис. 132), внутри имеют тесаные стены с круглыми углами. Стены в XIX веке были оскоблены. На внешней западной стене кафоликона выше перекрытия имеются врубки от установки слег первоначальной кровли над трапезной. Кроме того, в обвязке четверика храма сохра-

нились следы от первоначальной двускатной кровли по стропилам, следы от «кобылок» на восточном и западном бревнах обвязки.

Чердачное перекрытие сооружения и над трапезной, и над кафоликоном относится к первому строительному периоду. Оно сохранило свою конструкцию, состоящую из параллельных протесанных с трех сторон балок, установленных с небольшими промежутками по оси восток – запад и настла из тесин, соединенных между собой «в четверть», уложенных «в косяк» (рис. 159, 160) в пробранные в боковых плоскостях балок пазы (рис. 63, 64). Со стороны интерьера тесины остроганы в XIX веке. На балках также имеется маркировка. Все перечисленное входит в «предмет охраны».

Охране подлежат врубки в нижней части срубных конструкций для устройства лавок в трапезной и кафоликоме, относящиеся к начальному периоду жизни Троицкой церкви, а также сами конструкции более поздних лавок (рис. 118–122, 154, 155).

Перед кардинальной перестройкой, произведенной, предположительно, с конца 1730-х по 1742 год, бревна обеих клеток церкви были замаркированы, маркировка хорошо читается на отдельных бревнах сруба (рис. 15–33). Тесины и балки чердачных перекрытий кафоликона и трапезной со стороны чердака также имеют маркировку, нанесенную перед проведением кардинального переустройства храма с полной его разборкой (рис. 34, 35). Маркировка должна составлять «предмет охраны».

Охране подлежат пятигранный алтарь, рубленный «в лапу» из протесанных на два канта бревен (лафет) (рис. 51), а также узлы соединения между кафоликоном и пятигранным алтарем. В число охраняемых конструкций входит в алтарном прирубке стропильная конструкция крыши алтаря (шесть стропилин; столб) (рис. 52–54, 58, 60), старые прогоны под кровлю (рис. 52, 53, 56, 58), потолок на алтаре с матицей и всеми врубками на матице и на стенах, где потолок врезается в стены алтаря (рис. 65, 149), балка в пространстве чердака (рис. 59).

Охрана распространяется на конструкции большого и малого восьмериков. Большой восьмерик срублен «в лапу» из отесанных с одной стороны бревен, с затесками на их концах со стороны интерьера (рис. 44, 45, 146–148). Малый восьмерик срублен «в лапу» из лафета (рис. 46, 47). Охране под-

лежит и стоечно-балочная конструкция, врубленная в большой восьмерик, на которой установлен малый восьмерик (рис. 48, 49, 50). Кроме того, должна охраняться стропильная система восьмерика, с прогонами под кровлю, «выдра» в примыкании первой тесовой кровли на бревнах малого восьмерика (рис. 46), пазы под шпонки в стенах малого восьмерика, а также сами шпонки с затесками (рис. 47), «кобылки» в верхнем обвязочном венце восьмерика (сами кобылки и гнезда). Возможно, что кобылки, врубленные в верхнюю обвязку восьмерика, были сделаны в XVIII веке и к ним крепились «подпушка» тесовой кровли.

Предметом охраны являются сохранившиеся от первого периода существования храма оконные проемы и их заполнение, а также следы оконных проемов. В трапезной имеется два волоковых окна в южной стене (рис. 83–85, 150–152); в кафоликоне – волоковое окно в южной стене, заложное с фасада (рис. 82), и остатки волокового окна в северной стене (рис. 86). На южной стене во втором световом уровне имеется след первоначального косячатого «красного» окна, проем которого был заложен при переборке храма в XVIII столетии (рис. 87, 88).

К предмету охраны относятся оконные проемы и их заполнение, появившиеся в XVIII веке. В трапезной имеется двойное окно с тройными затесками на бревнах, вышедших «в свет» (рис. 92, 161), в кафоликоне – двойное окно в третьем уровне освещения с решеткой, трехгранными затесками, окна первого светового уровня на южной и северной стенах с установленными решетками, с затесками на концах подходящих к проемам бревен (рис. 89, 90), следы оконного проема вокруг южной двери (рис. 93). В число охраняемых конструкций в алтаре храма входят два четырехкосячатые окна в восточной и северо-восточной гранях с решетками и скобами под засов, в южной грани – трехкосячатое окно (рис. 40).

«Предмет охраны» должны составлять дверные проемы и их заполнение. В трапезной имеется первоначальный западный дверной проем, подвергнутый изменениям в XVIII столетии (рис. 97–99). На северной стене трапезной имеется заложный дверной проем, который вел в придел (рис. 118). Сохранившиеся возле проема следы позволяют понять направление и устройство лавок в интерьере разобранного при перестройке храма придела. В кафоликоне охране подлежат южный и северный дверные проемы и их заполнение со всеми следами предыдущих конструкций, а также кованый «наряд», что имеется у данных дверных полотен и дверных колод (рис. 93, 95, 96, 100–102).

Важным свидетельством жизни памятника являются следы от конструкций лесов в виде небольших квадратных вырубков для установки горизонтальных опор – «пальцев», выполненных в XVII столетии при строительстве храма (рис. 138), а также следы от конструкции подмостей под окнами, которые были прорублены в XVIII веке при кардинальной перестройке храма (рис. 139). В отдельных гнездах сохранились остатки опор-«пальцев», которые также подлежат сохранению (рис. 36–40, 93).

К предмету охраны относятся и конструкции, а также их следы, появившиеся в конце XVIII – XIX веке. К их числу относится кирпичный цоколь под трапезной, кафоликоном и алтарем с проходами и поставленными в них решетками (рис. 41–43, 140, 141), а также кирпичные столбы под балки. Охране подлежат полы с солеей и амвоном, сохранившиеся в церкви с 1853 года.

Факторы, повлиявшие на сохранность памятника деревянного зодчества, состояние основных конструкций

Деревянная Троицкая церковь XVII века на протяжении своего существования испытывала воздействие различных факторов, повлиявших на ее сохранность. В их числе немаловажное значение имеют климатологические факторы. Это, прежде всего, переувлажнение, высыхание, перепады температуры, инсоляция, ветровые нагрузки. Значительный урон деревянному памятнику нанесен биологическими факторами (мицелием грибов, паразитирующих на древесине; мхами и лишайниками, находящимися благоприятную почву на деревянных поверхностях; личинками жуков-древоточцев). Значителен физический износ, выразившийся в старении, растрескивании, истирании материалов. Многочисленны механические повреждения конструкций и их элементов.

К факторам, способствовавшим разрушению, как отдельных конструкций, так и в целом неблагоприятного состояния данного памятника деревянного зодчества, относятся также нарушение технологии и ошибки, допущенные при ремонтах и перестройках. К их числу относятся дефекты нововозведенного в 1797 году цоколя, отсутствие гидроизоляции, разубка восточной стены храма при прирубке пятигранного алтаря, разубка западной стены, почти полностью уничтоженной, небрежное выполнение сопряжений, врубок во введенных вновь элементах, некачественный материал, несвойственные памятнику материалы, введенные в его структуру при ремонтных работах. На состоянии памятника сказалось и длительное отсутствие должного ухода, мониторинга объекта культурного наследия.

Исследование показало, что деревянный храм продолжает разрушаться и нуждается в кардинальной реставрации.

Сохранность цоколя

Изначально Троицкая церковь, скорее всего, была поставлена на уплотненный грунт, что было характерно для деревянного зодчества начиная с древнейших времен вплоть до XX столетия. По всей вероятности, при полной переборке сооружения в конце 1730-х – начале 1742 года основанием церкви оставался уплотненный грунт. При ремонте 1797 года пять нижних венцов подклета заменили кирпичной кладкой. Возможно, при этом под цоколь подвели фундамент, но он до сего дня не обследован, и, таким образом, нет предмета для анализа. Однако косвенные подтверждения неблагополучия данной части сооружения можно видеть в том, как, в каком состоянии находится цоколь. Менее чем через столетие после выполнения кирпичной кладки возникла необходимость в ее ремонте, а также в удалении шестого венца срубов. Ремонтные работы 2011 года затронули в том числе кирпичный цоколь сооружения и нижний венец срубных конструкций, лежащий на цоколе. Но, ни в последний, ни в предыдущие ремонты не были проведены работы по гидроизоляции укладываемого на кирпичную кладку венца. Фундамент церкви, который подведен, вероятно, в 1797 году при возведении кирпичного цоколя, не исследован. При ремонтных работах 2011 года была выполнена вычинка кирпичного цоколя современным материалом.

Сохранность конструкций трапезной

Сруб трапезной выполнен из сосны. В нем недостает шести нижних венцов, которые были удалены частью в XVIII веке, при возведении кирпичного цоколя, частью – при ремонте в конце XIX столетия. Лежавший на кирпичном цоколе нижний венец срубной конструкции был заменен полностью при реставрационных работах 2011 года, при этом сруб трапезной утратил замкнутый контур. Восточная, общая с кафоликоном стена трапезной разублена в высоту почти до потолка, в ширину – до южной и северной стен прирубленного кафоликона. Наблюдается большое количество гнили в наиболее древних срубных конструкциях трапезной. Так, бревна восточной стены трапезной в углах сгнили от пола до потолка, поэтому горизонтальных соединений, начиная с окладного венца трапезной и до потолка, нет. Углы лишь частично вычинены новым материалом при ремонте 2011 года. Наблюдаются разрушения в подоконных бревнах, в конструкциях оконных заполнений. В отдельных бревнах сруба трапезной имеются следы жука-древоточца.

В основе надподвального перекрытия Троицкой церкви стоят балки, утвержденные на кирпичных столбах и прикладках к цоколю, по балкам выполнен

«черный пол» из плах, далее поставлены лаги или прогоны, по которым выполнен «чистый» пол. Существующий пол был сделан в 1853 году полностью из нового материала, кроме того, в 1885 году часть балок перекрытия была заменена, заменили и деревянные столбы кирпичными. К сегодняшнему дню элементы конструкции перекрытия и пол нуждаются в реставрации. Балки «черного» пола подлежат замене. Необходимы также значительные ремонтные вставки в составе «чистого» пола. Данное перекрытие никак не связано со срубной конструкцией, таким образом, потерян «диск жесткости» сооружения. На начальном этапе жизни церкви перекрытие было, скорее всего, непосредственно встроено в сруб.

Потолочное перекрытие в объеме трапезной относится к первому строительному периоду (по крайней мере, дендрохронологическое исследование 2015 года подтвердило раннюю датировку). В основе конструкции чердачного перекрытия трапезной имеется шесть черепных балок, установленных с небольшими промежутками. Они ориентированы по оси восток – запад. Покрытие выполнено из нетолстых тесин, соединенных «в четверть», уложенных «в косяк» в выбранные в балках пазы (рис. 160). Данная часть конструкции потребует реставрационных действий.

При ремонте 2011 года была осуществлена попытка воссоздать самцово-слежную кровлю трапезной. Из нового дерева был нарублен западный фронтон, выполнены слезы, которые своими концами просто вставлены в имеющиеся гнезда в бревнах восточной стены кафоликона. Таким образом, плотничное соединение между слезами и стеной, придающее необходимую жесткость и прочность подкровельной конструкции, отсутствует. По слезам набиты плиты ОСП, затем положен рубероид и выполнена кровля из ложенных досок. По коньку трапезной поставлен охлупень, закрепленный гвоздями, установлены стамики, которые в данном случае играют чисто декоративную роль (рис. 72). Конструкции крыши требуют полной замены, поскольку элементы новой крыши выполнены не по историческим технологиям, с введением несвойственных материалов.

В целом совокупность всех выявленных разрушений, деформаций, ослаблений конструктивных взаимосвязей привела к неудовлетворительному состоянию трапезной Троицкой церкви.

Сохранность конструкций кафоликона

Четырехстенный сруб кафоликона Троицкой церкви утратил, как и трапезная, шесть нижних венцов, кроме того, две стены – западная, общая с тра-

пезной, и восточная, смежная с алтарем, были почти полностью вырублены, что ослабило конструкцию клетки. Результатом этого стало ослабление южной и северной стен, которые имеют деформации. В перерубе церкви и трапезной имеются поврежденные гнилью соединения, которые при ремонтных работах не были заменены. В северной стене четверика, на уровне пола имеется протезированное бревно, которое не работает полноценно на жесткость конструкции. Стены кафоликона имеют разрушенные гнилью участки, а также поражения жуком-древоточцем.

Возвышающиеся над четвериком кафоликона восьмерики имеют большие поверхностные разрушения на бревнах, что потребует вычинки. Кроме того, малый восьмерик обшит по маякам осиновым лемехом и превращен в барабан непомерно разросшейся новой луковичной главы. Несвойственные памятнику конструкции должны быть удалены.

Надподвальное перекрытие кафоликона постигла та же участь, что и перекрытие в трапезной; т. е. оно выпилено и заменено новым в 1853 году, никак не связанным со срубовой конструкцией, кроме того, здесь нет связанного окладного венца, таким образом, объем кафоликона удерживают от деформации с запада – трапезная, с востока – пятигранный алтарь.

Чердачное перекрытие кафоликона имеет в своей основе пять балок. При ремонтных работах 2011 года из чердачного перекрытия храма удалены три подлинные балки и установлены новые. Концы новых балок вставлены в выпиленные для этого гнезда в восточном протезированном бревне четверика, что ведет к ситуации, когда балки и в целом потолок не работают как «диск жесткости». «Неработающие» балки подлежат обязательной замене, как и элементы покрытия, выполненные не по историческим технологиям.

Конструкция крыши восьмерика находится в удовлетворительном состоянии, однако при ремонтных работах 2011 года в ее структуру введены несвойственные памятнику материалы, заменены частично слезы, прогоны новым материалом, обработанным не историческим инструментом, что, естественно, требует проведения реставрационных работ.

Крыши над углами четверика имеют стропильную конструкцию. В их основе – недлинное стропильное бревно, верхним концом врубленное в стену большого восьмерика, нижним – в угол, образованный обвязочными бревнами четверика. Следует заметить, что крыши над углами изначально имели более высокий подъем. По крайней мере, над каждым из верхних концов стропил в стене большого восьмерика имеется неглубокое гнездо от первоначаль-

ной установки основного элемента крыш. Скорее всего, более низкий уровень угловых крыш четверика возник в связи с заменой деревянного кровельного покрытия на покрытие из листового железа, что произошло, согласно исследованию, не ранее 1839 года. В подкровельных конструкциях большая часть элементов имеет гниль и требует реставрационных действий или полной замены. Кроме того, в составе покрытия, как и всюду, при ремонте 2011 года введены плиты ОСП и рубероид, что требуется изъять при проведении реставрационных работ. Замене подлежат и покрытие из досок.

К началу ремонтных работ 2011 года храм завершился главой, покрытой металлом и выкрашенной в яркий зеленый цвет (рис. 73). Обшивка металлом была выполнена по журавцам, установленным с помощью шипов в гнезда, выбранные по самому краю старого кружала, установленного сверху малого восьмерика (рис. 78). В журавцы заподлицо с поверхностью их граней были врезаны элементы обрешетки из нешироких брусков (рис. 76). Глава данной конструкции, предположительно, была выполнена в 1810 году, и, таким образом, простояла до ее полного демонтажа при последнем ремонте ровно 200 лет.

В целом, конструкции храмовой части находятся в худшем состоянии, чем конструкция трапезной. Для объяснения этого есть свои причины. Прежде всего, высота храма больше, чем высота трапезной. Западная и восточная стены храма рублены, потому рубленая клетка не имеет в нижней своей части замкнутого контура, что привело к деформациям по оси север – юг. Кровли крыты тесом в два слоя, по ОСП с гидроизоляцией из рубероида, что не имеет отношения к историческим конструкциям подобных сооружений, малый восьмерик, обшитый в 1810 году металлом, обшит лемехом и превращен в барабан значительно увеличившейся в диаметре главы. Новая глава не имеет никакого отношения к памятнику и подлежит демонтажу.

Сохранность конструкций алтаря

Пятигранный алтарь Троицкого храма прирублен, предположительно, на рубеже 30–40-х годов XVIII века. Окладные венцы его были заменены при ремонте 2011 года, но введенные в конструкцию элементы несут следы обработки современным инструментом и требуют замены. В середине вырубленного между кафоликоном и алтарем проема установлен столб, который не позволяет срубам оседать равномерно, в результате чего углы проседают, а середина держится столбом. Следствием этого является явный выгиб стен внутрь. Первоначальный пол в алтаре вырублен одновременно с полом трапезной и церкви, таким образом, те функции по стабилизации конструкции, которые он исполнял в срубе,

у имеющегося пола отсутствуют. Чердачное перекрытие алтаря состоит из двух частей, прерываемых матицей (рис. 65). Оно достаточно хорошо сохранилось и не имеет явно видимых следов разрушения. Подкровельные конструкции алтаря с введенными при ремонте новыми элементами и материалами требуют реставрации. Косяки алтарных окон с фасадов находятся под обшивкой, их состояние невозможно оценить. Состояние алтарной части храма можно признать неудовлетворительным.

Галерея

Имеющаяся в настоящее время галерея, с трех сторон окружающая Троицкий храм (рис. 130), при ремонтных работах 2011 года заменила собой два крыльца 1819 года и западный притвор (рис. 2). Галерея соединена со срубом при помощи болтов (рис. 24). При ее возведении не были учтены врубки в стенах трапезной и кафоликона, предназначенные для установки конструкций предшествующей галереи. Эта часть сооружения весьма далека от подлинника XVIII века, что требует решения о дальнейшем ее существовании.

Основные предложения по реставрации

Памятник деревянного зодчества – Троицкая церковь XVII века из города Свияжска – обладает целым рядом особенностей, которые определяют подходы к ее реставрации, способы производства работ с использованием специфических приемов при их проведении. Предложения по реставрации Троицкой церкви определяют общие правила и принципы проведения реставрационных работ по сохранению объекта культурного наследия федерального значения и основываются на законодательных актах России, в том числе норм Федерального закона от 25 июня 2002 года № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации», также принимаются во внимание положения «Венецианской Хартии» 1964 года стандарты по реставрации деревянной архитектуры, принятые в 1999 году в Мехико, обобщившие международный опыт в области реставрации памятников деревянного зодчества, а также иные нормативные акты, принятые в Российской Федерации в последние десятилетия. Реставрация призвана не только продлить физическую жизнь памятника, исключив или значительно уменьшив влияние неблагоприятных факторов, перечисленных выше, но сохранить его индивидуальный облик, его эмоциональное, художественное звучание в общем контексте памятников деревянного зодчества, с одной стороны, с другой – памятник должен транслировать технические, технологические особенности, которые составляют главное достижение строительной культу-

ры как данного памятника, так и эпохи, в которую шло его формирование.

Материалы для реставрации Троицкой церкви

При проведении реставрации памятника деревянного зодчества предъявляются особые требования к качеству лесоматериалов. Все работы по сохранению деревянных конструкций должны быть выполнены из лесоматериалов, соответствующих 1-й группе качества в соответствии с ГОСТ 9463 и ГОСТ 9462.

Для реставрации срубовых конструкций Троицкой церкви должна использоваться древесина сосны, из которой они изначально выполнены. Бревна должны быть подготовлены из спелых необесоченных стволов, не имеющие видимых пороков. Для воссоздания кровельного покрытия церкви предлагается подготовить тес из древесины сосны вручную, т. е. тесины должны быть выполнены из прямослойных цельных стволов с помощью топора и других необходимых инструментов. Сосновые бревна при этом должны иметь менее плотную древесину, чем для реставрации срубов.

В качестве гидроизоляционного материала при проведении реставрационных работ на Троицкой церкви следует применить бересту, обладающую необходимой стойкостью, прочностью. Береста традиционно использовалась при выполнении тесовых кровель, установке окладного венца срубовых конструкций, крылец, подоконников. Перед укладкой в конструкции берестяные полотна должны шиться вматы узкими берестяными полосками, при этом береста сворачивается «охрой», т. е. внутренним слоем наружу.

В ряду материалов, которые предполагается использовать при проведении реставрации Троицкого храма – оцинкованная сталь для выполнения покрытия главы, железо для реставрации имеющихся кованых решеток, дверных петель, запорных устройств, выполнения кованых гвоздей для кровельных работ. В реставрационных процессах возможно применение армирующих материалов – металла, смол, пластика, а также использование новых технологий, апробированных и рекомендованных к применению на территории России. Введение новых материалов должно иметь обоснование в разрабатываемых проектных решениях.

Применяемые современные защитные пропитки с целью угнетения имеющейся неблагоприятной флоры в конструкциях и элементах памятника, огнезащита подкровельных конструкций не должны изменять структуру древесины, ее цвет, иные естественные характеристики, не оказывать негативного влияния на экологию. Продукция должна быть сертифицирована и допущена к применению в реставрации на территории Российской Федерации.

Способы проведения реставрационных работ на Троицкой церкви, реставрация отдельных конструкций

Троицкая церковь имеет сложное объемно-планировочное решение, значительный объем и вес. В составе конструкций имеется большой процент материала, требующего полной замены или проведения целого ряда реставрационных действий. Исходя из этого, реставрацию Троицкой церкви предполагается проводить способом полной переборки. Кроме того, предлагается перенос подлинного сооружения на новое место с организацией защитного устройства от воздействий внешней среды и выполнение копии в материале и формах подлинника на территории действующего монастыря.

Реставрация Троицкой церкви должна проводиться с использованием тех материалов, которые находятся в полном соответствии с материалом памятника, с применением ручных инструментов и исторических технологий, при этом главным требованием при производстве реставрационных работ остается максимальное сохранение подлинных элементов и конструкций. При вынужденном удалении того или иного элемента конструкции проводятся фотосъемка, описание, графическая фиксация. В каждом отдельном случае должен решаться вопрос о дальнейшем сохранении удаляемого элемента в качестве образца.

Способ переборки включает маркировку всех элементов и деталей памятника, составление маркировочных чертежей, разборку элементов (ручную и механическую) с обеспечением их целостности, тщательный осмотр каждого элемента и деталей с целью выявления следов от утраченных исторических конструкций, складирование разобранного материала на прокладках под навесами, проведение комплекса реставрационных мероприятий на каждой детали и элементе конструкции с фото- и графической фиксацией их состояния до реставрации и после проведения реставрационных действий.

Способ полной переборки имеет целый ряд преимуществ. И прежде всего, он позволяет вести изучение сооружения на протяжении всего периода реставрации, что дает возможность получать наиболее полную информацию о строительной культуре, уточнять ход и последовательность производства работ на этом памятнике. Данный способ позволяет своевременно вносить коррективы в проект реставрации в связи с выявленными особенностями памятника, не нашедшими отражения в проекте. Внимательное изучение каждого элемента памятника при полной переборке дает возможность определить весь спектр инструментария, который применялся строителями, что в дальнейшем позволит рекон-

струировать инструменты и применить их при ведении реставрационных работ. Очень важно выявить и реконструировать приемы выполнения различных плотничных операций, что позволит сохранить своеобразие как отдельных элементов, так и всего памятника в целом. Способ полной переборки дает возможность осуществлять качественную подгонку элементов сруба, а также проведение необходимых операций и реставрационных мероприятий на отдельных конструкциях в условиях специализированной реставрационной площадки или мастерской, что, несомненно, повышает качество работ.

Основные приемы, которые следует использовать при проведении работ по реставрации и сохранению Троицкой церкви, – протезирование, вставка, докомпановка, расчистка поверхности поврежденной древесины, полная замена отдельных элементов. Технология их выполнения отработана на множестве памятников. При установке «протезов», «вставок», «коронков» в процесс удаления древесины, утратившей естественные физико-механические свойства, допускается применение современного инструмента. При этом следует оставлять незначительную толщину элемента конструкции для окончательной выборки ручным инструментом, с тем чтобы нововведенная конструкция или элемент были близки подлинным по характеру обрuba, тески, рубки, общему виду поверхности.

Реставрация срубовых конструкций

В качестве кардинальной меры, позволяющей сохранить памятник на века, предлагаются его перенос на новое место и установка специально спроектированной ограждающей конструкции. Если такое решение будет принято, то логично воссоздать первоначальную структуру храма, выполнить нижнюю подклетную часть из древесины. Но установку памятника следует произвести не на грунт, а на бетонный ленточный фундамент, заложенный ниже глубины промерзания. Верхняя его поверхность не должна доходить до дневной поверхности приблизительно 0,1–0,12 м. Поверх его предлагается организовать валунный цоколь, возвышающийся на 0,2–0,3 м над уровнем земли. При этом элементы цоколя не должны выступать за границы монолитного фундамента. Возможна в данном случае и иная конструкция основания в виде фундамента с бетонным цоколем, возвышающимся над уровнем земли на 15–25 см без укладки валунного цоколя.

Поскольку мы должны воссоздать нижнюю подклетную часть храма из нового материала, то, как предусмотрено технологией, новые бревна окладного венца должны быть первоначально установлены на два нижних неразобранных венца реставрируемого сруба, что позволит избежать

смещений. Далее новые окладные венцы должны быть максимально точно причерчены к валунному основанию. Между валунами и окладными венцами укладывается гидроизоляционный слой из бересты «охрой» вверх. Бревна для воссоздания подклетной части храма должны быть из древесины сосны. Их диаметр, как в самом памятнике, – 0,26–0,36 м, длина бревен должна соответствовать проекту, но на начальной стадии рубки должна быть на 0,07–0,1 м больше.

Срубовая конструкция подклета трапезной и кафоликона выполняется «в чашу с остатком». Бревна должны быть скоблены со всех сторон скребком в момент установки в сруб. Все остатки луба должны быть удалены. Сруб рубится холодной рубкой, паз неширокий, но плотно подогнанный к бревну, как это имеет место на памятнике. Черта при причерчивании держится вертикально. В чашах бревна должны лежать плотно, паз выбирается в верхнем бревне. Алтарь срублен «в лапу» из круглых бревен, протесанных снаружи и изнутри (лафет). В месте соединения восточной стены кафоликона с алтарем, в круглых бревнах церкви в месте соединения с алтарным бревном выполняется подтеска. В подклетке алтаря угол «в лапу» рубится из круглых бревен с подтеской перед самой «лапой». Фасадная сторона бревен протесывается. В южном и северном углах, при пересечении бревен алтаря и кафоликона, возможно образование зазора в узле. В этом случае допустима установка необходимой по размеру вставки. В исторических сооружениях этот прием не раз наблюдался.

В подклетке выполняются два входных проема с заполнением из косяков и дверных полотен: это вход в подклет под трапезной и входной проем между подклетом трапезной и подклетом кафоликона. Стена между кафоликоном и алтарем выполняется глухой.

Срубы трапезной и кафоликона срублены «в чашу с остатком». На фасадах бревна оставлены круглыми. В интерьере трапезная и кафоликон имеют круглые углы и протесанные стены. Два венца срубов над подвальным перекрытием, вышедшие в интерьер, не протесываются, что можно наблюдать в рассматриваемом храме. В нижних двух венцах Троицкой церкви выполнены врубки для установки опор лавок по периметру помещений (рис. 154, 155). Полтора-два венца под потолками также не тесаны. Бревна стены между кафоликоном и трапезной протесаны с двух сторон.

При реставрации Троицкой церкви, учитывая то, что памятник предполагается установить на новом месте и защитить его ограждающей конструкцией от неблагоприятных воздействий окружающей среды, следует стремиться к сохранению в конструкциях элементов, подвергшихся значитель-

ным разрушениям. Следует употребить весь арсенал имеющихся в реставрации методик, схем, способов, технологий для максимально полного сохранения подлинного материала.

Большой восьмерик срублен «в лапу» из бревен, протесанных с наружной стороны. С внутренней стороны перед «лапой» выполнена затеска, для того чтобы перейти от круглого бревна к угловому соединению. Часть бревен в восьмигранном срубе – вторичного использования. Внутри сруб в хорошем состоянии. Но снаружи, возможно, потребуются выполнение вставок. Срубленный из лафета «в лапу» малый восьмерик имеет в высоту в смежных стенах семь и восемь венцов. Состояние конструкции будет понятно лишь при более тщательном обследовании при проведении разборки, так как конструкции недоступны.

Реставрация перекрытий

В Троицком храме существующий поздний пол в кафоликоне, трапезной, алтаре сделан отдельно от стен церкви (рис. 179). В его составе имеется возвышающаяся на одну ступень солея с пятигранным выступом амвона. Пол настлан из пиленых и простроганных досок (до 60 мм толщиной) (рис. 66, 67, 117). В трапезной выполнен фризовый пол.

В Троицкой церкви, перенесенной на новое место, полностью воссоздается конструкция надподвального перекрытия из нового материала. Для проведения данных работ готовятся тесаные плахи из древесины сосны, концы которых заводятся в пазы в соответствующих венцах сруба, устанавливаются балки (рис. 176). Нижняя часть сруба – подклет – будет полностью воссоздана из нового материала, скорее всего, и седьмой венец, замененный во время проведения ремонтных работ 2011 года, будет заменен, поскольку несет следы обработки, несвойственные памятнику. При этом возникнет возможность поставить плахи пола ровно в тот уровень, который он имел изначально, что позволит добавить сруб необходимой для его дальнейшего существования жесткости.

При выполнении пола из плах посередине трапезной, кафоликона и алтаря по оси север – юг ставятся спаренные балки с соблюдением чередования «комель – вершина». На них «по ходу» укладываются тесаные плахи. Концы их заводятся в четверть, выбранную в бревнах соответствующего венца сруба. Плахи причерчиваются между собой. Перед тем как установить следующий венец сруба, бревна которого должны накрыть заведенные в четверть концы плах, в уложенный ряд плах ставится плаха-расколота, своеобразный клин, позволяющий минимизировать зазоры между отдельными плахами. Далее накрывающие концы плах бревна сруба причерчиваются с таким расчетом, чтобы полностью исключить зазоры в месте примыкания плах и бревна сруба.

Надподвальное перекрытие XIX века остается в храме-новоделе в Иоанно-Предтеченском монастыре, где также предстоят реставрационные работы. Работы по реставрации отдельных элементов полового настила должны проводиться в следующем порядке: подбор материала; подготовка его историческим инструментом по историческим технологиям. При необходимости выполняются вставки. Для этого места установки вставки очищаются от деструктивной древесины, выполняется вставка из отбракованного или нового материала, осуществляется причерчивание элемента, укрепление вставки с помощью деревянных расклиненных нагелей, производится окончательная доработка. При этом поверхность вставки должна быть идентичной поверхности реставрируемой части. При значительных разрушениях элементы конструкций пола подлежат полной замене. Новые элементы должны быть идентичны подлинным. Для их подготовки употребляется дерево той же породы, возраста. Материал готовится по историческим технологиям, с применением исторических инструментов (топоров, черт, пазников, тесел, рубанков, стамесок, просек, долот, характерных для середины XIX века). Готовые детали и конструкции по характеру должны быть во всем схожи с присутствующими в памятнике элементами.

Реставрационные балки должны во всем соответствовать подлинным (материал, возраст древесины, характер обработанной поверхности, следы инструментов и пр.), кроме того, они должны «работать» в конструкции, выполнять изначально возложенные на них функции. При замене балок перекрытия изготавливаются балки такого же сечения, историческими инструментами, по историческим технологиям и устанавливаются на предназначенное им место.

Сейчас в составе чердачного перекрытия имеются замены элементов в выстилке потолков, в кафоликоне поставлены три новые балки. Поздние вставки следует удалить, на их место поставить тесины, выполненные с применением исторических инструментов и по историческим технологиям. Замена подлежат и балки, новые элементы конструкции чердачного перекрытия должны выполняться из идентичного подлинному материалу с применением исторических инструментов и технологий.

Реставрация крыш

На Троицкой церкви имелось несколько видов конструкций крыш: самцово-слезная тесовая, гвоздевая (трапезная); стропильная (крышицы над углами четверика и большим восьмериком); каркасная (по кружалам, журавцам глав). При решении вопросов реставрации крыш рассматриваемого объекта

изучены подлинные исторические конструкции, следы утраченных деталей и элементов крыши каждого конкретного объема.

Крыша – по определению важнейшая из конструкций в любом строении. Прочность подкровельной конструкции, качество выполнения покрытия, его целостность обеспечивают защиту всего строения от неблагоприятных климатических факторов, иных воздействий внешней среды. Кровля деревянного сооружения, выполненная из древесины, – наиболее уязвимая конструкция. Весь спектр мероприятий по воссозданию и реставрации кровель и подкровельных конструкций должен проводиться с наибольшей тщательностью.

Все новодельные элементы крыши трапезной должны быть удалены из памятника ввиду того, что они выполнены без учета требований, предъявляемых к воссоздающимся конструкциям в памятниках деревянного зодчества. Крыша данной части сооружения при реставрации должна получить иную, более жесткую конструкцию. В основе ее – бревенчатый фронто́н – «самец» или «бык», который связывается в жесткую структуру благодаря врубленным в него слегам, противоположным концом эти слезы должны быть не просто вставлены, а причерчены и плотно врублены в стену сруба храма. В нашем случае они должны быть установлены в те врубки, которые соответствуют времени строительства. Данная операция может быть корректно проведена только во время сборки сруба церкви. Предполагается выполнить кровлю из продороженного теса (рис. 177). Тесины должны быть причерчены к шелому – охлупню, прижимающему тес к коньковой слезе, закрепленному установленными по концам и в середине длинными стамиками-«сороками» – деревянными шпильками с запорным устройством, состоящим из прорези на стержне стамика и клина. Западное запорное устройство при установке должно оказаться ровно под коньковой слезой на фасаде фронтона.

Охлупень выполняется из сосны, при этом нельзя использовать свилеватые бревна, бревна с косо-слоем. Оголовок охлупня выполняется на основании проектного решения в наиболее нейтральных формах. Поверхность охлупня должна быть гладко отесана топором, подчищена другими историческими инструментами, паз должен быть выбран с помощью топора и подчищен теслом.

Стамик-«сороки» выполняются из древесины березы. Оголовок стамика по форме должен быть нейтральным, его вид определяется проектным решением. Нижняя часть оголовка стамика выполняется в виде конусовидной «юбочки», которая предназначена для прикрытия щели по периметру отверстия в охлупне.

При подготовке материала, элементов и деталей конструкции должны быть учтены особенности исторических технологий и применен исторический инструментари́й. В качестве кровельного материала предполагается использовать продороженный тес с пикообразными окончаниями у тесин верхнего слоя, уложенный в два слоя, с креплением на кованых гвоздях (рис. 177). При реставрации в качестве гидроизоляционного материала предполагается использование берестяных матов.

При реставрации возможны два варианта решения угловых крыш над четвериком. Первый вариант предполагает выполнение крыш строго по сохранившимся образцам, где ставятся недостающие элементы конструкций, заменяются полностью сгнившие элементы, введенные элементы крепятся коваными гвоздями. Второй вариант предполагает установку новых элементов стропильных конструкций в первоначальные гнезда. И, таким образом, появляется новый уровень крыш над углами четверика с более протяженными и крутыми скатами. По выполненным конструкциям укладывается продороженный кровельный тес в два слоя с пикообразными окончаниями тесин верхнего слоя.

Реставрация крыши пятигранного алтаря храма может пойти, в зависимости от утвержденного проекта реставрации, двумя путями. Первый – предполагает удаление всех новодельных элементов (доски покрытия, плиты ОСП, рубероид) и организацию пятискатного покрытия из продороженных тесин. Второй – более сложный, позволяет сделать крышу алтаря выше, задействовав имеющееся гнездо на восточной стене храма, задающее более высокий уровень алтарной кровли, который был при возведении алтарного прируба в XVIII веке. При этом потребуются полная замена всех элементов конструкции, включая столб, слезы, прогоны. Так или иначе, введенные при ремонте 2011 года ОСП, рубероид, доски покрытия должны быть удалены.

При реставрации подкровельной конструкции большого восьмерика должны быть удалены несвойственные памятнику материалы, такие как рубероид, плиты ОСП. Удалению и замене подлежат слезы, прогоны, поставленные при предыдущих ремонтах. Кровля выполняется из продороженного теса с гидроизоляционным слоем из берестяных шитых матов.

Реставрация завершения храма

При реставрации храма предполагается восстановление главы 1810 года с установкой подлинного креста, хранящегося в настоящее время в музее, или его копии в материале подлинника. Таким образом, мы возвращаем в памятник его «родные» элементы, жившие с ним последние два столетия.

Реставрация заполнений оконных и дверных проемов

Заполнение оконных и дверных проемов, появившееся у Троицкого храма в различные ремонтно-строительные периоды, находятся по большей части в неудовлетворительном состоянии. Требуется проведение реставрационных действий на всех конструкциях, включая оконные и дверные колоды, рамы, дверные полотна, петли, решетки, ставни и др.

Во время реставрационных работ осуществляют-ся демонтаж и разборка конструкций оконных и дверных заполнений, при этом требуется особая осторожность в связи с хрупкостью угловых соединений.

Способ реставрации поврежденных оконных и дверных заполнений выбирается в зависимости от объема, характера повреждений и разрушений деталей и конструкций (протезирование, вставка, полная замена). Процесс протезирования состоит из следующих основных операций: подбор материала по сортности, породе, влажности; удаление поврежденной древесины до здорового материала, расчистка поврежденных мест; выполнение заготовки протеза с припуском для дальнейшей подгонки по месту; изготовление штырей – нагелей для крепления протеза; стягивание струбцинами подлинного элемента и протеза; сверление отверстий в протезе и подлинном элементе под наклоном к оси для установки нагелей; установка нагелей с их расклиниванием; удаление лишней древесины протеза с подгонкой по месту.

Имеющиеся в памятнике рамы с остеклением были выполнены во время предшествующих ремонтных работ и в большинстве своем не имеют исторической ценности. Документально известно о существовании в оконных колодах Троицкой церкви слюдяных оконниц. Поскольку состав оконных заполнений церкви хорошо известен, то возможно предпринять его полную реконструкцию с воссозданием по аналогам XVII – начала XVIII века первоначальных слюдяных оконниц (рис. 153), а также ставней, которыми окна закрывались изнутри, и запоров к ним.

Воссоздание отдельных конструкций Троицкой церкви

Оснований для воссоздания паперти много, но решение данного вопроса оставим тем, кто будет осуществлять работы по проектированию.

Если будет принято решение о воссоздании паперти, то она должна будет иметь каркасную конструкцию, стены между столбами должны быть набраны из косоуложенных «в елку» тесин, соединенных «в паз». Подобным же образом (т. е. «в паз») «забирка» из косоуложенных тесин соединяется со столбами-стойками, верхними балками

конструкции. В каркасных стенах организуются оконные проемы без установки рам. Они закрываются ставнями на деревянных «пятах» и фиксируются засовами. Лестница выполняется в рундуке, срубленном «в лапу» (по аналогии с восьмериками и алтарным прирубом храма). Вход на лестницу должен быть организован через примыкающее к ней крыльцо.

Таким образом, паперть – одна из конструкций в реставрируемом памятнике, которая в полном объ-

еме может быть воссоздана по имеющимся следам, с привлечением аналогов, изобразительных и письменных источников. Материал для ее воссоздания готовится из хвойной древесины (сосна) не ниже 1-й категории качества. Все элементы конструкции должны быть подготовлены с учетом реставрационных требований: с применением исторических инструментов, исторических технологий. Поверхности конструкций должны быть идентичны по характеру обработки элементам, наблюдаемым в памятнике.

А.В. Попов

ПОЯСНИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА

К НАТУРНЫМ ИССЛЕДОВАНИЯМ И ОБРАБОТКЕ МАТЕРИАЛОВ ЛАЗЕРНОГО СКАНИРОВАНИЯ 2008 г. НА ОБЪЕКТЕ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗНАЧЕНИЯ «ТРОИЦКАЯ ЦЕРКОВЬ 1551 г.». РЕСПУБЛИКА ТАТАРСТАН, ЗЕЛЕНОДОЛЬСКИЙ РАЙОН, ОСТРОВ СВЯЖСК

Троицкая церковь в Свяжске – единственное деревянное сооружение, которое чудом (милостию Божией) сохранилось до наших дней от деревянного города-крепости, построенного по указанию Ивана IV Грозного как форпост для завоевания Казани.

Позволю себе не останавливаться подробно на истории создания города, которая довольно хорошо известна, но начать с материалов исследования Троицкой церкви. Следует отметить, что этот древний памятник в силу тех или иных причин не попал в поле зрения таких выдающихся исследователей русского деревянного зодчества, как Даль, Красовский, Грабарь, Оповников и др. Первое профессиональное обследование Троицкой церкви было выполнено замечательным архитектором-реставратором Борисом Пименовичем Зайцевым (институт «Спецпроектреставрация») в 1976 году. Спустя много лет мы продолжаем...

До нашего времени памятник дошел с переделками XIX–XX веков, обшитый современной доской. С застекленными крыльцами и верандой вместо притвора, храм являл скорее образчик «дачной архитектуры» и ничем не напоминал древний деревянный храм. В таком виде Троицкая церковь зафиксирована в обмерных чертежах ТСНРУ.

Дощатая обшивка была выполнена весьма старательно, не оставляя даже случайных щелок для проветривания сруба. Кроме того, с северной стороны, в метре от стен церкви, проходила глухая кирпичная ограда Иоанно-Предтеченского монастыря, образуя «снеговой мешок», где лед долеживал до летних дней, постоянно и равномерно увлажняя древний сруб. Именно по этим причинам в 2008 году, когда автора пригласили выступить в качестве консультанта по Троицкой церкви, было предложено в скорейшем времени освободить памятник от обшивки и разобрать участок монастырской ограды, что и было выполнено. Проведение этих работ дало возможность, во-первых, проветрить и подсушить сруб за летний сезон. Во-вторых, были выполнены инженерное (автор – эксперт, конструктор-реставратор Е.И. Николаева) и миколо-

гическое (автор – эксперт-миколог Г.Н. Баскакова) предварительные обследования. Материалы см. Том 1 «Предварительные работы». В-третьих, было проведено лазерное сканирование памятника без обшивки, обработка материалов которого представлена в этом томе. И, наконец, было выполнено визуальное архитектурное обследование Троицкой церкви и зафиксированы множественные следы и врубки, свидетельствующие обо всех перестройках, произошедших за 460 лет его существования.

Обратимся к материальным следам, сохранившимся на памятнике. Материальные следы – это врубки от соединений, примыканий конструктивных и декоративных элементов, характер обработки поверхностей тем или иным инструментом, характер обветривания древесины, ее порода, цвет, текстура и т. д.

В Троицкой церкви подобных следов – свидетельств ее первоначального облика и произошедших перемен осталось немало. Начнем с интерьера храмовой части. На северной и южной стенах, в районе примыканий теперешних клиросов, вертикально расположены следы примыкания тябл первоначального иконостаса, который был четырехъярусным, как и более поздний, дошедший до нашего времени (рис. 1-2). Алтарная преграда делила объем храма на две, почти равные части – собственно храм и алтарь. В алтарной половине вдоль всей восточной стены располагалась пристенная лавка, следы опирания которой (врубки) прекрасно сохранились в углах (рис. 3-4). Это неоспоримое свидетельство того, что изначально построенная церковь состояла из двух помещений – трапезной и храма, внутри которого было выгорожено пространство алтаря. Такую же структуру имеет церковь Ризоположения 1485 года постройки (самая древняя точно датированная церковь России и прямой аналог Троицкой), стоящая ныне в Кирилло-Белозерском монастыре. Первоначально храмовая часть Троицкой церкви освещалась одним «красным» окном в южной стене – следы от него заметны в интерьере над теперешней дверью и снаружи под обшивкой (рис. 4-5) и волоковым окошком в северной стене (в настоящее

время оно «съедено» дверью) и волоковым окном в алтарной части. Могло быть окошко в восточной стене алтаря (аналогично Ризоположенской церкви), но это лишь предположение, так как эта стена вырублена при устройстве апсиды. В трапезной хорошо сохранились два волоковых окна, тщательно заделанные еще во времена «первой перестройки». Итак, во всем храме при его постройке было четыре волоковых окна и одно «красное».

Дверей было две – входная (чуть меньше существующей) и дверь из трапезной в храм. Теперешний широкий проем, соединяющий трапезную и храмовую части, не является первоначальным. Об этом свидетельствуют характерные следы топора прорубавшего проем «по-сухому». Небольшая врубка в левой части восточной стены трапезной не что иное, как первая, неудачная попытка расширения проема – она пришлась на примыкание северной стены храма (рис. 6). Дощатое обрамление и каркасные стойки, хотя и очень старые, подтверждают это. Не говоря уже о том, что в XVI–XVII веках у трапезной и храма было совсем разное предназначение. В Никольской трапезной церкви на Муезере (1602 г.), например, эти помещения разделены двойной дверью с замками (rusarch.ru>shurgin1.htm). В храме творили дела «божественные», в трапезной – мирские...

С западной стороны к церкви примыкало крыльцо во всю ширину фасада. Свидетельством тому – врубка от коневой слеги, врубки примыкания кровли на остатках северной и южной стен трапезной, врубки от боковых лавок (крыльцо было односклонное). Справа и слева от входной двери бревна окантованы, образуя прямоугольные ниши для икон. Маркировка бревен западной стены позволяет безошибочно определить количество утраченных венцов. Состояние древесины западного фасада (под кровлей крыльца) позволяет утверждать, что они никогда сколь-нибудь долго не подвергались воздействию атмосферных осадков в отличие от других стен (рис. 7–9).

Описанная первоначальная церковь относится к типу клетских церквей и, вероятнее всего, была покрыта двускатной кровлей «по курицам и потокам». Предлагаемая графическая реконструкция (рис. 10) дает представление о маленькой, темной сельской церкви, вполне обычной для того времени, которая была первоначально построена, а затем перевезена в строящийся город, ставший впоследствии Свяжском. Здесь начинается следующий этап ее существования уже в качестве Троицкого собора (именно такой статус ей был присвоен) после кардинальных перестроек. Все остальные материальные следы, кроме перечисленных выше, относятся уже к разным периодам его жизни в Свяжске.

После перевозки в Свяжск в первую очередь храм был увеличен. Прирубили пятигранную алтар-

ную часть, удвоив таким образом площадь храма, устроили обходную галерею и возвели восьмерик на существовавшем четверике. Весьма вероятно, что эти работы были проведены сразу же при первой сборке. Нельзя не обратить внимание на различие в способах рубки углов и обработки поверхностей двух одновременных частей памятника – первоначальная часть рублена из круглой сосны «в обло с остатком» и окантована изнутри, в то время как добавления срублены «в лапу» и окантованы снаружи. Цвет древесины этих частей также различен (рис. 11). Различно должно быть и происхождение дерева. Привезенная часть рубилась в Углическом уезде, а на перестройки использовали местный лес. Достоверную информацию должны дать научные дендрохронологические исследования и датировка древесины (эти работы были исключены инвесторами из программы работ 2011 года, равно как и вся научно-проектная часть).

Внимательное изучение памятника позволяет определить, какие архитектурные и декоративные элементы исчезли, а какие появились в ходе сборки Троицкой церкви в 1551 году. Обратим внимание на трехчастные подтесы возле дверных и оконных проемов. Подобное решение этого распространенного конструктивно-декоративного элемента более не встречалось нигде (рис. 12–14). Эти подтесы, обрамляющие красные окна южного фасада и все три двери, говорят об одновременности их создания. В то же время, справа от косяка северной двери из храма на галерею сохранился остаток волокового первоначального окна, существовавшего до этого времени. Из этого следует, что и сама эта дверь вторична.

Следы примыкания кровли трапезной к четверику храма ясно показывают два строительных периода (рис. 15), а кровля алтарной части своего рисунка не меняла. Производство работ в 2011 году позволило впервые исследовать конструкции восьмерика. Отсутствие следов переделок позволяет утверждать, что все внутренние конструкции выполнены одновременно. Исключение составляет обрешетка, устроенная заново при покрытии храма листовым железом в 1832 году. Никаких следов существования когда-либо конструкции повала, без которого невозможно устройство полицы шатра, не обнаружено (рис. 16).

Результаты предварительных историко-архивных изысканий, проведенных институтом «Спецпроектреставрация» (искусствовед Наталья Датијева) в 1976 году дают немногочисленные, но подлинные архивные сведения об основных вехах в строительной истории Троицкой церкви. Вот они:

Сведения о ремонтах и переделках храма достаточно подробно зафиксированы начиная с 1742 года, когда в церкви перестилались полы, был заменен престол и жертвенник, а алтарь и солея подняты на одну ступень и отгорожены деревянной решеткой.

После 1764 года Сергиевская и Троицкая церкви обращены в приходские. Служба, как видно по клировым ведомостям, проводилась только в Сергиевской церкви, а Троицкая была заперта.

В 1795 году Иоанно-Предтеченский монастырь после пожара был переведен на территорию бывшего Троице-Сергиевского (упразднен в 1764 году), что повлекло за собой переделки и ремонты Троицкой церкви.

В 1808 году на церкви сделана новая деревянная крыша. Остановимся на этом подробнее, поскольку следы именно этих работ сохранились на памятнике. После снятия негодной кровли для замены в верхних углах соединения храмовой части с трапезной и алтарем, в местах примыкания кровли были обнаружены места пораженные гилью, появившиеся за время ее «бесхозного» существования с 1764 по 1808 год.

Гниль была удалена, вместо пораженных мест в бревнах были устроены ступенчатые протезы, сохранившиеся по сей день (рис. 17).

В 1810 году малый восьмерик и главка впервые обиты листами железа (дошедшая до нас конструкция главы именно этого времени).

В 1819 году в церкви уничтожено древнее гульбище (галерея) и вместо него устроена открытая паперть и крыльцо.

В 1821 году срубы обшиты тесом и лишь в 1853 году тесовая обшивка окрашена масляной краской.

В 1832 году церковь покрыта листовым железом (для чего и была устроена упомянутая выше обрешетка на восьмерике и алтаре).

В 1882–1883 годы под Троицкую церковь подведен каменный фундамент; на открытых папертях

устроены остекленные крыльца. (Важно! При подведении фундамента церковь была вывешена на деревянных столбах из старых бревен. В фундаменте сохранились вертикальные отверстия от этих бревен с продольным пазом (рис. 18)).

В 1885 году металлическая обшивка малого восьмерика была расписана масляными красками.

Вот, собственно, и все далеко не полные сведения из архивных источников. Продолжение архивных поисков могло бы дать ответ на вопрос: почему архаичная, темная, маленькая сельская церковь стала Троицким собором во вновь строящемся городе? Маловероятно, чтобы такой выдающийся организатор и опытный строитель, каким показал себя Иван Григорьевич Выродков, мог «сработать» не то. А вот взять уже срубленную для другого места церквушку с целью ее перестройки на месте – вполне вероятно. Тем более что времени на постройку города было отпущено совсем мало. Если так, то встает еще вопрос: сколько она простояла до переезда в Свяжск? Может быть, это старейшая из российских деревянных церквей? Вспомним: церковь Ризоположения 1485 года постройки (самая древняя точно датированная церковь России), стоящая ныне в Кирилло-Белозерском монастыре, старше Троицкой всего на 66 лет.

В заключение необходимо обратить внимание на то, что лазерное сканирование зафиксировало все деформации памятника на момент съемки (за три года до начала производства работ) с точностью до 5 мм.

ГАП

Б.Д. Лурье

Приложение 4

ПОЯСНИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА

**К ИСПОЛНИТЕЛЬНЫМ ЧЕРТЕЖАМ ПО РАБОТАМ 2011 Г.
НА ОБЪЕКТЕ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗНАЧЕНИЯ
«ТРОИЦКАЯ ЦЕРКОВЬ 1551 г.». РЕСПУБЛИКА ТАТАРСТАН,
ЗЕЛЕНОДОЛЬСКИЙ РАЙОН, ОСТРОВ СВЯЖСК**

В феврале – сентябре 2011 года проводились противоаварийные и консервационные работы по Троицкой церкви в Свяжске, датируемой маем 1551 года. Работы проводились по разрешению МК РТ и под наблюдением фонда «Возрождение» по указаниям авторского надзора, без предварительного проектирования. В качестве инвестора выступало ООО «Акульчев».

Посмотрим, что тем не менее было выполнено в ходе этих самых работ. В первую очередь древний храм был освобожден от позднейших наслоений конца XIX – XX веков. Была снята современная обшивка, разобраны с маркировкой и складированы под навесом конструкции остекленных крылец и паперти XIX века. Разобрана металлическая кровля трапезной.

Это позволило «прочитать» недоступные ранее материальные следы раннего периода (примыкание кровли трапезной) и оценить техническое состояние бревен сруба. Оценка пораженных участков позволила определить дальнейший ход производства работ.

В первую очередь заменили кровлю трапезной. До нашего времени сохранилась только стропильная система XIX века, в то время как первоначальная кровля была самцово-слеговая. Пришлось дорубить новый фронтон взамен утраченного во время устройства открытой паперти XIX века. Коневую слегу и, соответственно, нижние слезы врубили в гнезда первоначальной конструкции. В качестве гидроизоляции (об использовании бересты не могло быть и речи) на слезы уложили ОСП (влагостойкая ориентированно-стружечная плита). Кровля выполнена из двух слоев желобленной доски 200 x 50 мм. Концы тесин обработаны декоративными «пиками».

Основной работой по сохранению сруба являлась замена пораженных гнилью окладных венцов и выполнение ряда протезов в нижнем ярусе храма. Для этого было принято решение вывесить храм на двухсторонних сжимах, что позволяло заменить нижние сгнившие (не только окладные) венцы. Предварительно, дабы избежать непредвиденных деформаций, весь храм изнутри «раскрестили» подкосами (рис. 19). Иллюстрации см. в томе «Натурные ис-

следования». Сначала церковь с южной стороны подняли домкратами на высоту 25–35 см. Затем нагрузка была перенесена на внутренние сжимы, а освобожденные наружные спилили до нужной высоты, открыв таким образом доступ к заменяемым элементам. Поврежденные элементы, утратившие несущую способность, были заменены новыми, изготовленными из сосновых бревен, с применением старинных топоров и с соблюдением древних врубок и технологий (рис. 20-21). После опускания южной части аналогичная операция была проведена на северном фасаде, правда, работы там было намного больше, и она была сложнее в силу аварийного состояния северного фасада в целом, и угла переруба трапезной и храма в частности (рис. 22-23). Северную стену трапезной удалось перебрать целиком, что позволило удалить сжимы, державшие ее с XIX века.

Остальные проведенные реставрационные работы более понятны, поэтому ограничимся просто их перечислением:

- заменена кровля алтаря в прежних габаритах с заменой поврежденных конструктивных элементов;
- заменены кровли переходов от четверика к восьмерику с возвращением первоначальных габаритов;
- заменена кровля восьмерика с заменой поврежденных конструктивных элементов;
- выполнена новая конструкция главы храма;
- все кровли покрыты «лаженой» доской в два слоя с устройством страховочной кровли из ОСП;
- главка и барабан покрыты осиновым лемехом «топорной работы»;
- с южной, западной и северной сторон устроена открытая галерея традиционной конструкции с тесаными столбами простого рисунка. Габариты галереи соответствуют сохранившимся врубкам от первоначального гульбища. На опорные столбики крыльца использовался кирпич от разобранных частей фундамента;

- с запада сооружено односкатное крыльцо по аналогии с крыльцами XVI–XVII веков (рис. 24–25);
- все стены, не защищенные от атмосферных осадков галереей, обшиты широким тесом из необрезной доски на кованых гвоздях, по аналогу с фрагментом обшивки, сохранившейся на западном фасаде трапезной.

Все плотницкие работы, выполненные в 2011 году, требуют обязательного технологического продолжения весной 2012 года для устранения последствий естественной усадки древесины.

Следует особо отметить, что выполненные работы являются не окончанием реставрационных работ, а началом. С методической и технологической точек зрения эти работы следует отнести к проти-

воаварийным и консервационным с элементами реконструкции (устройство галереи). Полная научная реставрация столь древнего памятника предполагает его полную переборку. Только эта методика позволит выправить деформации, произошедшие за столь долгую жизнь памятника, вернуть ему конструктивную целостность и удалить все очаги биопоражения, которые на этом этапе оказались недоступны для исследователей и реставраторов и, несомненно, присутствуют на Троицкой церкви.

В ближайшее время необходимо провести серьезные работы по водоотводу и благоустройству территории, большие работы по реставрации иконостаса и всего интерьера.

ГАП

Б.Д. Лурье

Приложение 5

ПОЯСНИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА

К ЭСКИЗНОМУ ПРОЕКТУ РЕСТАВРАЦИИ ОБЪЕКТА КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗНАЧЕНИЯ «ТРОИЦКАЯ ЦЕРКОВЬ 1551 г.». РЕСПУБЛИКА ТАТАРСТАН, ЗЕЛЕНОДОЛЬСКИЙ РАЙОН, ОСТРОВ СВЯЖСК*Общие сведения*

Троицкая церковь в Свяжске – единственное деревянное сооружение, которое чудом (милостию Божией) сохранилось до наших дней от деревянного города-крепости, построенного по указанию Ивана IV Грозного как форпост для завоевания Казани. Следует отметить, что этот древний памятник в силу тех или иных причин не попал в поле зрения таких выдающихся исследователей русского деревянного зодчества, как Даль, Красовский, Грабарь, Ополонников и др. Первое профессиональное обследование Троицкой церкви было выполнено замечательным архитектором-реставратором Борисом Пименовичем Зайцевым (институт «Спецпроектреставрация») в 1976 году.

Продолженные в 2008 году натурные исследования убедительно доказали, что первоначально, где-то под Угличем, была построена архаичная, темная, маленькая сельская церковь, которая стала Троицким собором во вновь строящемся городе, ставшем впоследствии Свяжском.

Результаты натурального исследования и обработка материалов лазерного сканирования представлены в Томе 2, Книга 2 «КОМПЛЕКСНЫЕ НАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ. Архитектурно-археологические обмеры (По материалам лазерного сканирования)».

Предложения эскизного проекта

Эскизным проектом предлагается воссоздать объемно-планировочное решение, которое памятник приобрел при первой реконструкции в 1551 году, сразу после перевозки его в Свяжск. Речь идет о верхней части памятника, выше уровня пола, поскольку нижняя часть – подклет, который состоял из семи венцов, утрачен со временем.

Вернемся к переделкам, которые претерпел храм: После перевозки в Свяжск в первую очередь храм был увеличен. Прирубили пятигранную алтарную часть, удвоив, таким образом, площадь для людей, молящихся в храме, устроили обходную галерею с выходами на нее из храмовой части и возвели восьмерик на существовавшем четверике. Увеличили

входную дверь. Значительно прибавили освещенности трапезной и храмовой частям, устроив «красные» окна там, где они расположены и сейчас. Напомним: первоначально храмовая часть Троицкой церкви освещалась одним небольшим «красным» окном в южной стене – следы от него заметны в интерьере над теперешней дверью и снаружи под обшивкой, волоковым окошком в северной стене (в настоящее время оно «съедено» дверью) и волоковым окном в алтарной части. В трапезной хорошо сохранились два волоковых окна, тщательно заделанные еще во времена «первой перестройки». Итак, во всем храме при его постройке было четыре волоковых окна и одно «красное».

В таком виде, с ремонтными переделками, которые не затрагивали общую композицию, Троицкая церковь просуществовала до 1819 года, когда «в церкви уничтожено древнее гульбище (галерея) и вместо него устроена открытая паперть и крыльца». В 1882–1883 годы под Троицкую церковь подведен каменный фундамент, который окончательно уничтожил остатки уцелевших к тому времени нижних венцов. Фундамент в проекте оставлен, во-первых, как элемент жизни памятника, во-вторых, избавиться от него и воссоздать нижнюю часть храма возможно лишь при производстве полноценных реставрационных работ, проведенных методом полной переборки.

Проектом предлагается воссоздать обходную галерею, следы примыкания которой хорошо сохранились на памятнике. Так, с северной стороны вертикальная врубка говорит о том, что восточный торец этого крыла был забран досками, в то время как с южной стороны отчетливо виден след от поручня, определяющий высоту заборки. С обеих сторон читается и высота галереи по врубкам верхней обвязки. Рисунок «родных» столбов нам неизвестен, поэтому принято решение выполнить столбы самого простейшего рисунка, характерного для того времени. Главным желанием при проектировании галереи было желание не привносить ничего своего, авторского, но пользоваться исключительно народными приемами и деталями. То же самое в полной мере относится и к проекту крыльца.

Проектом восстанавливаются первоначальная высота и конструкция кровли над трапезной по со-

хранившимся следам. Кровля была самцово-слеговая, в коньке ниже дошедшей до нашего времени.

Из соображений сохранности сруба, простоявшего в Свяжске с 1551 года и достаточно выветренного, проектом предусмотрено восстановление обшивки на всех объемах памятника, не защищенных галереями. Обшивка выполняется по образцу, сохранившемуся до нашего времени на западной стене трапезной, из широких досок, на кованых гвоздях. Малый восьмерик, являющийся барабаном главы, из тех же соображений сохранности, обшивается и покрывается осиновым лемехом «топорной» работы. Глава церкви также покрыта лемехом, ее конструкции традиционны – журавцы по кружалам, и выполняются в новых материалах.

В проекте предусмотрено сохранение и приведение в рабочее состояние трех волоковых окон – одного на южной стене храмовой части и двух в трапезной, в тех местах, где они и расположены со времени постройки.

Итак, проектом предлагается:

- разобрать с маркировкой и передать на хранение пользователю конструкции поздней паперти и крылец, устроенных в 1819 году и остекленных в 1882–1883 гг.;
- разобрать современную обшивку вагонкой, сделанную в XX в.;
- восстановить самцово-слеговую конструкцию и исторические отметки кровли трапезной в том виде, в котором она простояла 1551-

1818 гг. Восстановить «тесовое» (дощатое) покрытие, замененное на металл в 1832 году;

- восстановить по сохранившимся следам обходную трехстороннюю галерею с крыльцом, существовавшую с 1551 до 1818 год;
- все объемы памятника, не защищенные от прямых атмосферных воздействий галереями, в целях сохранения древнего сруба, обшить широким тесом на кованых гвоздях, по образцу, сохранившемуся на западной стене трапезной (в 1821 году срубы обшиты тесом и лишь в 1853 году тесовая обшивка окрашена масляной краской);
- выполнить новую главку, покрытую осиновым лемехом, взамен сгнившей, покрытой металлом главки 1810 года;
- барабан главы (малый восьмерик), также для сохранности (бревна его сильно выветрены), обшить тесом и покрыть лемехом.

Предложения проекта не затрагивают материальной структуры древнего памятника, предполагая максимальную сохранность и защиту всех элементов конструкций и материальных следов, дошедших до нашего времени. Внешний облик второй по древности деревянной церкви России максимально приближен к тому, который просуществовал с 1551 года до начала XIX века, принесшего новые веяния, переделки и искажения.

ГАП

Б.Д. Лурье

Иллюстрации

Рис. 1. Троицкая церковь. Фото нач. XX в.

Рис. 2. Общий вид Троицкой церкви с юго-запада до реставрации. Фото 2008 г.

7059 (1551) год
И зложили основание города, и церковь в городе
зложили во имя рождества Пречистой (Богородицы)
и чудотворца Сергия: от иконы же чудотворца Сергия
великие чудеса произошли.

Рис. 3. Миниатюра «Закладка Рождественского собора и церкви Сергия Радонежского». Лицевой летописный свод XVI в.

Рис. 4. Церковь Положения Риз Пресвятой Богородицы. 1485 год. Фото 2008 г.

Рис. 5. Церковь Козьмы и Дамиана, 1760-е годы, Леждомский погост, Грязоветский р-н, Вологодская обл. Фото 2014 г.

Рис. 6. Угловое соединение «в чашу с остатком» южной стены трапезной и стены, общей для кафоликона и трапезной. Фото 2016 г.

Рис. 7. Берестяные пояски на выпусках бревен сруба трапезной.
Следы подтески для установки стоек западной паперти. Фото 2016 г.

Рис. 8. Юго-западный угол трапезной Троицкой церкви. Фото 2014 г.

Рис. 9. Северная стена трапезной со следами примыкания придела и заложенной дверью. Фото 2015 г.

Рис. 10. Вырубка возле левого косяка двери придела для установки вертикальной опоры лавки, шедшей вдоль внешней стороны северной стены трапезной. Фото 2015 г.

Рис. 12. Чаши на северной стене трапезной от прирубленного придела. Фото 2015 г.

Рис. 11. Паз для установки лавки вдоль западной стены придела. Одинарная затеска на пороговом бревне северного дверного проема трапезной. Фото 2015 г.

Рис. 13. Северная стена трапезной. Паз для установки лавки в приделе, шедшей вдоль его восточной стены. Фото 2015 г.

Рис. 14. Штраба с остатками гвоздей. Фото 2015 г.

Рис. 15. Марки в юго-восточном углу со стороны трапезной на стене между основными объемами церкви. Фото 1016 г.

Рис. 16. Марки в северо-восточном углу со стороны трапезной на стене между основными объемами церкви. Попытка разруба стены между кафоликеном и трапезной. Фото 2016 г.

Рис. 17. Марки в юго-восточном углу со стороны трапезной на стене между основными объемами церкви. Фото 2016 г.

Рис. 18. Марки на западной стене трапезной. Фото 2016 г.

Рис. 19. Марки справа от двери на западной стене трапезной. Тройные затески возле западного дверного проема, частично уничтожившие маркировку. Фото 2016 г.

Рис. 20. Марки справа от двери на западной стене трапезной. Затески возле западного дверного проема. Фото 2016 г.

Рис. 21. Марки справа от двери на западной стене трапезной

Рис. 22. Марка справа от двери на западной стене трапезной. Затески возле верхнего правого угла дверной колоды. Фото 2016 г.

Рис. 23. Маркировка на южной стене трапезной над крышей современной галереи. Фото 2016 г.

Рис. 24. Маркировка на южной стене трапезной. Фото 2016 г.

Рис. 25. Маркировка на южной стене трапезной с обозначением стопы

Рис. 26. Маркировка на южной стене трапезной возле пятикосящатого окна. Фото 2016 г.

Рис. 27. Маркировка на южной стене трапезной. Крепление с помощью болтов галереи к срубу.
Фото 2016 г.

Рис. 28. Маркировка на северной стене кафоликона. Фото 2011 г.

Рис. 29. Маркировка на северной стене кафоликона. Фото 2016 г.

Рис. 30. Маркировка на южной стене кафоликона. Фото 2011 г.

Рис. 31. Маркировка на южном фасаде кафоликона. Фото 2011 г.

Рис. 32. Маркировка на северной стене кафоликона. Фото 2016 г.

Рис. 33. Маркировка на восточной стене кафоликона. Фото 2016 г.

Рис. 34. Маркировка на тесинах потолка со стороны чердака. Фото 2016 г.

Рис. 35. Маркировка на тесинах потолка со стороны чердака. Фото 2016 г.

Рис. 37. Гнездо для опоры-«пальца» подмостей. Фото 2015 г.

Рис. 36. Остатки опоры-«пальца» для подмостей. Фото 2015 г.

Рис. 38. Остатки опоры-«пальца», сохранившиеся в гнезде. Фото 2015 г.

Рис. 39. Гнезда от вспомогательной строительной конструкции лесов (подмостей) под окном трапезной. Фото 2008 г.

Рис. 40. Гнезда с остатками опор-«пальцев» конструкции строительных подмостей под южным окном алтаря Троицкой церкви. Фото 2011 г.

Рис. 41. Троицкая церковь. Цоколь. Вынос кладки для опоры балок перекрытия. Фото 2016 г.

Рис. 42. Кирпичная кладка цоколя Троицкой церкви. Фото 2016 г.

Рис. 43. Видимая часть цоколя Троицкой церкви с внешней стороны. Фото 2016 г.

Рис. 44. Конструкции большого восьмерика. Фото 2011 г.

Рис. 45. Материал вторичного использования в конструкции большого восьмерика. Фото 2015 г.

Рис. 46. Сруб малого восьмика. Фото 2011 г.

Рис. 47. Малый восьмика. Вид изнутри. Фото 2015 г.

Рис. 48. Конструкция в основании малого восьмика. Фото 2011 г.

Рис. 49. Элементы конструкции в основании малого восьмигранника. Фото 2015 г.

Рис. 50. Элементы конструкции в основании малого восьмигранника. Фото 2015 г.

Рис. 51. Пятигранный алтарь Троицкой церкви.
Восточное четырехкосячатое окно. Фото 2008 г.

Рис. 52. Подкровельные конструкции алтаря. Фото 2011 г.

Рис. 53. Подкровельные конструкции алтаря.
Слеги и врубленные в них прогоны из бруса. Фото 2011 г.

Рис. 54. Новый уровень коневой слеги крыши алтаря. Фото 2011 г.

Рис. 55. Разрушенное вниз первоначальное гнездо под коневую слегу крыши алтаря
на восточной стене храма. Фото 2011 г.

Рис. 56. Кобылка, вставленная в паз в обвязочном венце сруба алтаря. Фото 2011 г.

Рис. 57. Врубка коневой слези крыши алтаря в восточную стену храма. Фото 2016 г.

Рис. 58. Конструкция крыши алтаря с введенной страховочной кровлей из ОСП. Фото 2016 г.

Рис. 59. Центральная опора крыши алтаря. Фото 2016 г.

Рис. 60. Опора крыши алтаря и подходящие к ней слези. Фото 2016 г.

Рис. 62. Место врубки балки. Фото 2016 г.

Рис. 61. Новые балки перекрытия кафоликона. Фото 2016 г.

Рис. 63. Конструкция потолка трапезной. Фото 2013 г.

Рис. 64. Конструкция потолка трапезной. Фото 2015 г.

Рис. 65. Потолок алтаря. Фото 2008 г.

Рис. 66. Конструкция надподвального перекрытия. «Черный» и «чистый» пол в северо-западном углу кафоликона. Фото 2015 г.

Рис. 67. Солея и амвон. Фото 2015 г.

Рис. 68. Следы различных уровней подкровельных конструкций над трапеznой. Фото 2011 г.

Рис. 70. Ремонт кровли над алтарем (ложные доски, ОСП, рубероид). Фото 2011 г.

Рис. 69. Западный рубленый фронтон после ремонтных работ 2011 года. Гнезда от конструкции западной паперти. Фото 2015 г.

Рис. 71. Юго-западный угол четверика храма. Подкровельная конструкция

Рис. 72. Крыша трапеznой после реставрации с установленным тесаным охлупнем и декоративными стамиками. Фото 2015 г.

Рис. 73. Глава Троицкой церкви до реставрации. Фото 2008 г.

Рис. 74. Демонтаж металлического покрытия главы Троицкой церкви. Фото 2011 г.

Рис. 75. Конструкция главы Троицкой церкви. Фото 2011 г.

Рис. 76. Журавцы главы Троицкой церкви. Фото 2011 г.

Рис. 77. Журавцы, установленные в гнезда. Фото 2011 г.

Рис. 78. Гнезда для установки журавцов. Фото 2011 г.

Рис. 79. Изготовление журавцов для новой главы. Фото 2011 г.

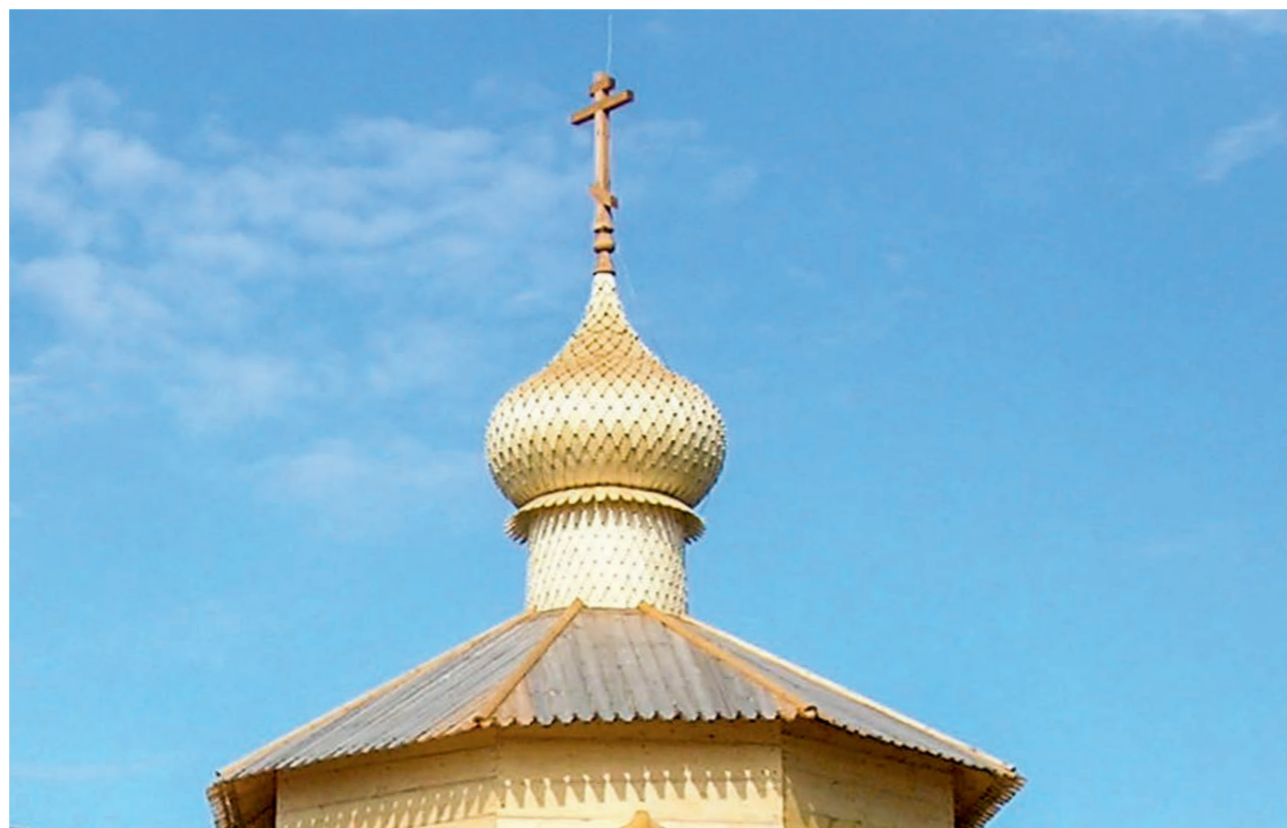

Рис. 80. Глава Троицкой церкви после реставрации. Фото 2011 г.

Рис. 81. Реконструкция. Троицкая церковь на момент перестройки с полной переборкой. Модель 1:10. Фото 2016 г.

Рис. 82. Волоковое окно (южная стена кафоликона). Фото 2015 г.

Рис. 83. Волоковое окно (южная стена трапезной, в юго-восточном углу). Фото 2015 г.

Рис. 84. Волоковое окно (южная стена трапезной, в юго-западном углу). Фото 2015 г.

Рис. 85. Волоковое окно со стороны экстерьера (южная стена трапезной, в юго-западном углу). Фото 2015 г.

Рис. 86. Остаток волокового окна в северной стене кафоликона. Фото 2015 г.

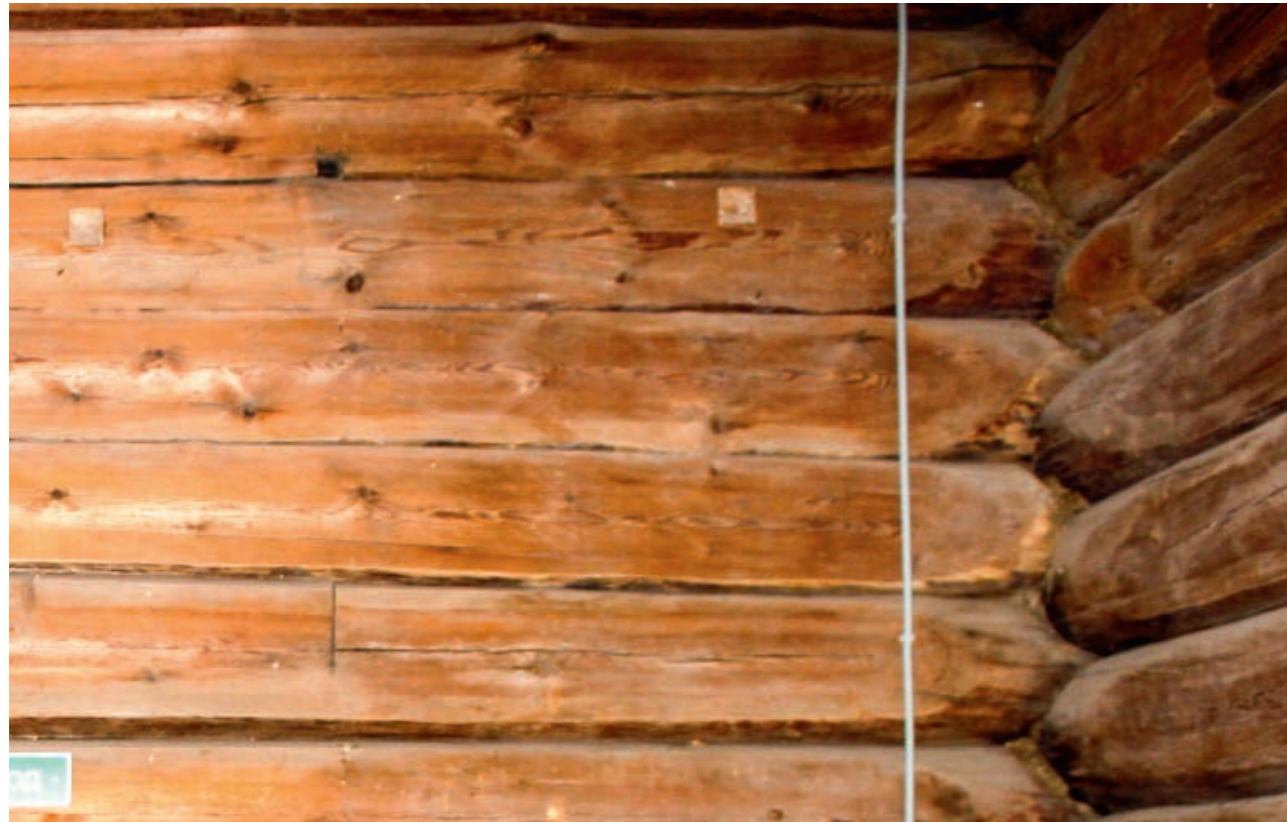

Рис. 87. Следы заложеного «красного» окна в южной стене кафоликона, над дверью. Фото 2015 г.

Рис. 88. Подтесок заложеного «красного» окна в южной стене кафоликона. Фото 2015 г.

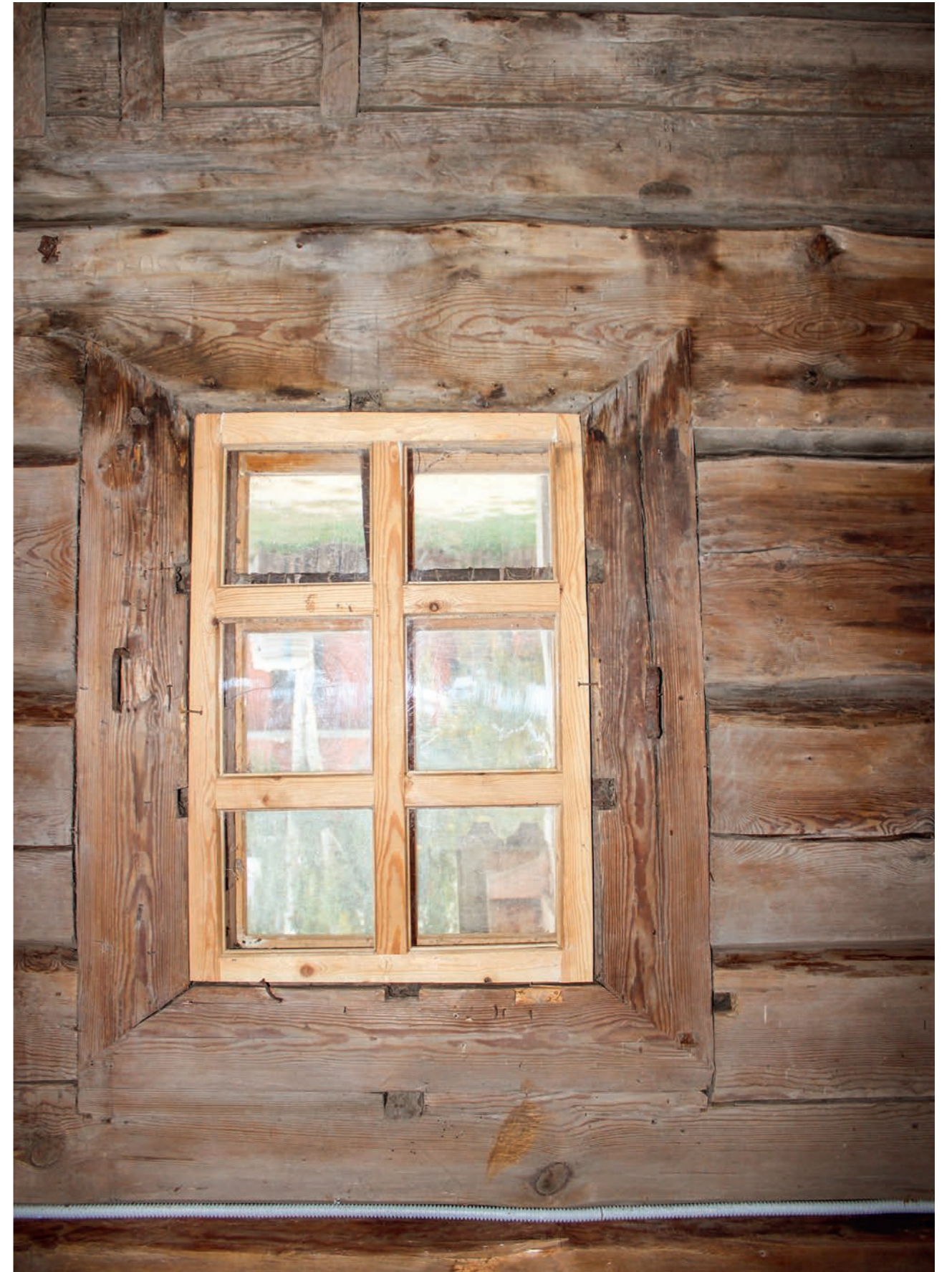

Рис. 89. Косячатое окно в северной стене храма. Фото 2015 г.

Рис. 90. Косячатое окно в южной стене храма. Фото 2015 г.

Рис. 91. Следы попытки прорубки второго «красного» окна в кафоликоне. Северная стена. Фото 2011 г.

Рис. 92. Трехчастные подтесы возле окна трапезной. Гнезда от установки опор-«пальцев» подмостей. Фото 2008 г.

Рис. 93. Южная дверь. Гнезда от установки опор-«пальцев» подмостей. Фото 2015 г.

Рис. 94. Конструкция для крепления иконы над южной дверью. Фото 2015 г.

Рис. 95. Южная дверь храма со стороны интерьера, следы заложенного «красного» окна. Фото 2015 г.

Рис. 96. Петля в виде гусиной лапки южной двери. Фото 2015 г.

Рис. 98. Дверь трапезной. Вид изнутри. Фото 2015 г.

Рис. 97. Западный дверной проем. Затески. Врубки для установки опор лавок. Фото 2011 г.

Рис. 99. Дверь трапезной. Петля в виде гусиной лапки. Фото 2015 г.

Рис. 100. Северная дверь храма со стороны интерьера. Фото 2015 г.

Рис. 101. Северная дверь храма со стороны экстерьера. Над дверью вырубленная ниша для установки иконы. Фото 2015 г.

Рис. 102. Тройные затески возле северного дверного проема. Фото 2015 г.

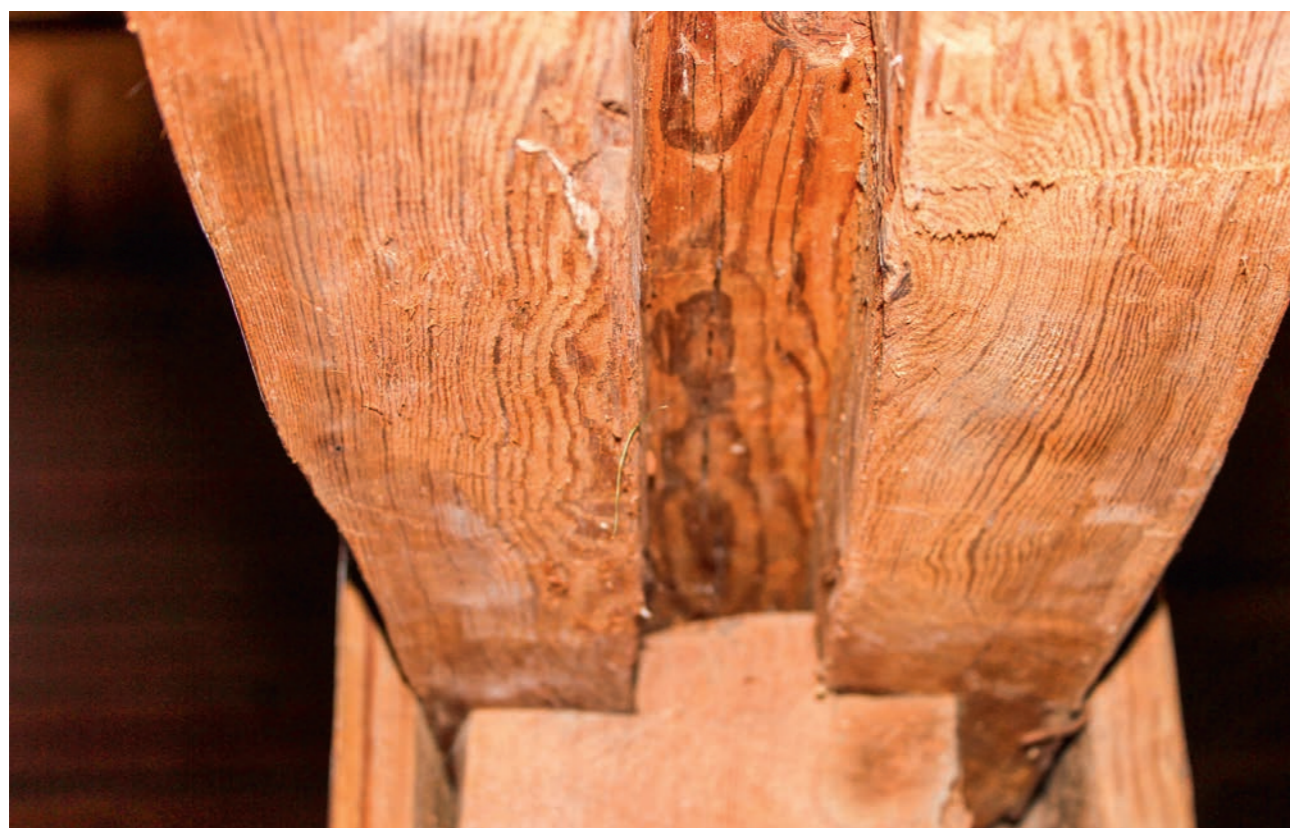

Рис. 103. Паз для установки колоды с решеткой в оконный проем в стене между кафоликоном и трапезной. Фото 2015 г.

Рис. 104. Обрамление арки. Фото 2015 г.

Рис. 105. Гнездо для коневой слеги крыльца на западном фасаде трапезной, позже разрубленное для установки слеги крыши паперти. Фото 2015 г.

Рис. 106. Вырубленный выпуск бревна на юго-западном углу сруба трапезной для пропуска крыши первоначального крыльца. Фото 2015 г.

Рис. 107. Подтески для установки стоек паперти на бревнах западной стены трапезной справа от входного проема. Фото 2015 г.

Рис. 108. Подтески для установки стоек паперти на бревнах западной стены трапезной слева от входного проема. Фото 2015 г.

Рис. 109. Троицкая церковь с пристроенным с запада крыльцом. Реконструкция на первый этап строительства. Макет 1:10. Фото 2016 г.

Рис. 110. Ниша для установки киота с иконой на западной стене трапезной, слева от дверного проема. Фото 2015 г.

Рис. 111. Ниша для установки киота с иконой на западной стене трапезной, справа от дверного проема. Фото 2015 г.

Рис. 112. Врубка для установки опоры лавки возле западной двери слева (два уровня). Фото 2015 г.

Рис. 113. Врубка для установки вертикальной опоры лавки возле западной двери справа (два уровня). Фото 2015 г.

Рис. 114. Скамья в северном крыле галереи, установленная в имевшийся паз в бревне северной стены. Фото 2015 г.

Рис. 115. Южное крыло галереи. Фото 2015 г.

Рис. 116. Галерея после ремонтно-реставрационных работ 2011 года. Фото 2015 г.

Рис. 117. Интерьер Троицкого храма до реставрации. Фото 2011 г.

Рис. 118. Лавка вдоль северной стены трапезной. Фото 2015 г.

Рис. 119. Пристенные лавки в трапезной. Угловое соединение. Фото 2015 г.

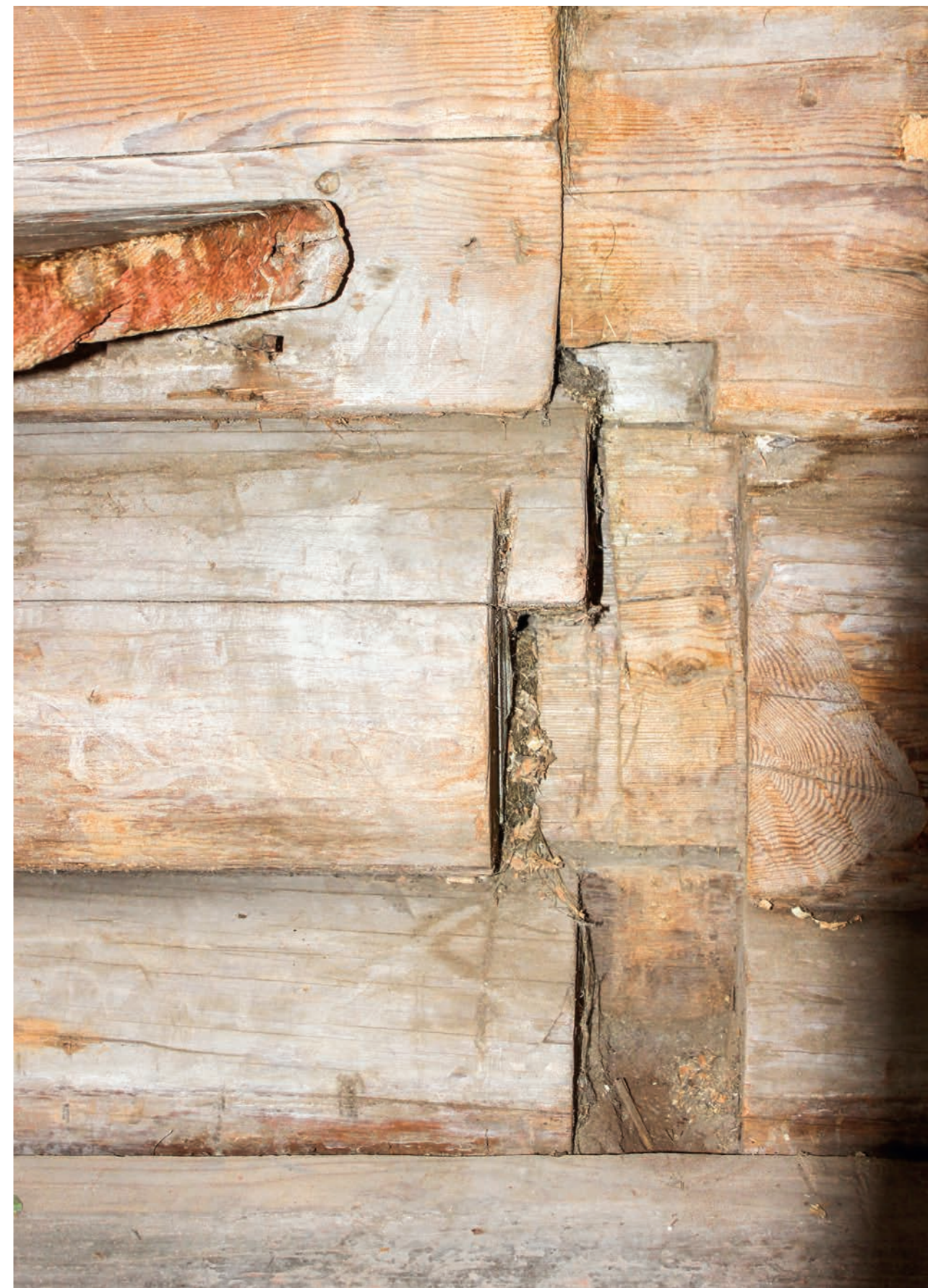

Рис. 120. Паз для установки вертикальной опоры лавки возле северной двери трапезной. Фото 2015 г.

Рис. 121. Северо-западный угол кафоликона. Врубка для опирания скамьи в новой вставке. Затеска на конце подлинного бревна возле окна-«прозора». Фото 2014 г.

Рис. 122. Врубка для опирания скамьи в новой вставке. Северо-восточный угол трапезной. Фото 2014 г.

Рис. 123. Полка для икон в интерьере алтаря. Фото 2014 г.

Рис. 124. Следы конструкции для разжигания угля в интерьере первоначального алтаря. Фото 2014 г.

Рис. 125. Конструкция для разжигания угля в алтаре Троицкого храма. Фото 2014 г.

Рис. 126. Интерьер Троицкой церкви с восстановленным иконостасом. Фото 2014 г.

Рис. 127. Врубка примыкания первоначального иконостаса на северной стене храма. Фото 2011 г.

Рис. 128. Различие в обработке материала первоначальной храмовой части и пристроенных алтарной апсиды и восьмериков. Фото 2008 г.

Рис. 129. Северо-восточный угол трапезной после реставрации. Фото 2011 г.

Рис. 130. Общий вид Троицкой церкви. Фото 2011 г.

Рис. 131. Троицкая церковь в процессе ремонтных работ. Фото 2011 г.

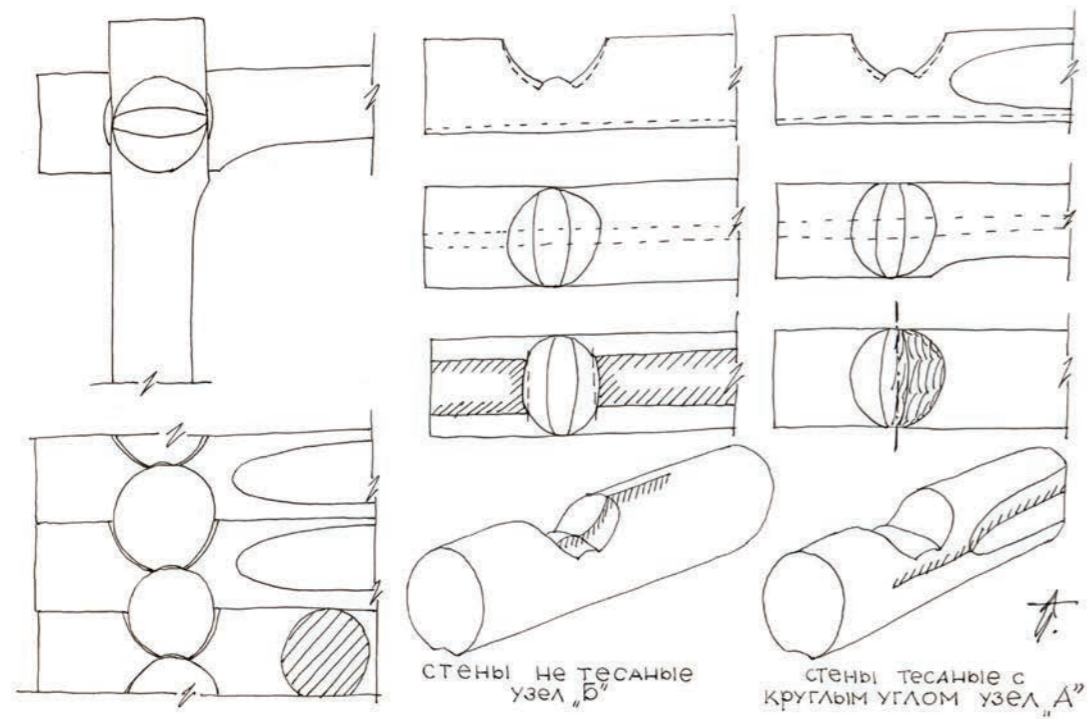

Рис. 132. Соединение в четверике

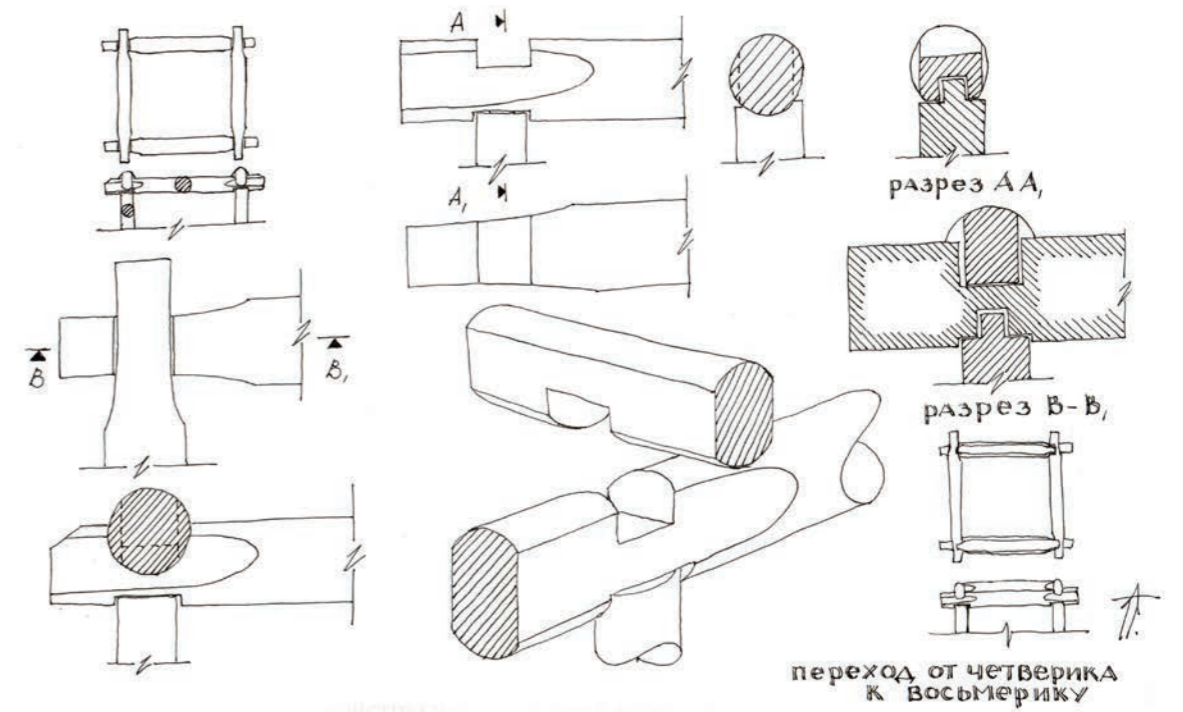

Рис. 134. Стоечно-балочная конструкция под малый восьмирик

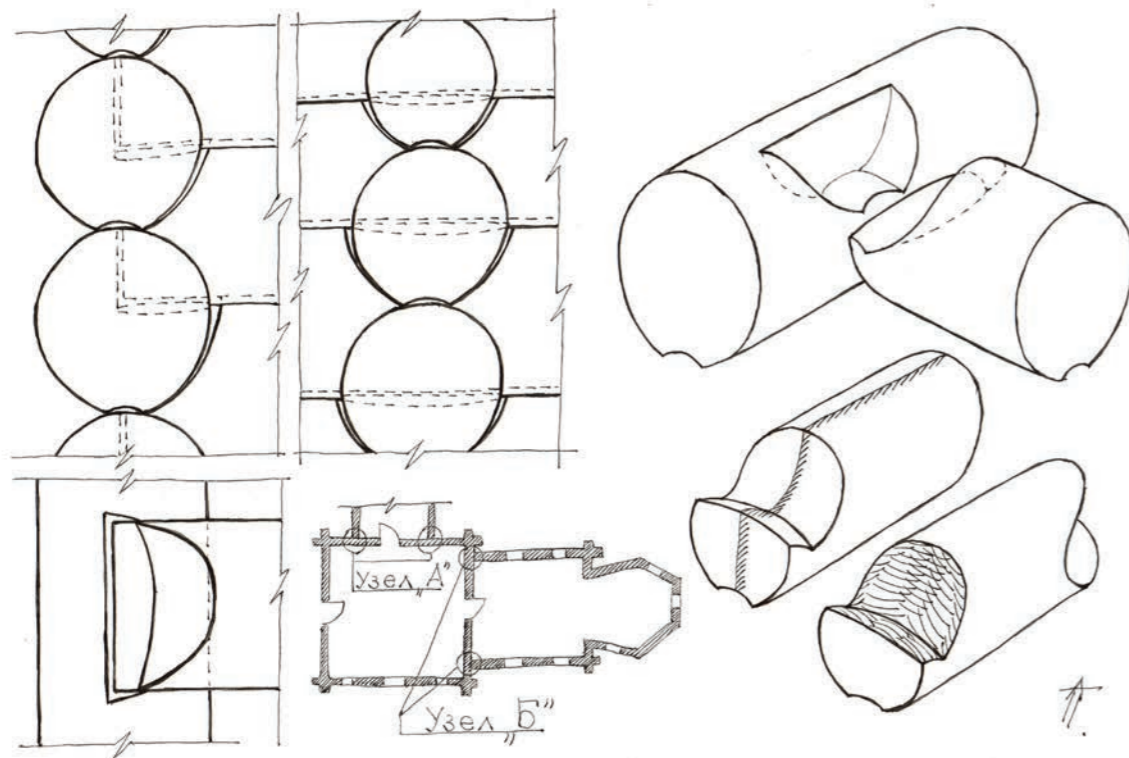

Рис. 133. Соединение в чашу «в полдерева»

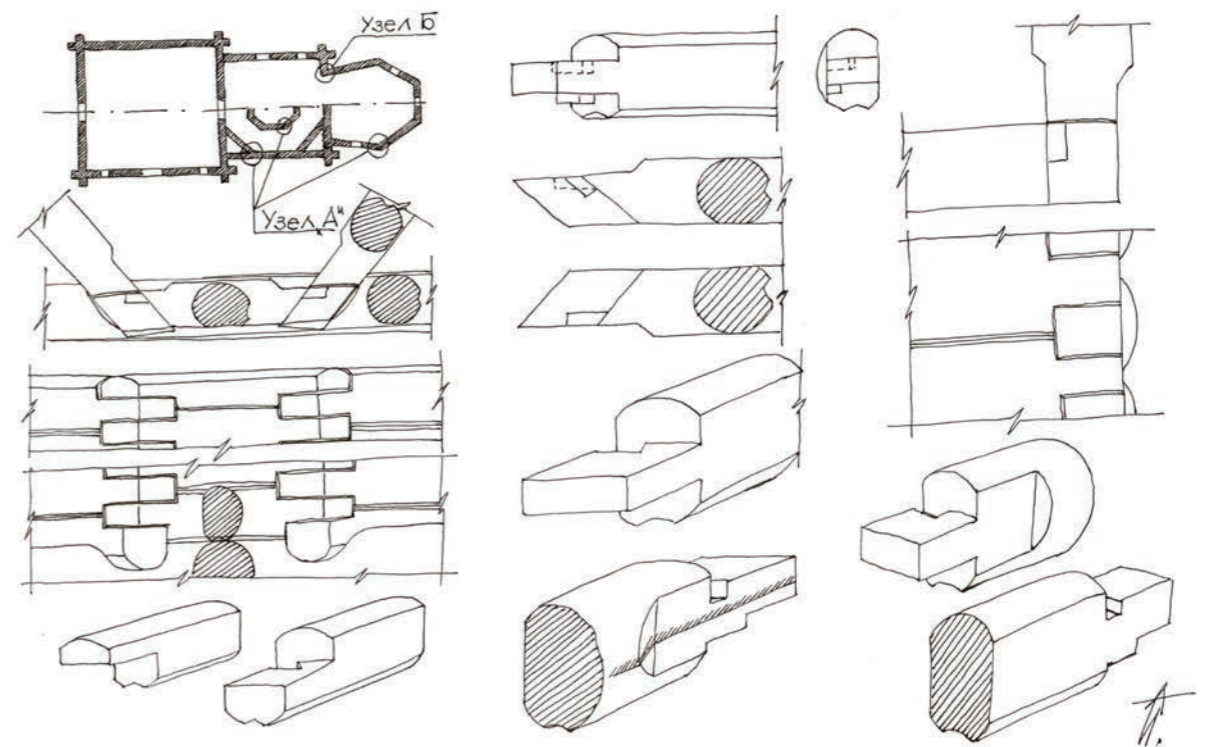

Рис. 135. Узлы «в лапу» в конструкции четверика и восьмирика

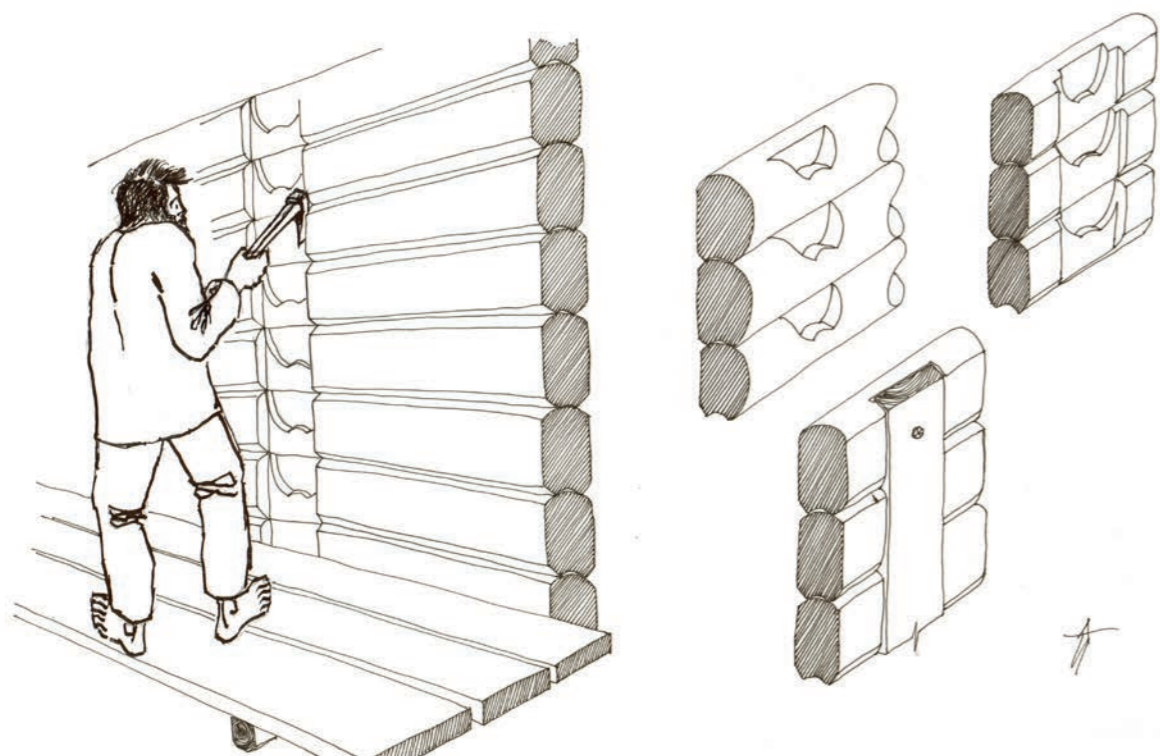

Рис. 136. Ремонтные работы на северном фасаде трапезной

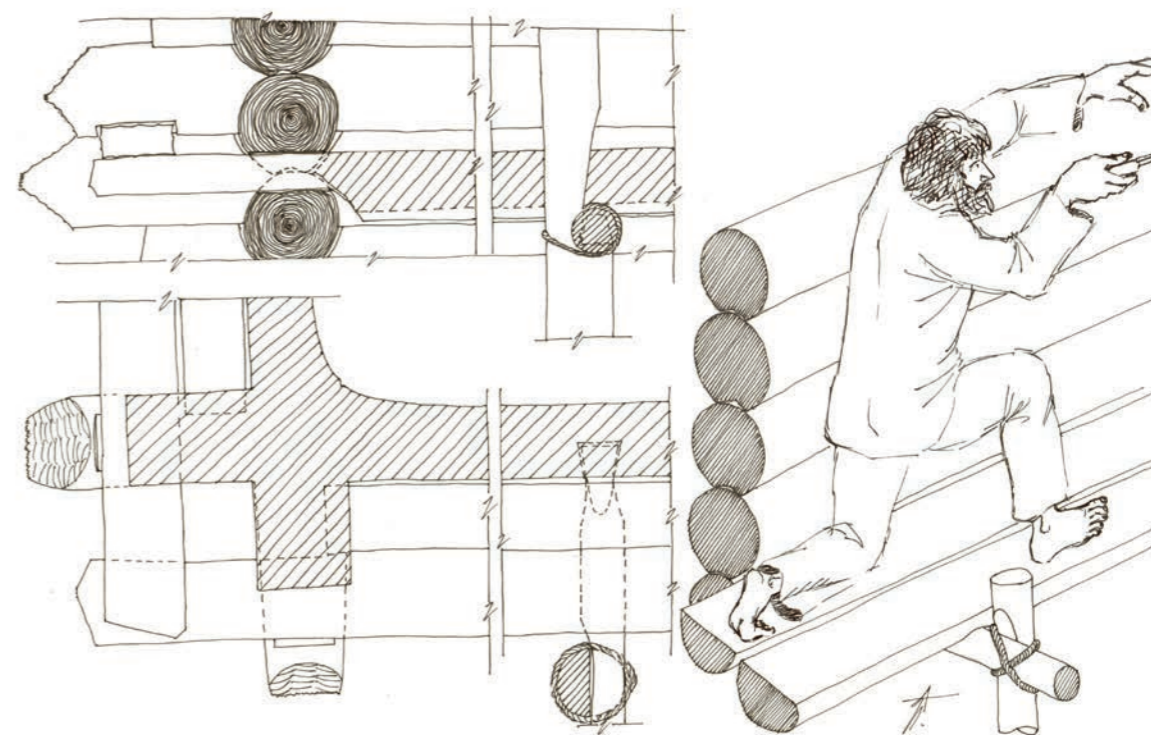

Рис. 138. Конструкция наружных лесов, использовавшихся при строительстве храма

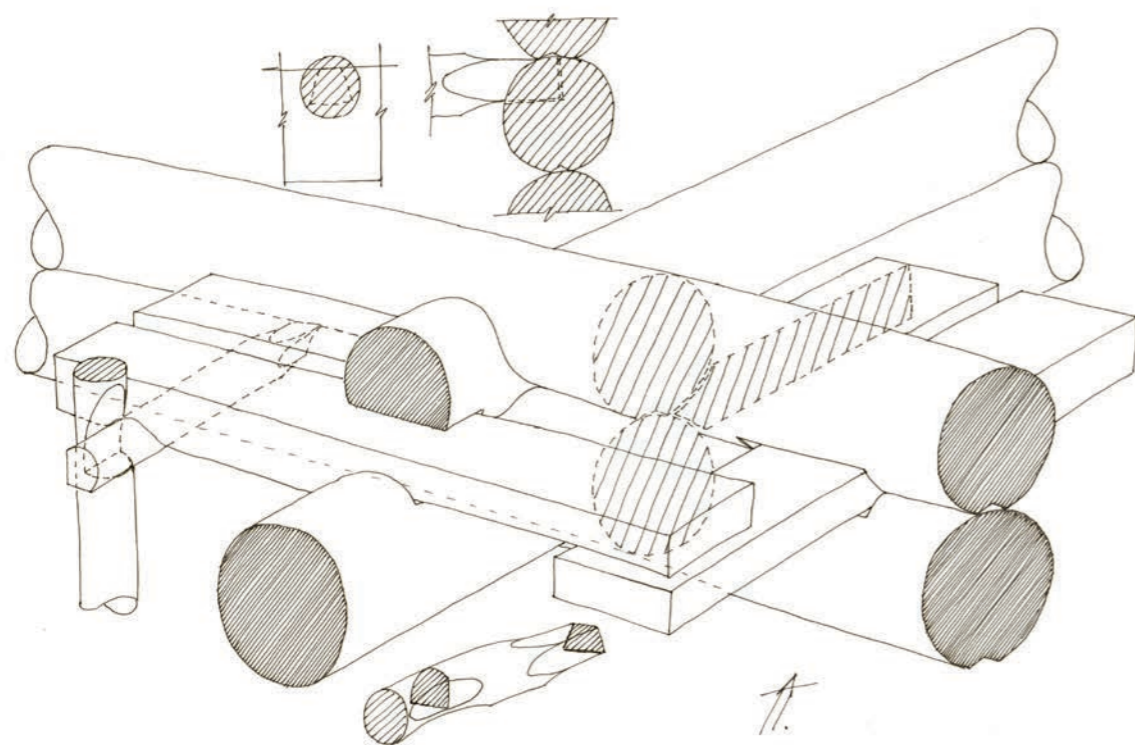

Рис. 137. Крепление лесов при строительстве храма. Конец XVII в.

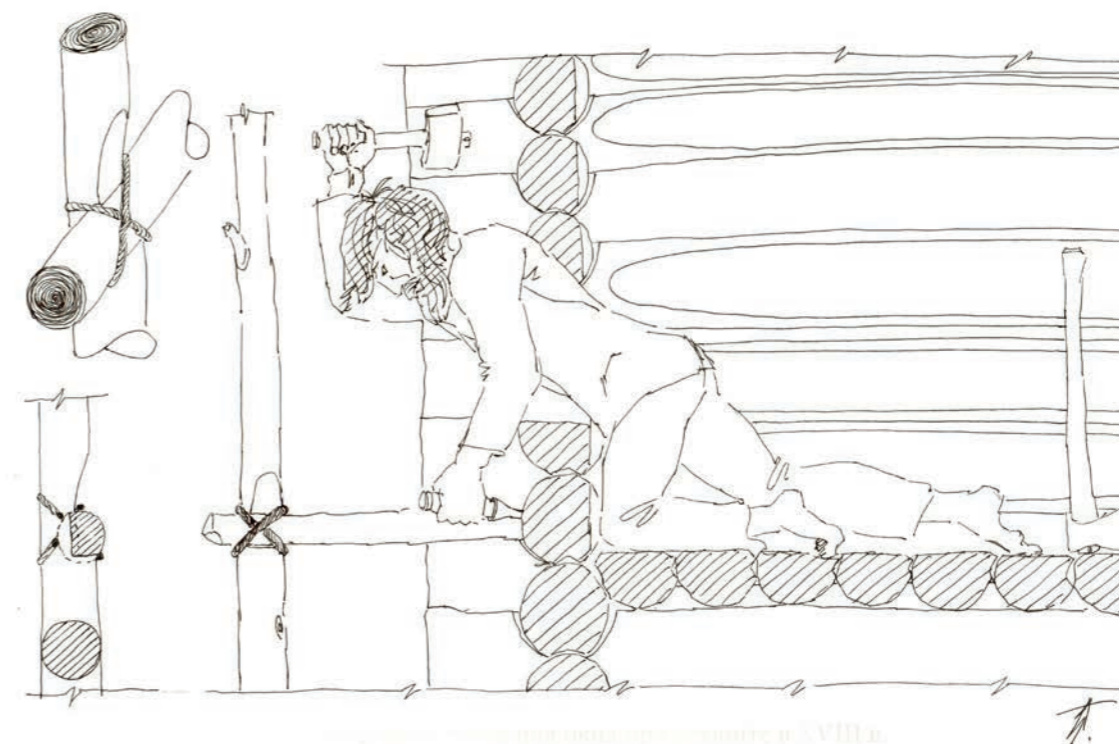

Рис. 139. Установка лесов под окна при ремонте в XVIII в.

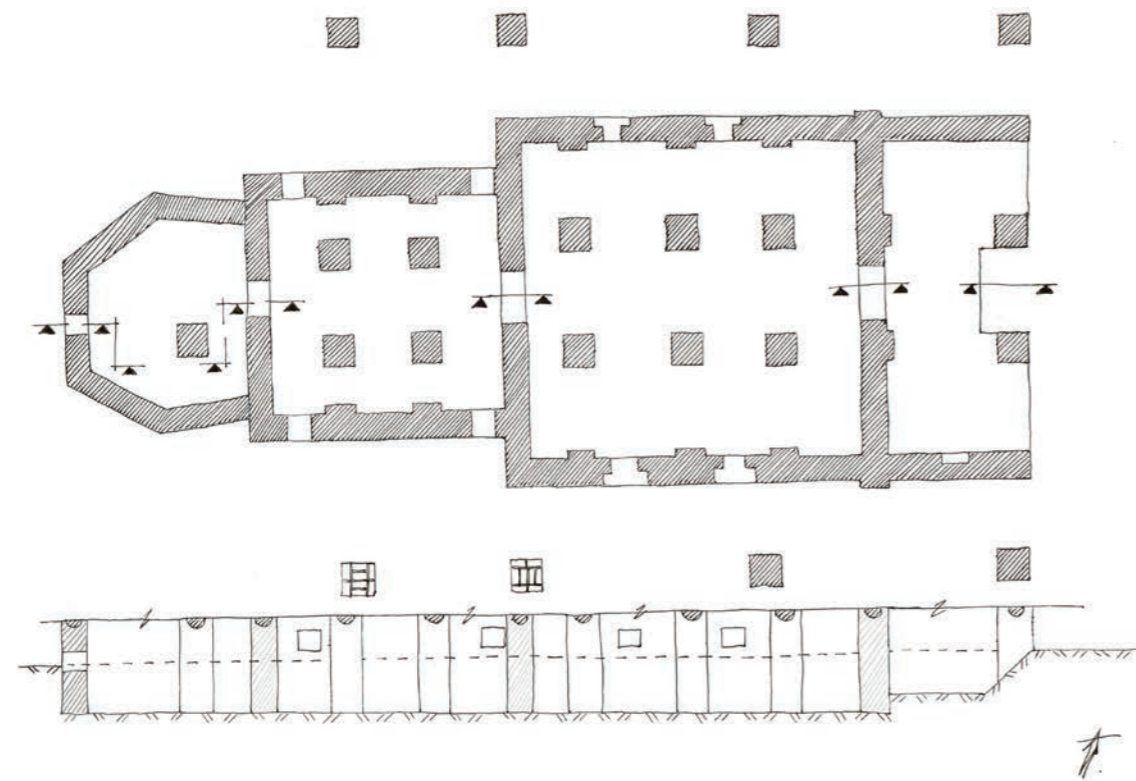

Рис. 140. Кирпичный цоколь XVIII–XIX вв.

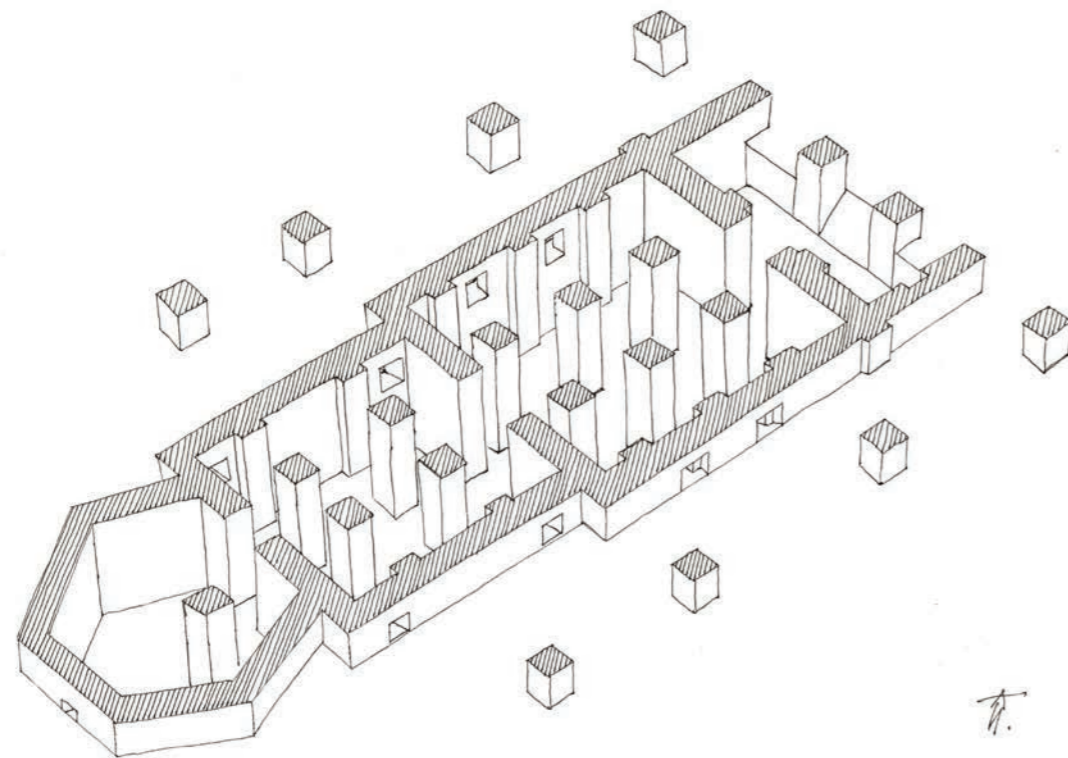

Рис. 141. Кирпичный цоколь XVIII–XIX вв. Аксонометрия

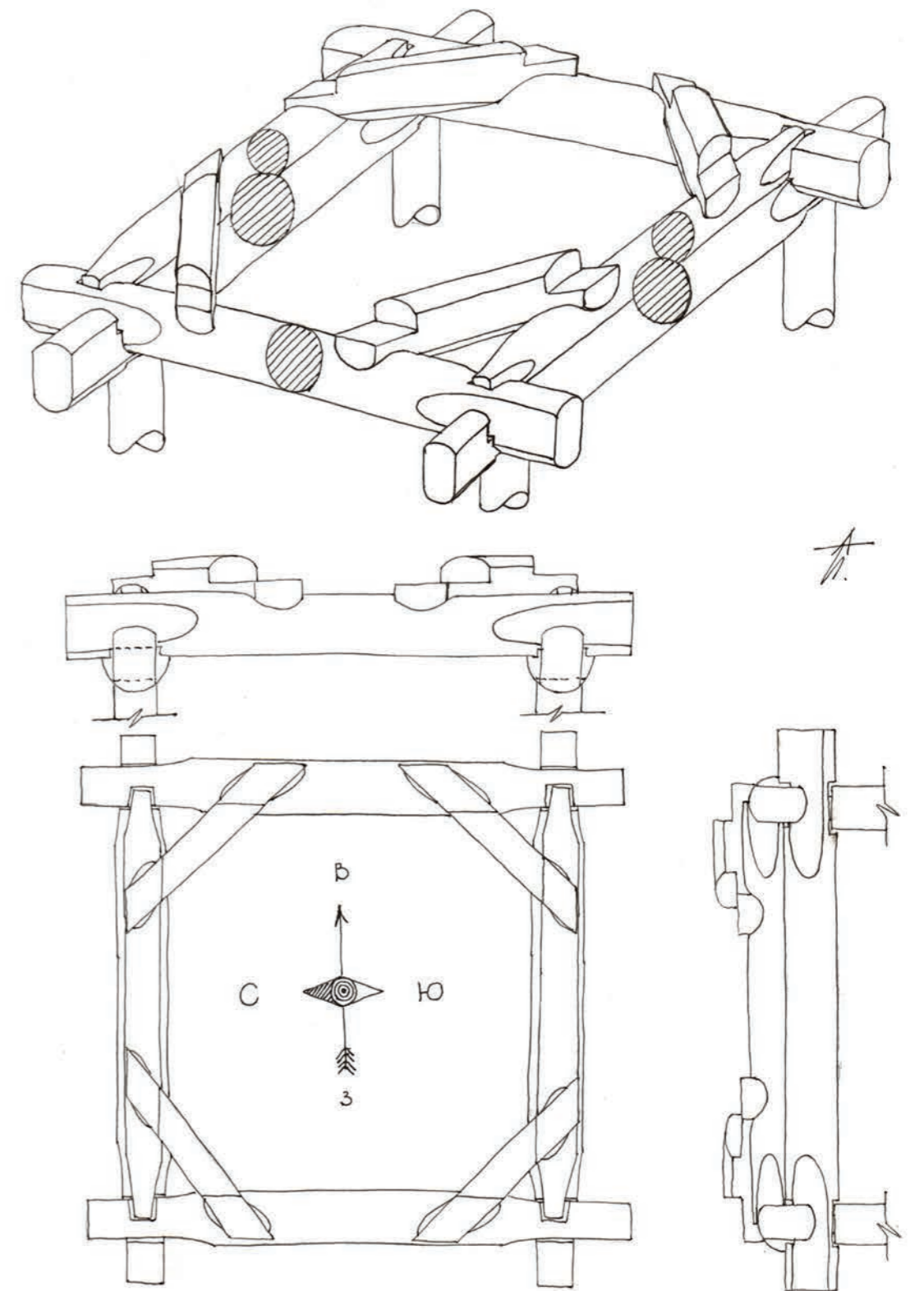

Рис. 142. Окладные венцы малого восьмерика, срубленные на стоечно-балочной конструкции

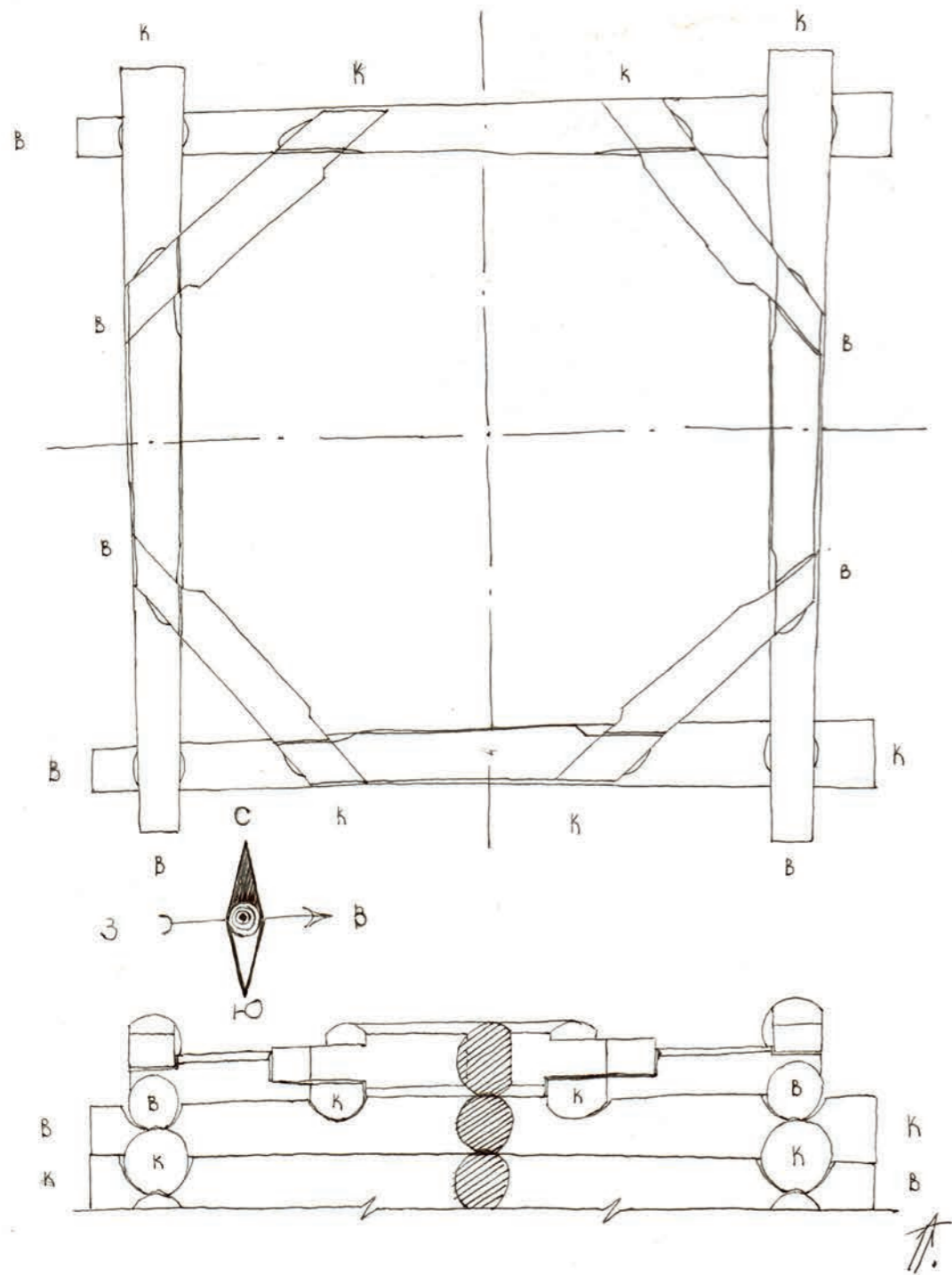

Рис. 143. Окладные венцы малого восьмерика, срубленные на стоечно-балочной конструкции. План и фасад

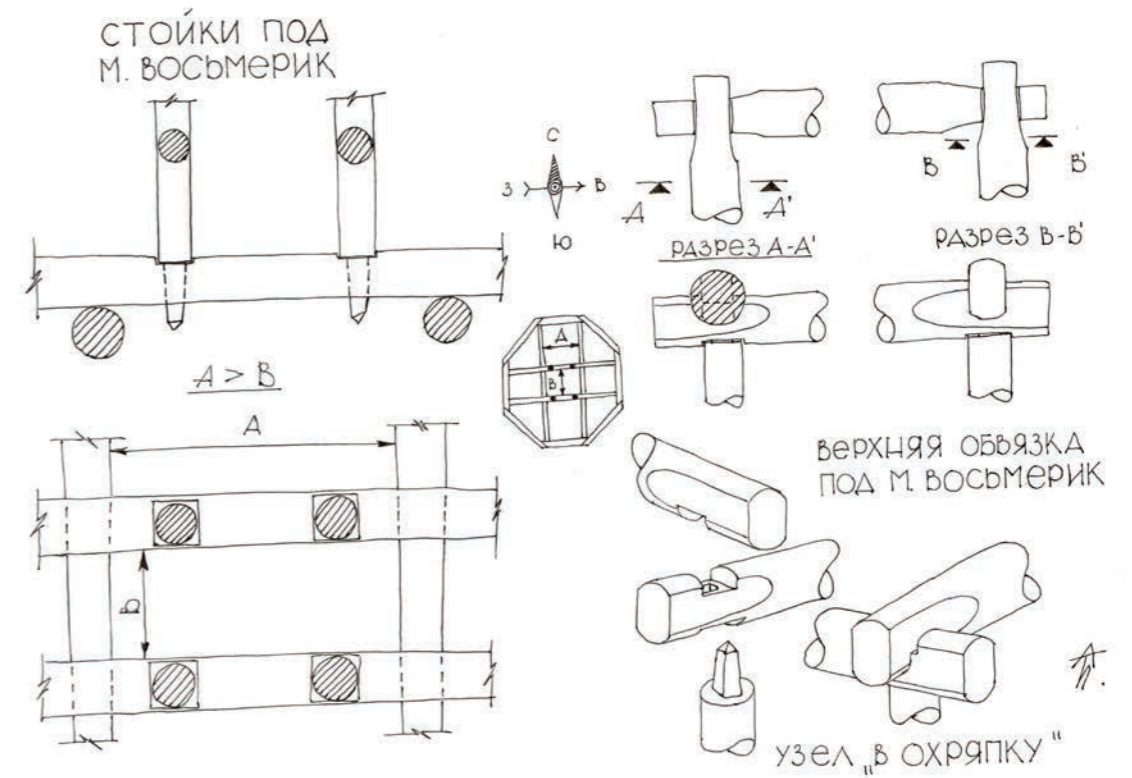

Рис. 144. Конструкция под малый восьмерик

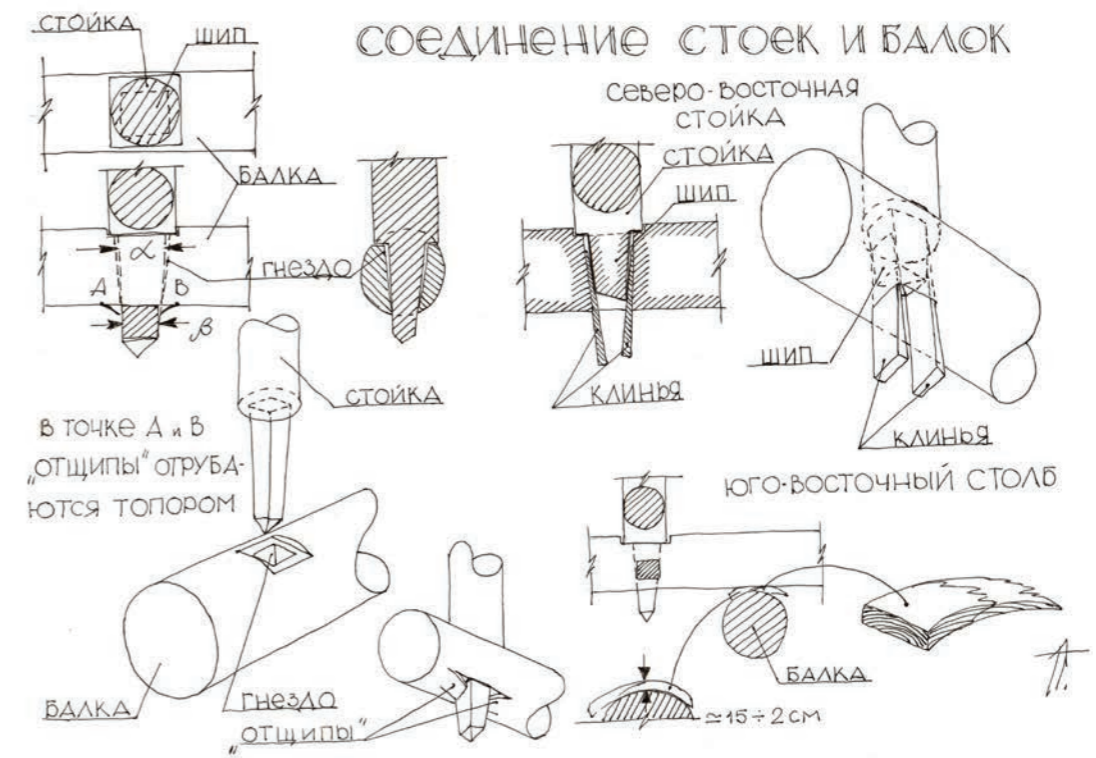

Рис. 145. Особенности конструкции под малый восьмерик. Соединение стоек и балок

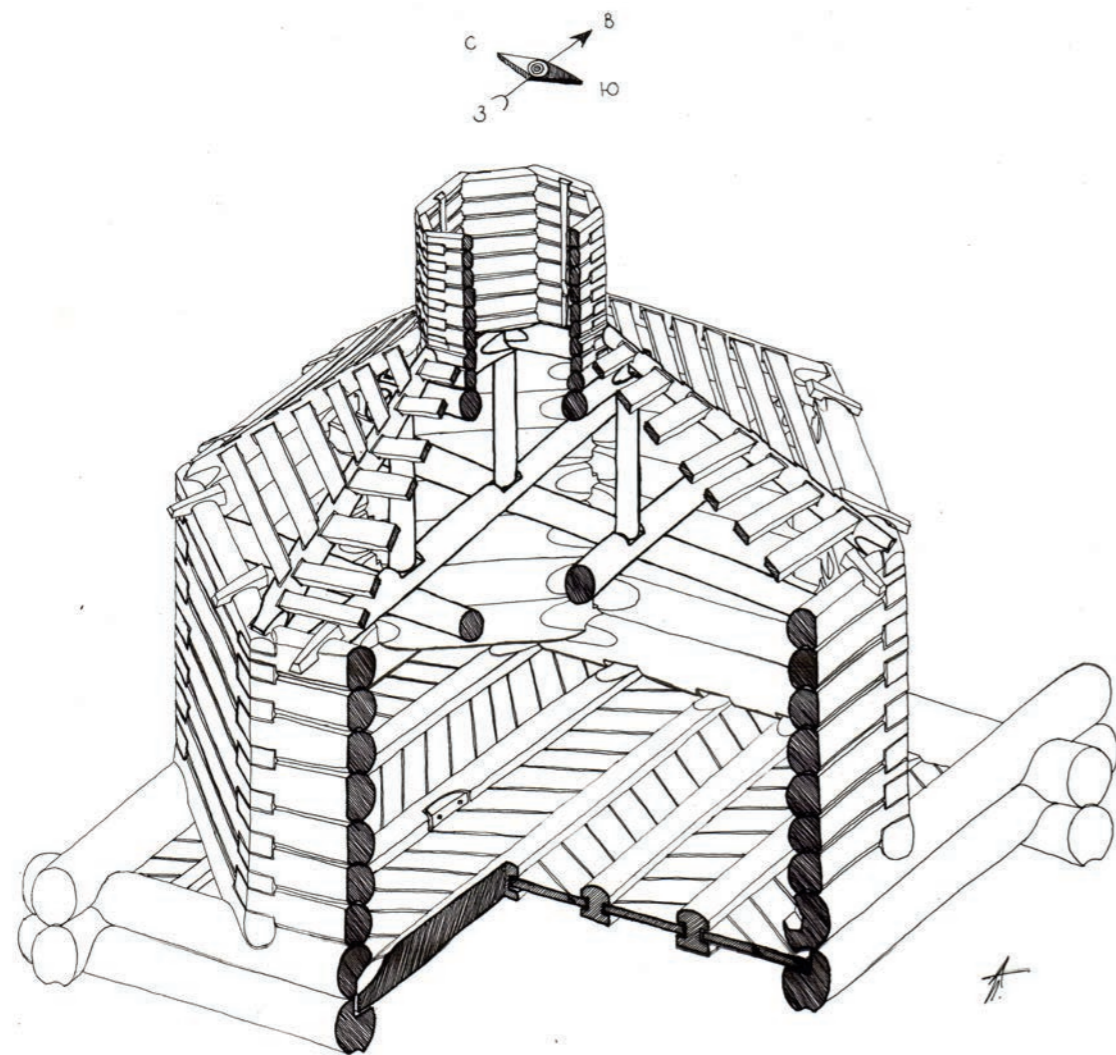

Рис. 146. Конструкция большого и малого восьмиериков XVIII в. и четверика конца XVII в.

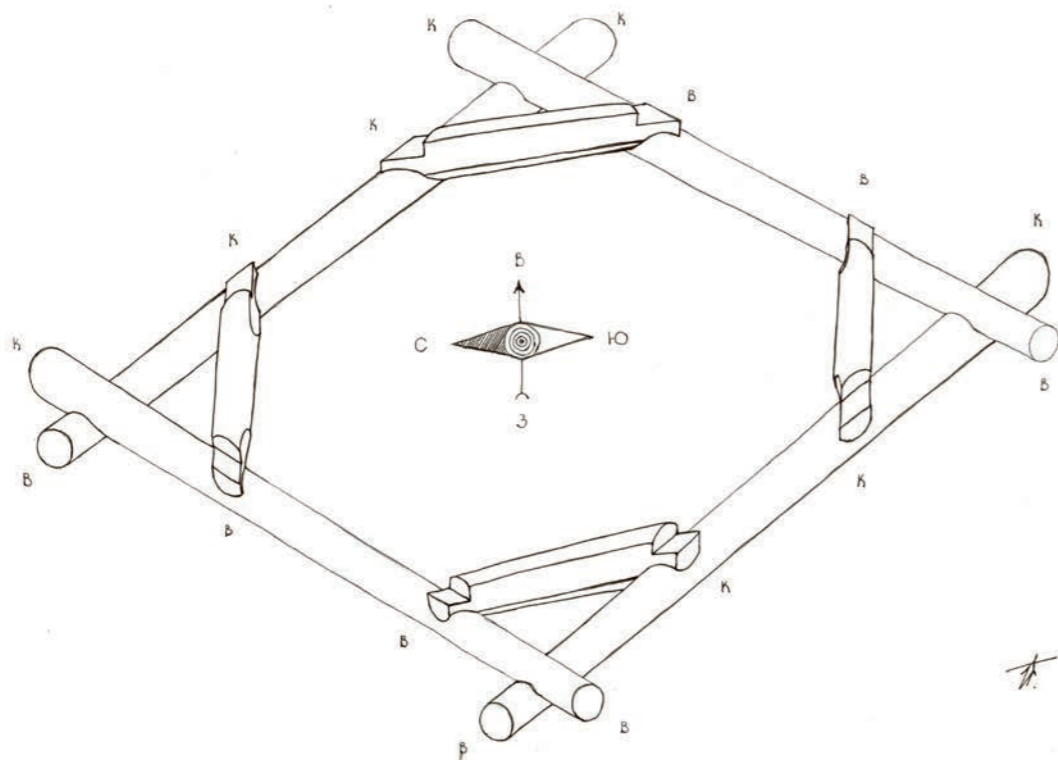

Рис. 147. Окладные венцы большого восьмиерика

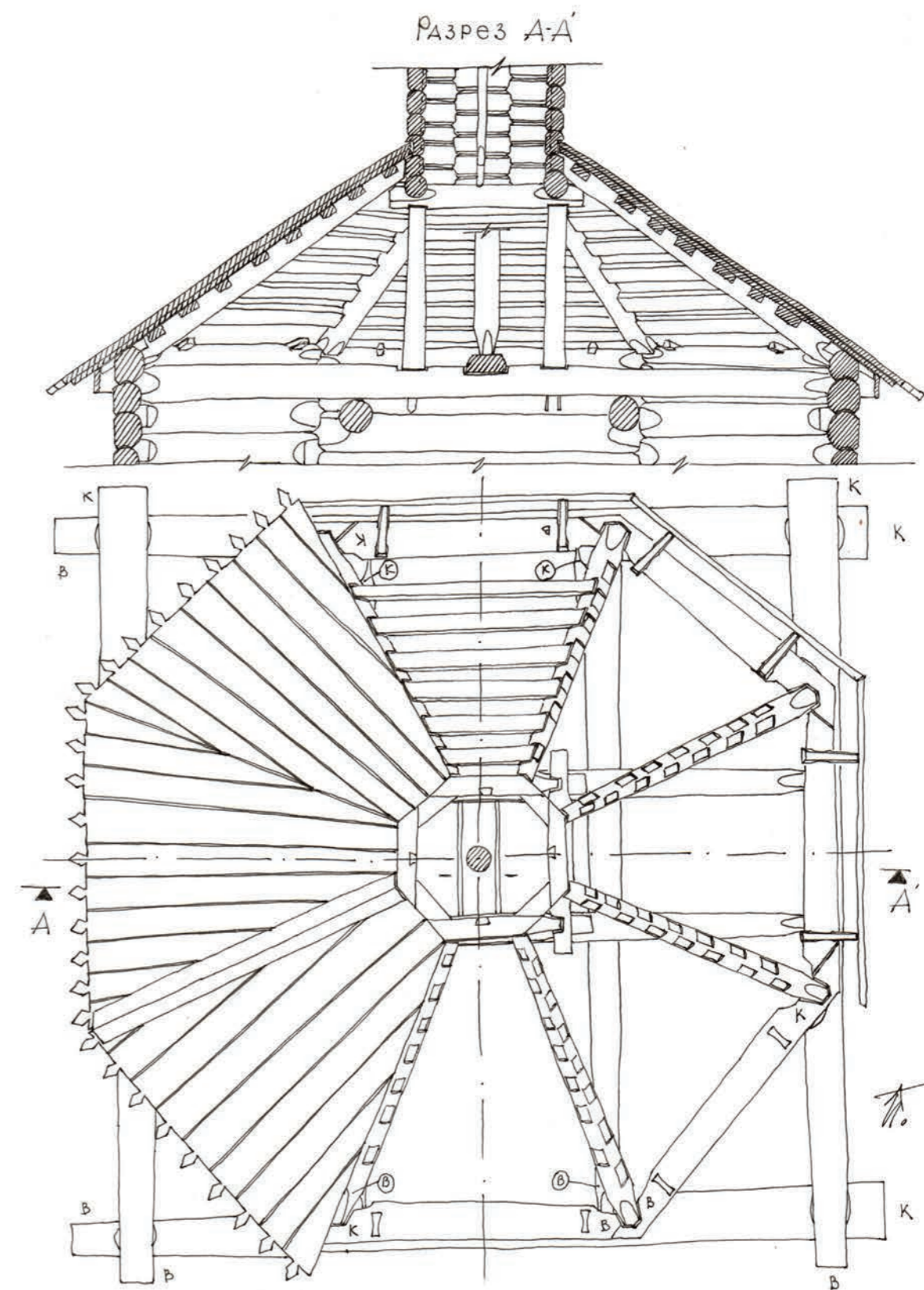

Рис. 148. Конструкция большого и малого восьмиериков XVIII в. и четверика конца XVII в.
План и разрез. АЗ

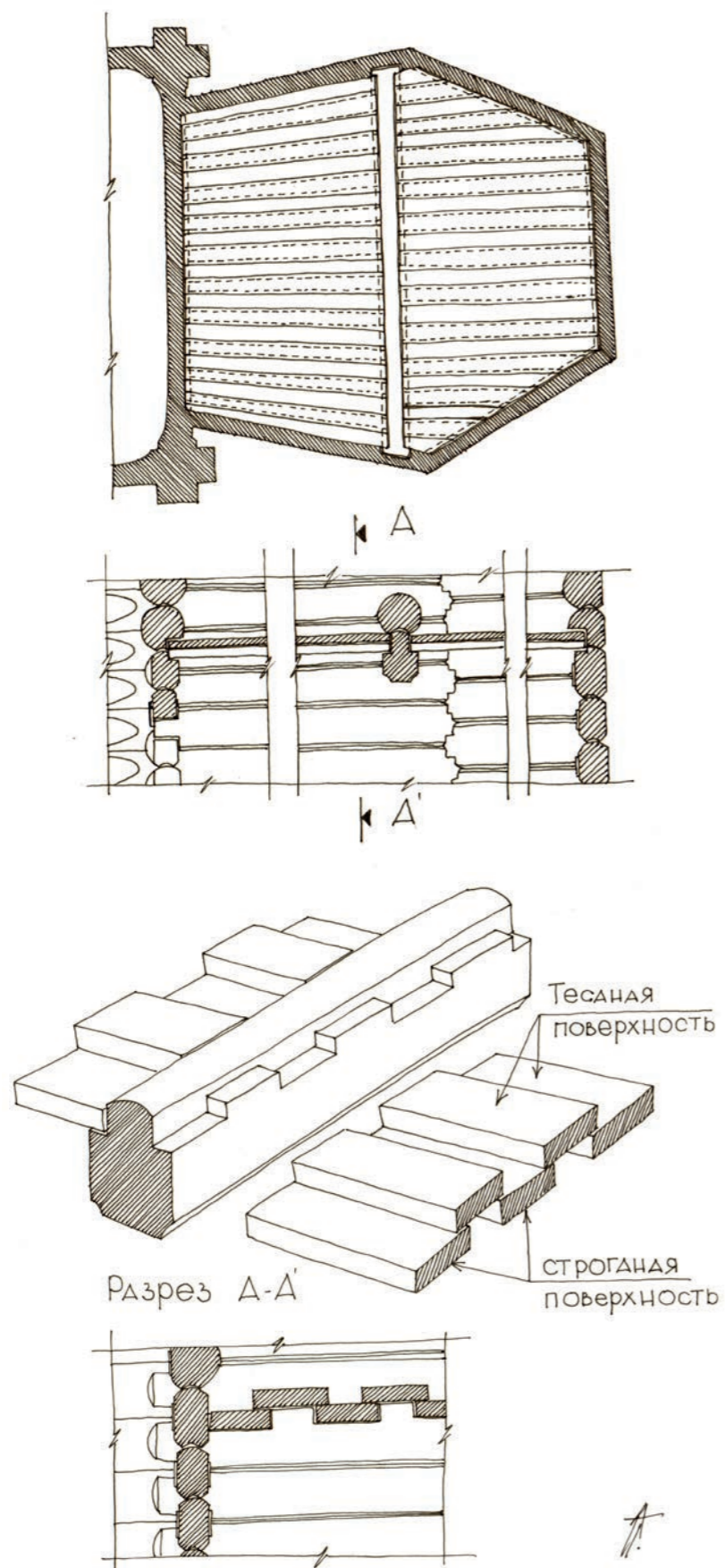

Рис. 149. Потолок в алтаре. XVIII в.

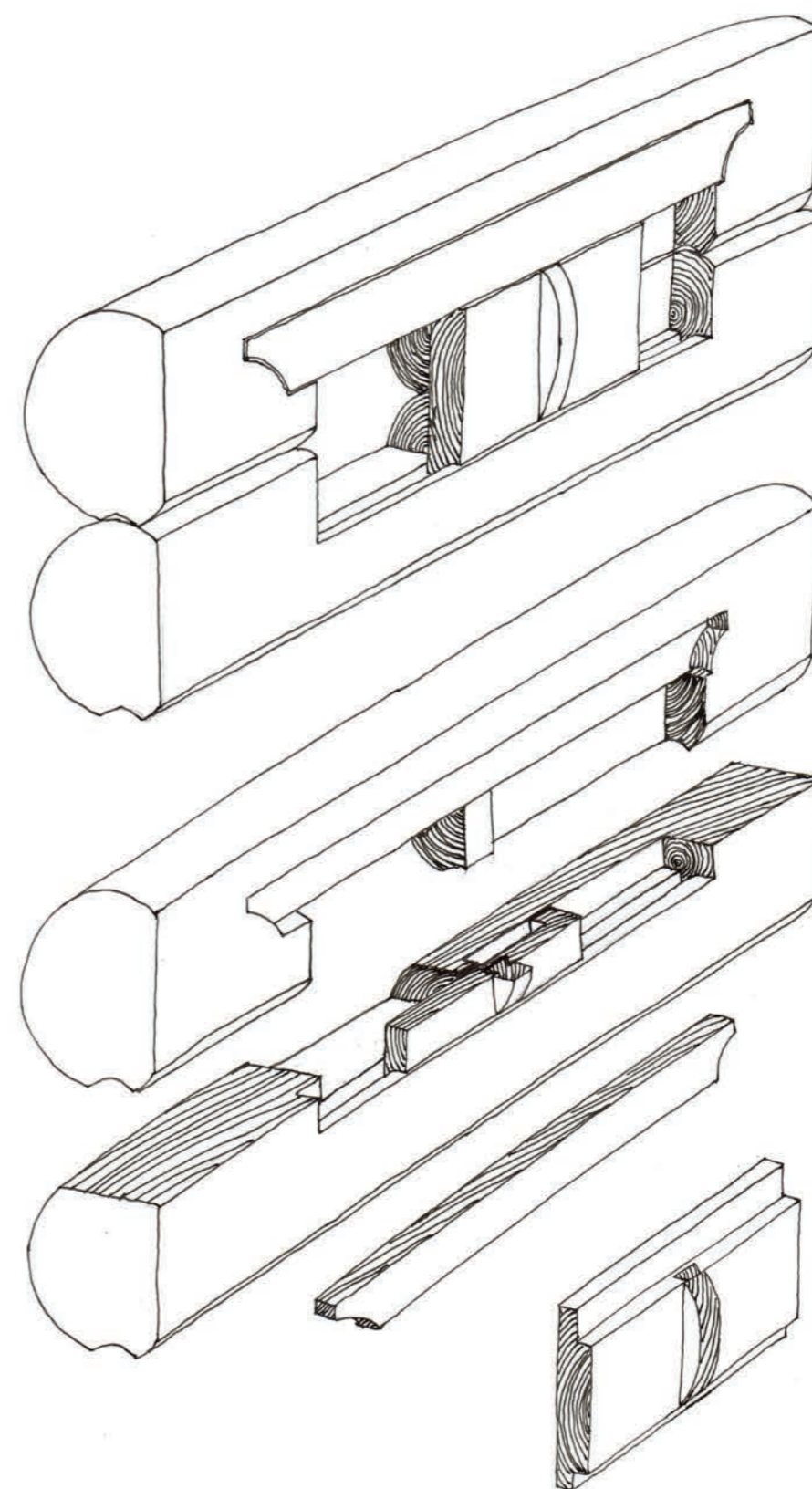

Рис. 150. Волоковое окно. Аксонометрия

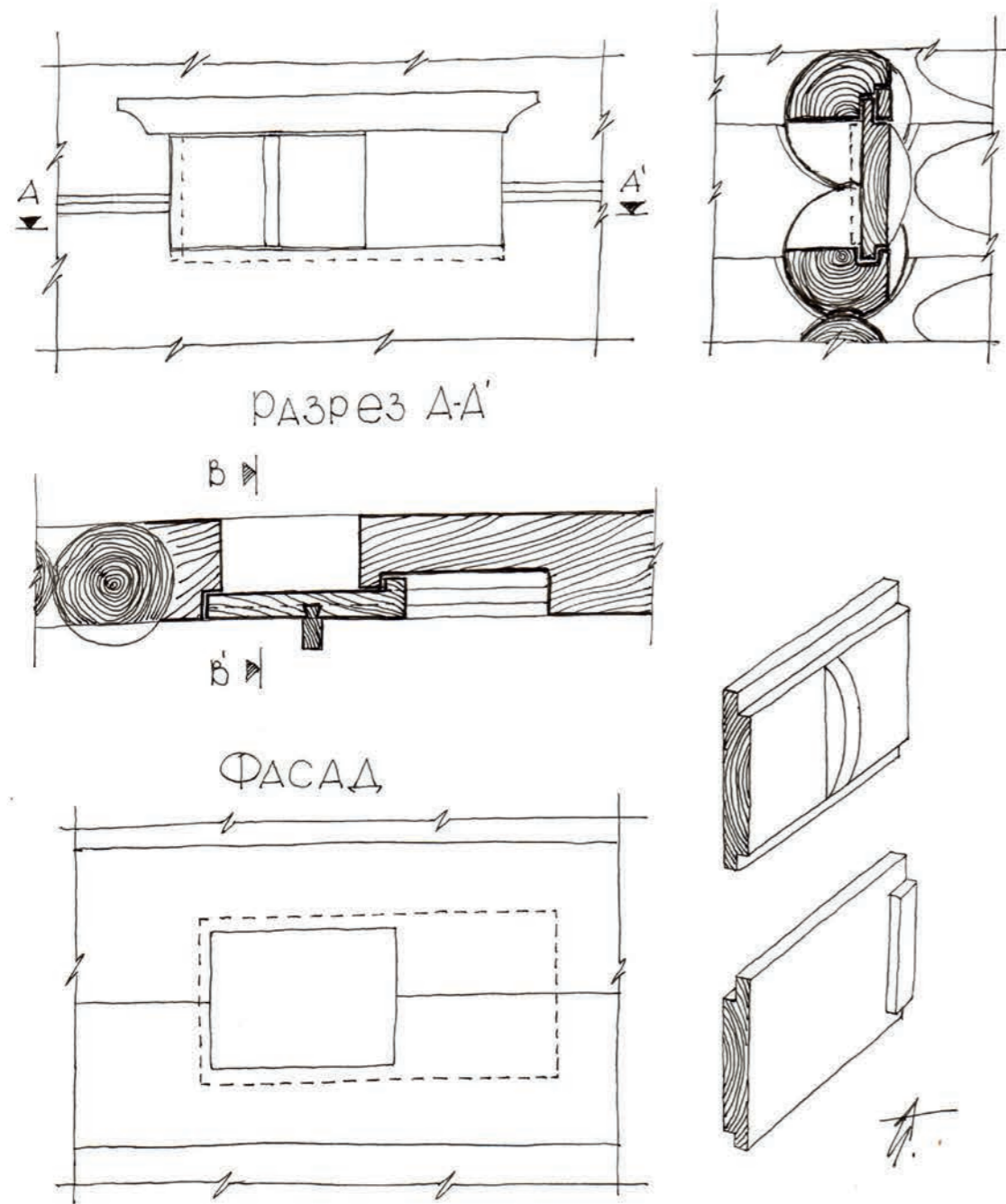

Рис. 151. Волоковое окно

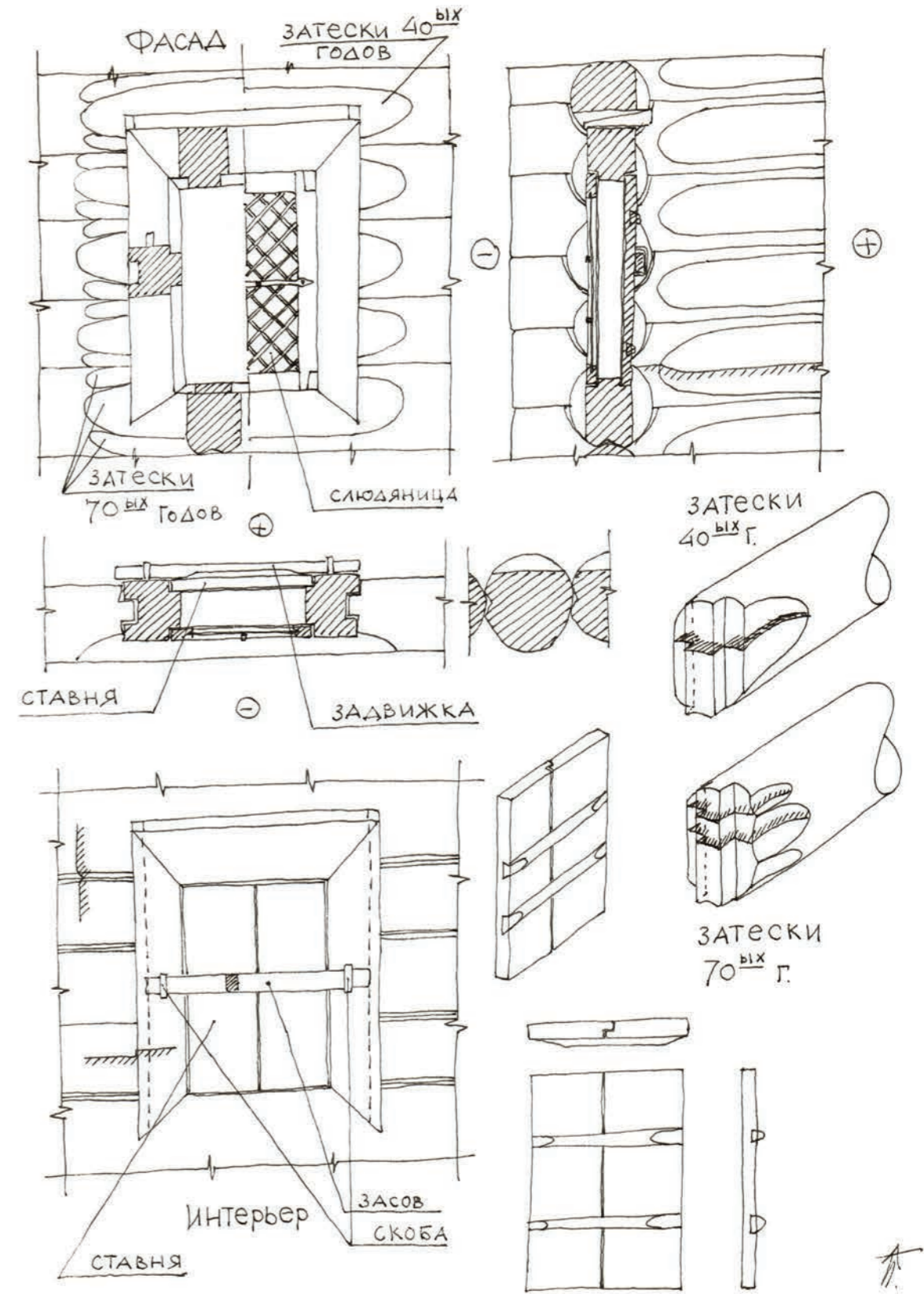

Рис. 152. Конструкции косячатого окна. АЗ

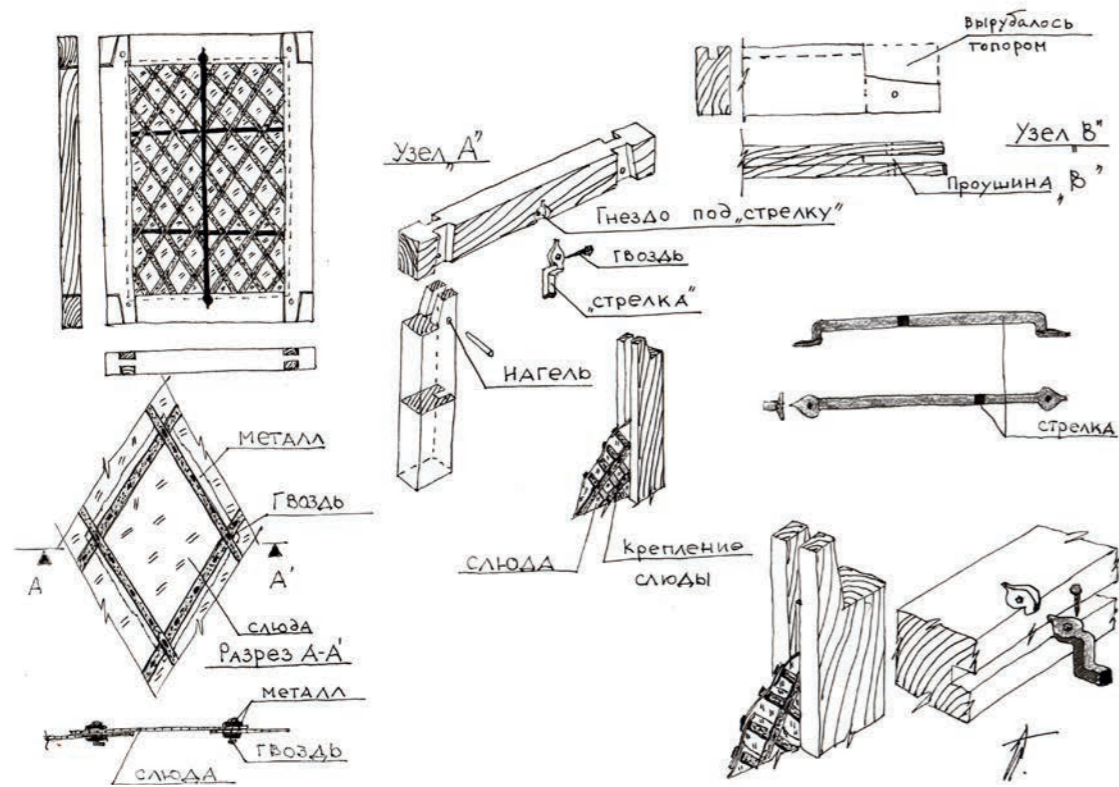

Рис. 153. Слюдяная оконница

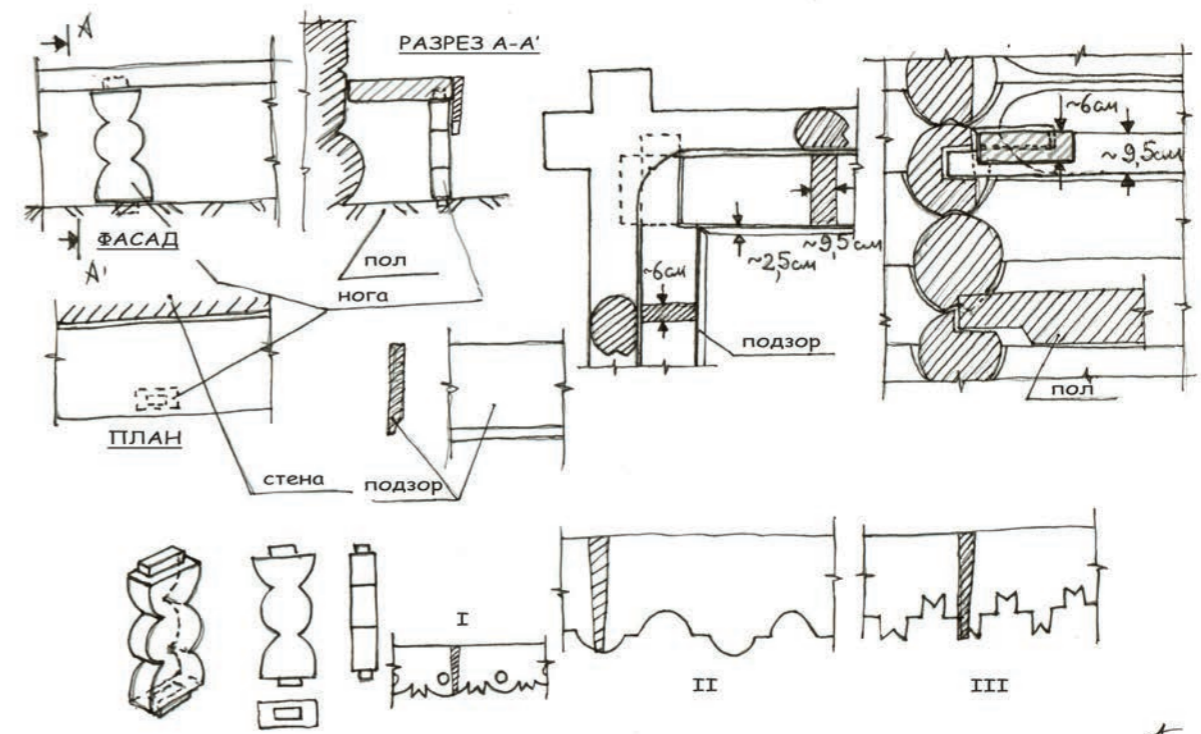

Рис. 155. Конструкции лавок

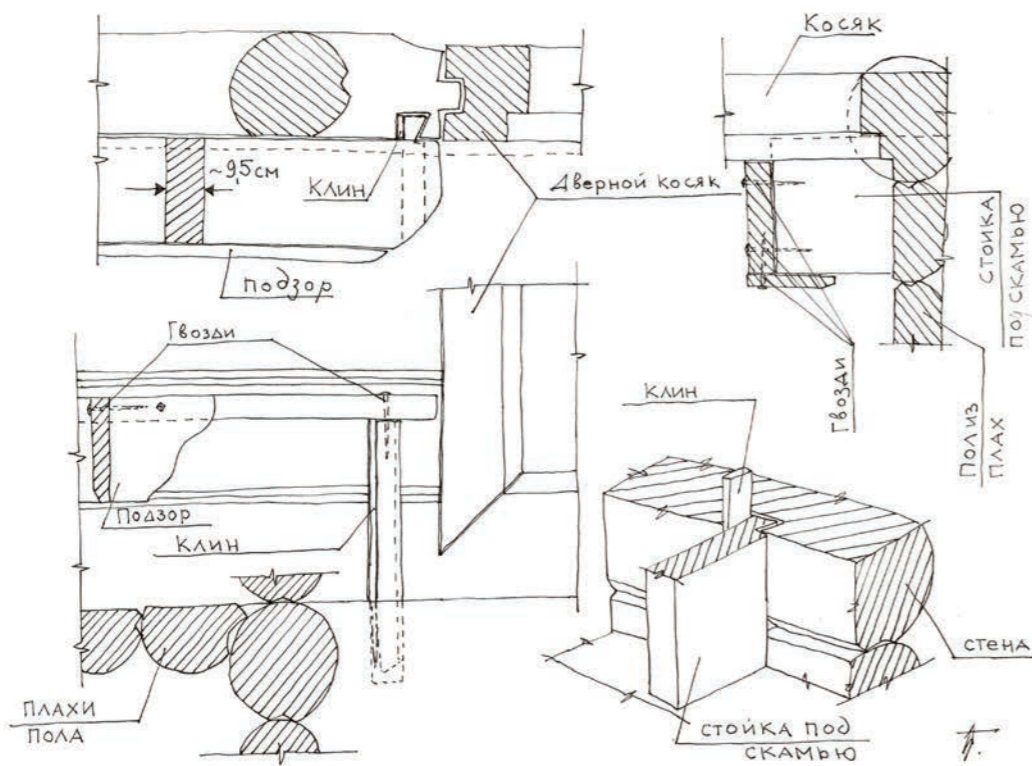

Рис. 154. Конструкция крепления лавок к стенам четверика

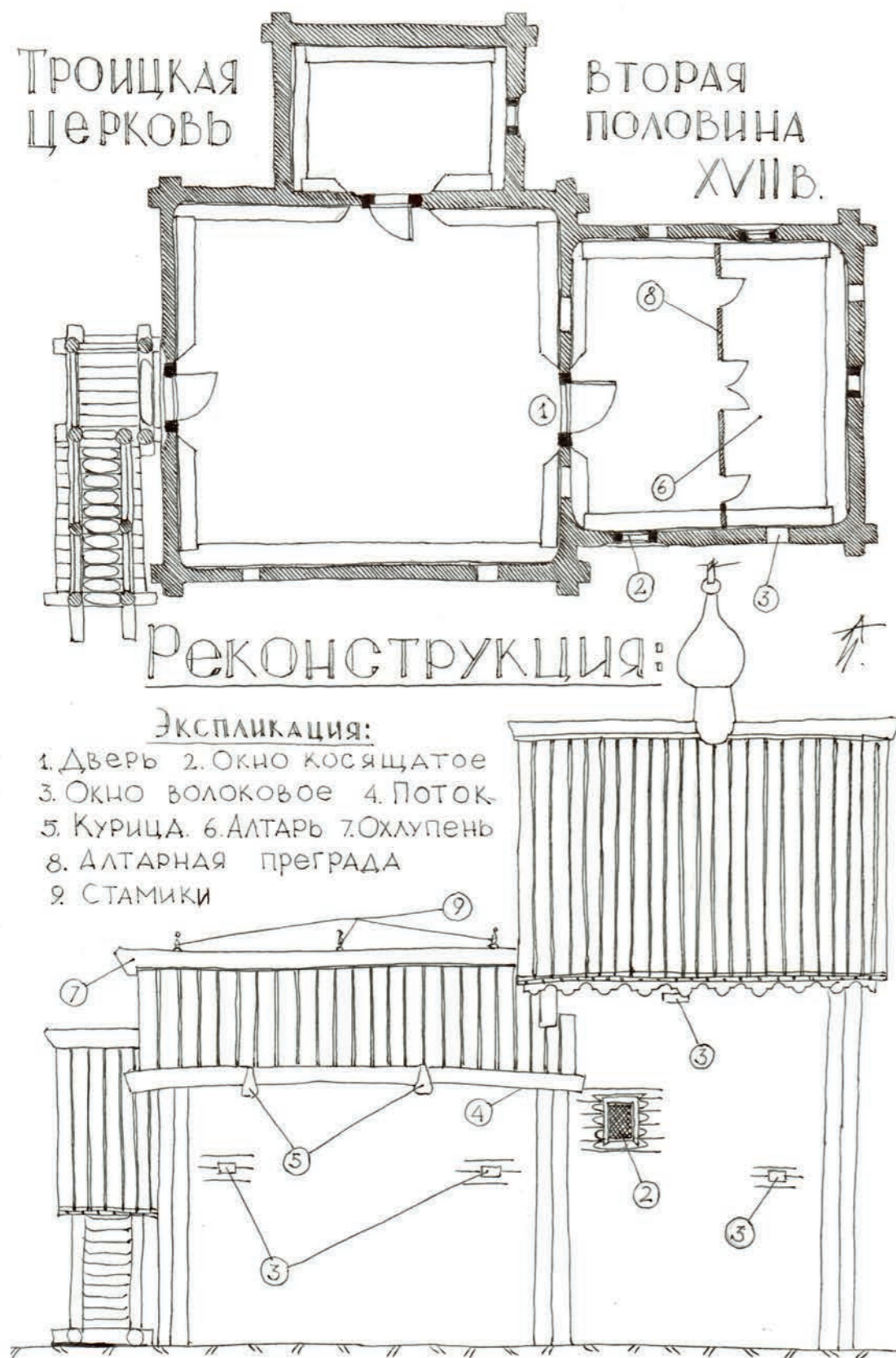

Рис. 156. Троицкая церковь. Вторая половина XVII в. Реконструкция. Рис. 1. А3

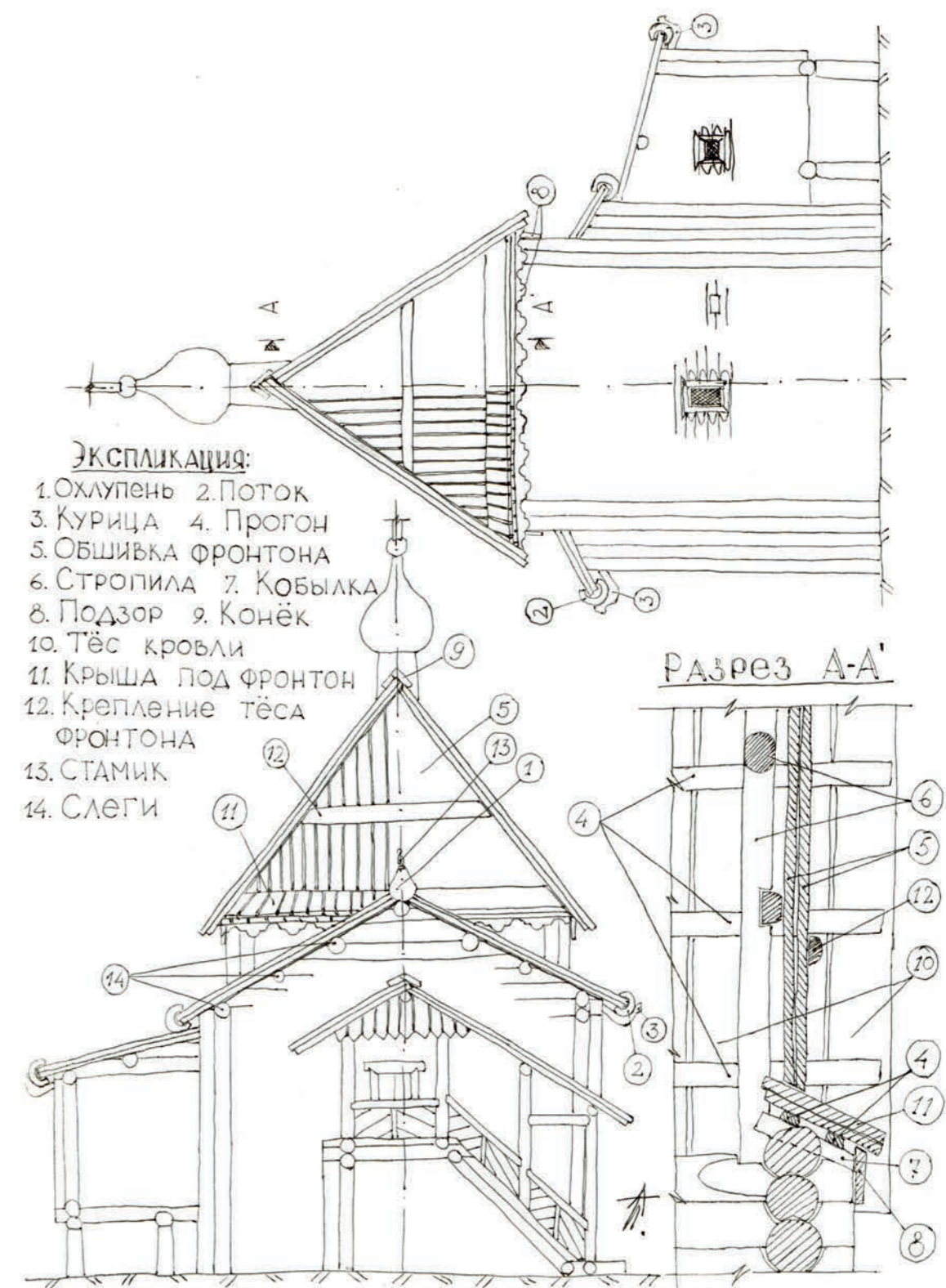

Рис. 157. Троицкая церковь. Вторая половина XVII в. Реконструкция. Рис. 2. А3

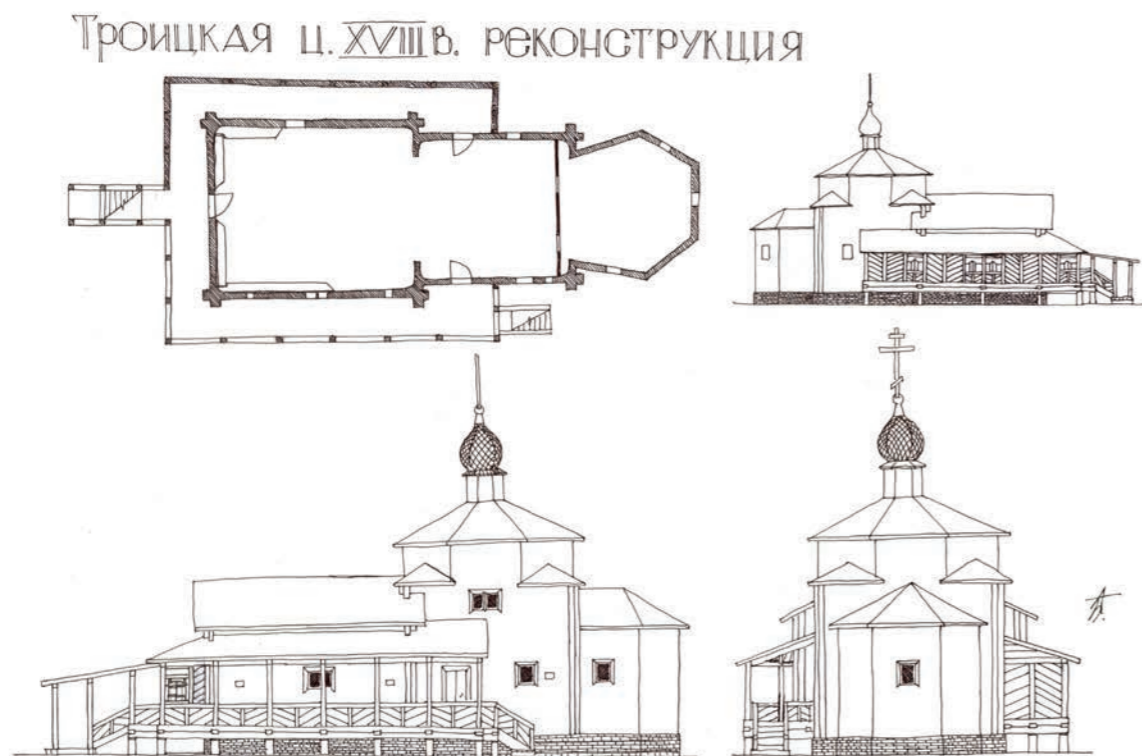

Рис. 158. Троицкая церковь. XVIII в. Реконструкция. А.В. Попов

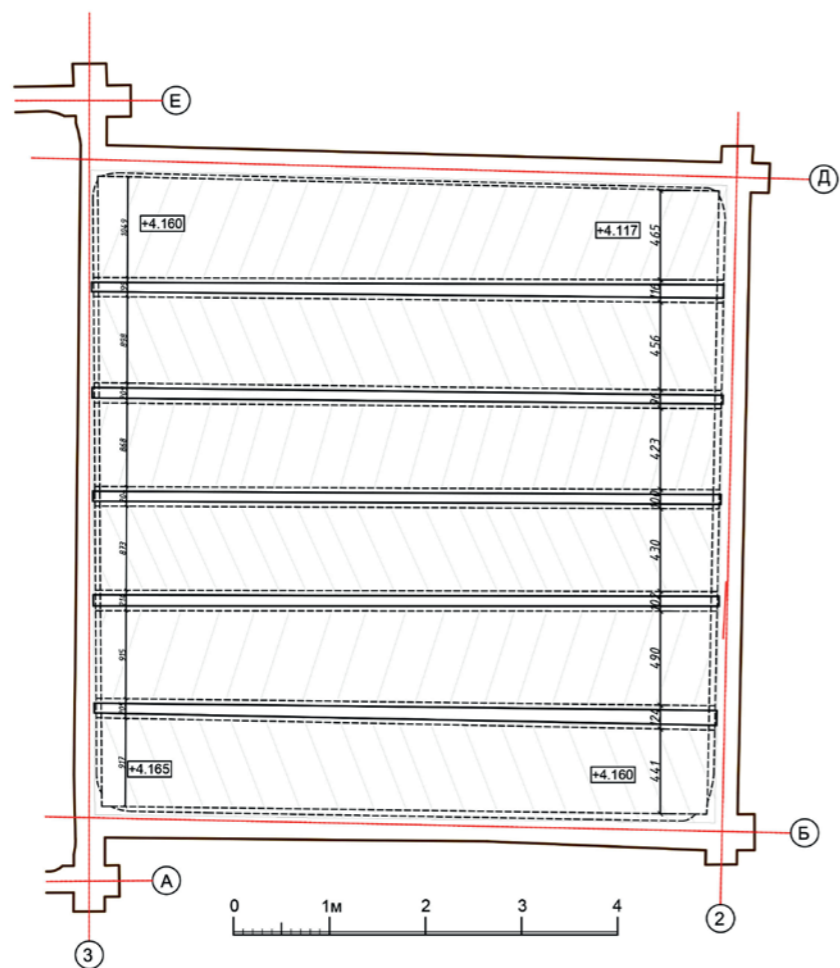

Рис. 159. Потолок кафоликона. Схема

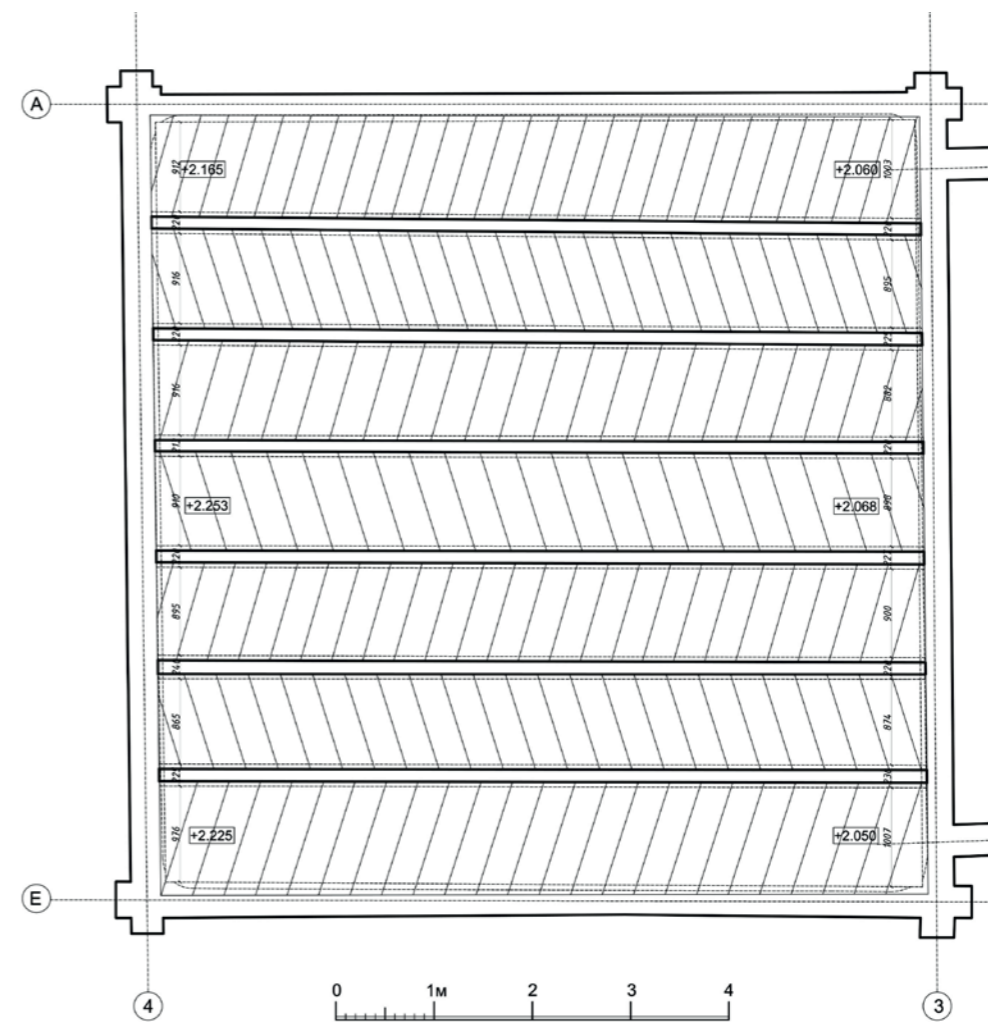

Рис. 160. Потолок трапезной. Схема

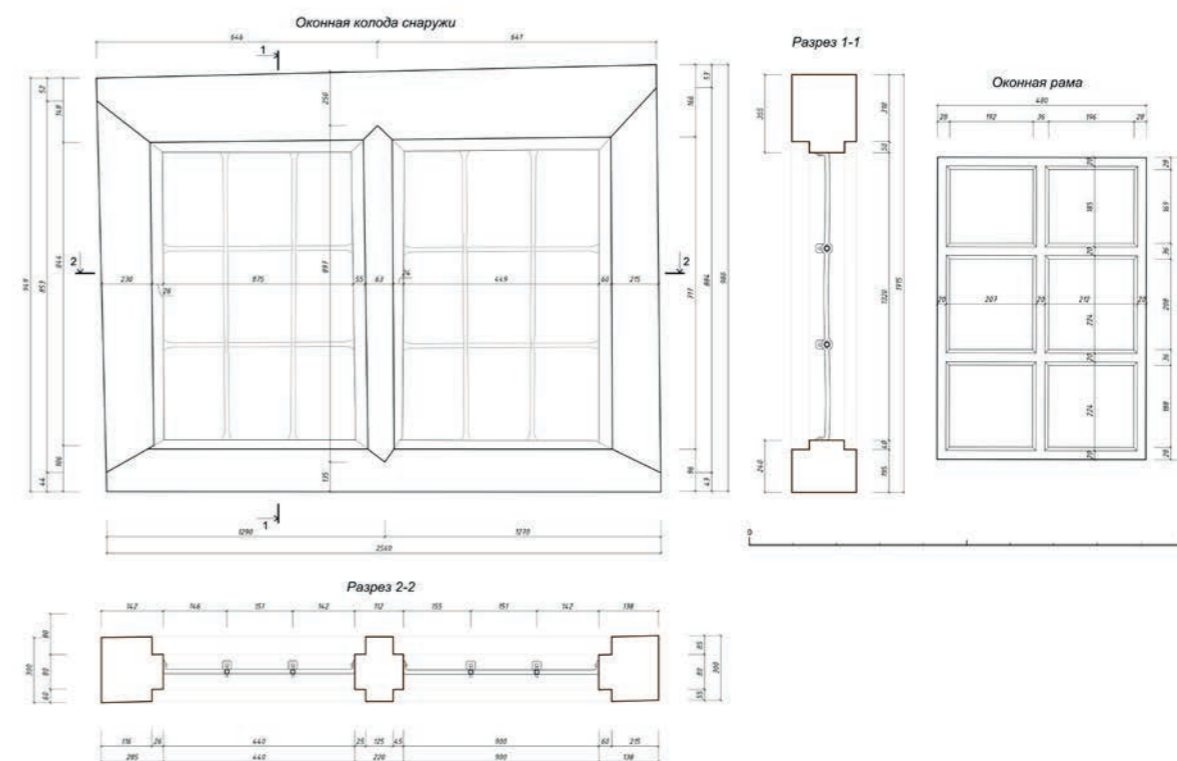

Рис. 161. Схема конструкций двойного окна. Чертеж

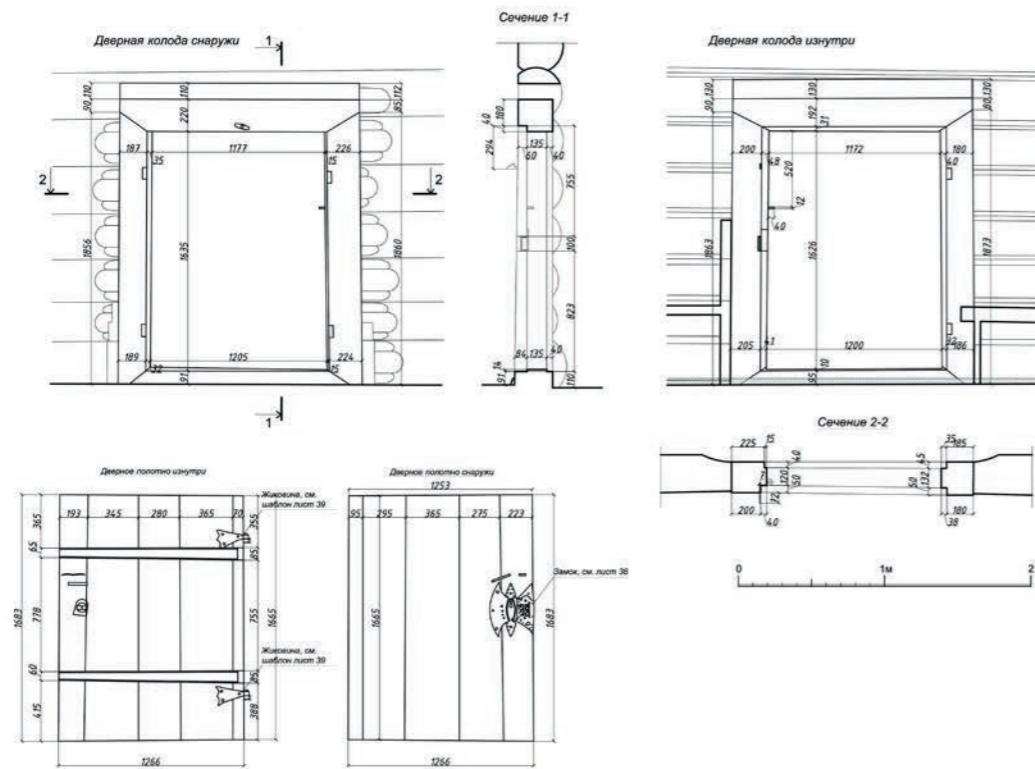

Рис. 162. Западный дверной проем и его заполнение. Чертеж

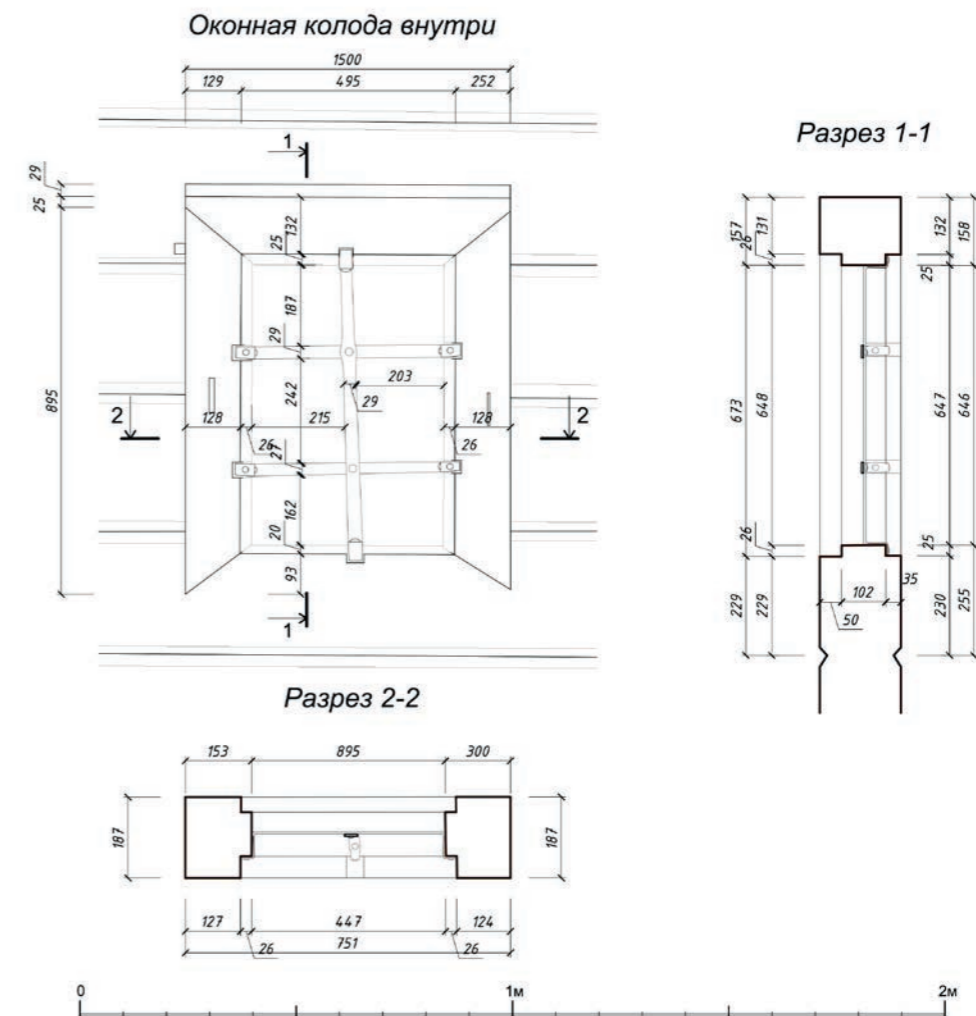

Рис. 164. Трехкосячатое окно. Чертеж

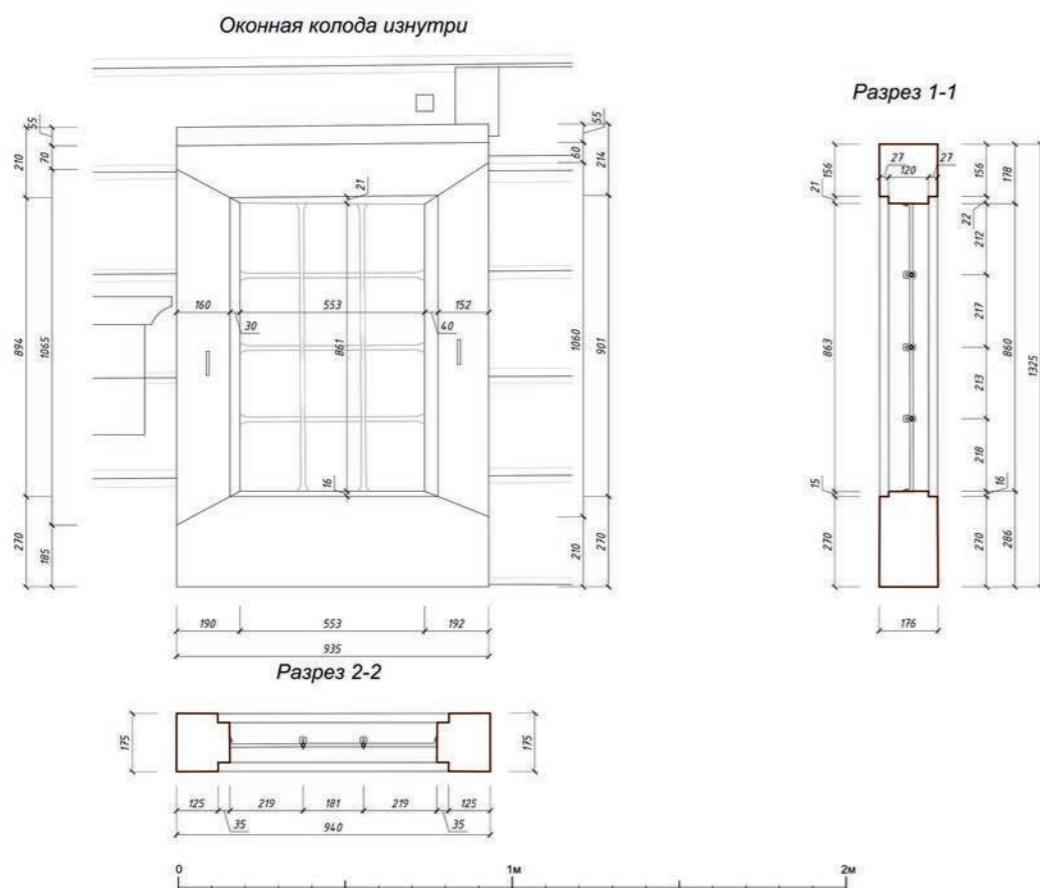

Рис. 163. Окно за клиросом на южном фасаде. Чертеж

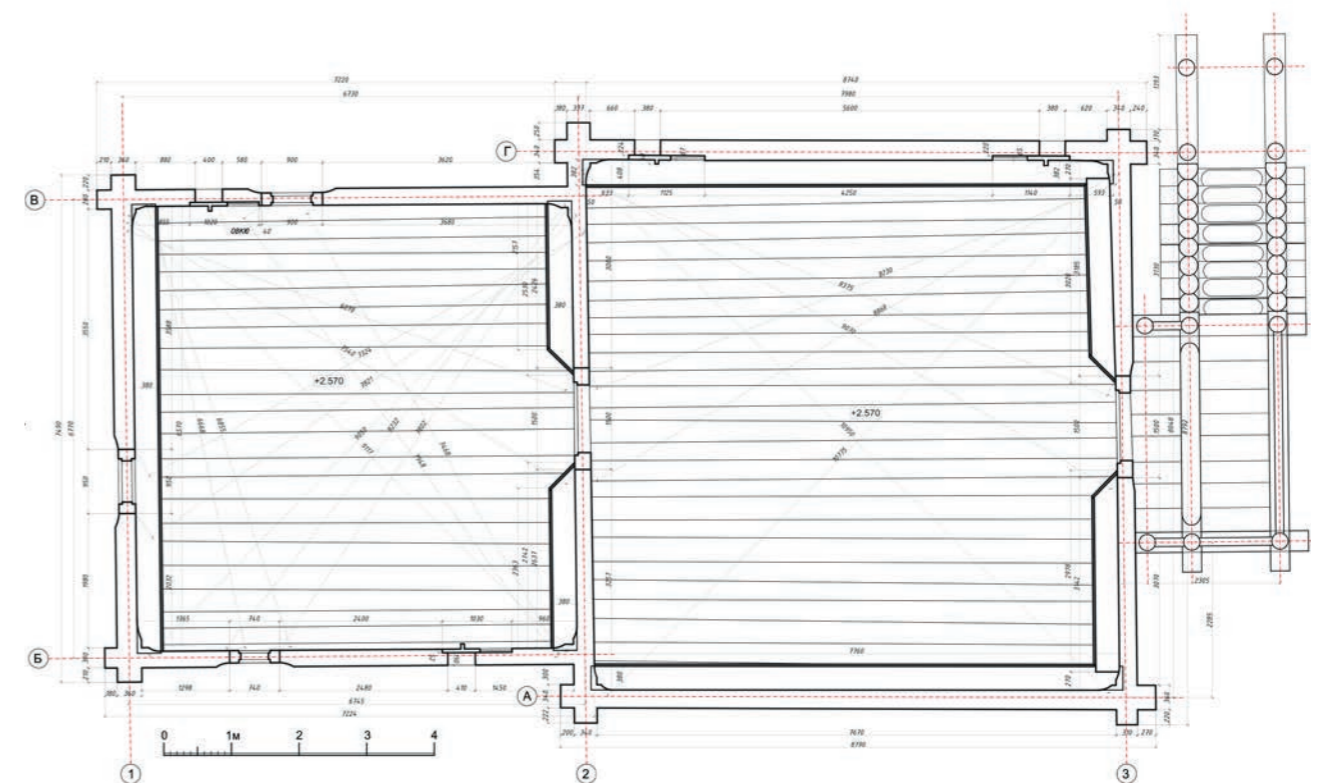

Рис. 165. Полы и лавки в кафоликоне и трапезной. 1670-е годы. Схема. А.В. Попов

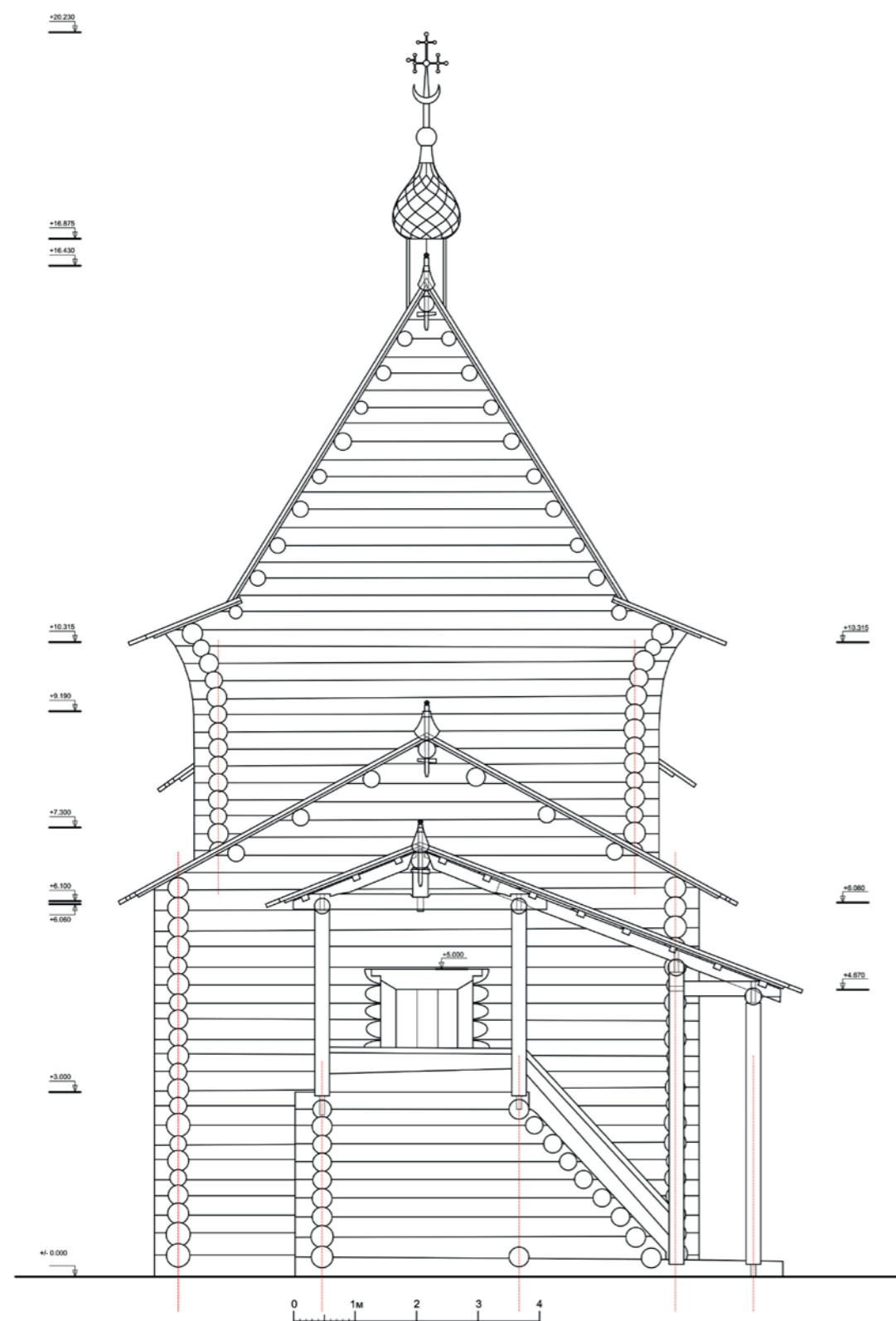

Рис. 166. Крыльцо и западный фасад Троицкой церкви.
Реконструкция к выполнению модели церкви. Чертеж

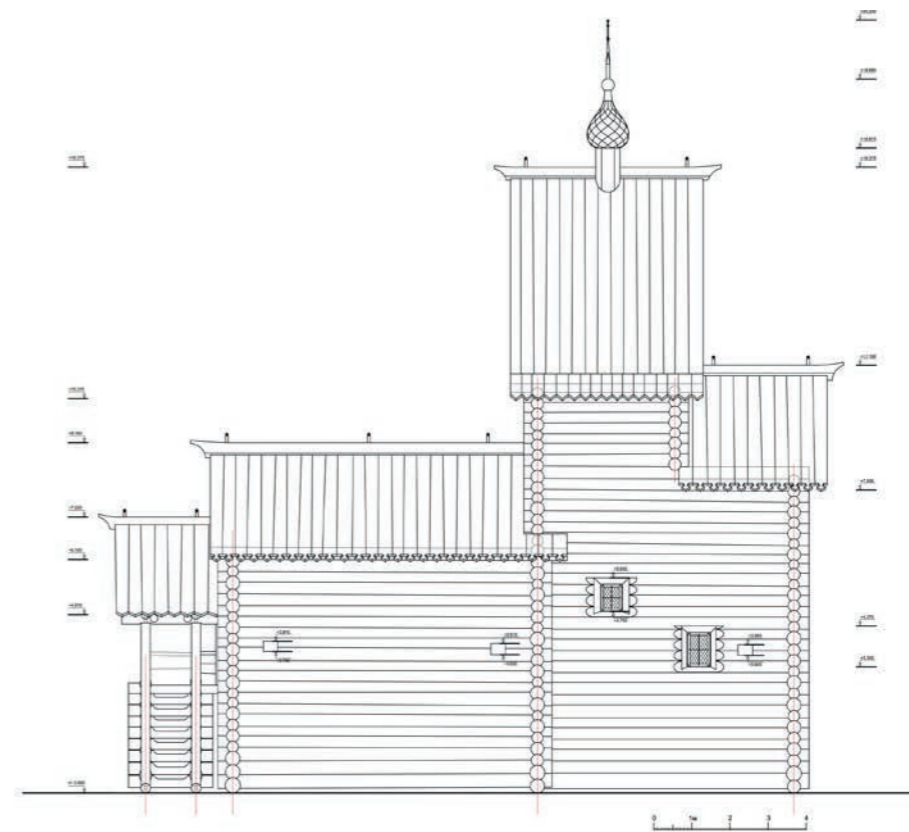

Рис. 167. Южный фасад Троицкой церкви. Реконструкция. Чертеж

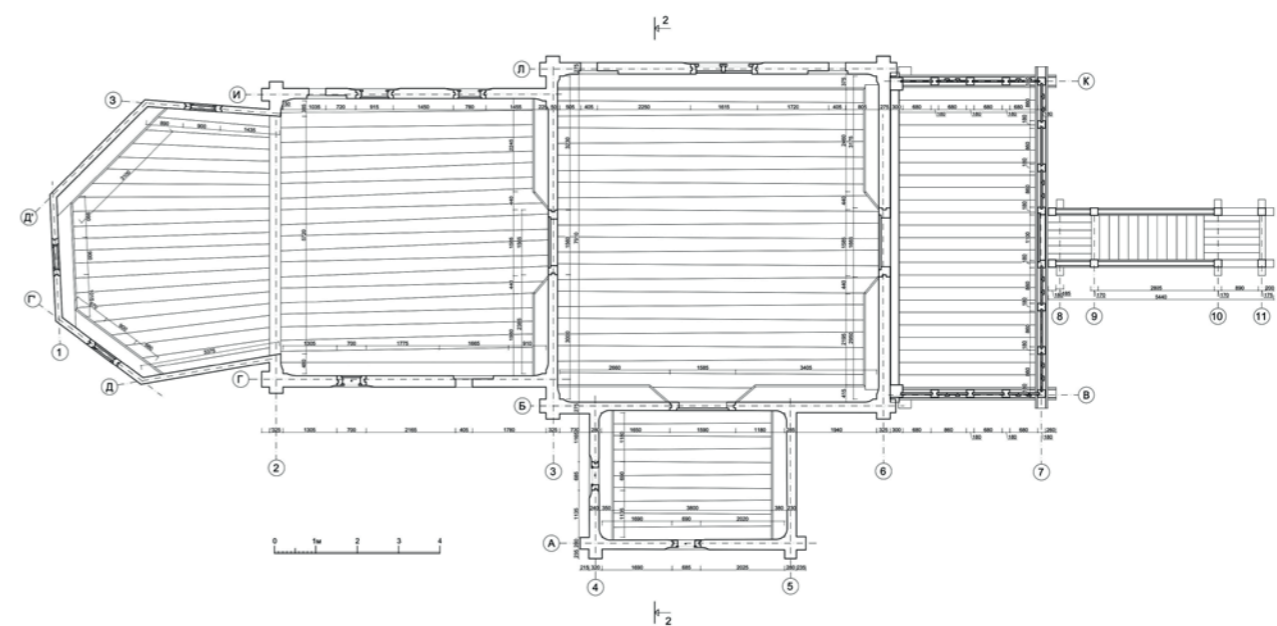

Рис. 168. План Троицкой церкви с предположительно существовавшим приделом и папертью.
XVIII век. Чертеж

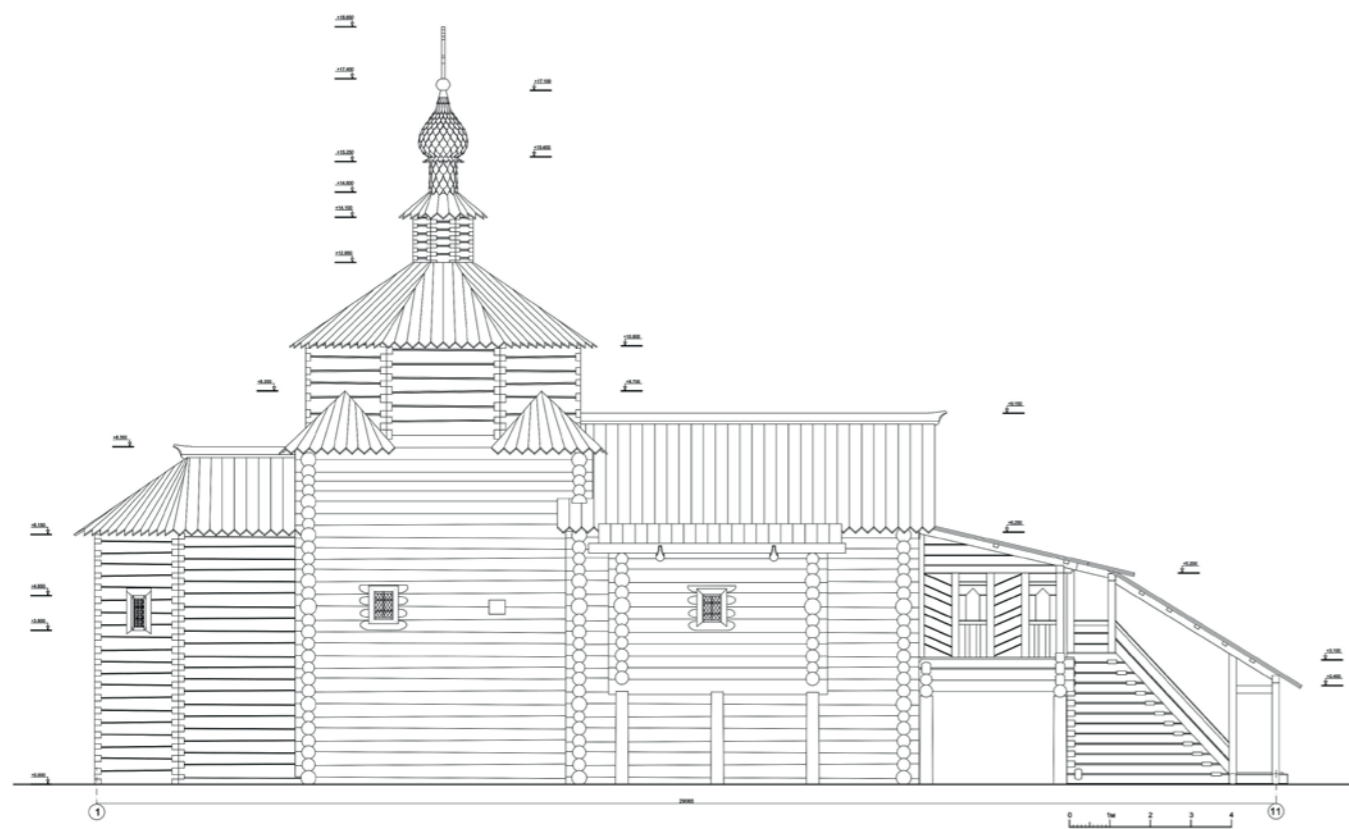

Рис. 169. Троицкая церковь. Северный фасад. XVIII век. Реконструкция. Чертеж

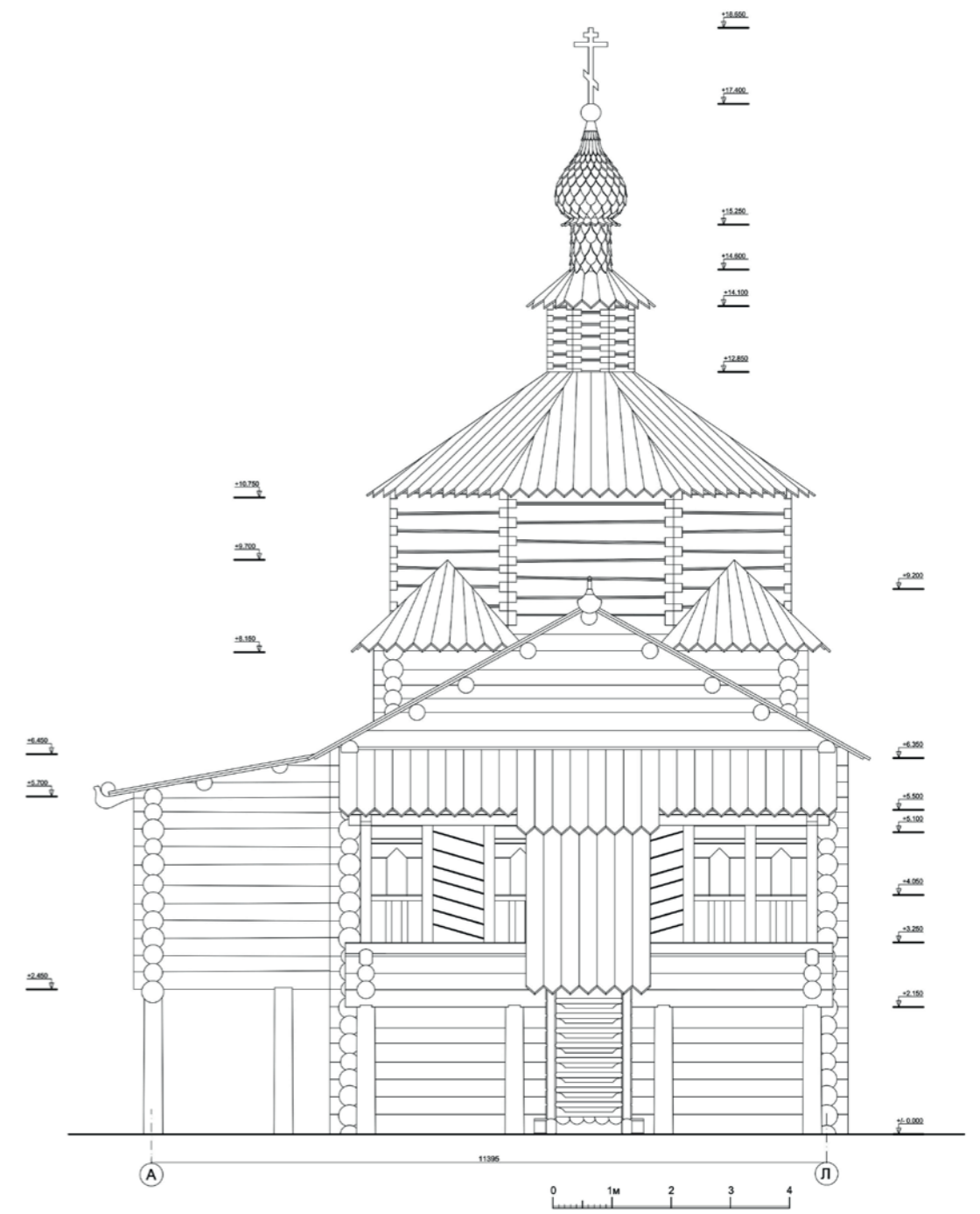

Рис. 170. Троицкая церковь. Западный фасад. XVIII век. Реконструкция. Чертеж

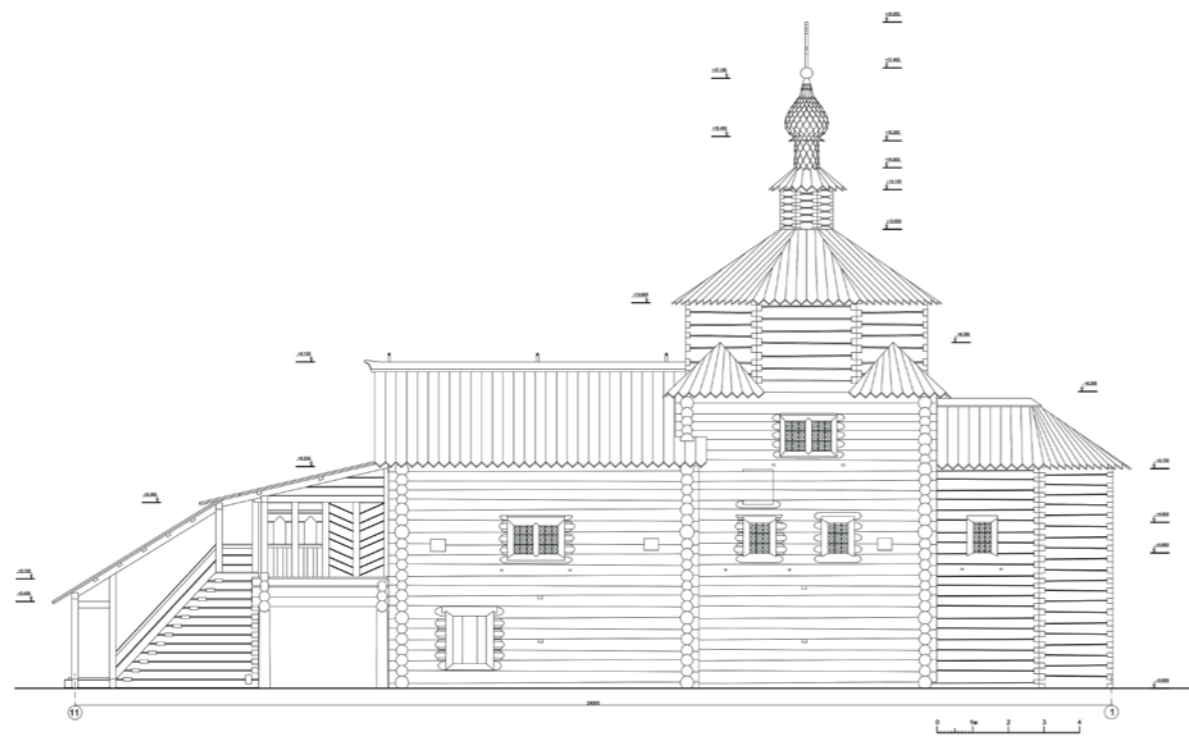

Рис. 171. Троицкая церковь. Южный фасад. XVIII век. Реконструкция. Чертеж

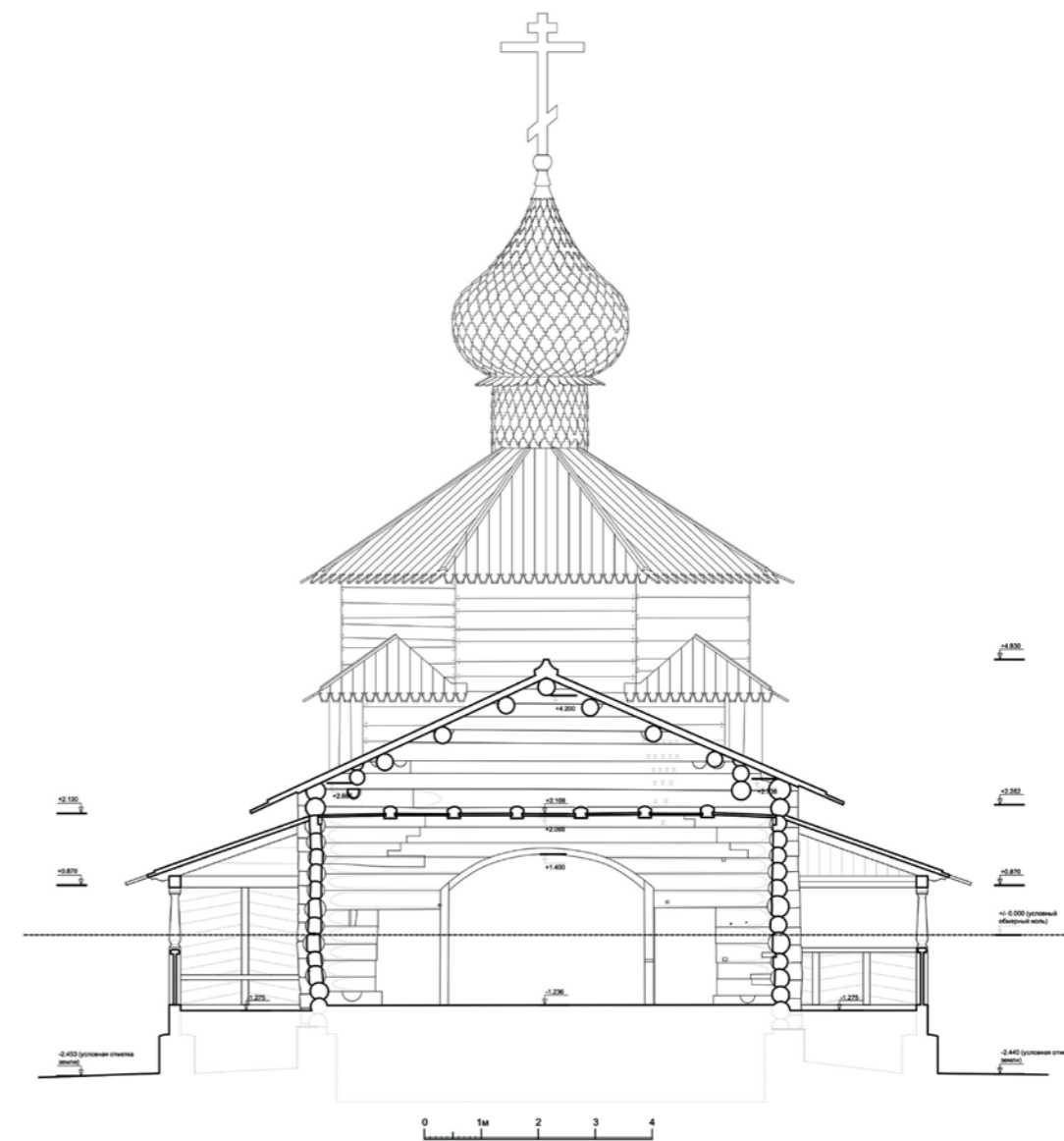

Рис. 173. Троицкая церковь. Разрез. XVIII век. Реконструкция. Чертеж

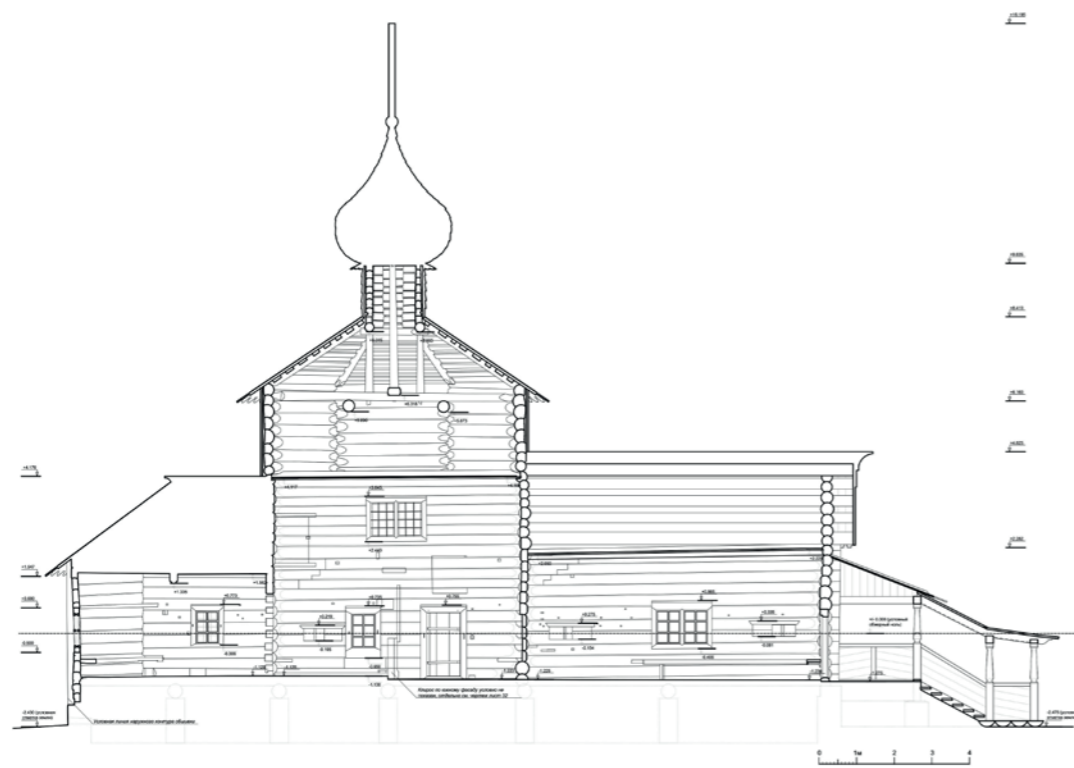

Рис. 172. Троицкая церковь. Разрез. XVIII век. Реконструкция. Чертеж

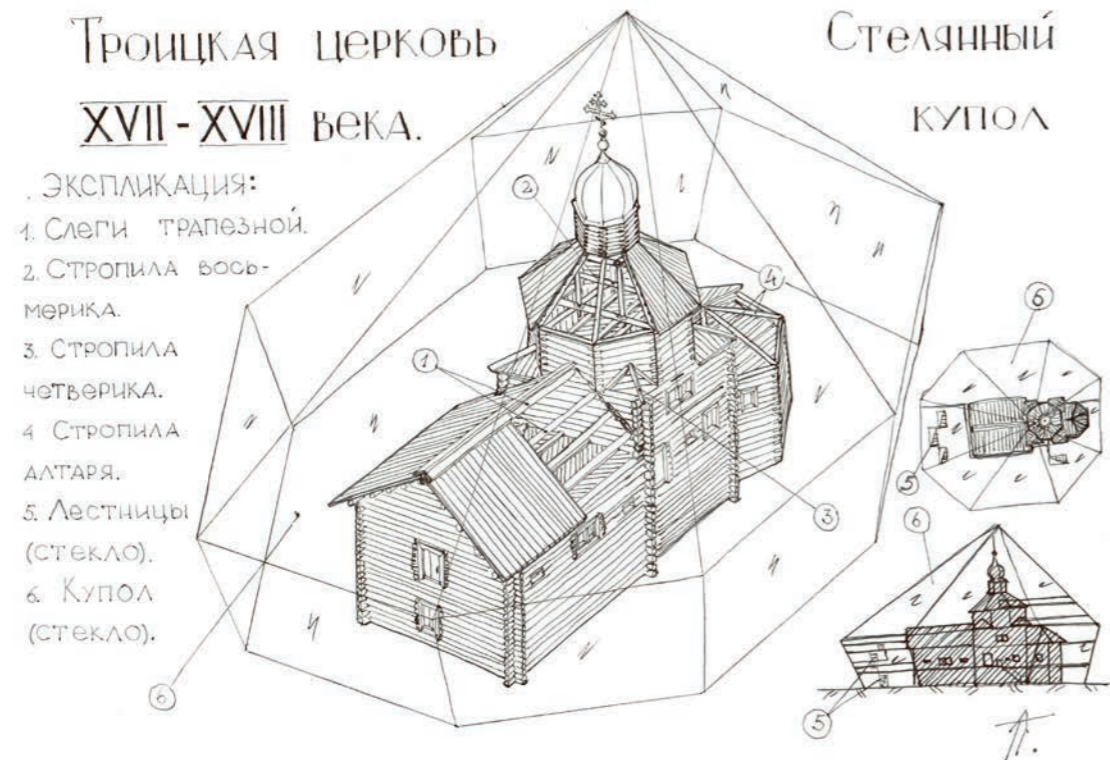

Рис. 174. Троицкая церковь XVII-XVIII вв. Стелянный купол

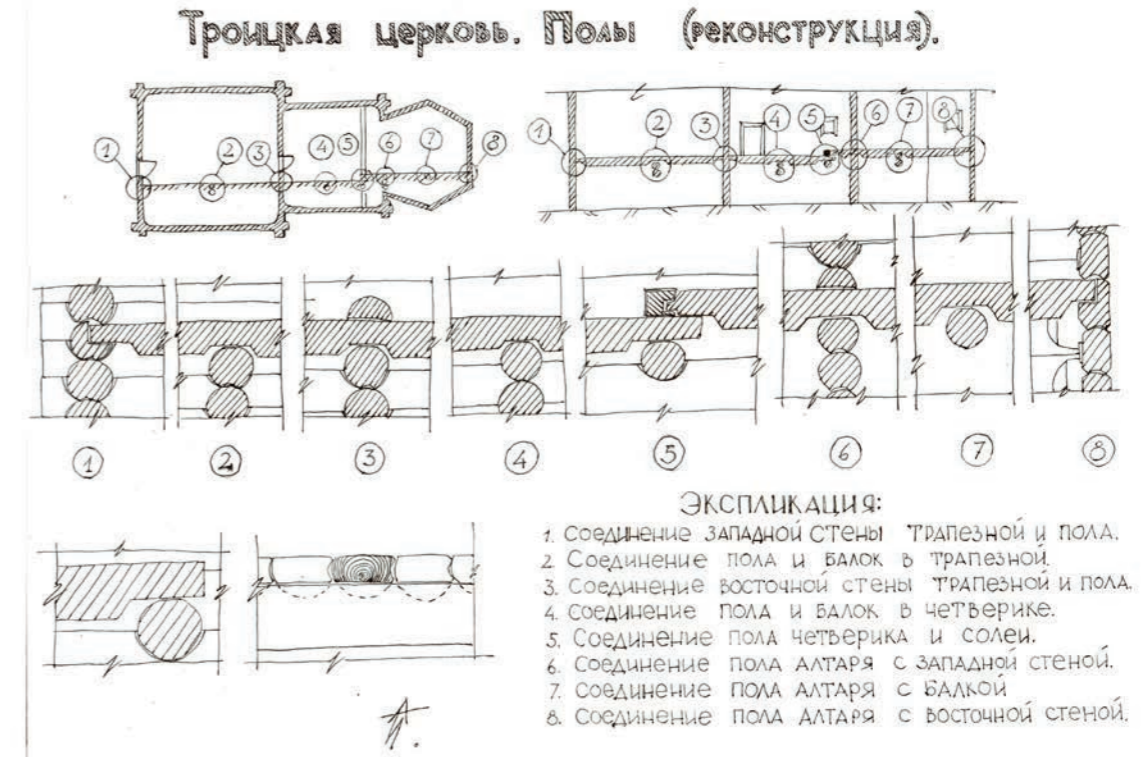

Рис. 176. Троицкая церковь. Полы (реконструкция)

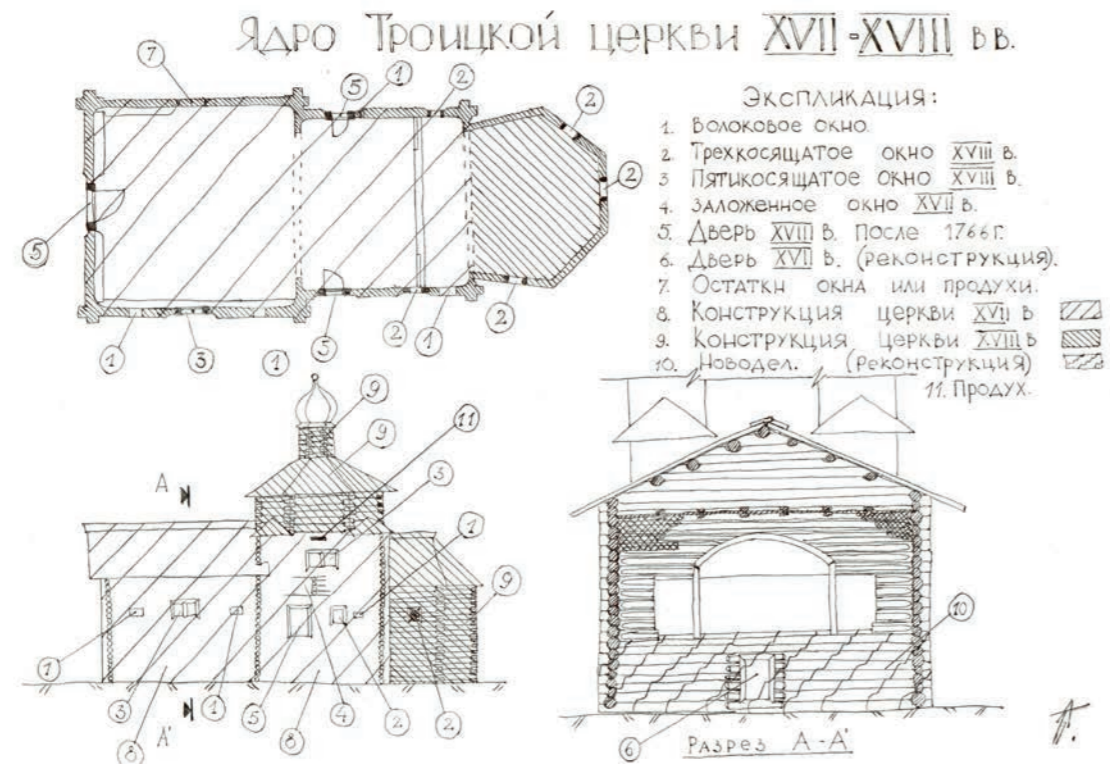

Рис. 175. Ядро Троицкой церкви XVII-XVIII вв.

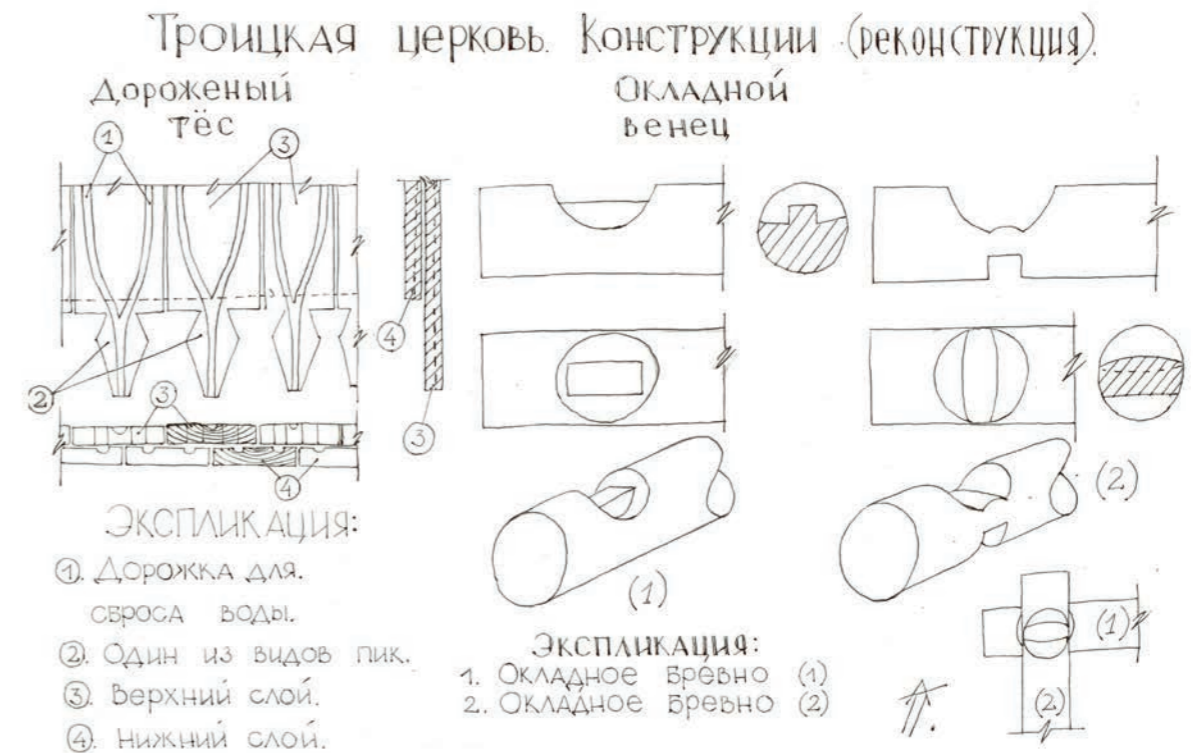
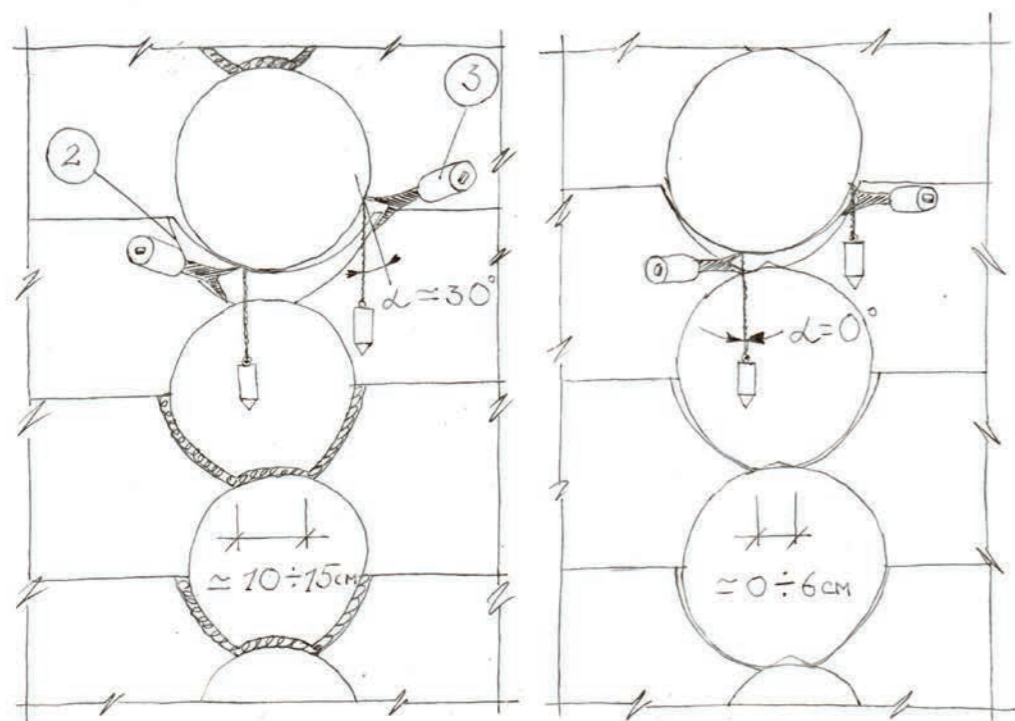

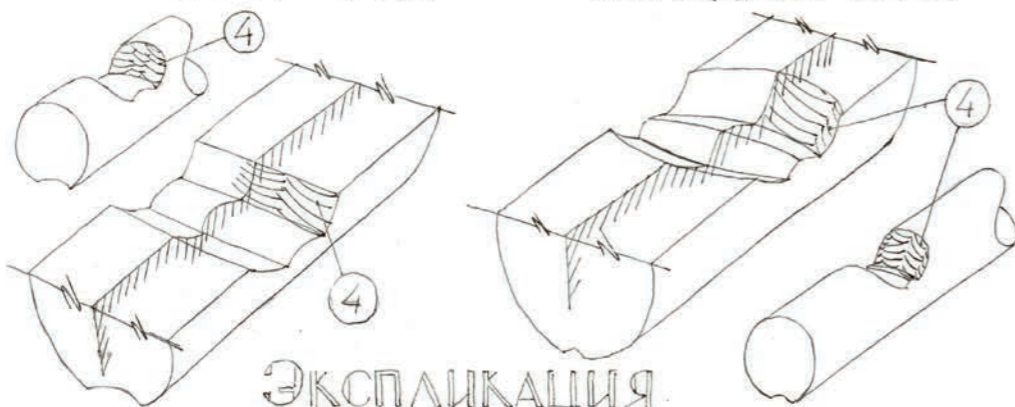
Рис. 177. Троицкая церковь. Конструкции (реконструкция)

Рубка угол теплый и холодный

Тёплый сруб.

Холодный сруб.

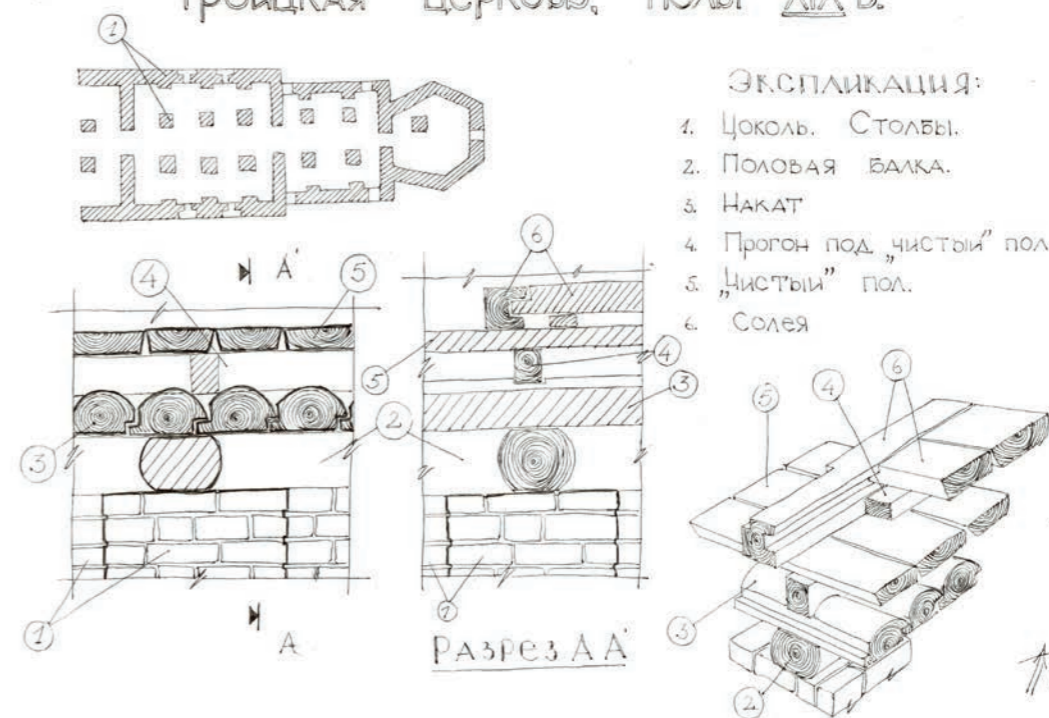

Экспликация

1. Отвес.
2. Разметка. (след от черты).
3. Черта.
4. След от лезвия топора.
5. Угол наклона черты.
6. Мох.

Рис. 178. Рубка углов. Теплый и холодный

Троицкая церковь, полы XIX в.

Экспликация:

1. Цоколь. Столбы.
2. Половая балка.
3. Накат.
4. Прогон под "чистый" пол.
5. "Чистый" пол.
6. Солея.

Рис. 179. Троицкая церковь. Полы XIX в.

Троицкая церковь
30-40 годы XVIII в.

Экспликация:

1. Закрытая галерея.
2. Крыльцо.
3. Столбы под галерею.
4. Трапезная разрез. Реконструкция.
5. Окно трехкосящатое.
6. Окно пятикосящатое.
7. Волоковое окно.
8. Солея.
9. Дверь одностворчатая.
10. Дверь двухстворчатая.
11. Окно между трапезной и четвериком.

Рис. 180. Троицкая церковь 30-40-е годы XVIII в.

Рис. 181. Троицкая церковь XVIII в. после 1766 г.

Рис. 183. Церковь Положения Риз Пресвятой Богородицы из деревни Бородавы (1485 г.). Интерьер. Фото И. Н. Шургина, 1998 г.

Рис. 182. Церковь Положения Риз Пресвятой Богородицы из деревни Бородавы (1485 г.). Вид с северо-востока. Фото И. Н. Шургина, 1998 г.

Рис. 184. Никольская церковь в с. Ковда. Фото И.Н. Шургина, 1970 г.

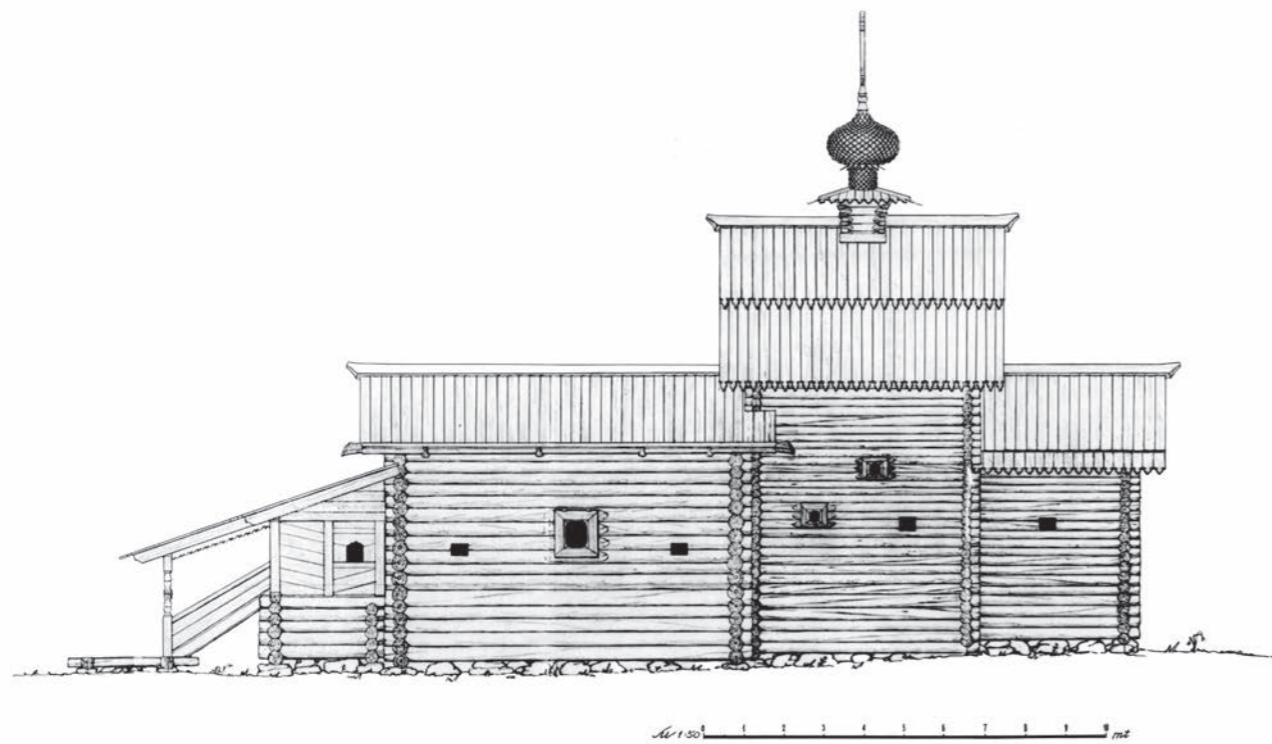

Рис. 185. Никольская церковь в с. Ковда. Южный фасад.
Проект реставрации. А.В. Ополовников, И.Н. Шургин

Рис. 187. Георгиевская церковь в с. Юковичи. Фото И.Н. Шургина, 1992 г.

Рис. 186. Никольская церковь в с. Ковда. Без обшивки. Фото И.Н. Шургина, 1992 г.

Рис. 188. Никольская церковь в с. Ковда. Фото из интернета

Рис. 189. Церковь Рождества Богородицы (XVI век) из села Передки. Витославицы.
Фото И.Н. Шургина, 2003 г.

Рис. 192. Церковь Казанской иконы Божией Матери из с. Юрино Нижегородской области.
Фото из альбома Богородского. Начало XX в.

Рис. 190. Церковь Рождества Богородицы (XVI век) из села Передки. Витославицы. Клиросы.
Фото И.Н. Шургина, 2003 г.

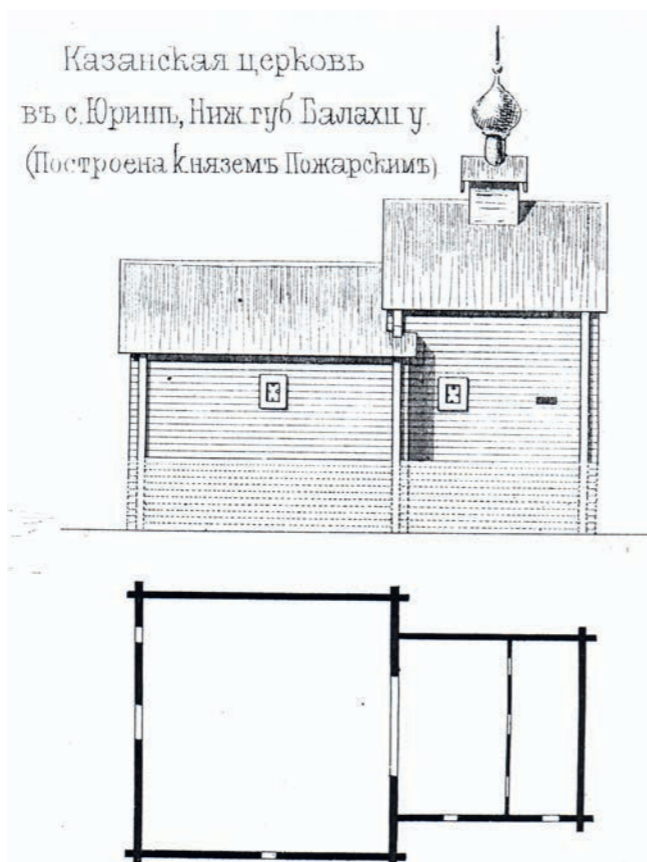

Рис. 191. Церковь Казанской иконы Божией Матери из с. Юрино, Нижегородской области.
Чертеж Л.В. Даля. Журнал «Зодчий», 1870-е гг.

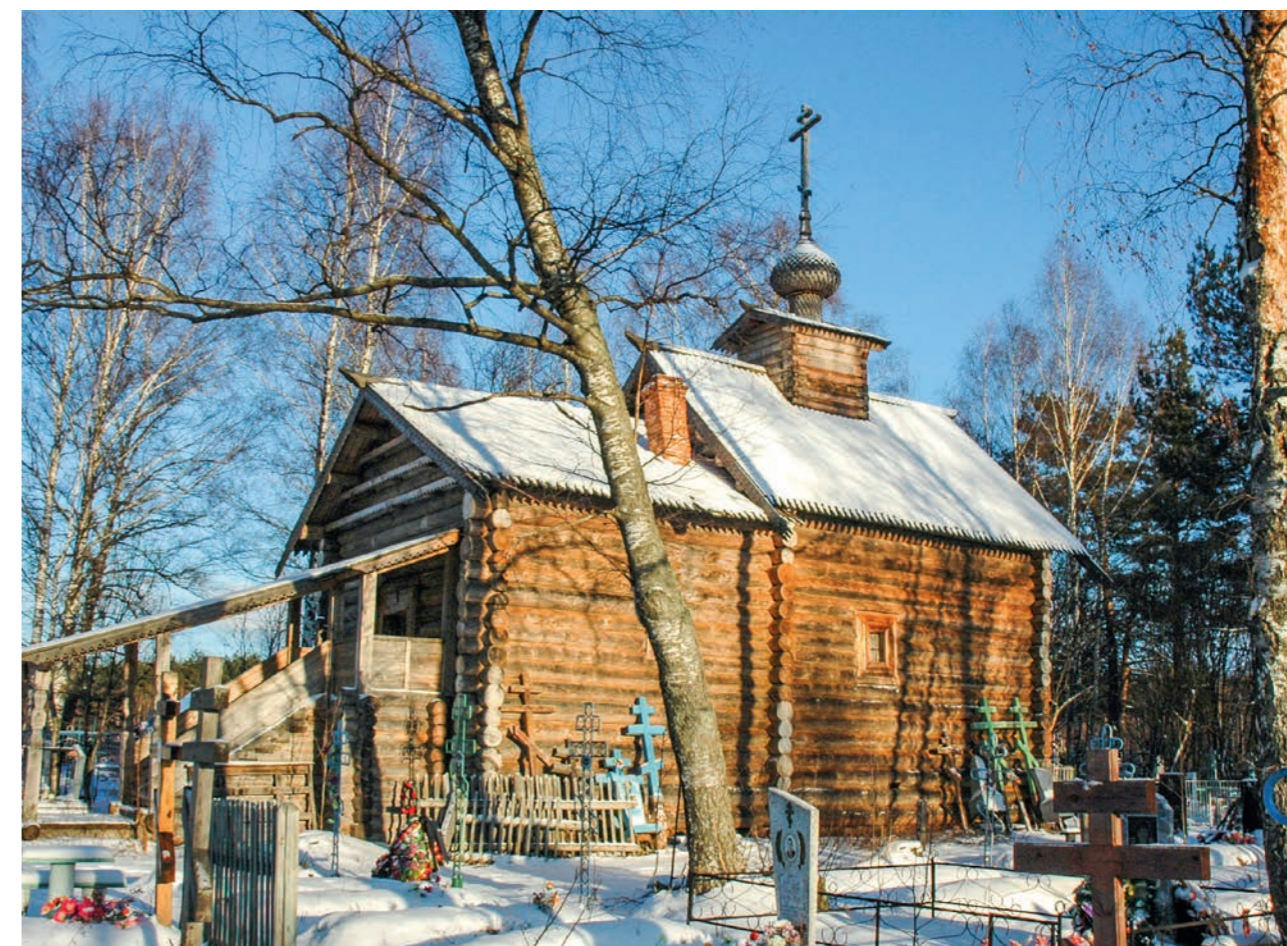

Рис. 193. Церковь Казанской иконы Божией Матери из с. Юрино Нижегородской области.
После реставрации. Фото Л.И. Давыдов, 2000 г.

Рис. 195. Церковь Рождества Иоанна Предтечи в Ледском приходе Шенкурского уезда. Рисунок 1870-х гг. ИИАК

Рис. 196. Успенская церковь в с. Лявля (1584 г.). Вид с юго-запада. Фото И.Н. Шургина, 2007 г.

Рис. 197. Успенская церковь в с. Лявля (1584 г.). Сруб первоначальной главы в интерьере храма. Фото И.Н. Шургина, 2007 г.

Рис. 198. Успенская церковь в с. Лявля (1584 г.). Косячатое окно. Вид снаружи. Фото И.Н. Шургина, 2007 г.

Рис. 199. Успенская церковь в с. Лявля (1584 г.). Интерьер. Фото И.Н. Шургина, 2007 г.

Рис. 200. Успенская церковь в с. Лявля (1584 г.). Вид шатра изнутри. Фото И.Н. Шургина, 2007 г.

Рис. 201. Ильинская церковь Вуйского погоста. Фото ИИАК. Начало XX в.

Рис. 202. Ильинская церковь Вуйского погоста. Интерьер восьмерика. Фото из коллекции Сольвычегодского музея, 1920 г.

Рис. 203. Никольская церковь в с. Панилово. Вид с юго-запада. ИИАК. Начало XX в.

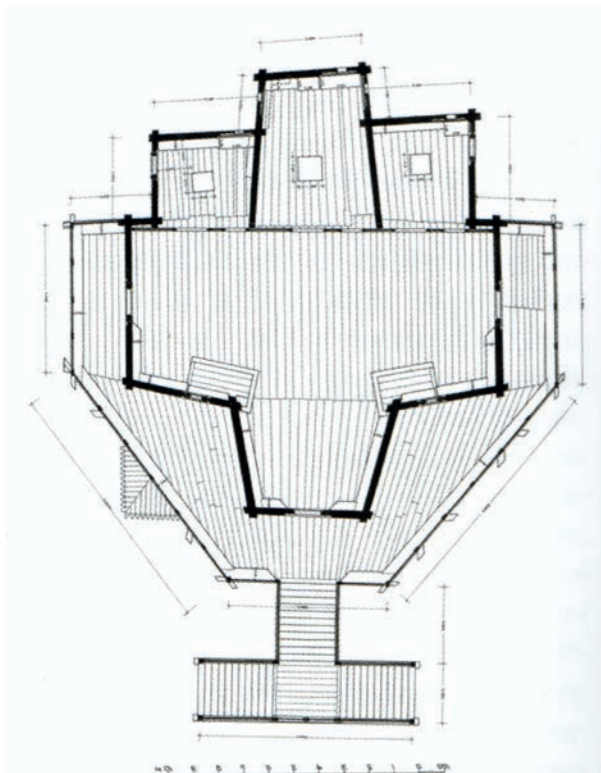

Рис. 204. Церковь Рождества Богородицы (XVI в.) из села Передки. Витославлицы. Чертеж Л.Е. Красноречева, 1960-е гг.

Рис. 205. Никольская церковь в с. Панилово. В процессе реставрации. ИИАК. Начало XX в.

Рис. 208. Никольская церковь в с. Зачачье. Фото И.Н. Шургина, 1994 г.

Рис. 209. Церковь Покрова Пресвятой Богородицы. Сояла. Фото 1910-е гг. Получено от А.В. Бокарева

Рис. 206. Никольская церковь в с. Панилово. Сруб первоначальной главы. ИИАК. Начало XX в.

Рис. 207. Никольская церковь в с. Панилово. Косицатое окно. Вид снаружи. ИИАК. 1911 г.

Рис. 210. Церковь Покрова Пресвятой Богородицы. Сояла. Фото Панкратова. 2000-е гг.

Рис. 211. Церковь Покрова Пресвятой Богородицы. Соля. Фото из интернета. Начало XX в.

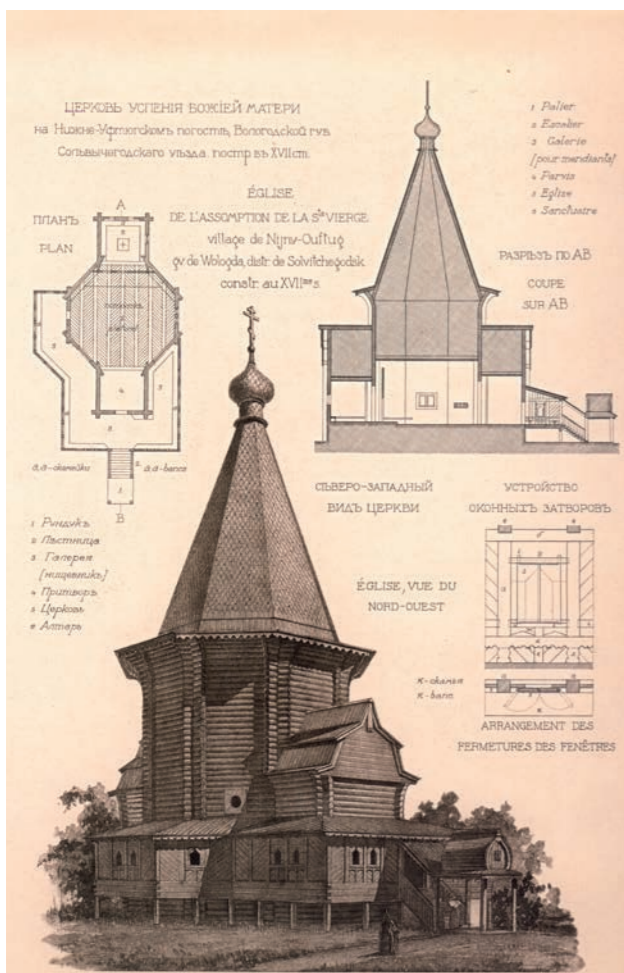

Рис. 212. Успенская церковь в с. Нижняя Уфтюга. Чертеж В.В. Сулова, 1880-е гг.

Рис. 213. Успенская церковь в с. Нижняя Уфтюга. Фото из книги А.В. Ополовникова Сокровища Русского Севера

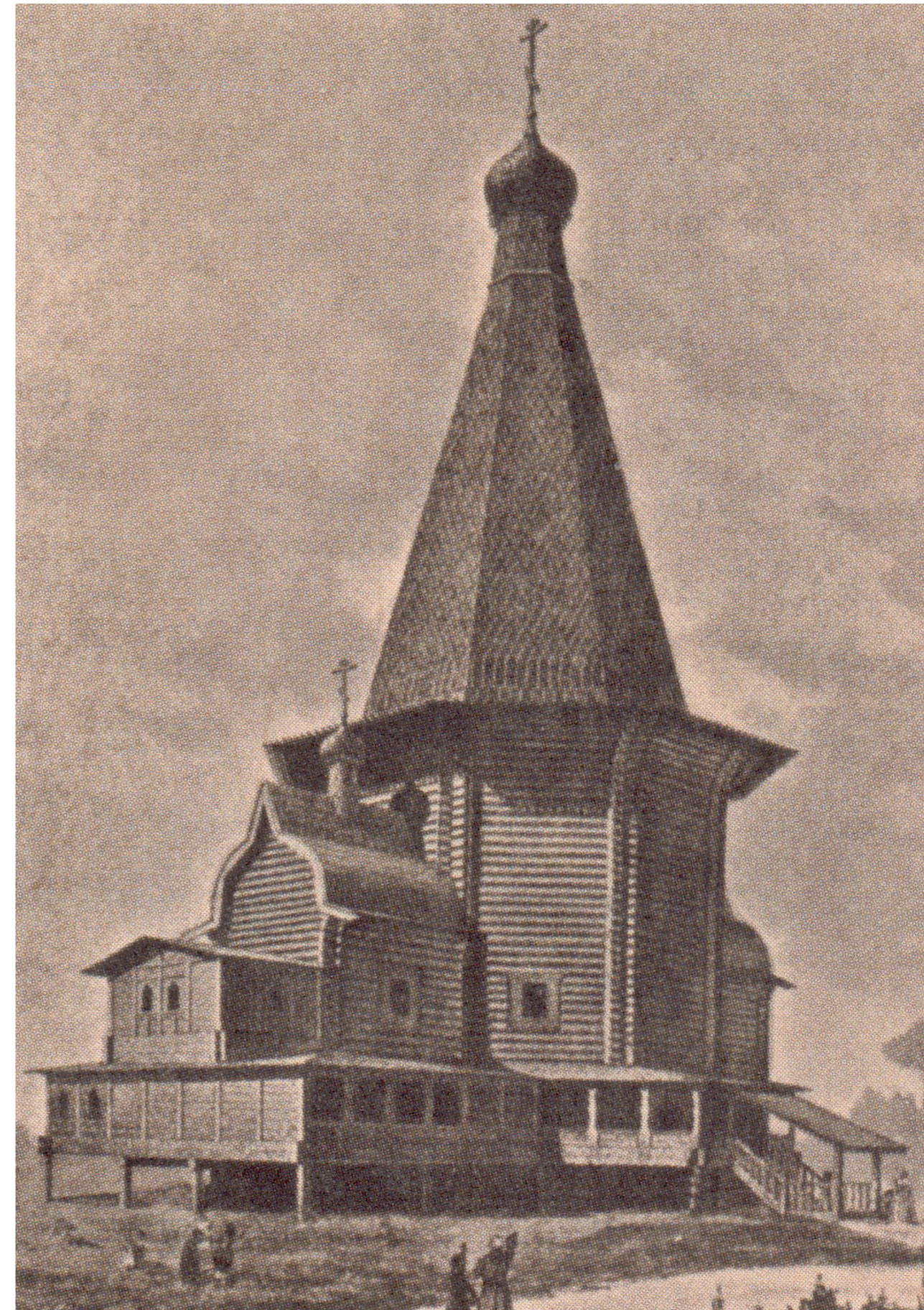

Рис. 214. Церковь Николая Чудотворца в Белой Слуде. Чертеж В.В. Сулова, 1880-е гг.

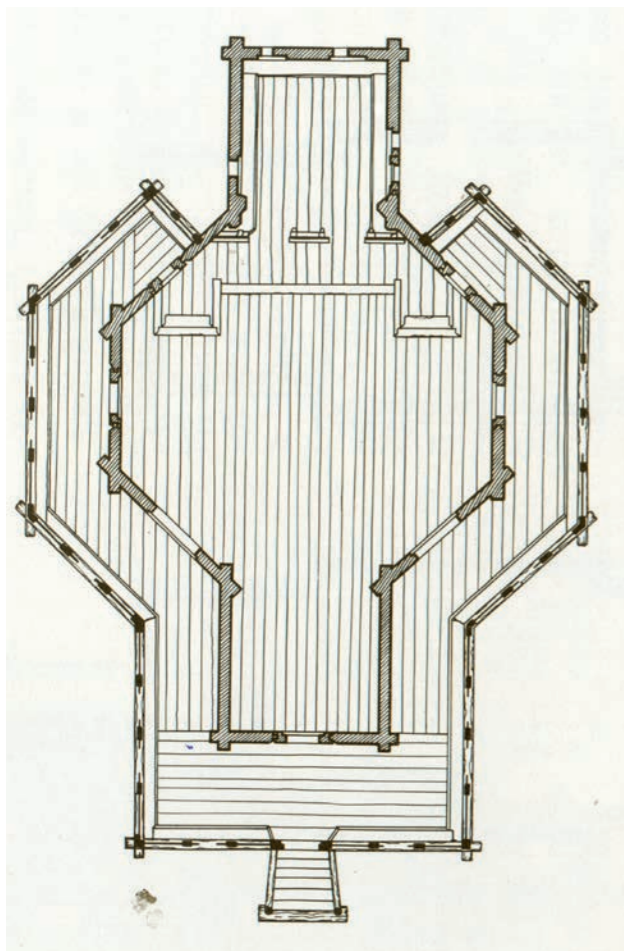

Рис. 215. Церковь Николая Чудотворца в Белой Слуде. План. А.В. Ополовников. Русское деревянное зодчество

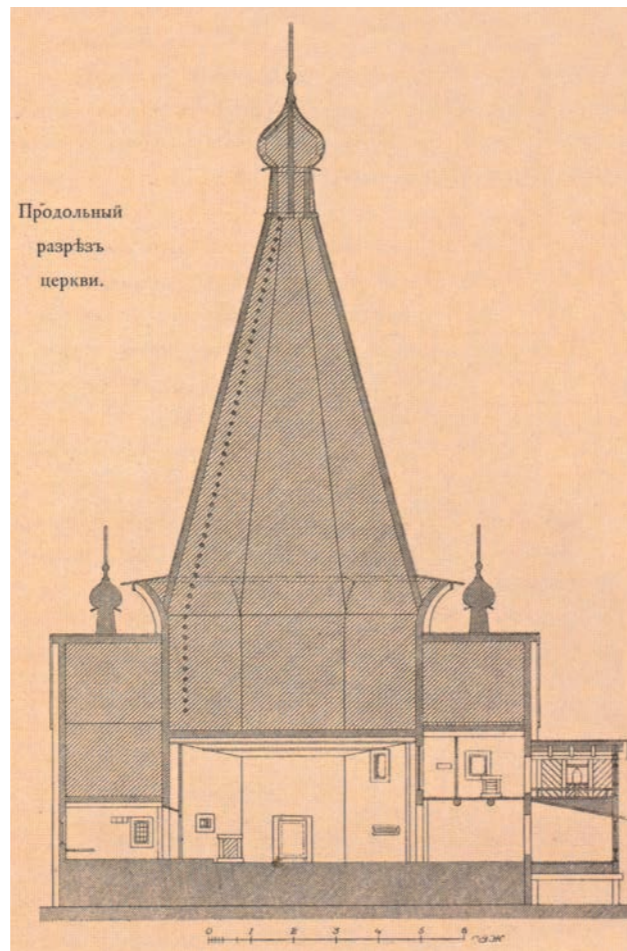

Рис. 216. Церковь Николая Чудотворца в Белой Слуде. Продольный разрез. Чертеж В.В. Сулова, 1880-е гг.

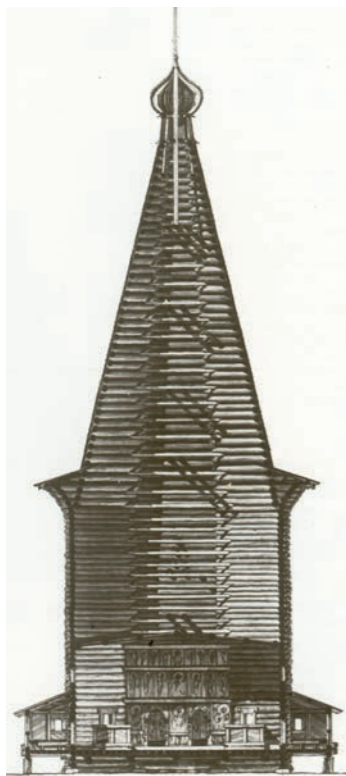

Рис. 217. Церковь Николая Чудотворца в Белой Слуде. Поперечный разрез. А.В. Ополовников. Русское деревянное зодчество

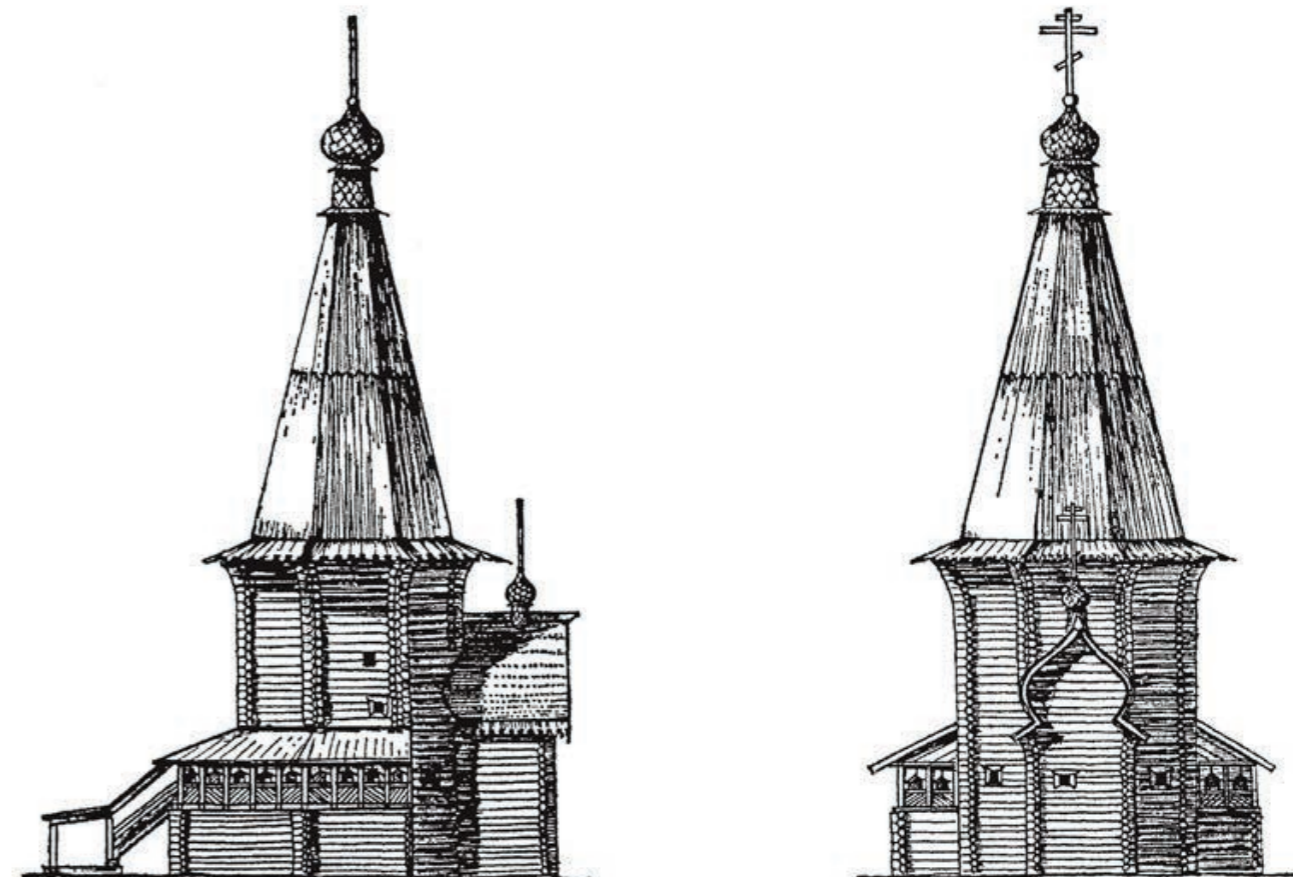
Рис. 218. Георгиевская церковь в с. Вершины. Фото И.Н. Шургина, 2009 г.

Рис. 219. Церковь Ильи Пророка в с. Задняя Дуброва. Фото из интернета

Рис. 220. Церковь Ильи Пророка в с. Задняя Дуброва. Косицатое окно восьмерика. Фото И.Н. Шургина, 1976 г.

Ильинская церковь в д.Задняя Дуброва. 1620г. Реконструкция. ЮЖНЫЙ ФАСАД. ВОСТОЧНЫЙ ФАСАД.

Рис. 221. Церковь Ильи Пророка в с. Задняя Дуброва. Графическая реконструкция Т.И. Вахрамеевой

Рис. 222. Сретенско-Михайловская церковь в с. Красная Ляга. Фото И.Н. Шургина, 2012 г.

Рис. 223. Сретенско-Михайловская церковь в с. Красная Ляга. Фото до перестройки. Конец XIX в. Из коллекции Каргопольского музея

Рис. 224. Никольская церковь в с. Астафьево. Фото из книги А.В. Ополовникова Русское деревянное зодчество

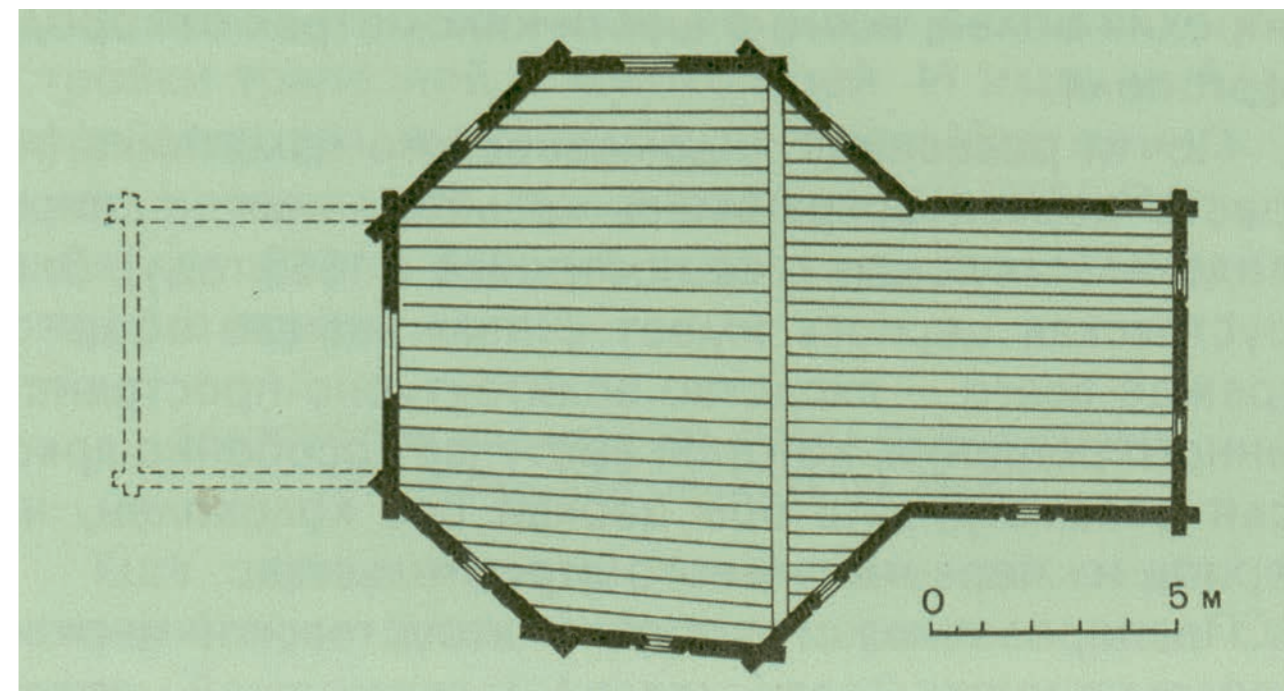

Рис. 225. Никольская церковь в с. Астафьево. План. Чертеж А.В. Ополовникова, А.В. Ополовников. Русское деревянное зодчество

Рис. 226. Никольская церковь в с. Астафьево. Северный портал. Чертеж А.В. Ополовникова, А.В. Ополовников. Русское деревянное зодчество

Рис. 227. Церковь Николая Чудотворца в Согинцах. Фото И.Н. Шургина, 1999 г.

Рис. 228. Церковь Успения Пресвятой Богородицы из Александро-Кушитского монастыря.
Фото И.Н. Шургина, 2000 г.

ТЕРМИНЫ И ОПРЕДЕЛЕНИЯ

Алтарь (лат. «высокий жертвенник») – восточная часть храма, отделенная иконостасной преградой, предназначенная для совершения Таинства Евхаристии; символизирует собою небесную сферу, Рай.

Антиминс – плат с текстом об освещении престола храма, с зашитыми мощами святых угодников.

Амвон – полукруглый или граненый выступ солен в центре, напротив Царских врат, место чтения Священного Писания, проповедей, а также исполнения Таинства Причащения.

Апсида – выступающая восточная часть храма.

Барабан – многогранное или круглое в плане завершение храма, несущее купол.

Глава – видимая наружная часть купольного перекрытия, шлемовидной или луковичной формы.

Горнее место – место за престолом в алтаре храма, предназначенное для представителей высшего духовенства, епископов, архиепископов.

Гульбище – окружающая храм с двух или трех сторон открытая или глухая, закрытая галерея с установленными лавками. Предназначается для отдыха богомольцев в ожидании церковной службы.

Диаконские двери – северная и южная однопольные двери в иконостасной преграде. Южная дверь ведет в дьяконник, северная – в жертвенник.

Диаконник – место в правой части алтаря, где хранятся облачения священнослужителей, где они, готовясь к службе, облачаются в соответствующие чину церковные одежды.

Жертвенник – часть алтарного пространства с северной стороны, где готовятся кадила, кацеи, согревается вода, где совершается первая часть Литургии – Проскомидия; – четырехугольный стол, размещающийся в жертвеннике храма, где происходит Проскомидия.

Журавец – элемент главы или бочки в виде плавной изогнутой конструкции из скрепленных досок с шипом-пятой, устанавливаемой в нижнюю конструкцию-мауэрлат основания главы и узкой длинной верхней части, крепящейся к мачте креста. На собранные из десяти и более журавцов скелеты глав крепятся доски «палубы», по которым гидроизоляционный слой из берестяных матов и далее выполняется покрытие из осинового лемеха. С помощью журавцов выполняют основания для глав, крытых металлом. При этом в журавцы врубаются элементы обрешетки из брусков.

Иконостас – преграда, отделяющая алтарь, состоящая из брусев-тябел или рамы с установленными в каноническом порядке иконами местного, деисусного, праздничного, пророческого, праотеческого чинов.

Канон – строго установленные правила. В культовой архитектуре роль канона выполняет «каноническая традиция», храмовые сооружения, воспринятые Церковью как образцовые, наиболее полно отражающие богословское содержание.

Кафоликон – средохрамие, предназначенное для молящихся, символизирующее преображенную землю.

Клеть – прямоугольный бревенчатый сруб.

Клирос – 1. выделенная часть солеи, место справа и слева перед иконостасом для певчих и чтецов; – 2. конструкция, ограждающая место, выделенное для певчих, чтецов.

Лемех – небольшие осиновые, сосновые или из иного материала элементы для покрытия криволинейных конструкций, употребляемые в русском деревянном

зодчестве.

Литургия – главная служба православной церкви.

Луковица – главка в завершении храма или его части в форме луковицы.

Магица – массивная балка, несущая потолок перекрытия.

Охлупень или шелом – элемент конструкции крыши, выдолбленное бревно, закрывающее концы тесин кровли, сходящиеся на коньке крыши.

Полица – нижняя пологая часть крутой двускатной или шатровой кровли.

Престол – главная часть алтаря в виде высокого стола из массивного бруса и столешницы.

Прируб – более низкая часть сооружения, органически включенная в его общую композицию.

Придел – маленький храм в храме – род капеллы со своим иконостасом, царскими и дьяконскими дверями, освященным престолом.

Притвор – входная часть храма. Может быть развит в обширную трапезную. Символизирует грешную землю.

Ризница – отдельное помещение при храме или часть алтарного пространства, где хранятся священнические облачения.

Рубка «в лапу» – способ соединения бревен в углах сруба, при котором концы бревен не выходят за пределы стены.

Рубка «в обло» – способ соединения бревен в углах сруба, при котором на конце бревна вырубается округлая чаша в половину бревна, при этом концы бревен – перепошки или остатки – выступают за пределы угла сруба.

Слеги – элементы подкровельной конструкции, горизонтально врубленные бревна.

Солея – возвышенная на одну-две ступени часть пола перед иконостасом, находящаяся в одном уровне с полом алтаря.

Стамики или сороки – деревянные стержни, скрепляющие коневую слегу и охлупень-шелом.

Трапезная – пристройка с западной части храма, зачастую большая по площади, чем сам храм, где в прошлом сосредотачивалась вся общественная жизнь прихода: обсуждение общих вопросов мироустройства прихода, праздники-кануны, братчины, складчины. Здесь же во время службы могли находиться оглашенные. В трапезных монастырских храмах с общежительным уставом происходили трапезы для всей братии. В праздники давался корм не только монахам, но и всем, кто трудился в монастыре, а также прихожанам.

Тябло – горизонтальный брус-полка, элемент конструкции русского высокого иконостаса.

Царские врата – двухстворчатые особо украшенные двери в центральной части иконостаса, напротив престола.

Часовня – молитвенное здание без алтаря и, соответственно, без престола.

Четверик – основная клеть деревянного клетского храма.

Шея, шейка – глухой барабан, несущий церковную главу.

Штраба – плоская выемка в стене, след примыкания имевшейся конструкции.

Сведения об авторах

Попов Александр Владимирович – архитектор – реставратор высшей категории, генеральный директор ООО «Реставрационный центр – архитектура, производство, обучение».

Петрова Людмила Леонидовна – искусствовед, ООО «Реставрационный центр – архитектура, производство, обучение».

Иванова Галина Олеговна – искусствовед, заслуженный работник культуры.

Шургин Игорь Николаевич – архитектор-реставратор первой категории, управляющий фонда «Поддержка памятников деревянного зодчества».

Список сокращений

АЛОИИ – Архив Ленинградского отдела Института истории

ГАВО – Государственный архив Вологодской области

ГААО – Государственный архив Астраханской области

ИКОМОС – Международный совет по сохранению памятников и достопримечательных мест

НАРТ – Национальный архив Республики Татарстан

ПСРА – Полное собрание русских летописей, изданное Археологической комиссией

РГАДА – Российский государственный архив древних актов

ТСНРУ – Татарское специальное научно-реставрационное управление

Список иллюстраций

1. Троицкая церковь. Фото нач. XX в.
2. Общий вид Троицкой церкви с юго-запада до реставрации. Фото 2008 г.
3. Миниатюра «Закладка Рождественского собора и церкви Преподобного Сергия Радонежского Чудотворца». Лицевой летописный свод XVI в.: Научное факсимильное издание. Русская летописная история. В 23 т. М.: Общество любителей древней письменности, 2006–2012 гг. Т. 20.
4. Церковь Положения Риз и Пояса Богородицы. 1485 г. Находится на территории Кирилло-Белозерского монастыря, г. Кириллов, Вологодская обл. Фото 2008 г.
5. Церковь святых Космы и Дамиана. 1760-е гг., Леждомский погост, Грязоветский р-н, Вологодская обл. Фото 2014 г.
6. Угловое соединение «в чашу с остатком» южной стены трапезной и стены, общей для кафоликона и трапезной. Фото 2016 г.
7. Берестяные пояски на выпусках бревен сруба трапезной. Следы подтески для установки стоек западной паперти. Фото 2016 г.
8. Юго-западный угол трапезной Троицкой церкви. Фото 2014 г.
9. Северная стена трапезной со следами примыкания придела. Фото 2015 г.
10. Вырубка возле левого косяка двери придела для установки вертикальной опоры лавки. Фото 2015 г.
11. Паз для установки лавки вдоль западной стены придела. Затеска на пороговом бревне северного дверного проема трапезной. Фото 2015 г.
12. Чаши на северной стене трапезной от прирубленного придела. Фото 2015 г.
13. Северная стена трапезной. Паз для установки лавки в приделе, шедшей вдоль его восточной стены. Фото 2015 г.
14. Штраба с остатками гвоздей, вырубленная вдоль следов примыкания западной стены придела. Фото 2015 г.
15. Марки в юго-восточном углу со стороны трапезной на стене между основными объемами церкви. Фото 2016 г.
16. Марки в северо-восточном углу со стороны трапезной на стене между основными объемами церкви. Попытка разуба стены между кафоликоном и трапезной. Фото 2016 г.
17. Марки в юго-восточном углу со стороны трапезной на стене между основными объемами церкви. Фото 2016 г.
18. Марки на западной стене трапезной со стороны экстерьера. Фото 2016 г.
19. Марки справа от двери на западной стене трапезной. Тройные затески возле западного дверного проема, частично уничтожившие маркировку. Фото 2016 г.
20. Марки справа от двери на западной стене трапезной. Затески возле западного дверного проема. Фото 2016 г.
21. Марки справа от двери на западной стене трапезной. Тройные затески возле западного дверного проема. Фото 2016 г.
22. Марка справа от двери на западной стене трапезной. Затески возле верхнего правого угла дверной колоды. Фото 2016 г.

23. Маркировка на южной стене трапезной над крышей современной галереи. Фото 2016 г.
24. Маркировка на южной стене трапезной. Фото 2016 г.
25. Маркировка на южной стене трапезной с обозначением стопы. Фото 2016 г.
26. Маркировка на южной стене трапезной возле пяткосячатого окна. Фото 2016 г.
27. Маркировка на южной стене трапезной. Крепление с помощью болтов галереи к срубу. Фото 2016 г.
28. Маркировка на северной стене кафоликона. Фото 2011 г.
29. Маркировка на северной стене кафоликона. Фото 2016 г.
30. Маркировка на южной стене кафоликона. Фото 2011 г.
31. Маркировка на южном фасаде кафоликона. Фото 2011 г.
32. Маркировка на северной стене кафоликона. Фото 2016 г.
33. Маркировка на восточной стене кафоликона. Фото 2016 г.
34. Маркировка на тесинах потолка со стороны чердака. Фото 2016 г.
35. Маркировка на тесинах потолка со стороны чердака. Фото 2016 г.
36. Остатки опоры-пальца для подмостей. Фото 2015 г.
37. Гнездо для опоры-пальца для подмостей. Фото 2015 г.
38. Остатки опоры-пальца, сохранившиеся в гнезде. Фото 2015 г.
39. Гнездо от вспомогательной строительной конструкции – лесов под окном трапезной. Гнезда под окном трапезной от подмостей времени переборки храма в XVIII в. (одно с остатками опоры-пальца). Фото 2008 г.
40. Гнезда с остатками опор-пальцев конструкции строительных подмостей под южным окном алтаря Троицкой церкви. Фото 2011 г.
41. Троицкая церковь. Цоколь. Вынос кладки для опоры балок перекрытия. Фото 2016 г.
42. Кирпичная кладка цоколя Троицкой церкви. Фото 2016 г.
43. Видимая часть цоколя алтаря Троицкой церкви с внешней стороны. Фото 2016 г.
44. Конструкции большого восьмерика. Фото 2011 г.
45. Материал вторичного использования в конструкции сруба большого восьмерика. Фото 2015 г.
46. Сруб малого восьмерика и фрагмент поддерживающей его конструкции. Фото 2011 г.
47. Малый восьмерик с установленной вертикальной шпонкой. Вид изнутри. Фото 2015 г.
48. Конструкция в основании малого восьмерика. Фото 2011 г.
49. Элементы конструкции в основании малого восьмерика. Фото 2015 г.
50. Элементы конструкции в основании малого восьмерика. Фото 2015 г.
51. Пятигранный алтарь Троицкой церкви. Восточное четырехкосячатое окно. Фото 2008 г.
52. Подкровельные конструкции алтаря. Фото 2011 г.
53. Подкровельные конструкции алтаря. Слеги и врубленные в них прогоны из бруса. Фото 2011 г.
54. Новый уровень коневой следи крыши алтаря, выше – гнездо от первоначального уровня коневой следи. Фото 2011 г.
55. Разрушенное вниз первоначальное гнездо под коневую слегу крыши алтаря на восточной стене храма. Фото 2011 г.
56. Кобылка, вставленная в паз в обвязочном венце сруба алтаря. Фото 2011 г.
57. Врубка коневой следи крыши алтаря в восточную стену храма. Фото 2016 г.
58. Конструкция крыши алтаря с введенной страховочной кровлей из ОСП. Фото 2016 г.
59. Центральная опора крыши алтаря. Фото 2016 г.
60. Опора крыши алтаря и подходящие к ней следи. Фото 2016 г.
61. Новые балки перекрытия кафоликона. Фото 2016 г.
62. Место врубки балки, выполненное бензопилой при ремонтных работах 2011 г. Фото 2016 г.
63. Конструкция потолка кафоликона с новыми балками и элементами выстилки. Фото 2013 г.
64. Конструкция потолка трапезной. Фото 2015 г.
65. Потолок алтаря. Фото 2008 г.
66. Конструкция надподвального перекрытия, «черный» пол, прогоны, «чистый» пол в северо-западном углу кафоликона. Фото 2015 г.
67. Солея и амвон. Фото 2015 г.
68. Следы различных уровней подкровельных конструкций над трапезной. Фото 2011 г.
69. Западный рубленый фронтон после ремонтных работ 2011 г. На нижнем бревне – центральное гнездо от установки конька крыльца, гнезда от конструкции крыши западной паперти. Фото 2015 г.
70. Ремонт кровли над алтарем (ложные доски, ОСП, рубероид). Фото 2011 г.
71. Юго-западный угол четверика храма. Подкровельная конструкция. Фото 2011 г.
72. Крыша трапезной после реставрации с установленным тесаным охлупнем и декоративными ставками. Фото 2015 г.
73. Глава Троицкой церкви до реставрации. Фото 2008 г.
74. Демонтаж металлического покрытия главы Троицкой церкви. Фото 2011 г.
75. Конструкция главы Троицкой церкви. Фото 2011 г.
76. Журавцы главы Троицкой церкви. Фото 2011 г.

77. Журавцы, установленные в гнезда. Фото 2011 г.
78. Гнезда для установки журавцов. Фото 2011 г.
79. Изготовление журавцов для новой главы. Фото 2011 г.
80. Глава Троицкой церкви после реставрации. Фото 2011 г.
81. Реконструкция. Троицкая церковь на момент перестройки с полной переборкой. Модель 1:10. Фото 2016 г.
82. Волоковое окно (южная стена кафоликона). Фото 2015 г.
83. Волоковое окно (южная стена трапезной, в юго-восточном углу). Фото 2015 г.
84. Волоковое окно (южная стена трапезной, в юго-западном углу). Фото 2015 г.
85. Волоковое окно со стороны экстерьера (южная стена трапезной, в юго-западном углу). Фото 2015 г.
86. Остаток волокового окна в северной стене кафоликона. Фото 2015 г.
87. Следы заложеного «красного» окна в южной стене кафоликона, над южной дверью. Фото 2015 г.
88. Подтесок заложеного «красного» окна в южной стене кафоликона. Фото 2015 г.
89. Косячатое окно в северной стене храма. Фото 2015 г.
90. Косячатое окно в южной стене храма. Фото 2015 г.
91. Следы попытки прорубки второго «красного» окна в кафоликоне. Северная стена. Фото 2011 г.
92. Трехчастные подтесы возле окна трапезной. Гнезда от установки опор-пальцев подмостей. Фото 2008 г.
93. Южная дверь. Гнезда от установки опор-пальцев подмостей для выполнения оконного проема при ремонте с полной переборкой в XVIII в. Фото 2015 г.
94. Конструкция для установки иконы над южной дверью. Фото 2015 г.
95. Южная дверь храма со стороны интерьера, выше – следы заложеного «красного» окна. Фото 2015 г.
96. Петля в виде гусиной лапки южной двери. Фото 2015 г.
97. Западный дверной проем. Затески на концах бревен. Врубка для установки опор лавок. Фото 2011 г.
98. Дверь трапезной. Вид изнутри. Фото 2015 г.
99. Дверь трапезной. Петля в виде гусиной лапки. Фото 2015 г.
100. Северная дверь храма со стороны интерьера. Фото 2015 г.
101. Северная дверь храма со стороны экстерьера. Над дверью вырубленная ниша для установки иконы. Фото 2015 г.
102. Тройные затески возле северного дверного проема. Фото 2015 г.
103. Паз для установки колоды с решеткой в оконный проем-«прозор» в стене между кафоликоном и трапезной. Фото 2015 г.
104. Обрамление арки. Фото 2015 г.
105. Гнездо для коневой слеги крыльца на западном фасаде трапезной, позже разрушенное для установки слеги крыши паперти. Фото 2015 г.
106. Вырубленный выпуск бревна на юго-западном углу сруба трапезной для пропуска крыши первоначального крыльца. Фото 2015 г.
107. Подтески для установки стоек паперти на бревнах западной стены трапезной справа от входного проема. Фото 2015 г.
108. Подтески для установки стоек паперти на бревнах западной стены трапезной слева от входного проема. Фото 2015 г.
109. Троицкая церковь с пристроенным с запада крыльцом. Реконструкция на первый этап строительства. Макет 1:10. Фото 2016 г.
110. Ниша для установки киота с иконой на западной стене трапезной, слева от дверного проема. Фото 2015 г.
111. Ниша для установки киота с иконой на западной стене трапезной, справа от дверного проема. Фото 2015 г.
112. Врубка для установки опоры лавки возле западной двери слева (два уровня). Фото 2015 г.
113. Врубка для установки вертикальной опоры лавки возле западной двери справа (два уровня). Фото 2015 г.
114. Скамья в северном крыле галереи, установленная в имевшийся паз в бревне северной стены. Фото 2015 г.
115. Южное крыло галереи. Фото 2015 г.
116. Галерея после ремонтных работ 2011 года. Фото 2015 г.
117. Интерьер Троицкого храма до реставрации. Фото 2011 г.
118. Лавка вдоль северной стены трапезной. Фото 2015 г.
119. Пристенные лавки в трапезной. Угловое соединение. Фото 2015 г.
120. Паз для установки вертикальной опоры лавки возле северной двери трапезной. Фото 2015 г.
121. Северо-западный угол кафоликона. Врубка для опирания скамьи в новой вставке. Затеска на конце подлинного бревна возле окна-«прозора». Фото 2014 г.
122. Врубка для опирания скамьи в новой вставке. Северо-восточный угол трапезной. Фото 2014 г.
123. Полка для икон в интерьере алтаря. Фото 2014 г.
124. Следы конструкции для разжигания угля в интерьере первоначального алтаря. Фото 2014 г.
125. Конструкция для разжигания угля в алтаре Троицкого храма. Фото 2014 г.

126. Интерьер Троицкой церкви с восстановленным иконостасом. Фото 2014 г.
127. Врубка для установки тябел первоначального иконостаса на северной стене храма. Фото 2011 г.
128. Различия в обработке материала первоначальной храмовой части и пристроенных алтарной апсиды и восьмериков. Фото 2008 г.
129. Северо-восточный угол трапезной после ремонтных работ 2011 г. Фото 2011 г.
130. Общий вид Троицкой церкви. Фото 2011 г.
131. Троицкая церковь в процессе ремонтных работ. Фото 2011 г.
132. Соединения в четверике. А. В. Попов. Рисунок
133. Соединение «в чашу в полдерева». А. В. Попов. Рисунок
134. Стоечно-балочная конструкция под малый восьмерик. А. В. Попов. Эскиз
135. Узлы «в лапу» в конструкции четверика и восьмериков. А. В. Попов. Эскиз
136. Ремонтные работы на северном фасаде трапезной. А. В. Попов. Рисунок
137. Крепление лесов при строительстве храма. Конец XVII в. А. В. Попов. Рисунок
138. Конструкция наружных лесов, использовавшихся при строительстве храма. А. В. Попов. Рисунок
139. Установка лесов под окна при ремонте церкви в XVIII в. А. В. Попов. Рисунок
140. Кирпичный цоколь XVIII – конца XIX в. Схема
141. Кирпичный цоколь XVIII – конца XIX в. А. В. Попов. Аксонометрия
142. Окладные венцы малого восьмерика, срубленные на стоечно-балочной конструкции. А. В. Попов. Эскиз
143. Окладные венцы большого восьмерика, срубленные на конструкции четверика. А. В. Попов. Эскиз
144. Конструкция под малый восьмерик. А. В. Попов. Эскиз
145. Особенности конструкции под малый восьмерик. Соединение стоек и балок. А. В. Попов. Эскиз
146. Конструкции большого и малого восьмериков XVIII в. и четверика конца XVII в. А. В. Попов. Эскиз
147. Окладные венцы большого восьмерика. А. В. Попов. Эскиз
148. Конструкции большого и малого восьмериков XVIII в. и четверика конца XVII в. План, разрез. А. В. Попов. Эскиз
149. Потолок в алтаре. XVIII в. А. В. Попов. Схема, эскизы конструкций
150. Волоковое окно. А. В. Попов. Аксонометрия
151. Волоковое окно. А. В. Попов. Эскиз
152. Конструкция косячатого окна. А. В. Попов. Эскиз
153. Слюдяная оконница. А. В. Попов. Эскиз
154. Конструкция крепления лавок к стенам четверика. А. В. Попов. Эскиз
155. Конструкции лавок. А. В. Попов. Эскиз
156. Троицкая церковь. Вторая пол. XVII в. Реконструкция. А. В. Попов. Эскиз
157. Троицкая церковь. Вторая пол. XVII в. Реконструкция. А. В. Попов. Эскиз
158. Троицкая церковь. XVIII в. Реконструкция. А. В. Попов
159. Потолок кафоликона. Схема
160. Потолок трапезной. Схема
161. Схема конструкций двойного окна. Чертеж
162. Западный дверной проем и его заполнение. Чертеж
163. Окно за клиросом на южном фасаде. Чертеж
164. Трехкосячатое окно. Чертеж
165. Полы и лавки в кафоликоне и трапезной. 1670-е гг. Схема. А. В. Попов
166. Крыльцо и западный фасад Троицкой церкви. Реконструкция к выполнению модели церкви. Чертеж
167. Южный фасад Троицкой церкви. Реконструкция. Чертеж
168. План Троицкой церкви с предположительно существовавшим приделом и папертью. XVIII в. Чертеж
169. Троицкая церковь. Северный фасад. XVIII в. Реконструкция. Чертеж
170. Троицкая церковь. Западный фасад. XVIII в. Реконструкция. Чертеж
171. Троицкая церковь. Южный фасад. XVIII в. Реконструкция. Чертеж
172. Троицкая церковь. Разрез. XVIII в. Реконструкция. Чертеж
173. Троицкая церковь. Разрез. XVIII в. Реконструкция. Чертеж
174. Троицкая церковь XVII–XVIII вв. Стекланный купол. А. В. Попов. Эскиз
175. Ядро Троицкой церкви XVII–XVIII вв. А. В. Попов. Эскиз
176. Троицкая церковь. Полы. Реконструкция. А. В. Попов. Эскиз
177. Троицкая церковь. Конструкции. Реконструкция. А. В. Попов. Эскиз
178. Рубка углов. «Теплый» и «холодный». А. В. Попов. Эскиз
179. Троицкая церковь. Полы XIX в. А. В. Попов. Эскиз
180. Троицкая церковь. 30–40-е годы XVIII в. А. В. Попов. Эскиз
181. Троицкая церковь. XVIII в., до 1766 г. А. В. Попов. Эскиз
182. Церковь Положения риз Богородицы из деревни Бородавы (1485 г.). Вид с северо-востока. Фото И. Н. Шургина, 1998 г.
183. Церковь Положения риз Богородицы из деревни Бородавы (1485 г.). Интерьер. Фото И. Н. Шургина, 1998 г.

184. Никольская церковь в с. Ковда. Фото И. Н. Шургина, 1970 г.
185. Никольская церковь в с. Ковда. Южный фасад. Проект реставрации. А. В. Ополовников, И. Н. Шургин
186. Никольская церковь в с. Ковда. Без обшивки. Фото И. Н. Шургина, 1992 г.
187. Георгиевская церковь в с. Юковичи. Фото И. Н. Шургина, 1992 г.
188. Никольская церковь в с. Ковда. Фото из интернета.
189. Церковь Рождества Богородицы (XVI в.) в с. Передки. Витославицы. Фото И. Н. Шургина, 2003 г.
190. Церковь Рождества Богородицы (XVI в.) в с. Передки. Витославицы. Клиросы. Фото И. Н. Шургина, 2003 г.
191. Церковь Казанской иконы Божией Матери в с. Юрино Нижегородской области. Чертеж Л. В. Дая. Журнал «Зодчий». 1870-е гг.
192. Церковь Казанской иконы Божией Матери в с. Юрино Нижегородской области. Фото из альбома Богородского. Начало XX в.
193. Церковь Казанской иконы Божией Матери в с. Юрино Нижегородской области. После реставрации. Фото Л. И. Давыдов, 2000 г.
194. Погост Романов. Рисунок из книги А. Хутеериса, 1615 г. Воспроизводится по книге Ю. Г. Малкова «Новгородская земля в рисунках Антониса Хутеериса (1615 год)».
195. Церковь Рождества Иоанна Предтечи в Ледском приходе Шенкурского уезда. Рисунок 1870-х гг. ИИАК
196. Успенская церковь в с. Лявля (1584 г.). Вид с юго-запада. Фото И. Н. Шургина, 2007 г.
197. Успенская церковь в с. Лявля (1584 г.). Сруб первоначальной главы в интерьере храма. Фото И. Н. Шургина, 2007 г.
198. Успенская церковь в с. Лявля (1584 г.). Косячатое окно. Вид снаружи. Фото И. Н. Шургина, 2007 г.
199. Успенская церковь в с. Лявля (1584 г.). Интерьер. Фото И. Н. Шургина, 2007 г.
200. Успенская церковь в с. Лявля (1584 г.). Вид шатра изнутри. Фото И. Н. Шургина, 2007 г.
201. Ильинская церковь Выйского погоста. Фото ИИАК. Начало XX в.
202. Ильинская церковь Выйского погоста. Интерьер восьмерика. Фото из коллекции Сольвычегодского музея, 1920 г.
203. Никольская церковь в с. Панилово. Вид с юго-запада. ИИАК. Начало XX в.
204. Церковь Рождества Богородицы (XVI в.) в с. Передки. Витославицы. Чертеж Л. Е. Красноречева, 1960-е гг.
205. Никольская церковь в с. Панилово. В процессе реставрации. ИИАК. Начало XX в.
206. Никольская церковь в с. Панилово. Сруб первоначальной главы. ИИАК. Начало XX в.
207. Никольская церковь в с. Панилово. Косячатое окно. Вид снаружи. ИИАК. 1911 г.
208. Никольская церковь в с. Зачачье. Фото И. Н. Шургина, 1994 г.
209. Церковь Покрова Пресвятой Богородицы. Сояла. Фото 1910-х гг. Получено от А. В. Бокарева.
210. Церковь Покрова Пресвятой Богородицы. Сояла. Фото Панкратова. 2000-е гг.
211. Церковь Покрова Пресвятой Богородицы. Сояла. Фото из интернета. Начало XX в.
212. Успенская церковь в с. Нижняя Уфтюга. Чертеж В. В. Суслова, 1880-е гг.
213. Успенская церковь в с. Нижняя Уфтюга. Фото из книги А. В. Ополовникова «Сокровища Русского Севера»
214. Церковь Николая Чудотворца в Белой Слуде. Чертеж В. В. Суслова, 1880-е гг.
215. Церковь Николая Чудотворца в Белой Слуде. План. Ополовников А. В. «Русское деревянное зодчество»
216. Церковь Николая Чудотворца в Белой Слуде. Продольный разрез. Чертеж В. В. Суслова, 1880-е гг.
217. Церковь Николая Чудотворца в Белой Слуде. Поперечный разрез. Ополовников А. В. «Русское деревянное зодчество»
218. Георгиевская церковь в с. Вершины. Фото И. Н. Шургина, 2009 г.
219. Церковь Ильи Пророка в с. Задняя Дуброва. Фото из интернета.
220. Церковь Ильи Пророка в с. Задняя Дуброва. Косячатое окно восьмерика. Фото И. Н. Шургина, 1976 г.
221. Церковь Ильи Пророка в с. Задняя Дуброва. Графическая реконструкция Т. И. Вахрамеевой
222. Сретенско-Михайловская церковь в с. Красная Ляга. Фото И. Н. Шургина, 2012 г.
223. Сретенско-Михайловская церковь в с. Красная Ляга. Фото до перестройки. Конец XIX в. Из коллекции Каргопольского музея
224. Никольская церковь в с. Астафьево. Фото из книги А. В. Ополовникова «Русское деревянное зодчество»
225. Никольская церковь в с. Астафьево. План. Чертеж А. В. Ополовникова. Ополовников А. В. «Русское деревянное зодчество»
226. Никольская церковь в с. Астафьево. Северный портал. Чертеж А. В. Ополовникова. Ополовников А. В. «Русское деревянное зодчество»
227. Церковь Николая Чудотворца в Согинцах. Фото И. Н. Шургина, 1999 г.
228. Церковь Успения Пресвятой Богородицы из Александрово-Куштского монастыря. Спасо-Прилуцкий монастырь. Фото И. Н. Шургина, 2000 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ

От редакции	3
Введение	7
Глава I. История изучения и сохранения	9
1. Источники и историография	9
2. История ремонтных работ в XVIII–XIX веках	12
3. Исследования и ремонтно-реставрационные работы в XX – начале XXI века	14
Глава II. Историко-архитектурные исследования	20
1. История строительства и реконструкций	20
2. Архитектура и конструкции церкви	24
3. Этапы строительно-ремонтных и реставрационных работ	49
Глава III. Троицкая церковь в контексте развития деревянной культовой архитектуры второй половины XV – XVII века	58
Заключение	81
Приложение 1	86
Приложение 2	97
Приложение 3	107
Приложение 4	110
Приложение 5	112
Иллюстрации	114
Термины и определения	245
Сведения об авторах	246
Список сокращений	246
Список иллюстраций	246

Научное издание

А.В. Попов, А.А. Петрова, Г.О. Иванова, И.Н. Шургин

**ТРОИЦКАЯ ЦЕРКОВЬ:
ИСТОРИЯ
ИССЛЕДОВАНИЯ
РЕСТАВРАЦИЯ**

Ответственный редактор **А.Г. Ситдинов**

Редколлегия: **Р.М. Валеев, Т.П. Ларионова, С.Г. Персова, Р.Р. Хайрутдинов,**

Ю.А. Егорушкин, И.Р. Кузьмина, Ф.М. Забирова

Рецензенты: **Х.Г. Надырова, Ю.А. Зеленев**

Фото на обложке и в оформлении иллюстраций: **В.В. Чумаков**

Дизайн и верстка **С.И. Смолкин, Е.В. Груздев**

Подписано в печать 25.12.2018. Формат 70x100/8. Усл. печ. л. 31,5. Тираж 500 экз.

Издательство ООО «Главдизайн». 420111, г. Казань, ул. Дзержинского, д. 6